3 1761 06974133 8

BINDING SECT. FEB 17 1981

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK
266
D25

Dallin, David J
Poslie voin i revoliutsii

28

И. 149.
98
3887

Библіотека русской революціи

Д. ДАЛИНЪ

ПОСЛѢ ВОЙНЪ И РЕВОЛЮЦІЙ

956
BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUENEV

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАНИ“ БЕРЛИНЪ
1922

Дуб. И. 149.

SECT. FEB 17 1981

DK
266
D25

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе 5

А. Россія.

I. Объективный смыслъ революціи 7
II. Гражданская война 10
III. Корни террора 93
IV. Россійскій коммунизмъ 29
V. Декадансъ большевизма („Новый курсъ“) 40
VI. Что дальше? 52
VII. Коммунистическая экономика:
1. Общій ходъ ея развитія 68
2. Промышленность 74
3. Новый курсъ въ промышленности и итоги 94
4. Сельское хозяйство 105
5. Торговля и снабженіе 121
6. Внѣшняя торговля 138
7. Кредитъ и финансы 141
VIII. Итоги революціи:
1. Отмѣна сословій, ликвидація дворянства 151
2. Новое крестьянство 154
3. Новая буржуазія 157
4. Новая интеллигенція 164
5. Рабочій классъ 169

Б. Европа и революція.

I. Отъ науки къ утопіи 175
II. „Симптомы дряхлости“? 186
III. О „зрѣлости“ и „незрѣлости“ 191
1. Индивидуализмъ и шаблонность 191
2. Процессъ созрѣванія 197
3. Экономическое „вростаніе“ 200
IV. Субъективныя условія 205
V. Что-же такое соціальная революція? 209
VI. Механика соціализаціи 221
VII. „Передовые“ и „отсталые“ 228

В. Цѣли и задачи.

I. Реальныя программы и реальныя задачи:
1. Рабочая партія у власти 245
2. Политика 251
3. Экономика 258
II. Новая Европа:
1. Версаль 265
2. Роль Польши 269
3. Новыя войны? 273
4. Цѣли внѣшней политики 258

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Еще далеко въ Европѣ до устойчиваго равновѣсія. Еще звенятъ сабли и лязгаютъ шпоры, передвигаются государственныя границы, а на окраинахъ материка еще тянутся маленькія войны, какъ мелкіе ручьи послѣ великой бури. Еще догораетъ революціонное пламя на востокѣ, и всей центральной Европой управляютъ большія народныя движенія. Но уже три года какъ закончилась міровая война, и второй ужъ годъ, какъ закончилась война съ Россіей и въ Россіи. Бушующія воды входятъ въ новые берега, и начинается новая эпоха — эпоха послѣ войнъ и революцій.

Міровая война также была громаднымъ движеніемъ народовъ. Военнымъ пафосомъ для десятковъ милліоновъ была вѣра въ мечъ и въ военнаго вождя. Это былъ культъ силы и воли, завоеванія всего міра, преклоненія предъ побѣдителемъ, культъ военачальника и монарха. Это былъ краткій мигъ монархическихъ, реакціонныхъ иллюзій.

Исходъ войны радикально покончилъ съ ними. Отвращеніе къ войнѣ никогда не было такъ сильно, какъ сейчасъ, и монархіи остались почти островками въ республиканской Европѣ. Но общественная жизнь, возвращающая себѣ свои права послѣ военнаго безмолвія, побѣждаетъ въ видѣ революцій, которыя не только смываютъ съ лица земли формы воинствующаго государства, но рождаютъ свои собственныя иллюзіи. Новыя иллюзіи состоятъ въ томъ, что наступила эпоха міровой соціальной революціи, что настало время не только и не столько водрузить въ Европѣ

знамя политической свободы, сколько строить «немедленный» соціализмъ. И если военныя иллюзіи умерли, — новыя иллюзіи еще живы.

Между тѣмъ, нѣтъ сейчасъ болѣе важной и болѣе трудной задачи, чѣмъ трезвая оцѣнка и трезвый анализъ дѣйствующихъ силъ, чѣмъ ясныя перспективы грядущей эпохи. Безъ нихъ — либо «разочарованіе во всемъ» и общественный маразмъ, либо вѣра во всесиліе человѣческой воли и соціальные эксперименты.

Но эти дѣйствующія силы различны на европейскомъ западѣ и на востокѣ. Обѣ половины Европы, во многомъ и раньше различныя, прожили послѣдніе годы особой, обособленной жизнью. Поэтому необходимо разсмотрѣть отдѣльно вопросъ о ближайшихъ перспективахъ Россіи, т. е. русской революціи, и о перспективахъ Запада и ожиданіяхъ міровой революціи. Но матеріальное и духовное возсоединеніе разбитыхъ осколковъ міра — дѣло ближайшихъ лѣтъ; и потому третья часть настоящей книжки посвящается общимъ задачамъ внутренней и внѣшней политики — задачамъ, которыя состоятъ въ томъ, чтобъ ликвидировать, уничтожить и навѣки похоронить воинствующую политику, политическое угнетеніе, подавленіе и опеку надъ созрѣвшими для свободы народами, чтобъ вернуть народамъ ихъ власть надъ самими собой и прочно прикрѣпить якорь полной, неподдѣльной демократіи къ почвѣ стараго и новаго міра.

Д. Далинъ.

А. РОССІЯ.

I.

Объективный смыслъ революціи.

Та революція, которую переживаетъ Россія вотъ уже пятый годъ, съ самаго начала была и остается до самаго конца буржуазной революціей.

Но это вѣрно только въ объективномъ смыслѣ. Она прошла черезъ цѣлый рядъ стадій, которыя субъективно — для вождей и участниковъ движенія — были окрашены въ самые различные цвѣта. Ибо никогда пропасть между объективнымъ смысломъ историческихъ событій и цѣлями, надеждами, задачами дѣйствующихъ лицъ не бываетъ такъ глубока, какъ во время революціи.

Въ «мирныя эпохи» исторія работаетъ медленно, откровенно, на глазахъ у всѣхъ. Она облекается въ смиренную тогу статистика и репортера, и къ концу каждаго года подводитъ балансъ, извѣстный каждому и безъ того. Новые кабинеты, новыя тюрьмы, успѣхъ или неудача пары налоговъ, захватъ или потеря клочка колоніальной земли — многоли нужно размышленія, чтобъ понять ходъ развитія, идущаго черепашьими шагами?

Но наступаетъ революціонный годъ и исторія надѣваетъ облаченіе Мефистофеля. Исчезаетъ политическая проза, соразмѣрность цѣлей и средствъ, прямые пути къ очевиднымъ цѣлямъ. Злая насмѣшница — исторія населяетъ головы людей тысячами миражей и заставляетъ ихъ, въ погонѣ за миражами, преслѣдовать и рвать на части другъ друга. Она уходитъ подъ землю и, дергая нити, къ которымъ привя-

заны великіе политики-маріонетки, устраиваетъ, послѣ недолгихъ колебаній, бѣшеный танецъ, который преломляется въ глазахъ участниковъ его, какъ прекрасное, торжественное шествіе къ разъ поставленной цѣли. Она ставитъ людей на каждомъ шагу втупикъ передъ неожиданной ситуаціей; и развѣ можетъ быть иначе? Вѣдь вмѣсто небесъ, которыя должны вотъ-вотъ снизойти на землю, люди вновь видятъ предъ собой лишь старое, грубое, земное.... И потому, когда разбушевавшееся море входитъ въ свои берега и революціонный процессъ приходитъ къ концу, человѣчество видитъ передъ собой картину, которая ни въ малѣйшей степени не похожа на то, что воображали себѣ крайніе и умѣренные, реакціонеры и либералы, контръ-революціонеры и самые безпощадные изъ безпощадныхъ революціонеровъ.

Въ томъ общественномъ строѣ, который такимъ образомъ создается помимо и вопреки волѣ отдѣльныхъ людей, и сказывается объективный смыслъ событій.

Поэтому мы говоримъ: о б ъ е к т и в н о русская революція есть революція буржуазная.

Вѣдь, казалось-бы, что могло быть проще? Общественное развитіе дошло въ Россіи въ первыя десятилѣтія 20-го вѣка до той точки, когда необходимость покончить со старымъ режимомъ сдѣлалась до прозрачности ясной. Гнилое дворянство, неспособное управлять хозяйствомъ, терявшее изъ году въ годъ свои земли, подавлявшее крестьянство своимъ политическимъ вѣсомъ и остатками своихъ могущественныхъ хозяйственныхъ привилегій, грубое, невѣжественное, анти-культурное, порождавшее зубровъ, какъ квинтъ-эссенцію своего политическаго разума. Офицерство самоувѣренное до наглости, дикое, пьяное и развратное, безпощадное къ солдатамъ, сплошь терпѣвшее пораженія въ обѣихъ послѣднихъ войнахъ. Буржуазія «купецкаго» типа, обвѣшивающая и обмѣривающая, берущая взятками и подхалимствомъ, «ходатайствующая» каждодневно у хранителей государственнаго сундука. Чиновничество продажное до самыхъ верхушекъ, лѣнивое и невѣжественное, пропитанное канцелярской мертвечиной и переносящее эту мертвечину

на всю государственную жизнь. Пролетаріатъ неграмотный, безъ организацій и газетъ, съ баснословно низкой производительностью, съ примитивными наслажденіями и запросами, выносливый вплоть до двѣнадцати часовъ труда. И наконецъ крестьянство — мужицкій океанъ въ лаптяхъ и поддевкахъ, — готовое на безропотную смерть и кровавые бунты, знаменитое хлѣбосольствомъ и жестокостью, грязное и некультурное, хозяйствующее допотопными способами, придавленное гранитнымъ вѣсомъ всей общественной пирамиды, наверху которой красуется безцвѣтная фигура «бѣлаго царя».

Каковъ діагнозъ этихъ болѣзней? О, его не разъ въ теченіи долгихъ десятилѣтій давалъ серьезный научный анализъ. Это картина разлагающагося дворянскаго общества, которое не даетъ ходу «живымъ силамъ», подавляетъ предпріимчивость и иниціативу и отравляетъ общественную атмосферу своимъ трупнымъ запахомъ; которое давно уже свершило все, что свершить ему дано. Какое общество можетъ придти ему на смѣну? Конечно, только буржуазное. И чтобъ это буржуазное общество начало быстро развиваться, необходимъ политическій переворотъ, сопровождаемый экспропріаціей дворянской собственности. Это значитъ: уничтоженіе царизма; ликвидація дворянскаго сословія; упраздненіе старой бюрократіи; увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія, освобожденіе крестьянства отъ устарѣлой зависимости и громадный ростъ его политическаго вѣса.

Много-ли въ этомъ отъ соціализма? Ни грана! И если-бъ въ исторіи все совершалось раціонально и раціоналистически, мы имѣли бы передъ собой въ эпоху русской революціи массовое народное движеніе, которое къ такимъ цѣлямъ присоединяетъ лишь соотвѣтствующія имъ и совмѣстимыя съ ними политическія задачи. Движеніе, въ которомъ рабоче-соціалистическія тенденціи составляли-бы, соотвѣтственно роли пролетаріата въ Россіи, лишь одну изъ множества струй; движеніе, которое добившись демократически-буржуазнаго порядка, успокоилось-бы на этомъ, и перешло къ «органической» эпохѣ русскаго капитализма.

Но исторіи угодно было устроить грандіозный маскарадъ. И черезъ самое короткое время послѣ начала буржуазной революціи, она ставитъ буржуазію и крестьянство въ оппозицію къ революціонному режиму, а главными актерами буржуазной революціи она дѣлаетъ смертныхъ враговъ буржуазіи, всерьезъ убѣжденныхъ, что они не предтечи капитализма, а его могильщики; что они совершаютъ «соціальную революцію».

Нужно понять смыслъ событій. Нужно сорвать маскарадныя одежды. Нужно смыть краски и бѣлила; судить не по словамъ, а по дѣламъ; не по намѣреніямъ, а по итогамъ. Нужно понять объективный смыслъ революціи.

II.

Гражданская война.

Субъективно революція состоитъ изъ двухъ рѣзко раздѣленныхъ частей: буржуазной и соціалистической. Буржуазная половина отличается тѣмъ, что она нерѣшается смѣло и радикально осуществить буржуазную революцію и ликвидацію стараго режима. Соціалистическая революція, идущая ей на смѣну, радикально ликвидируетъ старый режимъ, но пытается строить на развалинахъ его не капитализмъ, а коммунизмъ.

Въ первые восемь мѣсяцевъ революціи — отъ февральскихъ до октябрьскихъ дней — сохраняется въ старомъ видѣ вся бюрократическая система; сословныя различія не уничтожаются; дворянскія земли не конфискуются; учредительное собраніе не созывается. Съ громаднаго зданія старой имперіи въ теченіе 2—3 февральскихъ дней снятъ куполъ — монархія Божьей милостью. Затѣмъ въ ближайшіе мѣсяцы еще кое-что передѣлано въ высшихъ этажахъ. Упраздненъ Государственный Совѣтъ, слегка перестроенъ сенатъ, нехотя распущена Государственная Дума. Но старый, гнилой фундаментъ остается нетронутымъ, и вопросъ о крупной земельной собственности (въ Россіи это

почти равнозначуще съ дворянской собственностью) и вопросъ о старой бюрократіи не находитъ разрѣшенія. Поэтому возможность реставраціи стараго режима еще очень велика. Только разложеніе арміи, и съ нею всего государственнаго аппарата, убило реставраціонныя попытки. Если-бъ напротивъ, іюньское наступленіе 1917 г. на германско-австрійскомъ фронтѣ не окончилось катастрофой, а увѣнчалось крупными успѣхами — самоувѣренность военныхъ круговъ возросла-бы до такой степени, что революціи былъ-бы положенъ скорый конецъ, и возрожденіе старой монархіи сдѣлалось-бы неизбѣжнымъ. Военные заговоры, вродѣ Корниловскаго, имѣли-бы полный успѣхъ. Но военныя побѣды были въ этотъ моментъ уже невозможны. Разложеніе стараго режима зашло такъ далеко, что онъ не могъ ужъ вытащить самъ себя за волосы.

Естественная, казалось-бы, группировка общественныхъ силъ, была въ этотъ моментъ такая: буржуазія, крестьянство и рабочіе противъ землевладѣнія и бюрократіи. Но блокъ буржуазіи, рабочихъ и крестьянства существовалъ лишь первые нѣсколько дней. Крупная промышленная и финансовая буржуазія связана была не только тысячами личныхъ и родственныхъ нитей съ дворянствомъ, но и сама была прикосновенна къ крупному землевладѣнію: непосредственно, черезъ банки, ипотечныя цѣнности и пр. Ея политическіе запросы, съ другой стороны, находили себѣ нѣкоторое удовлетвореніе и при старомъ режимѣ — въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Думѣ. Съ ея мнѣніемъ считались и до революціи, и нѣкоторыя министерства (финансовъ, торговли) всегда работали въ тѣснѣйшемъ контактѣ съ ея организаціями. Поэтому для этого класса задача переворота состояла не въ ликвидаціи дворянства, какъ политической силы, и не въ ликвидаціи его землевладѣнія, какъ основы его политическаго бытія. Она состояла не въ борьбѣ съ дворянской собственностью, а въ томъ только, чтобъ оттѣснить прежде господствовавшій классъ отъ власти и занять его мѣсто.

Этотъ классъ вполнѣ удовлетворенъ былъ-бы переворотомъ вродѣ іюльской революціи 1830 г. Все, что выходило

за предѣлы такого небольшого сдвига влѣво, грозило ослабленіемъ и его политическаго вѣса, и вызывало реакцію въ видѣ блока крупной буржуазіи, финансовой олигархіи и дворянства.

Такъ буржуазная революція черезъ пару недѣль превратилась въ борьбу противъ «земельной, промышленной и финансовой олигархіи». Но блокъ этотъ, чѣмъ дальше тѣмъ больше пріобрѣталъ новыхъ сторонниковъ. Настроенія капиталистической олигархіи переносятся и на буржуазную «массу» и на родственные ей элементы интеллигенціи. Неизбѣжные спутники современной революціи — паденіе производительности, дисциплины и прибыльности, массовыя стачки, высокое обложеніе — бьютъ по крупной, по средней и по мелкой буржуазіи. Прогрессирующая революція неизбѣжно превращается въ «анархію», ибо нарушеніе правъ и законовъ собственности дѣлается повседневнымъ явленіемъ. Борьба съ «анархіей» скоро выводитъ изъ революціоннаго строя всю имущую массу городовъ.

Но имущіе элементы, не только городовъ, но и деревни страдаютъ отъ тѣхъ-же явленій. Ликвидируя крупную земельную собственность, крестьянство свято оберегаетъ свою собственность, и съ того момента, какъ революція — примѣрно съ весны 1918 года — начинаетъ вмѣшиваться въ ходъ деревенской жизни, съ тѣхъ поръ, какъ «анархія» и реквизиція дѣлаются правиломъ и въ деревнѣ, крестьянство, несмотря на всѣ громадныя свои пріобрѣтенія, беретъ революцію подъ подозрѣніе. Оно выходитъ подчасъ изъ революціоннаго строя и даже примыкаетъ иной разъ къ блоку имущихъ классовъ.

Для теоретической схемы «буржуазной революціи» эта группировка общественныхъ силъ какъ будто не подходитъ. «За» или «противъ» собственности — не объ этомъ вѣдь рѣчь идетъ. Дѣло сводится объективно къ побѣдѣ буржуазной (т. е. крестьянской, промышленной, вообще — товарной) надъ дворянской (т. е. привилегированной, обогащенной повинностями и политическими привилегіями) собственностью. Но въ томъ и состоитъ «діалектика» исторіи,

что упраздненіе того или иного рода собственности создаетъ «единый фронтъ» представителей всякой собственности. По другую сторону фронта собираются, слѣдовательно, принципіальные противники всякой частной собственности. Такъ буржуазная революція превращается въ войну всѣхъ имущихъ классовъ и коммунизма. Этимъ моментомъ перерожденія буржуазной революціи и былъ первый годъ совѣтской власти.

Политика «октябрьскаго режима» состояла въ радикальной и молніеносной ликвидаціи стараго режима, до фундамента его, до самыхъ глубокихъ корней. Громадная разрушительная работа, совершенная стихійно, народными низами и принявшая планомѣрныя формы лишь тогда, когда эту работу пришлось защищать на военныхъ фронтахъ! Но это разрушеніе совершалось субъективно во имя немедленнаго соціализма. Поэтому вся хозяйственная политика новаго режима была политикой соціалистическаго строительства. Она представляетъ такой интересъ, что мы въ дальнѣйшемъ на ней остановимся подробно.

Но, предвосхищая подробный анализъ и подводя итогъ четырехлѣтней дѣятельности коммунистическаго правительства, приходится сказать:

1) Въ области внѣшней и военной политики оно имѣло большіе, подчасъ блестящіе успѣхи.

2) Въ области политики внутренней успѣхи гораздо меньше, неудачи очень велики.

3) Наконецъ въ области экономической политики — одна сплошная грандіозная неудача.

Почему таковъ итогъ коммунистической революціи? Потому что интересы крестьянства рѣшали судьбу всей политики. Съ крестьянствомъ часто не считались. Его мнѣнія не спрашивали. Съ нимъ нерѣдко воевали. Но его громадный вѣсъ, какъ гиря, притягивалъ къ землѣ всѣ планы и разсчеты. Каждый политическій шагъ, проходя сквозь горнило крестьянскихъ интересовъ, получалъ молчаливо рѣшеніе своей судьбы: успѣхъ или неудача.

Внѣшняя политика началась съ сепаратнаго перемирія и брестскаго мира. Рабочіе относились къ нему скептически. Буржуазія и интеллигенція — съ полнымъ отрицаніемъ. Но его хотѣло крестьянство! Опросъ городскихъ и сельскихъ совѣтовъ, передъ заключеніемъ брестскаго мира, показалъ, что никто сильнѣе крестьянства не требовалъ немедленнаго мира во что бы то ни стало. Его хотѣла, конечно и вся крестьянская масса старой, развалившейся арміи. И онъ былъ заключенъ вопреки оппозиціи въ собственныхъ рядахъ правящей партіи.

Крестьянство хотѣло мира, чтобъ заняться своимъ хозяйствомъ въ необыкновенно-благопріятныхъ условіяхъ, созданныхъ ликвидаціей стараго режима.. За брестскимъ миромъ послѣдовала дѣлежка дворянскихъ имѣній и усадебъ, (въ городахъ ей сопутствовалъ іюньскій декретъ 1918 г. о сплошной націонализаціи крупныхъ промышленныхъ предпріятій), и съ точки зрѣнія крестьянства вся внѣшняя политика должна была отнынѣ сосредоточиться на защитѣ крестьянскихъ завоеваній. Это была задача внѣшней политики, а не одной только внутренней. Она должна была осуществиться во-первыхъ въ борьбѣ съ внѣшними силами, силами интервенціи; и во-вторыхъ въ борьбѣ съ силами внутренними, организованными въ арміи, т. е. опять-таки военными и внѣшне-политическими методами. Словомъ въ процессѣ войны, которая приняла формы гражданской войны.

Какова была идеологія «гражданской войны?» Трудно представить себѣ большее противорѣчіе между идеологіей и реальностью, чѣмъ въ этомъ трагическомъ и героическомъ эпизодѣ революціи. По ту сторону фронта стояли знамена «демократіи». Освобожденіе отъ большевистскаго террора, гражданскія свободы, укрѣпленіе революціи — были идеями однихъ; но съ ними боролись плечо къ плечу носители идеи «великой Россіи», милитаристской, монархической державы; а ядромъ всего движенія были небольшія группки высшаго дворянскаго откровенно-реакціоннаго офицерства. «Борьба за свободу», какъ лозунгъ этого движенія былъ, конечно,

правильнымъ выраженіемъ идеологіи, но соціальная сущность движенія была совершенно иная. Она состояла въ реставраціи не только политическихъ, но и соціальныхъ устоевъ до-революціоннаго режима. Однако крестьянству эта реставрація угрожала больше, чѣмъ какому-либо изъ другихъ классовъ. Поэтому оборона противъ этого фронта лежала раньше всего въ интересахъ крестьянства.

Но подъ какимъ знаменемъ шла эта оборона? Какова была идеологія по сю сторону баррикады? Защита крестьянской собственности происходила въ формѣ борьбы противъ частной собственности, противъ капитализма, противъ міровой буржуазіи. Это было знамя «міровой революціи». И какъ ни свѣжи событія 1918-19 г. г. и какъ ни много писали о нихъ во всей міровой прессѣ — очень немногіе помнятъ идеологію того времени. Она гласила:

Соціалистическая революція въ Россіи находится въ непримиримой войнѣ съ міровой буржуазіей. Не можетъ быть ни компромиссовъ, ни соглашеній. Миръ невозможенъ. Либо русская революція воспламенитъ весь міръ и сдѣлаетъ коммунистическій пролетаріатъ хозяиномъ положенія во всѣхъ странахъ, либо міровой капитализмъ задушитъ русскую революцію. Третьяго выхода нѣтъ. Поэтому задача внутренней политики состоитъ не въ томъ, чтобъ искать какихъ либо путей къ соглашенію съ противникомъ (Колчакъ, Деникинъ и др.), а въ томъ, чтобъ идти безстрашно по пути соціализаціи Россіи. Отказъ отъ компромиссовъ и война до «побѣднаго конца» съ русской реставраціей обосновывается не тѣмъ, что это реставрація до-капиталистическихъ общественныхъ отношеній, а тѣмъ, что она воплощаетъ въ себѣ повергнутыя въ прахъ силы капитализма. Главная задача состоитъ въ томъ, чтобъ образцомъ «пролетарскаго государства» (совѣтизмомъ) — и экономической политикой (націонализаціей) воспламенить сердца всемірнаго пролетаріата.

Подъ этой идеологіей, полной иллюзій, скрывалась очень реалистическая политика въ интересахъ новаго крестьянства. Всякая гражданская война ведется за очень реаль-

ные, матеріальные интересы. Но в с я к а я гражданская война — и этимъ она отличается отъ войны международной — ведется во имя великихъ идей — великихъ иллюзій. Въ международной войнѣ цѣли ясно и рѣзко ограничены. Эльзасъ и Бріэ, Галиція и проливы — что можетъ быть яснѣе и отчетливѣе? Но когда «братъ встаетъ на брата» — проза не можетъ освятить братоубійства. Нужны великіе идеалы, чтобъ вызвать воинственный порывъ, безконечное самопожертвованіе и адскую жестокость, безъ которыхъ гражданская война невозможна. Такъ въ американской войнѣ за освобожденіе рабовъ люди закрывали глаза на то, что на смѣну старому рабству грядетъ капитализмъ со своей системой эксплоатаціи. Они были убѣждены, что отнынѣ наступитъ царство равенства и справедливости. Въ гражданской войнѣ французской революціи въ 1792—94 гг., вожди революціоннаго народа посылали тысячи людей на смерть и сами гибли безъ сожалѣнія, глубоко убѣжденные, что этой цѣлью покупается истинная свобода и братство. Могли-ли бы они пробудить ту гигантскую энергію, которая была необходима для ихъ дѣла, если-бъ они разсуждали трезво и спокойно, если-бъ они говорили:

«Мы ведемъ войну за то, чтобъ одну систему эксплуатаціи — феодальную, замѣнить другой, высшей системой эксплуатаціи — капиталистической!»

Много-ли нашли-бы они послѣдователей? Много-ли революціонныхъ солдатъ пошли-бы добровольно на смерть во имя «высшей системы эксплуатаціи?»

И исторія вкладываетъ имъ всѣмъ въ голову, и массѣ, и вождямъ — какъ бы заботясь объ успѣхѣ ихъ дѣла — фантастическую идеологію тысячелѣтняго царства, готоваго вотъ-вотъ наступить. И тогда вспыхиваетъ въ нихъ святая любовь къ человѣчеству, святая ненависть къ врагу — насильнику; въ религіозномъ порывѣ загораются глаза, сжимаются руки, и воспламененная народная масса совершаетъ подвиги, чудеса героизма, а своихъ ненавистныхъ враговъ-антихристовъ жжетъ на кострахъ и мучаетъ медленной смертью. Такова механика революціи!

И такова же механика русской революціи, которая въ теченіе 2-хъ лѣтъ (съ іюня 1918 по ноябрь 1920 г.) проходила подъ знакомъ гражданской войны. Въ этотъ періодъ крестьянство еще растеряно, аполитично, неспособно къ собственному выступленію подъ собственной идеологіей. Только ближайшіе годы воспитаютъ его самостоятельное движеніе. Активной силой оставался пролетаріатъ. Но какіе результаты получились-бы, если-бъ, обращаясь къ красной арміи, Троцкій сказалъ прозаическую истину: «буржуазное хозяйство двинетъ впередъ производительныя силы Россіи, реставрація-же задержитъ развитіе капитализма. Такъ ударимъ же, братцы, на врага — во имя буржуазнаго хозяйства!» При русскомъ уровнѣ народной культуры изъ этого ничего бы не вышло. Нужны фантазіи, чтобъ побѣждать. Только фантазеры дѣлаются вождями. И вотъ ходятъ люди по землѣ, а головы носятъ въ облакахъ. И каждый шагъ свой по грѣшной землѣ освящаютъ великими цѣлями освобожденія человѣчества.

Естественный союзъ Колчака или Деникина съ великими державами Европы, дѣлается для совѣтской власти исходной точкой внѣшней политики, которая по существу есть обычная политика воюющей страны, но облечена въ совершенно новыя, оригинальныя одежды. Нужно разложить тылъ противника. Это старое правило войны. Этого требуетъ военная логика. Это дѣлаетъ каждая воюющая страна. Воюющая Германія поощряетъ лѣвыхъ соціалистовъ во Франціи не за ихъ идеи, а за предполагаемое разложеніе французскаго тыла. Франція въ восторгѣ отъ Либкнехта, не отъ идей его, а отъ крайней оппозиціи своему воюющему правительству. И Германія, и Франція, и каждая другая воюющая держава готова была немалыя средства отдать на антиправительственную агитацію въ странѣ противника. Каждая содержитъ шпіоновъ, устраиваетъ взрывы, поддерживаетъ повстанчество всякаго вида, готовитъ путчи и бунты. Это естественно, иначе и быть не можетъ.

То же должна дѣлать коммунистическая власть, если она находится въ войнѣ. Но она рѣшительно не можетъ дѣйство-

вать по старому. И въ то время, какъ французы и англичане тайными заговорами, поддержкой нѣкоторыхъ возстаній, блокадой стремятся разложить «совѣтскій тылъ», — московское правительство прибѣгаетъ къ новому средству — Коммунистическому Интернаціоналу. Онъ способенъ превосходно выполнить тѣ-же задачи, но въ совершенно иной формѣ и съ совершенно другой идеологіей. Иниціаторы 3-яго Интернаціонала, конечно, субъективно относились къ нему совершенно иначе. Для нихъ, какъ и для прочихъ участниковъ его, онъ представляетъ міровую организацію для коммунистической революціи. Это субъективно. Объективно — новая организація вполнѣ подходила къ задачамъ крестьянской революціи въ ея войнѣ съ великими державами міра. Не было лучшаго орудія для разложенія «буржуазнаго тыла». Ибо 3-ій интернаціоналъ, хотя и существовалъ на русскія средства, дѣйствовалъ въ интересахъ новой Россіи не только деньгами, но и убѣжденіемъ, не столько заговорами, сколько массовыми движеніями. И каждый шагъ союзныхъ правительствъ противъ совѣтской Россіи вызывалъ бурю негодованія. Это негодованіе сыграло, въ концѣ концовъ, не малую роль въ политикѣ Англіи и даже Франціи. Ему обязана Россія тѣмъ миромъ, который фактически наступилъ въ концѣ 1920 г.

Я не говорю, конечно, что оборона русской революціи противъ интервенціи *во всѣхъ фазахъ революціи* не лежитъ въ интересахъ европейскихъ рабочихъ. Конечно, они заинтересованы были въ неудачѣ окраинныхъ армій. Но не случайно вѣдь и то, что изъ всѣхъ начинаній 3-го Интернаціонала успѣхъ достался ему лишь въ дѣлѣ международной обороны совѣтской Россіи, т. е. раньше всего интересовъ русскаго крестьянства! Періодъ высшаго расцвѣта Коммунистическаго Интернаціонала приходится на годы гражданской войны, 1919—1920. Съ 1921 года онъ начинаетъ клониться къ упадку: мѣняется ситуація въ Европѣ. И *національной* русской политикѣ онъ съ этого времени нуженъ гораздо меньше. *Крайній интернаціонализмъ Коммунистическаго Интернаціонала былъ орудіемъ національной русской политики.*

Въ борьбѣ съ блокадой и вообще съ англійской интервенціей, коммунистическое правительство искало той точки, гдѣ-бы оно могло сильнѣе всего уязвить Англію. Какъ извѣстно, это путь въ Индію т. е. Ближній Востокъ, раньше всего Персія, Афганистанъ и Малая Азія. Еще Наполеонъ мечталъ убить Англію въ Азіи. Въ міровой войнѣ Германія использовала противъ Англіи туркофильскія настроенія въ Персіи и стремилась распространить свое непосредственное вліяніе на Месопотамію. По тому же пути идетъ и воюющая противъ Англіи совѣтская Россія. Но для этого она прибѣгаетъ опять-таки къ новымъ по формѣ методамъ, среди которыхъ самымъ характернымъ былъ съѣздъ Народовъ Востока. Какъ извѣстно, онъ состоялся въ сентябрѣ 1920 года, въ немъ приняли участіе делегаты изъ Турціи, Персіи, Индіи, Афганистана, Бухары, Хивы, Туркестана и Кавказа — странъ, непосредственно соприкасающихся съ англійской политикой и являющихся объектомъ ея. Характерно, что Китая и Японіи въ спискѣ нѣтъ. Первые оба доклада на конгрессѣ — Зиновьева и Радека — «указали на нашаго главнаго врага на Востокѣ — англійскій имперіализмъ...» «Никто изъ членовъ конгресса не забудетъ минуты, когда Зиновьевъ призывалъ къ Священной Войнѣ съ міровымъ имперіализмомъ, въ первую очередь съ англійскимъ капитализмомъ, и 2000 человѣкъ, какъ одинъ, поднялись со своихъ мѣстъ и, схватившись за свои револьверы, мечи и кинжалы, поклялись бороться со своими угнетателями до послѣдней капли крови». Что-же обѣщаетъ коммунистическій интернаціоналъ народамъ Востока? Буржуазныя свободы? О нѣтъ, для боевого энтузіазма этого мало. Въ пару часовъ новая теорія для востока изготовлена. «Было-бы ошибкой — говорилъ и писалъ Радекъ — видѣть въ революціи, которая развивается на востокѣ, буржуазную революцію. Она устранитъ феодализмъ, создастъ въ началѣ классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, но она происходитъ въ періодъ, когда разложеніе мірового капитализма затрудняетъ созданіе буржуазнаго строя и его развитіе на востокѣ. Европейскій пролетаріатъ поможетъ имъ совершить переходъ отъ

мелкобуржуазныхъ условій существованія къ высшимъ коллективистскимъ, избѣгнувъ періода капиталистической эксплуатаціи.»[1])

«Освобожденіе колоній» и «борьба противъ имперіализма міровыхъ акулъ» были, по существу дѣла, направлены раньше всего противъ Англіи. И такъ какъ подъ знаменемъ «освобожденія» продвигались и красныя войска, то вся эта политика не осталась безъ вліянія на Англію. Она первая изъ величайшихъ державъ пошла на заключеніе договора съ совѣтской Россіей, т. е. прекратила политику интервенціи и признала новый порядокъ вещей.

Но и въ другихъ отношеніяхъ совѣтская власть продолжала въ новыхъ формахъ идти по «испытаннымъ» путямъ традиціонной дипломатіи. Съ Афганистаномъ она заключила договоръ, по которому ежегодно выдаетъ афганскому правительству 1 милл. руб. золотомъ, т. е. ставитъ его въ прямую зависимость отъ себя, которая имѣетъ смыслъ только какъ орудіе въ борьбѣ съ Англіей. Съ Персіей былъ заключенъ договоръ въ февралѣ 1921 г., по которому Россія уступаетъ Персіи территоріи, перешедшія къ Россіи 30—40 лѣтъ назадъ, передаетъ ей финансовыя предпріятія (Учетный банкъ), желѣзныя и шоссейныя дороги, телеграфныя и телефонныя линіи и т. п. Концессіи, полученныя Россіей отъ Персіи, аннулируются. Но вся эта ликвидація прежней финансовой оккупаціи Персіи получаетъ свое истинное значеніе, если разсмотрѣть, что Персія обѣщаетъ взамѣнъ. — Пунктъ VI-ой гласитъ, что въ случаѣ, если какая либо третья держава (т. е. Англія) военными методами будетъ проводить политику аннексіи на территоріи Персіи или же сдѣлаетъ Персію базой военныхъ операцій противъ Россіи, — то Россія, послѣ предупрежденія, имѣетъ право ввести свои войска на персидскую территорію. Этотъ военный союзъ является главнымъ элементомъ договора.

Если интересы чистопробнаго коммунизма требовали великой міровой войны пролетаріата съ буржуазіей, то инте-

[1]) K. Radek, Kongress der Ostvölker, Russ. Korr. Nr. 14—15.

ресы крестьянства требовали мира на основѣ революціоннаго переворота, Побѣдила крестьянская тенденція, и въ настоящее время дѣло мира зашло достаточно далеко впередъ.

По своему отношенію къ совѣтской Россіи всѣ прочія страны дѣлятся нынѣ на три группы. Къ первой принадлежатъ непосредственные сосѣди Россіи. Они признали ее de jure. Сюда относятся Финляндія, Эстонія, Латвія, Литва, Польша, Турція, Персія, Афганистанъ. Большинство изъ нихъ раньше входили въ составъ Россіи цѣликомъ или отчасти; для нихъ дѣло признанія — вопросъ жизни. Они пошли на «признаніе» исходя, конечно, изъ своихъ интересовъ. Но въ результатѣ Россія окружена государствами (исключеніе составляетъ одна Румынія), давшими максимальную юридическую гарантію неприкосновенности революціонныхъ достиженій — мирный договоръ, обмѣнъ послами и пр. Внѣшняя политика большинства изъ этихъ трехъ странъ достигла въ настоящее время извѣстной назависимости отъ великихъ державъ, и потому договоръ съ ними имѣетъ большую цѣнность.

Вторая группа — это «признаніе de facto», но не de jure: стыдливый «миръ»; миръ на ¾. Сюда принадлежатъ Англія, Германія, Австрія, Италія, Чехія, Швеція, Норвегія. Послѣ всѣхъ военныхъ усилій признаніе de facto — радикальный поворотъ въ политикѣ, сущность котораго сводится къ тому-же: готовности примириться съ новымъ порядкомъ вещей въ Россіи.

Третья группа — страны «принципіальныя». Франція, Юго-Славія, Венгрія, Соед. Штаты Ни de jure, ни de facto. — До недавняго времени — постоянная готовность къ интервенціи. Но умирающая «активность» въ русскомъ вопросѣ. и растущая готовность продать «святой принципъ» за хорошую плату со стороны Россіи.

Если оцѣнить эту ситуацію съ точки зрѣнія до-военнаго положенія Россіи, то она безконечно плоха. Плохой она останется и въ томъ случаѣ, если весной 1922 г., какъ можно ожидать, послѣдуетъ международное признаніе совѣтскаго правительства. Но плоха она лишь по сравненію съ до-воен-

нымъ значеніемъ Россіи. Однако, если принять во вниманіе договоры союзниковъ съ Колчакомъ, Деникинымъ, Юденичемъ, и Франціи съ Врангелемъ; если вспомнить о французскомъ десантѣ на югѣ, англійскомъ — на сѣверѣ и войскахъ Бермонта на западѣ, то по сравненію съ недавнымъ прошлымъ, огромный успѣхъ бросается въ глаза. Онъ возможенъ былъ потому, что крестьянская красная армія дѣлала дѣло, необходимое и для крестьянства. И московское правительство, управляя крестьянской арміей, могло достигать порой большихъ успѣховъ.

Но если подъ коммунистической идеологіей скрывалось національное дѣло защиты новаго режима отъ реставраціи, — то эта идеологія въ свою очередь не оставалась безъ вліянія на политику. Идеологія воинствующей міровой революціи, міровой гражданской войны, распространяющейся изъ русскаго очага, есть идеологія революціонной экспансіи военными методами. Для нее нѣтъ болѣе труднаго вопроса, какъ самоопредѣленіе народовъ. Она готова перешагнуть черезъ эту независимость, чтобъ водрузить красное знамя въ чужихъ странахъ. Съ этой идеологіей въ головѣ освящала Москва завоеваніе Грузіи въ февралѣ 1921 г. Эта-же идеологія коммунистическаго имперіализма[1]) толкнула его лѣтомъ 1920 г., когда польское наступленіе было уже отбито, на созданіе «революціонныхъ комитетовъ» для Польши и Галиціи, готовыхъ замѣнить правительство Пилсудскаго въ тотъ моментъ, когда красныя войска оккупируютъ всю Польшу. Съ этой цѣлью отклонено было мирное посредничество Англіи, и красная армія была послана на Варшаву. Докладывая объ этомъ московскому совѣту осенью 1920 г., Каменевъ говорилъ:

«Въ Центральномъ Комитетѣ Коммунистической Партіи, когда онъ отклонилъ англійское посредничество, было сказано вполнѣ отчетливо: мы переворачиваемъ новую страницу міровой исторіи!»

---

[1]) Въ одной своей брошюрѣ въ 1920 г. А. Луначарскій такъ и назвалъ эту политику, относясь къ ней одобрительно. У меня нѣтъ ея подъ рукой для точной цитаты.

Это означало: коммунистическое возстаніе въ Германіи и война на Рейнѣ между «міровымъ пролетаріатомъ» и «міровой буржуазіей». Эта «страница исторіи» дорого обошлась Россіи. Это были расходы на дорого-стоющую идеологію. Это была дань національнаго дѣла коммунистической иллюзіи.

Въ тотъ день, когда я пишу эти строки, годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ прекратилась война съ Польшей и почти одновременно война съ Врангелемъ. И этотъ періодъ лишь подкрѣпилъ и усилилъ результаты всей предыдущей внѣшней и военной политики. По существу дѣла новая Россія признана всѣмъ внѣшнимъ міромъ. Другой Россіи нѣтъ. Совѣтское правительство есть русское правительство. Радикальнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи т. е. смѣны правительства не добивается на дѣлѣ ни одна страна. Это означаетъ:

Во-первыхъ, полную побѣду крестьянства надъ прежде господствовавшими классами, неотъемлемость, неприкосновенность новой крестьянской собственности;

во-вторыхъ, ликвидацію политическихъ силъ стараго режима;

въ третьихъ, обезпеченность коммунистическаго режима отъ внѣшняго вмѣшательства. Тѣмъ явственнѣе дѣлается его несостоятельность по соображеніямъ внутренней политики.

III.

Корни террора.

Въ первоначальной программѣ большевизма, наканунѣ октябрьскаго переворота, о политикѣ репрессій, о террористическомъ подавленіи противника не было и помину. Въ отличіе отъ программъ правыхъ партій Россіи или Венгріи, когда они готовятся къ захвату власти, большевики и не предполагали установить неограниченную партійную диктатуру и устранить всякія свободы. Это не было сознательнымъ обма-

номъ, наоборотъ: они были убѣждены, что имъ удастся установить «свободу» въ рамкахъ совѣтскаго строя. Этой идеей — свободный совѣтскій строй — они и завоевали милліоны сторонниковъ.

И отнюдь не сразу они вступили на путь террора. Странно вспоминать, что въ первые 5—6 мѣсяцевъ совѣтской власти продолжала выходить оппозиціонная печать не только соціалистическая, но и откровенно буржуазная. Первый случай смертной казни имѣлъ мѣсто только въ маѣ 1918 года. На собраніяхъ выступали всѣ, кто хотѣлъ, почти не рискуя попасть въ че-ка. «Совѣтскій строй» существовалъ, но безъ террора. И если вслѣдъ за тѣмъ большевистское правительство прибѣгло къ безпримѣрно-жестокимъ репрессіямъ, то это нужно понять и объяснить. Почему это произошло?

Обычно это объясняется гражданской войной. «A la guerre comme à la guerre!» Когда стрѣляютъ на фронтахъ, трудно удержать ружья, готовыя стрѣлять и въ тылу. Вѣрно и то, что начало террора — лѣто 1918 года — совпадаетъ съ началомъ гражданской войны. И однако это объясненіе совершенно ложно.

Гражданская война закончилась осенью 1920 года. Съ тѣхъ поръ прошелъ цѣлый годъ. Что-же, смягчился-ли внутренній режимъ, смягчены репрессіи и возсоздана-ли какая-нибудь политическая свобода? Нѣтъ, если измѣненія и произошли, то всѣ они относятся къ области экономической политики. Нѣтъ и сейчасъ еще ни малѣйшаго намека на выполненіе даже тѣхъ свободъ, которыя провозглашены въ совѣтской конституціи. Почему-же этого не дѣлаетъ коммунистическое правительство? Вѣдь не изъ слѣпого пристрастія къ террору, не изъ принципіальнаго преклоненія передъ нимъ! В с я к о е правительство прибѣгаетъ къ *системѣ репрессій* только въ томъ случаѣ, когда оно спасаетъ этимъ свое существованіе. Это политическая азбука. Никакихъ другихъ «достаточныхъ основаній» не нужно. Спасеніе своей власти является для всякой партіи перворазрядной задачей, а для партіи, взявшей на себя обязательство осуществить соціализмъ, сохраненіе власти есть высшій законъ. Ему все подчиняется.

Въ первые 7—8 мѣсяцевъ большевистская власть существовала безъ террора. Въ послѣдніе годы, въ войнѣ и безъ войны, она практикуетъ терроръ. Это означаетъ, что поддержка, оказываемая ей народной массой, ослабѣла, отпали цѣлыя народныя глыбы, раньше подпиравшія новую власть, и чѣмъ больше съужается соціальный базисъ, на которомъ она стоитъ, тѣмъ труднѣе удержаться, и приходится балансировать — все больше въ сторону че-ка.

Гражданская война дала дѣйствительно толчокъ развитію террора. Это вѣрно. Но вотъ надъ чѣмъ слѣдуетъ подумать. Почему больше полугодія о настоящей гражданской войнѣ не было рѣчи? Почему регулярныя арміи противъ московскаго правительства удалось создать только въ концѣ 1918 года? Или раньше охотниковъ не было? Сколько угодно! Почему-же крайніе ея враги дали ей столько сроку?

Нетрудно понять причину. Въ концѣ 1917 года невозможно было сколотить даже минимальную военную силу. Нельзя было найти достаточно воинственно-настроенныхъ людей. Только въ отдаленномъ углу юго-востока и еще на Уралѣ шла вооруженная борьба, неопасная для Москвы. Вся прочая Россія была либо пассивна, либо-же активные элементы ея были по большей части благожелательно-выжидательны къ большевистскому правительству.

Если вслѣдъ за тѣмъ положеніе измѣнилось и цѣлыя арміи удавалось создать на югѣ и востокѣ, то это симптомъ того-же явленія, о которомъ я говорилъ ужъ выше: отпаденіе массы народной отъ первоначальнаго большого большевистскаго блока, разочарованіе въ большевизмѣ, наконецъ, растущая враждебность къ нему. Вотъ этотъ процессъ, открывая пути для гражданской войны, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ терроръ неизбѣжнымъ и необходимымъ орудіемъ самообороны для большевистскаго правительства.

Три года прошло съ тѣхъ поръ. Исторія этихъ трехъ лѣтъ полна зигзаговъ политики московской власти, то готовой на маленькое смягченіе режима, то взывавшей къ безпощадной расправѣ. Но если нарисовать діаграмму этихъ колебаній, то общая, средняя, господствующая тенденція скажется

совершенно ясно. Она ведетъ неуклонно къ съуженію политической свободы, ликвидаціи всякой, даже самой конституціонной оппозиціи, къ неограниченному и безконтрольному абсолютизму центральнаго комитета коммунистической партіи. Но мы уже видѣли, что репрессіи растутъ обратно пропорціонально массовой поддержкѣ правительства. Поэтому, если мы установили, что ликвидація всѣхъ политическихъ свободъ шла неизмѣнно впередъ, то это новый симптомъ основного процесса — потери «рабоче - крестьянскимъ правительствомъ» сочувствія «рабоче-крестьянской» массы.

Въ чемъ-же дѣло? Чѣмъ объясняется это важнѣйшее явленіе въ исторіи революціонной эпохи? Его причина лежитъ въ экономической области. Какъ ни велики были подчасъ внѣшніе или военные успѣхи власти, какъ ни безспорно поэтому ея «признаніе» всѣми гражданами Россіи, — всѣ эти успѣхи и растущее признаніе ея уничтожались непрерывнымъ процессомъ хозяйственнаго распада. За эти четыре года не было ни одного момента, когда можно было серьезно говорить о крупномъ улучшеніи въ области экономики. Съ каждымъ годомъ падали урожаи; съ каждымъ мѣсяцемъ сокращалось промышленное производство; съ каждымъ днемъ росли цѣны, достигая астрономическихъ величинъ. Жилось поэтому все хуже и тяжелѣе, развивались эпидеміи, росла смертность, голодъ и холодъ приняли неслыханные размѣры. И вмѣстѣ съ тѣмъ каждому было ясно, что немалая доля вины за это лежитъ на коммунистическомъ правительствѣ. Крестьяне негодовали противъ продотрядовъ, наѣзжихъ комиссаровъ, воинскихъ частей — и устраивали возстанія. Служащіе всѣхъ ранговъ наблюдали кражи, подкупы въ массовыхъ размѣрахъ. А рабочіе — въ числѣ другихъ — ощущали результаты всей этой политики въ видѣ падающихъ пайковъ, растущихъ цѣнъ, отсутствія топлива, развала домовъ послѣ всеобщей націонализаціи промышленности и торговли. Великъ-ли могъ быть послѣ этого моральный авторитетъ новой власти?

Но это была крайняя лѣвая власть. Она пришла, какъ наслѣдница всѣхъ предыдущихъ режимовъ. Передъ населеніемъ продефилировали всѣ другія партіи отъ черной сотни до лѣ-

выхъ эсэровъ. И каждый разъ при смѣнѣ власти повторялось одно и то же: это началось въ февралѣ 1917 года, и неизмѣнно повторялось при каждомъ дальнѣйшемъ политическомъ кризисѣ:

Старая власть плоха. Она не умѣетъ наладить внѣшнюю политику и правильно рѣшить вопросъ о войнѣ и мирѣ. Она ведетъ плохую внутреннюю политику, и тысяча скандальныхъ эпизодовъ у каждаго на языкѣ. Она не можетъ совладать съ хозяйственнымъ разваломъ, и часъ отъ часу дѣлается труднѣе жить. Старая власть не годится. Но рядомъ съ ней имѣется другая сила, на нѣсколько градусовъ лѣвѣе ея. Вотъ это партія серьезная, умная, способная все черное сдѣлать бѣлымъ. И она такъ таинственна и интересна! Ея вожди испытаны въ политической борьбѣ и долгими годами страданій заслужили право на власть. Они многое вынесли — можно-ли сомнѣваться въ ихъ честности, преданности народу и добрыхъ намѣреніяхъ? А кромѣ честности и добрыхъ намѣреній — развѣ требуется еще что-нибудь?

И вотъ рефлекторъ исторіи передвигается нѣсколько влѣво. Свѣтъ падаетъ на вчерашнюю оппозицію. Что правѣе, уже осталось въ тѣни и скоро забывается. Все вниманіе милліоновъ людей сосредоточено на томъ освѣщенномъ клочкѣ политическаго экрана, гдѣ въ предѣлахъ между правой и лѣвой полагается быть данной, нынѣ правящей партіи. Дѣятели новой власти начинаютъ дѣйствовать. Они говорятъ рѣчи, пишутъ статьи, издаютъ декреты, посылаютъ ноты. Кувыркаются и изощряются передъ лицомъ публики, чтобы снискать похвалу и поклоненіе.

Напрасно! Подъ яркимъ свѣтомъ великаго рефлектора видно все — и то, чего масса народа не замѣчала, когда этотъ уголокъ еще былъ въ тѣни. Вдругъ замѣтны всѣ пятнышки и прорѣхи, бѣлила и румяна, вставные зубы и парики. Бѣшеный хоръ критики помогаетъ этому процессу изо всѣхъ силъ. Каждую ошибку онъ превращаетъ въ преступленіе, каждую обмолвку и описку въ признакъ безнадежнаго идіотизма. Онъ умѣетъ разыскать гдѣ-то корзиночку грязнаго бѣлья, и вытащивъ каждую штуку на солнышко, разгляды-

ваетъ зорко всѣ пятна и грязь. «Нѣтъ, — говоритъ тогда, вздыхая, народная масса — видно и эти — не то!»

Восторги спадаютъ, разочарованіе растетъ съ каждымъ днемъ. Проходитъ мѣсяцъ — другой, и судьба новой власти рѣшена. Новый сдвигъ влѣво, и сказка начинается сначала. Такъ толпа рукоплескала сперва Родзянкѣ, затѣмъ Милюкову, потомъ Керенскому, потомъ Церетелли, потомъ Спиридоновой, затѣмъ Ленину.

Ленинъ пришелъ послѣднимъ. Дальше него никого нѣтъ. Свѣтъ падаетъ на самую лѣвую точку экрана. Чѣмъ лѣвѣе партія, тѣмъ ниже тотъ соціальный слой, съ которымъ она связана. Ленинъ связанъ съ низшими слоями пролетаріата. Дальше внизъ идти некуда; значитъ и дальше влѣво тоже некуда.

Поэтому, когда растетъ оппозиція противъ Ленина — а она растетъ точно такъ же, какъ она росла противъ всѣхъ его предшественниковъ, — то она должна выражаться въ совершенно новыхъ формахъ. Нѣтъ новой, болѣе лѣвой партіи, которая собрала-бы всѣ ручейки недовольства и отвела ихъ въ свое большое русло. Есть только болѣе правыя партіи. Но они ужъ знакомы, испытаны и не могутъ вызвать былого энтузіазма. Тѣ или иныя изъ нихъ могутъ имѣть успѣхъ; ихъ критику очень охотно слушаютъ; имъ довѣряютъ больше, чѣмъ власти. Но двинуть массу народную на большое политическое выступленіе — это имъ не по силамъ. Число ихъ вѣрныхъ сторонниковъ, членовъ ихъ организацій не растетъ, какъ бы великъ ни былъ подчасъ ихъ ораторскій или литературный успѣхъ. Въ изголодавшейся и изверившейся массѣ они вызвать большого энтузіазма ужъ не могутъ.

Поэтому ликвидацію большевизма нельзя представлять себѣ такъ, какъ происходила ликвидація предыдущихъ правительствъ: массовыя демонстраціи, сраженія, возстанія. Нельзя думать, что силы, стоящія внѣ правящей партіи и въ оппозиціи къ ней, окажутся достаточно велики и сплоченны, чтобъ свергнуть старую власть и замѣстить ее новою, своею. Паденіе политической активности дѣлаетъ это невозможнымъ.

Но если ликвидація извнѣ невозможна, то она очевидно должна произойти изнутри. Изнутри это значитъ — собственными силами коммунистической партіи. Что это значитъ?

Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, надо кратко прослѣдить исторію большевизма въ качествѣ правящей партіи.

IV.

Россійскій коммунизмъ.

Съ какимъ человѣческимъ багажомъ вступила большевистская партія въ революцію? Это были нѣсколько тысячъ человѣкъ, оставшихся въ наслѣдство отъ революціи 1905 года, отчасти въ эмиграціи, по большей части въ Россіи. Сколько ихъ было, никто, конечно, не скажетъ; но безусловно не больше пяти — десяти тысячъ, — изъ нихъ не меньше трети — интеллигенція. Вотъ тотъ основной капиталъ, который сталъ затѣмъ давать большіе дивиденды.

Въ первый періодъ революціи — между февралемъ и октябремъ — въ большевистскую партію притекли десятки тысячъ. Наканунѣ переворота членовъ было около четверти милліона. Эти «мартовскіе большевики» — большевики второго сорта. Воспитанные на опытѣ 1917 года, они не знаютъ на практикѣ исторіи своей партіи и дѣйствительной группировки политическихъ силъ въ послѣдніе 10—20 лѣтъ. Они не способны оцѣнить значенія политическихъ свободъ, демократіи. Дѣйствительное различіе между монархіей и республикой, свобода печати, значеніе оппозиціи, для нихъ почти непостижимы. Однако, и эта категорія большевиковъ имѣла за себя тотъ плюсъ, что она примкнула къ своей партіи тогда, когда партія подвергалась нѣкоторымъ преслѣдованіямъ.

Этого качества не имѣютъ за собой большевики третьяго сорта — примкнувшіе къ партіи послѣ октября, т.-е. въ тотъ моментъ, когда большевистская партія уже была правящей,

и когда участіе въ ней давало немало правъ, привиллегій и жизненныхъ благъ. Сколько такихъ членовъ?

Численное развитіе большевистской партіи шло во время революціи слѣдующимъ образомъ. За первый мѣсяцъ она сгруппировала нѣкоторые рабочіе кадры и достигла [1]):

1 апрѣля 1917 г. . . . . 50 000 членовъ,

а затѣмъ росла очень быстро:

25 іюля	1917 г.	. . . .	200 000 членовъ,
25 октября	1917 »	. . . .	240 000 »
мартъ	1919 »	. . . .	313 766 »
мартъ	1920 »	. . . .	611 978 »

Въ дальнѣйшемъ, въ серединѣ 1921 г., число членовъ оцѣнивалось въ прессѣ приблизительно въ 650—700 тысячъ [2]).

Такимъ образомъ, «до-октябрьскихъ большевиковъ» 240 тысячъ изъ общаго числа, почти втрое большаго. «Послѣ-октябрьскихъ большевиковъ» было, до послѣдней «чистки», сократившей численность партіи на ⅓, почти полмилліона. Что же представляетъ собой эта громадная человѣческая масса?

Среди нихъ, во-первыхъ, множество честныхъ рабочихъ, слишкомъ робкихъ, чтобъ «идти къ большевикамъ», когда тѣхъ преслѣдуютъ, но все-же не имѣющихъ никакихъ особыхъ личныхъ цѣлей. Они честно проникнуты идеей немедленнаго соціализма; они болѣе непосредственно и еще болѣе наивно представляютъ себѣ процессъ созданія соціализма, чѣмъ старые большевистскіе вожди. Они максималисты въ самомъ упрощенномъ смыслѣ слова. Для нихъ подавленіе

---

[1]) Докладъ Зиновьева на конференціи Р. К. П. въ октябрѣ 1920 г. и Бубновъ, Исторія Р. К. П.

[2]) Очень яркую иллюстрацію къ вопросу, „Кто управляетъ Россіей“, даетъ слѣдующая таблица, рисующая составъ петербургскаго совѣта въ первую половину 1920 г. Изъ 1924 членовъ его 1431 коммунистъ. Изъ коммунистовъ вступили въ партію:

между 1896—1904 г.	— 31	человѣкъ
въ 1905—1906 г.	— 20	»
въ 1907—1916 г.	— 48	»
въ 1917 г.	—220	»
въ 1918—1920 г.	—790	»

(Russische Korrespondenz Nr. 12—13, с. 738).

буржуазіи и «буржуазныхъ подголосковъ» — вѣрный и несомнѣнный путь «прямо къ цѣли». Созданіе немедленнаго и полнаго равенства — альфа и омега ихъ политики и экономики. Всѣ классовыя различія они знаютъ только въ одномъ смыслѣ: богатые и бѣдные. У богатыхъ надо все отобрать, подѣлить между бѣдными. Здѣсь, въ этомъ слоѣ, коренится примитивная идея «коммунизма потребленія», дѣлежки. Къ нимъ-то аппелировалъ Ленинъ, когда приглашалъ «грабить награбленное». Къ нимъ взывалъ Троцкій, когда призывалъ раздѣвать на улицахъ буржуазію. Ради нихъ производились безплодные, но демагогическіе «продовольственные обыски». Ради нихъ публично уничтожались «дополнительные пайки», чтобъ возродиться вскорѣ въ другой, болѣе стыдливой формѣ. Они ненавидятъ интеллигенцію, бюрократію, всѣхъ привилегированныхъ, они фанатичны, безпощадны и готовы собой пожертвовать, но и врага четвертовать. Они честны и воодушевлены. Они вѣруютъ.

Во-вторыхъ, рабочіе-карьеристы. Такихъ тоже очень немало. Это безпартійные въ душѣ рабочіе, настроенные скептически къ большевизму, но безъ какого-либо политическаго credo. Достаточно способные, чтобъ выдѣлиться изъ общей массы и быть избранными въ какой-нибудь заводской комитетъ, районную комиссію или т. п., они чувствуютъ себя обойденными и обиженными тѣмъ, что всѣ серьезныя дѣла, въ томъ числѣ и ихъ личная судьба, рѣшаются за ихъ спиной во всемогущей «комячейкѣ». Въ то же время вся текущая, будничная работа закрываетъ собой политическій горизонтъ, и въ этой мелкой работѣ они идутъ рука объ руку съ коммунистами. Почему-бы въ такомъ случаѣ не вступить въ Р. К. П.? Сперва что-то смутное мѣшаетъ; но его побѣждаютъ другіе чувства, и въ одинъ прекрасный день они обзаводятся членской книжкой и вступаютъ въ лоно комячейки. И тогда они послушны въ подчиненіи партійнымъ директивамъ. Но ни вѣры, ни энтузіазма у нихъ нѣтъ и въ поминѣ. Они умѣютъ использовать свое положеніе какъ нельзя лучше и устроить свои личныя дѣла. Они циничны въ душѣ и очень трезво оцѣниваютъ свои личныя перспективы въ случаѣ

военно-политическаго переворота. Ихъ связь съ Р. К. П. не идейная, а объясняется лишь выгодой положенія и общностью опасности.

Наконецъ, третья категорія — злостные карьеристы. Сюда входятъ раньше всего перебѣжчики изъ другихъ партій (среди которыхъ не больше $^1/_{10}$ составляютъ искренніе коммунисты, отказавшіеся отъ прежнихъ убѣжденій и увѣровавшіе въ большевистскую «диктатуру пролетаріата»). Но остальные 90 % — довольно откровенные ренегаты, примыкавшіе къ кадетамъ, эсэрамъ и меньшевикамъ (а порой и къ монархистамъ), когда казалось, что это самый вѣрный путь къ богатству и власти, и продѣлавшіе затѣмъ унизительную процедуру «публичнаго раскаянія» съ письмами въ газеты и пр., чтобъ найти теплое мѣстечко подъ коммунистическимъ солнышкомъ. Къ этой группѣ относится множество мелкихъ комиссаровъ въ провинціи, особенно въ деревнѣ. Сюда относятся также бывшіе торговцы, спасающіе свое достояніе; люди съ сомнительнымъ прошлымъ; жулики и фальшивомонетчики; уголовные по всѣмъ статьямъ уложенія, нашедшіе примѣненіе своимъ талантамъ и прикрытіе своимъ подвигамъ подъ краснымъ зонтикомъ Р. К. П. Это категорія «примазавшихся».

Если къ этимъ тремъ группамъ прибавить еще горсточку честныхъ вождей-политиковъ, то этимъ составъ большевистской партіи будетъ исчерпанъ. Какой элементъ изъ этихъ трехъ является самымъ цѣннымъ для большевизма? Это ясно безъ долгихъ разсужденій. И матеріальнымъ базисомъ ея, и сокровищницей вѣры, активности, боевого темперамента является первая группа. Безъ нея большевизмъ не побѣдилъ бы въ октябрѣ 1917 года, не создалъ-бы красной арміи въ 1918—19 гг., не одолѣлъ-бы враговъ въ гражданской войнѣ. Безъ нея большевистская партія не могла-бы сдѣлаться правящей и удержаться у власти. Наблюдатели Россіи, особенно внѣшніе наблюдатели, знаютъ совѣтскій строй по большевистскимъ литераторамъ и ораторамъ, бюрократамъ и спекулянтамъ. Но почвенный слой имъ не знакомъ. И потому-то они такъ часто су-

дятъ вкривь и вкось о русскомъ коммунизмѣ и будущности совѣтскаго строя.

Большевистская партія въ качествѣ оппозиціи состояла почти изъ однихъ только этихъ честныхъ утопическихъ элементовъ. Но за четыре года пребыванія у власти она продѣлала не мало и, измѣняя Россію, сама подверглась радикальнымъ измѣненіямъ. Она не только обросла толстымъ слоемъ безпардонныхъ карьеристовъ и негодяевъ, но — это гораздо важнѣе — она и въ другихъ отношеніяхъ разложилась на новые, очень различные элементы.

Во-первыхъ, произошло раздѣленіе на «верхи» и «низы». Это дѣленіе, совершенно немыслимое въ оппозиціонной большевистской партіи, дѣлается, повидимому, глубже съ каждымъ днемъ и грозитъ сдѣлаться роковымъ для коммунистической власти. Верхи — это управляющій государствомъ аппаратъ. Въ большевистскомъ государствѣ, гдѣ всякая общественная дѣятельность есть государственная функція,этотъ управляющій аппаратъ неизбѣжно пріобрѣтаетъ чудовищные размѣры. Число «совѣтскихъ служащихъ» перевалило за 2 милліона. Невозможно было, конечно, замѣстить эти 2 милліона должностей одними коммунистами. Но всѣ руководящіе посты должны были естественно оставаться за ними. Такимъ образомъ, эта масса «совѣтскихъ служащихъ» представляетъ собой новый, очень вліятельный общественный слой съ коммунистической верхушкой.

Откуда взялась эта верхушка? Сперва въ нее вошли центральные и мѣстные партійные вожди. Но это продолжалось недолго. Государственная машина разросталась, ея функціи пріумножались, новые органы плодились, и для новыхъ руководящихъ постовъ приходилось все чаще и глубже зачерпывать въ рядовую партійную массу. Ибо отнюдь не хватало для этихъ функцій «вчерашнихъ коммунистовъ» — перебѣжчиковъ и ренегатовъ. И изъ коммунистической партійной массы выхватывались всѣ минимально грамотные, чтобъ занять вакантный «постъ». Государственная верхушка состояла до революціи изъ чиновниковъ. Теперь, въ началѣ, она состояла изъ интеллигентовъ; но къ основному интеллигент-

скому ядру все въ большихъ размѣрахъ примыкала новая рабочая коммунистическая бюрократія.

Коммунистическій рабочій базисъ, «низы» сокращались подчасъ очень замѣтно. Закрытіе заводовъ, распыленіе пролетаріата, военныя мобилизаціи и извлеченіе болѣе способныхъ для бюрократическихъ постовъ сужали пролетарскій фундаментъ власти. Число членовъ партіи иной разъ и росло. Но новые коммунисты по качеству и настроенію далеко не могли замѣнить старый обстрѣленный въ бояхъ лучшій элементъ коммунизма. И послѣ каждой «партійной недѣли» въ коммунистической прессѣ появлялись нескончаемыя жалобы на уровень новыхъ партійныхъ товарищей. Умники изъ журналистовъ дѣлали изъ этого только тотъ выводъ, что надо читать лекціи для малыхъ сихъ!

По мѣрѣ того, какъ сокращались «низы» и сжимался базисъ, колоссально выростали «верхи». Черезъ пару лѣтъ образовался внушительный слой коммунистической бюрократіи, въ которой нашли себѣ мѣсто сотни тысячъ членовъ правящей партіи, въ числѣ ихъ и интеллигенція и рабочіе. Новый слой занялъ своеобразное, промежуточное положеніе между партійной массой коммунистовъ и бюрократической массой служащихъ. Сперва, разумѣется, нити перваго рода (связующіе коммунистическую бюрократію съ коммунистической рабочей массой) были очень сильны и крѣпки. Но время шло, и логика положенія взяла свое. Коммунистическіе «верхи» жили на дѣлѣ въ тѣхъ же условіяхъ, что и вся остальная служилая масса; матеріальное положеніе ихъ, сфера интересовъ совпадали. Отъ рабочихъ ихъ всѣхъ — и коммунистовъ и не-коммунистовъ — отдѣляли методы оплаты ихъ труда, система ставокъ, пайковъ, часы труда, обстановка работы. Они больше не заняты были непосредственно-производительнымъ трудомъ, а стали управлять — заводами, желѣзными дорогами, тюрьмами, судами, ротами, деньгами. Они ужъ не подчинялись фабричной дисциплинѣ, а жаловались на паденіе ея. Они ужъ не бастовали противъ начальства, «морящаго голодомъ», а жаловались на «безсмысленную массу,

требующую невозможнаго». Они прониклись «государственнымъ» сознаніемъ и «государственными интересами» и требовали жертвъ со стороны пролетаріата; но не жертвъ въ борьбѣ, а жертвъ-компромиссовъ, уступокъ, отказовъ и призывали къ «благоразумію» и «осторожности». Имъ очень скоро началъ импонировать типъ стараго чиновника, неторопливаго, методичнаго, знающаго свое дѣло. И съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ они ужъ относятся къ пылающему наивнымъ энтузіазмомъ коммунисту-рабочему, воображающему, что дѣло идетъ плохо потому, что мало били буржуазію!

Составъ новой бюрократіи такъ интересенъ, что стоитъ привести нѣсколько цыфръ, анализирующихъ его. По отношенію къ губернскимъ и уѣзднымъ исполкомамъ (высшая власть въ губерніи и уѣздѣ, «коллективные губернаторы и градоначальники») произведена перепись, охватившая 60 % всѣхъ членовъ исполкомовъ во второй половинѣ 1919 г.[1]). Оказалось конечно, что изъ 3729 на долю коммунистовъ приходится 3083, т.-е. 85,6 %. Изъ коммунистовъ вступили въ партію:

въ 1905 г. и ранѣе	215	чел.	или	8,7 %	общ. числа
» 1906—16 . . .	184	»	»	7,4 %	» »
» 1917	590	»	»	23,9 %	» »
» 1918—1919 . .	1494	»	»	60,0 %	» »

Полное господство «новыхъ коммунистовъ» сказывается и здѣсь очень ясно. По своей профессіи (до революціи) члены исполкомовъ распредѣлялись:

рабочіе	38,7 %
земледѣльцы	19,9 %
служащіе	22,4 %
учителя	6,8 %

Рабочіе, крестьяне и служащіе представлены почти равномѣрно.

---

[1]) Владимирскій. Совѣты, исполкомы и съѣзды совѣтовъ.

Если отъ этихъ органовъ высшей политической власти перейти къ органамъ экономической власти, то картина въ общемъ будетъ та же, только на долю рабочихъ приходится, естественно, большій процентъ. Число членовъ президіумовъ, совнархозовъ (въ томъ числѣ — высшаго), коллегій «главковъ» и фабрично-заводскихъ управленій составляло къ концу 1920 г. 1470 чел.[1]), изъ нихъ

рабочихъ	905	т. е.	61,6 %
«спецовъ»	451	»	30,7 %
служащихъ . . .	114	»	7,7 %

Здѣсь рабочіе составляютъ больше половины, но за то ихъ ближайшимъ сотрудникомъ здѣсь является квалифицированный «спецъ», т.-е. буржуа или-же интеллигентъ, мытый въ семи водахъ «буржуазности». Амальгама этихъ элементовъ и составляетъ то, что нынѣ является правящимъ сословіемъ.

Пропасть, отдѣляющая коммунистическіе «верхи» отъ «низовъ», углубляется съ каждымъ днемъ. «Верхи» сживаются съ новой бюрократіей; отдѣленные отъ нея стѣной комячейки и директивами разныхъ «центровъ», они на дѣлѣ все больше проникаются психологіей этой новой, въ революціи созданной, соціальной массы, къ которой на дѣлѣ они принадлежатъ. Всевозможные «спецы», съ которыми они работаютъ, слишкомъ сильно вліяютъ на нихъ, чтобъ оставить ихъ коммунизмъ дѣвственно-нетронутымъ. Нѣтъ, незаконное сожительство съ «буржуазными спеціалистами», буржуазной интеллигенціей вполнѣ преобразилъ ихъ и сдѣлалъ пригодными для управленія буржуазнымъ государствомъ.

Сюда относятся, не всѣ коммунистическіе «верхи». Съ одной стороны нѣкоторая часть этихъ верховъ вообще никуда не годится. Она сидитъ на своихъ должностяхъ, потому что надо было заткнуть дыру коммунистомъ. Съ другой — небольшая, очень небольшая горсточка людей принимаетъ въ серьезъ «коммунизмъ» и порветъ съ бюрократической массой въ тотъ моментъ, когда превращеніе Россіи въ бур-

[1]) Отчетъ В. С. Н. Х. 8-му съѣзду совѣтовъ.

жуазную страну сдѣлается болѣе откровеннымъ. Въ этомъ и состоитъ сущность того переворота, къ которому совѣтская Россія приближается съ огромной быстротой.

Вся остальная масса «верховъ» занимаетъ въ своемъ родѣ надклассовое положеніе. «Интересы рабочаго класса» сдѣлались фразой, которой больше не слышно въ этихъ кругахъ. Да и какъ говорить объ этихъ интересахъ, когда на каждомъ шагу приходится ихъ нарушать, то въ интересахъ крестьянъ, то въ интересахъ арендаторовъ, концессіонеровъ, то ради красной арміи, когда приходится изо дня въ день бороться съ рабочими на почвѣ экономическихъ требованій. Государство — левіафанъ, государство — предприниматель, въ видѣ коммунистическаго государства, вырабатываетъ свою бюрократію, которая «въ интересахъ цѣлаго» должна бороться съ интересами «небольшой части» — рабочимъ классомъ.

Вотъ какъ характеризуетъ эту коммунистическую бюрократію рядовой представитель коммунистической массы:

«Шкурники и прохвосты, примазавшіеся къ совѣтской власти исключительно съ цѣлью личнаго благоустройства, а также обыватели во образѣ коммунистовъ создаютъ себѣ уровень жизни и внѣшніе пріемы, напоминающіе уровень и пріемы прежнихъ чиновниковъ. Ненависть массъ къ этимъ прохвостамъ должна быть всячески привѣтствуема.

Но и честные партійные работники, не переходящіе границъ оффиціально дозволеннаго, въ условіяхъ привилегированнаго положенія, психологически поддаются соблазну и отрываются отъ массъ. Они становятся надъ массами. Имъ и массамъ становится труднѣе понимать другъ друга; вожди постепенно теряютъ свое обаяніе какъ вождей». (Статья Сперанскаго въ «Правдѣ» отъ 16 февр.).

И въ этой коммунистической бюрократіи, какъ и во всякой иной бюрократіи, идетъ непрерывная борьба различныхъ кликъ между собой. Есть, во-первыхъ, бюрократія военная и гражданская. Военная бюрократія милитаристична и агрес-

сивна. Коммунистическіе военачальники и старые генералы, дружно работая, въ равной мѣрѣ мечтаютъ о «славѣ оружія» и орденахъ, вновь введенныхъ большевистскимъ милитаризмомъ, они не выносятъ «компромисснаго мира» и на «штатскихъ» своихъ товарищей смотрятъ какъ на помѣху въ военныхъ дѣлахъ. Этой милитаристской кликѣ обязана Россія походомъ на Варшаву лѣтомъ 1920 г. послѣ того, какъ оборонительная война была закончена; ей-же она обязана и грандіозными завоевательными планами и авантюрами, закончившимися до сихъ поръ довольно неудачно на западѣ, но гораздо удачнѣе на юго-востокѣ. Милитаристскій блокъ этотъ представляетъ опасность для всякаго будущаго демократическаго режима въ Россіи.

По другой линіи идетъ борьба между бюрократіей профессіональныхъ союзовъ и всей прочей бюрократіей. Самыхъ-то союзовъ давно ужъ почти что нѣтъ, и правленія ихъ превратились въ канцеляріи съ неопредѣленнымъ кругомъ функцій или безъ всякихъ функцій. Но осталась громадная масса «профессіональной бюрократіи», въ большей степени большевистской, въ большой части рабочей. Она считаетъ своей привилегіей тѣсную связь съ рабочей массой, и никто въ средѣ коммунизма не рѣшается оспорить ея право говорить отъ имени «профессіонально-организованнаго» пролетаріата. Она стоитъ вдали отъ государственнаго «строительства», и не умѣетъ воспользоваться предоставленными ей широкими правами для борьбы противъ удлиненія рабочаго дня и палочной системы фабричной дисциплины. Но бюрократическія права свои она блюдетъ изо всѣхъ силъ — и на этой почвѣ два раза разгорѣлась ожесточенная борьба въ лонѣ коммунистической бюрократіи.

Въ первый разъ это было въ началѣ 1920 г., когда разбирался вопросъ объ «единоначаліи» и «коллегіальности». Какъ извѣстно, рѣчь шла о томъ, какъ создавать органы, управляющіе пормышленными предпріятіями. По-старому, эти органы состояли по большей части изъ 3—5—7 человѣкъ, отчасти назначенныхъ свыше, отчасти «выбранныхъ» рабочими. Эти громоздкіе и некомпетентные органы вели дѣла плохо и

только увеличивали громоздкость бюрократической машины. Но ввести единоличное управленіе означало удалить изъ фабричныхъ дирекцій нѣкоторое количество бюрократовъ профессіональнаго движенія; это означало — вручить всю власть одному буржуазному «спецу», ибо этимъ однимъ не могъ, конечно, быть рабочій - профессіоналистъ. Бурныя столкновенія между обѣими группами большевистской бюрократіи закончились, какъ извѣстно, побѣдой единоначалія. Но «профессіоналисты» не остались въ большой обидѣ. Ибо надѣлѣ реформа была лишь формальная. Въ большинствѣ случаевъ члены старыхъ коллегій были оставлены на своихъ постахъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ номенклатуры должностей. Такъ мирно рѣшаются иной разъ внутренніе вопросы бюрократіи!

Болѣе серьезный характеръ приняло столкновеніе обѣихъ группъ черезъ годъ, въ началѣ 1921 года. Это была эра «дискуссіи о профсоюзахъ». Она вскрыла въ ходѣ борьбы глубочайшія разногласія между всѣми составными элементами Р. К.П. и въ этомъ смыслѣ представляла большой интересъ.

Одно теченіе возглавлялось Троцкимъ. Это было крайнее выраженіе коммунистической диктатуры. Никакой самодѣятельности, никакихъ свободъ — организація народнаго хозяйства мѣрами государственнаго принужденія. Принужденіе не только по отношенію къ буржуазіи и къ крестьянству, но и по отношенію къ рабочимъ. Тюрьма и ссылка за плохую работу. Тѣсное сотрудничество съ чрезвыч. комиссіями и союзъ Троцкаго съ Дзержинскимъ.

На другомъ флангѣ коммунистической партіи стояла «рабочая демократія». Это наивное, утопическое теченіе, вѣрящее въ немедленное наступленіе всеобщаго благосостоянія и царства Божія на русской землѣ. Но для этаго надо «призвать рабочія массы» къ хозяйственному устроенію. Надо смягчить диктатуру, умѣрить власть бюрократіи, возродить живую общественную жизнь. И раньше всего призвать проф. союзы къ организаціи хозяйственной жизни.

Между этими крайностями стоялъ Ленинъ со своей фракціей. Онъ хотѣлъ всѣхъ примирить, срѣзать острые углы —

и оставить все по-старому. Но ему приходилось трудно. Ибо трудно, въ условіяхъ большой и непрекращающейся разрухи, увѣрить кого-либо, что старые методы приведутъ къ хорошему. Потребность въ новомъ словѣ разлагала фракцію Ленина и усиливала крайніе фланги, непримиримо враждующіе между собой.

V.

Декадансъ большевизма.

Но дискуссія заглохла быстро и неожиданно въ мартѣ 1921 года. Главной причиной послужило кронштадтское возстаніе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось исходной точкой для совершенно новой политики. Оно обнаружило, какое громадное недовольство накопилось въ средѣ самыхъ горячихъ сторонниковъ и стойкихъ приверженцевъ совѣтской власти. И всякому ясно было, что въ основѣ этого недовольства лежитъ постоянное ухудшеніе матеріальнаго положенія и крестьянъ, и горожанъ, и арміи. Это былъ еще одинъ «человѣческій документъ» и очень сильный аргументъ противъ россійскаго коммунизма, большевистскаго утопизма, словомъ противъ большевистской экономики. Это было ясно. Движеніе чисто-политическое («свободные совѣты»!), оно имѣло, какъ и всякое политическое движеніе, очень реальные, матеріальные корни. Не понять этого не могли и большевики.

Къ этому моменту разочарованіе въ старой экономической политикѣ зашло ужъ очень далеко и въ кругахъ коммунистическихъ «верховъ». Неудачи были ужъ слишкомъ велики, чтобъ хоть одинъ человѣкъ продолжалъ серьезно вѣрить, будто во всемъ виноваты «саботажники» и контръ-революціонеры. «Надклассовая» бюрократія къ этому моменту ужъ достаточно оторвалась отъ большевистскихъ низовъ, чтобъ заняться самокритикой и констатировать необходимость «пойти на выучку къ капитализму». Такъ кронштадтское возстаніе только извлекло на поверхность новыя настроенія, зрѣвшія втихомолку въ сердцахъ болѣе трезвыхъ элементовъ большевизма.

Какъ всегда, первое слово сказалъ Ленинъ. Въ брошюрѣ о «продналогѣ» онъ сталъ объяснять, что капитализмъ можетъ быть даже положительнымъ явленіемъ, ибо «капитализмъ есть зло по отношенію къ соціализму, капитализмъ есть благо по отношенію къ средневѣковью, по отношенію къ мелкому производству, по отношенію къ связанному съ распыленностью мелкихъ производителей бюрократизму». Онъ сдѣлалъ выводъ о томъ, что съ «кулачествомъ» отнюдь не слѣдуетъ бороться тѣми мѣрами, которыя ведутъ къ его уничтоженію; что нужно допустить и частную торговлю, и даже мириться со спекуляціей.

За Ленинымъ послѣдовалъ цѣлый хоръ второстепенныхъ дѣятелей. Иные умѣли очень убѣдительно объяснить необходимость капитализма. Рыковъ, напр., говорилъ очень вразумительно на 4-мъ съѣздѣ совѣтовъ народнаго хозяйства:

«Если какая-нибудь фабрика, которая въ нашихъ рукахъ бездѣйствуетъ, пойдетъ въ ходъ въ рукахъ частнаго предпринимателя, то преступленіемъ было-бы не передать ее ему. Главная задача состоитъ въ томъ, чтобъ возможно скорѣе, любыми средствами уничтожить товарный кризисъ».

И посыпался рядъ практическихъ мѣръ, о которыхъ я подробно говорю въ главѣ объ экономической политикѣ: свобода торговли, сдача въ аренду заводовъ и фабрикъ, возвратъ домовъ ихъ владѣльцамъ, возвратъ къ «буржуазной системѣ» оплаты желѣзнодорожнаго движенія, квартирной платѣ и т. д. Я не занимаюсь здѣсь анализомъ этихъ декретовъ въ общемъ или въ частности. Тотъ вопросъ, который надо сейчасъ выяснить, гласитъ: какъ отразится эта новая политика на коммунистической партіи?

Еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ русскіе коммунисты только улыбались при такомъ вопросѣ. «Какъ отразится? Да никакъ не отразится. Партія скована желѣзной дисциплиной и она такъ же стойко отступитъ теперь, какъ она наступала на контръ-революцію!» Но эта самоувѣренность ровно ничего не стоитъ. Ибо точно такъ же какъ армію сковываетъ и усиливаетъ удачное наступленіе и разлагаетъ большое отступленіе, — такъ и большевистскую партію, воспитавшую свою

дисциплину въ удачныхъ войнахъ, неизбѣжно разлагаетъ быстрое отступленіе, превращающееся подчасъ въ паническое бѣгство.

«Кто и почему выходитъ изъ партіи?», спрашиваетъ Мироновъ въ московскихъ «Извѣстіяхъ» отъ 2-го октября; и группируя уходящихъ коммунистовъ по мотивамъ ухода, — отвѣчаетъ на свой вопросъ:

Первую группу составляютъ тѣ, кто видѣлъ «въ періодѣ «военнаго коммунизма» начало непосредственнаго и быстраго преобразованія нашего хозяйства въ коммунистическое, забывая, что наше хозяйство является только частью мірового и не можетъ мыслиться независимо отъ него. Имъ хотѣлось ввести коммунизмъ, что называется, однимъ ударомъ. Въ результатѣ, эта «нетерпѣливость» обильно вскармливала революціонную фразу и должна была привести страдающихъ ею товарищей къ разрыву съ партіей, приближенію къ анархизму. Пока, однако, шла борьба на военныхъ фронтахъ, противорѣчіе положенія этихъ, по существу, чуждыхъ намъ элементовъ, не вскрылось съ достаточной очевидностью. Только переходъ къ новой экономической политикѣ, въ отношеніи къ которой опредѣляется марксистъ, заставилъ эти элементы снова продумать свое отношеніе къ партіи. Самые честные изъ этихъ элементовъ предпочли уйти изъ партіи, осознавъ случайность своего пребыванія въ ней».

Такимъ образомъ, это честные, боевые коммунисты, вѣрившіе въ наступленіе коммунизма и уходящіе изъ партіи потому, что они не могутъ мириться съ ея новымъ «курсомъ на капитализмъ».

Вторая группа это крестьяне.

«Защиту революціи самые сознательные изъ крестьянъ, естественно, не отдѣляли отъ коммунистической партіи, разсматривая послѣднюю съ точки зрѣнія борьбы съ помѣщиками, а не какъ строителя общества на новыхъ началахъ. Раскулачиваніе, которое сопровождало революцію въ деревнѣ, еще болѣе революціонизировало ее бѣдноту. Но оно же привело къ совершенно инымъ результатамъ. Деревня осереднячилась. Бѣднякъ, получившій землю и лошадь, постепенно

успокаивался и сливался съ остальной деревней. Это «окулачиваніе» не могло пройти совершенно незамѣтно для сельской ячейки, крестьянъ-коммунистовъ. Часть ея также успѣвала за періодъ раскулачиванія усилить, укрѣпить свое хозяйство и постепенно стала отходить отъ партіи (къ тому же ликвидація фронтовъ почти вытравила у нихъ основное, — память о помѣщичьей опасности)».

Наконецъ третью и четвертую группу составляютъ, по мнѣнію Миронова, тѣ коммунисты, кто «усталъ голодать» или не понимаетъ новой экономической политики. Какъ полагается въ офиціозахъ, Мироновъ заканчиваетъ свою статью разными предложеніями, какъ спасти партію отъ разложенія. Но фактъ распада остается неоспоримымъ.

Да и какъ могло быть иначе? Представьте себѣ коммунистическаго рабочаго-«середняка», того наивнаго и фанатичнаго коммуниста, который всерьезъ былъ убѣжденъ, что только русская и міровая буржуазія мѣшаютъ установленію коммунизма въ Россіи, и что поэтому побѣда надъ ними въ гражданской войнѣ обезпечитъ счастливое развитіе коммунизма. И что-же? Когда буржуазія разбита, приходится продѣлывать поворотъ къ капитализму, да такой крутой и рѣшительный, что отъ вчерашняго коммунизма остаются лишь рожки да ножки. И тысяча вопросовъ встаетъ передъ каждымъ большевикомъ. Если капитализмъ неизбѣженъ, зачѣмъ-же мы съ такими жертвами изгоняли его три года? Если наши репрессіи не уничтожили буржуазію, зачѣмъ чрезвычайныя комиссіи занимались массовымъ уничтоженіемъ отдѣльныхъ буржуа? Если диктатура коммунистовъ совмѣстима съ капитализмомъ, зачѣмъ подавленіе демократическихъ партій? Да мало-ли еще какіе вопросы встаютъ передъ нимъ, если онъ видитъ на дѣлѣ, какъ всѣ программы и прогнозы послѣднихъ лѣтъ превращаются въ свою противоположность!

Онъ до сихъ поръ дѣлалъ коммунистическое дѣло, и дѣлалъ его съ энтузіазмомъ. Онъ безъ энтузіазма вообще ничего

дѣлать не умѣетъ. Но вотъ ему поставлена новая задача. Онъ долженъ содѣйствовать ликвидаціи коммунистическаго хозяйства! Онъ долженъ помогать сдачѣ въ аренду того завода, гдѣ онъ работаетъ. Онъ долженъ помочь старому домовладѣльцу водвориться въ своемъ старомъ владѣніи. Онъ долженъ мириться съ новымъ с о ц і а л ь н ы м ъ н е р а в е н с т в о м ъ, которое будетъ неизбѣжно расти и углубляться при новомъ курсѣ политики.

«Ни въ одной самой богатой капиталистической странѣ нѣтъ сейчасъ такой разнузданной расточительности, такого мотовства и обжорства, какія царятъ сейчасъ у насъ среди совбуровъ и вновь испеченной буржуазіи. Въ Парижѣ, Лондонѣ, Нью-Іоркѣ — роскошь отъ изобилія, у насъ — роскошь среди неслыханнаго обнищанія, среди невиданнаго голода; тамъ капиталистъ проѣдаетъ небольшой процентъ своихъ доходовъ, здѣсь проѣдаютъ весь доходъ или его огромную долю.

«Наша буржуазія находится въ періодѣ первоначальнаго накопленія, но не хочетъ накоплять, и на глазахъ у голоднаго населенія безцеремонно съѣдаетъ то, что она воруетъ у государства или выжимаетъ изъ голоднаго населенія». (Кузовковъ, въ «Извѣстіяхъ», 11 ноября 1921 г.).

И съ этимъ долженъ мириться нашъ рядовой коммунистъ! Онъ долженъ создавать это! И все это онъ долженъ дѣлать съ одушевленіемъ! Нѣтъ, это сверхъ силъ его!

Вѣдь и Ларинъ говоритъ, что «сдача въ аренду предпріятій — дѣло досадное и очень непріятное!» А легко-ли съ жаромъ дѣлать столь досадное и непріятное дѣло?

Совершенно иначе относятся къ новому курсу въ партійныхъ «верхахъ». Конечно, и тутъ немало смятенія и растерянности. Легко-ли въ пару мѣсяцевъ перевести все хозяйство на новыя рельсы? Но это безпокойство — не безпокойство за свои принципы. Это тревога не за коммунизмъ, а за свою работоспособность, не за равенство, а за пригодность и приспособленность къ совершенно новымъ задачамъ. Объ энтузіазмѣ здѣсь вообще рѣчи нѣтъ. Ибо здѣсь работа давно уже идетъ б е з ъ п а ѳ о с а. И для возврата къ капитализму

бюрократія пригодна уже потому, что она вообще выполнитъ все, что прикажутъ; выполнитъ, поскольку выполненіе вообще въ данныхъ условіяхъ возможно. Это люди выпотрошенные и выхолощенные. Страсти у нихъ не бываетъ. Они поэтому съумѣютъ сдѣлать «дѣло досадное и непріятное».

Такимъ образомъ, въ сферѣ экономики бюрократія оказывается способной дѣлать то, что Россіи сейчасъ необходимо: содѣйствовать развитію капитализма; въ то время, какъ утопическіе «низы» могутъ только препятствовать и затруднять подобнаго рода развитіе. И если называть прогрессивнымъ все то, что можетъ содѣйствовать экономическому прогрессу, то бюрократія оказывается болѣе прогрессивной, чѣмъ рабоче-коммунистическая масса. Иначе однако складываются взаимоотношенія въ политической области.

Коммунистическіе «низы» не потеряли вѣры въ силу массы. Они сохранили въ себѣ капельку классическаго большевизма, большевизма 1917 года. Въ нихъ живъ Sturm und Drang большевизма. Но этотъ классическій большевизмъ заключаетъ въ себѣ большое ядро демократизма. Не демократіи, какъ распространенной въ мірѣ государственной системы, а демократизма въ смыслѣ напряженной общественной жизни со множествомъ организацій, съѣздовъ, комитетовъ, выборовъ, гласности. Вѣдь выраженіемъ этихъ-то настроеній и была «совѣтская конституція», предоставляющая свободу печати, собраній, союзовъ всѣмъ партіямъ «трудящихся классовъ». Эпоха коммунистической власти уничтожила эти свободы. Но она отнюдь не вытравила эту, самую сильную сторону совѣтской идеологіи изъ души своихъ горячихъ и наивныхъ приверженцевъ. Поэтому эти элементы коммунизма при всевозможныхъ грядущихъ политическихъ столкновеніяхъ, въ борьбѣ съ теченіями монархизма, бюрократизма, полицейскаго государства окажутся на сторонѣ болѣе свободныхъ общественныхъ формъ.

Наоборотъ, бюрократія лишена этого пристрастія къ свободной общественной жизни. Она была сама диктаторомъ. Она сама состоитъ изъ продкомиссаровъ, чекистовъ, офице-

ровъ, полицейскихъ. Въ ней нѣтъ и не можетъ быть поэтому пристрастія вообще ни къ какой опредѣленной политической формѣ, и легче всего будетъ ей отвыкнуть отъ «совѣтизма». Часть ея можетъ поэтому, при условіяхъ, благопріятныхъ для абсолютизма, легко сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ какого-нибудь популярнаго «мужицкаго» политика и пьедесталомъ для его возвышенія.

Такъ причудливо складываются комбинаціи соціальныхъ силъ. «Низы» утопичны, экономически реакціонны, политически — демократичны; «верхи» экономически реалистичны, поэтому прогрессивны, политически — безразличны, поэтому отчасти реакціонны.

Но кризисъ экономики коммунизма — онъ идетъ уже на всѣхъ парахъ — неизбѣжно превращается въ кризисъ коммунистической партіи. Никакія силы въ мірѣ не могутъ остановить этого процесса, развѣ только внѣшняя интервенція могла-бы вновь задержать его. Но интервенціи очевидно не будетъ, и кризисъ будетъ развиваться съ неумолимой неизбѣжностью. И онъ будетъ еще усугубляться большими неудачами, которыя ожидаютъ новую политику коммунизма.

Если-бъ новая политика «компромиссовъ съ крестьянствомъ», «уступокъ русской буржуазіи», «соглашенія съ міровой буржуазіей» и т. п. — если-бъ всѣ эти аренды, концессіи, свобода торговли и пр. способны были, въ условіяхъ большевистской диктатуры, дѣйствительно вызвать большой хозяйственный подъемъ, — тогда перспективы большевистской партіи были-бы пожалуй иныя. Но всѣ эти мѣры, изъ которыхъ большинство очень разумно и необходимо, не могутъ дать въ данныхъ политическихъ условіяхъ большихъ положительныхъ результатовъ. Этому препятствуетъ во-первыхъ исторія политики коммунистической партіи за время ея пребыванія у власти, во-вторыхъ ея составъ. Вѣдь проводящая «новый курсъ» партія осталась та-же. Взгляните-же, что получается и не можетъ не получиться въ условіяхъ этого новаго курса.

Если сегодня публикуется пачка декретовъ о свободѣ торговли и частной промышленности, то завтра же спекулянтъ, у котораго есть 50 милліоновъ руб., отправляется за товаромъ. Черезъ пару дней онъ раздобылъ товаръ, черезъ недѣлю онъ уже привезъ и продалъ его. Вмѣсто 50 милліоновъ у него уже 80 или 100 милл. и вмѣстѣ съ тѣмъ капиталъ его закончилъ свой оборотъ. Онъ можетъ начинать сначала. Ему нѣтъ нужды заглядывать далеко впередъ и задумываться о перспективахъ. Ему бы «купить и продать». Поэтому торговый капиталъ получаетъ сильнѣйшій импульсъ отъ введенія «продналога», свободы торговли и пр.

Ремесленникъ или мелкій промышленный хозяинъ находится уже въ иномъ положеніи. Если у него есть хотя-бы крохотный капиталецъ, милліоновъ 10 обезцѣненныхъ рублей, то онъ, прочитавъ о реформахъ, все же задумается и начнетъ разсчитывать. Чтобъ оборудовать небольшую мастерскую, ему нужно нѣсколько недѣль. Онъ затратитъ свои деньги на сырье, инструменты и помѣщеніе. Черезъ мѣсяцъ онъ начнетъ, быть можетъ, продавать свои продукты и, назначивъ «достаточныя» цѣны, сможетъ сносно жить. Мѣсяца черезъ три онъ уже вернетъ себѣ свои деньги съ порядочнымъ излишкомъ. Но... что будетъ черезъ 3 мѣсяца? Не совершится ли новый поворотъ въ экономической политикѣ? Не ликвидируютъ ли «они» за это время и «новый курсъ» и его карликовый «капитализмъ»? Однако, 3 мѣсяца срокъ небольшой и, понадѣявшись на авось, онъ не безъ опаски принимается за дѣло, давши себѣ слово содрать съ покупателя двѣ шкуры за свой рискъ сдѣлаться хозяиномъ при коммунистической власти.

Еще труднѣе положеніе крестьянина. Конечно, продовольственный налогъ и свободная торговля представляютъ для него большое облегченіе. Высокія хлѣбныя цѣны — большая приманка, и онъ не прочь во многомъ отказать себѣ, чтобъ расширить запашку, обзавестись новой коровой или лошадью и черезъ годъ-другой встать на ноги и выйти въ «кулаки». Но результаты его трудовъ и лишеній скажутся вѣдь не скоро; не раньше, какъ черезъ 7—8 мѣсяцевъ послѣ посѣва

онъ почувствуетъ результаты новой политики и расширенія хозяйства. Кто можетъ доказать ему, что за это время продналогъ не будетъ взятъ обратно, а поравнительная тенденція противъ «кулаковъ» и «богатѣевъ» не ударитъ его такъ же больно, какъ она била его полгода или годъ или два назадъ? На съѣздѣ Совѣтовъ народнаго хозяйства лѣтомъ 1921 г. народный комиссаръ Осинскій заявилъ, что на «мѣстахъ» не вѣрятъ въ перемѣну; считаютъ, что осенью вновь будетъ разверстка; что изъ-за отсутствія «аппарата» не справятся съ работой; словомъ, что перемѣны «несерьезны и не надолго». И если таковы настроенія крестьянства, то коммунистическіе работники и литераторы своими рѣчами и статьями о «временной передышкѣ» въ коммунистическомъ строительствѣ только усугубляютъ невѣріе и усиливаютъ подозрительность крестьянской массы. И тутъ врядъ-ли много помогутъ рѣшенія комм. конференцій, что «новый курсъ» расчитанъ «на долгій періодъ». Расширеніе хозяйства требуетъ большихъ трудовъ, затратъ и лишеній. Для этого нуженъ сильный и длительный импульсъ. Продовольственный налогъ и свобода торговли, при коммунистической власти, даютъ такой импульсъ лишь въ незначительной степени.

Но еще больше затрудненій въ области промышленнаго капитализма. Оборудованіе промышленнаго предпріятія требуетъ громадныхъ капиталовъ, которые въ русской валютѣ должны исчисляться милліардами. Процессъ «вложенія» этого капитала, т. е. постройка или ремонтъ зданій и машинъ, заготовка сырья и топлива, приглашеніе персонала — дѣло многихъ мѣсяцевъ. Они пройдутъ раньше, чѣмъ пойдетъ въ ходъ первое колесо. Затѣмъ необходимо наладить отношенія съ государственными учрежденіями и обезпечить себѣ регулярное снабженіе необходимыми элементами производства. И только послѣ этого, и то довольно медленно, начнутъ сказываться результаты этой работы въ видѣ капиталистической прибыли. Капиталъ же остается скованъ формой своего примѣненія. Онъ не можетъ быть извлеченъ въ любой моментъ при перемѣнѣ коммунистической погоды.

По тѣмъ же причинамъ ничего не вышло до сихъ поръ изъ концессій, несмотря на громадный шумъ, поднятый вокругъ нихъ. Сколько велось переговоровъ, сколько дѣлалось заманчивыхъ предложеній! Но каждый разъ, послѣ первыхъ восторговъ начиналось охлажденіе. Иностранцы знакомились съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи и, убѣдившись въ томъ, что режимъ не дастъ имъ гарантій «спокойной работы», прекращали переговоры. Обезпечить себя отъ неожиданностей въ Россіи нельзя тѣми же методами, какъ въ Мексикѣ, или Месопотаміи или Египтѣ. О завоеваніи Россіи теперь ужъ рѣчи нѣтъ. Россія не можетъ быть колоніей. Поэтому международному капиталу осталось только выжидать.

Почему же, въ концѣ концовъ, послѣ всѣхъ декретовъ и реформъ крестьяне, промышленники и иностранные концессіонеры такъ медлятъ и воздерживаются, несмотря на то, что ихъ энергичнѣйшимъ образомъ зазываютъ и поощряютъ? Почему одни лишь торговцы, спекулянты и мѣшечники ретиво принялись за хозяйственную «дѣятельность»? Потому что товарное и буржуазное хозяйство, по существу своему, требуетъ прочности и устойчивости экономическаго режима,— такой прочности и такой устойчивости, которую коммунистическая власть не въ силахъ дать.

Я не хочу этимъ сказать, что «новая экономическая политика» абсолютно ничего не можетъ дать. Нѣтъ, нѣкоторые, сравнительно небольшіе успѣхи возможны. Но и эти успѣхи не могутъ ни поднять престижъ власти, ни убѣдить сомнѣвающіеся «низы» въ благотворности новаго курса. Тѣмъ болѣе кризисъ дѣлается неотвратимымъ.

Зачѣмъ я такъ подробно останавливаюсь на внутренней жизни большевистской партіи? Отнюдь не изъ уваженія къ ней, или къ ея теоріи. Но въ той обстановкѣ, которая создалась въ послѣдніе годы, при отсутствіи всякой общественности жизни, въ атмосферѣ апатіи и растерянности, при обморочномъ состояніи всѣхъ другихъ партій, организацій, — большевистская партія остается един-

ственной организованной общественной силой, наряду съ красной арміей. Поэтому ликвидація большевизма не можетъ произойти тѣмъ-же путемъ, какимъ происходила ликвидація предыдущихъ правительствъ. Она не можетъ произойти путемъ возстанія. Эпоха возстаній соотвѣтствуетъ эпохѣ революціоннаго подъема, роста революціонныхъ настроеній. Періодъ завершенія и окончанія революціи связанъ съ политическими переворотами иного характера: расколами, заговорами и пронунціаменто.

Плохо-ли это или хорошо, но русская революція пошла особыми путями. Борьба новой Россіи со старой прошла черезъ четырехлѣтнюю эпоху большевизма, черезъ гражданскую войну, доставившую побѣду большевизму, черезъ красную армію, построенную большевиками. «Новое общество» рождается изъ большевистской партіи. Въ первые годы этого новаго общества коммунистическая партія является зародышемъ новаго, буржуазнаго общества. Уничтоживъ всѣ другія партіи, большевизмъ превратился въ универсальную партію, въ государство. И поэтому зародыши всѣхъ новыхъ классовыхъ и партійныхъ группировокъ заключены въ единой Р. К. П. Какъ изъ луковицы вырастаютъ понемногу различные стебельки, такъ и политическія группировки ближайшаго будущаго вырастаютъ изъ нынѣшней единой правящей партіи.

Въ ней есть крестьянскіе элементы, еще не сложившіеся въ особое теченіе, но очень сильные и крѣпкіе въ волостныхъ и уѣздныхъ органахъ власти. Въ ней значительныя рабочія группы, начинающія смутно сознавать свои особые интересы въ предѣлахъ партіи-государства. Въ ней большія интеллигентскія группы, отчасти съ демократическимъ устремленіемъ, отчасти — великодержавнымъ, въ духѣ «Смѣны Вѣхъ». Въ ней, наконецъ, немало ново-буржуазныхъ элементовъ. Всѣ они уживаются, до поры до времени, въ предѣлахъ одной партіи[1]).

[1]) Этотъ разнородный составъ „рабочей“ партіи очень ясно видѣнъ изъ слѣдующей таблицы, взятой нами изъ „Правды“ отъ 12-го ноября 1921 г.

Но когда пробьетъ ихъ часъ, они выйдутъ на свѣтъ божій изъ чрева ихъ общей матери, и взаимная борьба ихъ заполнитъ собой политическую исторію. Разумѣется, къ каждой изъ этихъ группъ примкнутъ элементы, и не входившіе въ большевистскую партію. Это ясно само собой. Но всѣ эти группировки рождаются изъ коммунистическаго Мюръ и Мерилиза.

Какъ дѣтски-наивны попытки бороться съ неумолимыми центробѣжными силами при помощи «чистки партіи»! Какая въ этомъ масса бюрократическаго самомнѣнія и чудовищнаго ослѣпленія, присущаго, впрочемъ, всякому побѣдителю! Что дала «чистка партіи», задуманная для того, чтобъ очиститься отъ буржуазныхъ элементовъ? Массу недовольства, исключеніе правыхъ и лѣвыхъ, чистыхъ и безчестныхъ, — да въ придачу дюжину анекдотовъ, путешествующихъ по міру. Нѣтъ, *такими* методами исторію не побѣдить!

Но именно поэтому ликвидація большевизма такъ сильно затянулась. *Но поэтому-же ликвидація большевизма можетъ быть только процессомъ самоликвидаціи*: разложеніемъ и распадомъ Р. К. П. И только тогда будутъ постепенно, *мало-по-малу* выступать на политическую арену тѣ общественныя силы, взаимная борьба которыхъ заполнитъ собой ближайшіе годы и исходъ которой опредѣлитъ формы государственнаго строя грядущей Россіи. Каковы-же эти силы и каковы эти формы?

Рабочіе составляли, среди членовъ партіи, слѣдующій процентъ:

Изъ вступившихъ въ коммун. партію	до 1917 г.	53	58 %
» » » » »	въ 1917 г.	63	
» » » » »	въ 1918 г.	44	44 %
» » » » »	въ 1919 г.	45	
» » » » »	въ 1920 г.	42	

Наоборотъ, крестьяне составляли:

изъ вступившихъ	до 1917 г.	3	4,5 %
» »	въ 1917 г.	6	
» »	въ 1918 г.	17	17 %
» »	въ 1919 г.	17	
» »	въ 1920 г.	18	

Въ уѣздныхъ организаціяхъ процентъ крестьянъ повысился въ то же время съ 7 до 25.

Наконецъ, служащіе, составлявшіе до 1918 г. 15—16 %, достигли затѣмъ 20—22 %.

VI.

Что дальше?

Изъ сказаннаго слѣдуетъ раньше всего, что ликвидація большевизма не будетъ происходить въ формѣ крестьянскаго возстанія, и вѣроятно даже не въ формѣ ликвидаціи совѣтскаго строя.

Крестьянскія возстанія длятся ужъ почти безъ перерыва три года. Они сдѣлались явленіемъ нормальнымъ въ большевистскомъ режимѣ. Я говорю это вполнѣ серьезно. Коммунистическая власть не можетъ управлять, не вызывая то тутъ, то тамъ крестьянскихъ возстаній. Разрушая промышленность экономической утопіей, ей ничего не оставалось, какъ нажимать на деревню. Такова историческая необходимость.

Временами крестьянскія возстанія принимали громадные размѣры и охватывали цѣлыя губерніи и даже нѣсколько губерній. Но они не разрушили, да и не могли разрушить большевистскаго государства. Таковъ характеръ, такова сущность крестьянскихъ движеній въ современной Россіи. Движенія эти остаются чисто крестьянскими, покуда они стихійны, анархичны, неорганизованы, — но въ этой формѣ они неопасны для центральной власти. Когда они принимаютъ организованную форму, т.-е. выдѣляютъ боеспособную армію, они превращаются въ орудіе чуждой имъ политики, въ орудіе военнаго начальства, кровно связаннаго съ интересами совершенно иныхъ классовъ. Въ этихъ случаяхъ дѣло доходитъ до войны, но пораженіе ихъ тогда ужъ неизбѣжно. Они перестаютъ ужъ быть крестьянскимъ движеніемъ.

Крестьянское движеніе оказалось неспособнымъ бороться съ царизмомъ. Не крестьянство совершило мартовскую революцію. Оно лишь рѣшило исходъ борьбы въ конечномъ счетѣ. Оно молчаливо кладетъ свой гигантскій вѣсъ на ту или иную чашку вѣсовъ — и рѣшаетъ вопросъ безапелляціонно.

И точно такъ же крестьянство не въ силахъ свергнуть коммунистическую власть. Бандитизмъ — форма крестьян-

скаго движенія противъ коммунизма — не можетъ ни побороть Москву, ни создать новой власти. Даже въ моменты высшаго напряженія антикрестьянской политики большевиковъ — во времена комбѣдовъ и пр. — крестьянское движеніе не выходило за мѣстныя рамки. И то же происходитъ сейчасъ, въ періодъ страшнаго голода. Не оно поэтому ликвидируетъ большевизмъ какъ правящую партію. Но послѣ его ликвидаціи оно своимъ вѣсомъ сдѣлаетъ ликвидацію эту прочной и возвратъ къ большевизму невозможнымъ.

Точно такъ же ясно, что процессъ ликвидаціи большевистской власти, если онъ является процессомъ самоликвидаціи, можетъ протекать и въ совѣтскихъ формахъ, хотя возможны, конечно, и иныя формы. Недовольство народной массы направлено почти одинаково противъ большевистской власти и совѣтскаго строя. Для нея это синонимы. Но она пассивна. А тѣ, кто сохранилъ политическую активность, примыкаютъ къ Р. К. П. или стоятъ близко къ ней. Они видятъ вещи въ иномъ свѣтѣ. Они срослись съ идеей «совѣтской власти», но они недовольны тѣмъ или инымъ вождемъ, или той или другой группой вождей, или политикой Ц. К. Р.К.П. Они хотятъ совѣтскаго строя безъ «этой политики». Они будутъ искать союзниковъ за предѣлами большевизма. Словомъ, дѣло идетъ, быть можетъ, на первыхъ порахъ къ созданію «совѣтской власти безъ диктатуры большевиковъ».

Вокругъ этого знамени «свободныхъ совѣтовъ» смогутъ объединиться партіи или части партій отъ анархистовъ до эсэровъ, а можетъ быть и еще правѣе. И первые дни «освобожденія отъ тираніи», новаго «завоеванія свободы» будутъ полны толковъ о «единствѣ трудящихся», розовыхъ надеждъ и упованій. Но трудности не заставятъ себя долго ждать.

Совѣты, какъ органъ власти, очень несовершенная форма. Въ чемъ ихъ достоинство, по мнѣнію ихъ сторонниковъ? Въ томъ, что вся власть въ рукахъ «трудящихся города и деревни», что буржуазія не имѣетъ избирательныхъ правъ. Значительный-ли процентъ избирателей составляетъ буржуазія? Въ Россіи, гдѣ почти всякій горожанинъ, въ томъ числѣ

и буржуа, состоитъ въ той или иной формѣ на совѣтской, т.-е. государственной службѣ, кругъ избирателей въ совѣты совпадаетъ съ кругомъ избирателей въ парламентъ или земство или думу, если-бъ установлено было демократическое избирательное право. Но если даже исключить всѣхъ, имѣющихъ капиталъ, то кругъ избирателей сократится никакъ не больше, чѣмъ на 2—3%! Къ этому сводится все преимущество!

За то совѣты, какъ органъ власти, имѣютъ не мало недостатковъ, на которые уже указывалось не разъ. Во-первыхъ нѣтъ равнаго избирательнаго права. Фабрика со 101 рабочимъ имѣетъ столько-же представителей, какъ фабрика со 199. На крупныхъ предпріятіяхъ, гдѣ 1 депутатъ приходится, допустимъ, на каждые 500 избирателей, 1501 человѣкъ имѣютъ столько-же голосовъ, какъ и 1999. Во-вторыхъ — и это еще гораздо важнѣе — выборы не прямые. Горожане выбираютъ депутатовъ въ мѣстный совѣтъ, мѣстный совѣтъ — въ губернскій съѣздъ, губернскій съѣздъ — во всероссійскій съѣздъ, наконецъ всероссійскій съѣздъ — во Всероссійскій Центральный Исполнительный Комитетъ. Такимъ образомъ постоянно дѣйствующій (по конституціи) органъ народнаго представительства является завершеніемъ четырехстепенныхъ и даже пятистепенныхъ выборовъ.

Въ третьихъ — система выборовъ не обязательно тайная (по конституціи). Избиратели могутъ собственнымъ постановленіемъ ввести систему тайныхъ выборовъ, но при громадномъ множествѣ избирательныхъ собраній это не дѣлается правиломъ. Такимъ образомъ отсутствуютъ всѣ основные признаки свободныхъ, демократическихъ выборовъ: они не прямые, не тайные, не равные, и въ нихъ нѣтъ никакой пропорціональности представительства.

Изъ этихъ недостатковъ нѣкоторые не связаны органически съ принципомъ совѣтскаго строя. Такъ совѣтскій государственный строй вполнѣ допускаетъ (въ теоріи) тайну выборовъ, и даже нѣкоторую пропорціональность (складываніе остатковъ). Но онъ совершенно не допускаетъ прямыхъ выборовъ. Онъ несовмѣстимъ съ ними. Онъ ихъ радикально исключаетъ.

И вотъ этотъ вопросъ о совѣтской конституціи и конституціи «формально-демократической» неизбѣжно встанетъ на очередь въ послѣ-коммунистическій періодъ. Не потому только, что есть доктринеры «формальной демократіи», которые поторопятся выдвинуть свою программу. Но еще и потому — и это рѣшающій пунктъ, — что всѣ недостатки «совѣтизма», мало обращавшіе на себя вниманіе въ періодъ коммунизма, будутъ рѣшать побѣду той или другой партіи на всевозможныхъ выборахъ, когда эти выборы перестанутъ «дѣлаться сверху». Оппозиція будетъ всегда винить недостатки совѣтскаго строя въ своихъ неудачахъ; она всегда будетъ объявлять представительные органы кривымъ зеркаломъ народныхъ настроеній. Кто сможетъ доказать, что она неправа?

Система совѣтовъ сыграла свою роль не какъ новая, особенно совершенная форма власти «трудящихся классовъ». Этого плюса за ней нѣтъ. Она только была той формой, при помощи которой коммунизмъ могъ сдѣлаться властью. Она была сперва, въ первый годъ совѣтской власти, орудіемъ борьбы народныхъ низовъ, въ томъ числѣ и крестьянъ, съ имущими классами. Затѣмъ, въ дальнѣйшіе годы, она была орудіемъ диктатуры коммунистическаго пролетаріата надъ крестьянствомъ. Наконецъ, въ послѣдній періодъ, она сдѣлалась орудіемъ коммунистической бюрократіи. Но всегда, во всѣ эти моменты, она имѣла смыслъ лишь постольку, поскольку она обезпечивала диктатуру меньшинства, т.-е. Р. К. П. Лишь только эта диктатура уничтожена, несовершенная совѣтская конституція не имѣетъ больше raison d'être. И ей остается тогда сыграть еще послѣднюю роль: содѣйствовать болѣе или менѣе «конституціонному», т.-е. болѣе или менѣе легальному превращенію Россіи изъ совѣтской страны въ страну демократическую. Она должна «отрицать самое себя». Но она не сумѣетъ сохраниться сколько-нибудь продолжительное время послѣ этого.

Вопросъ о совѣтахъ будетъ однимъ изъ боевыхъ вопросовъ послѣ-коммунистическаго періода, но лишь однимъ изъ многихъ. Другимъ спорнымъ вопросомъ будутъ «свободы».

Какъ далеко они должны простираться направо и налѣво? Можно-ли допустить всю реакціонную эмиграцію въ Россію, допустить свободную агитацію на выборахъ и свободу печати для монархистовъ? Съ другой стороны — коммунистическая работа, которая не можетъ не ставить себѣ цѣлью новый захватъ власти — открыть-ли ей просторъ или загнать въ подполье?

Другими словами, передъ Россіей встанетъ вновь вопросъ о существѣ демократическаго строя. Демократизмъ можетъ направить свое остріе направо или налѣво. Направо — это значитъ союзъ крестьянскихъ и нѣкоторыхъ изъ рабочихъ партій противъ реакціи. Налѣво — значитъ союзъ крестьянства и новой буржуазіи для подавленія всякаго «подозрительнаго по коммунизму», т.-е. всякаго рабочаго движенія.

То и другое можетъ умѣститься въ «демократическихъ» рамкахъ. И вѣрнѣе всего, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ политическая линія не будетъ прямой. Политика власти будетъ колебаться, ударяясь то вправо, то влѣво. Это значитъ, что крестьянство будетъ мѣнять своихъ союзниковъ. Союзъ съ имущими элементами городовъ будетъ обезпечивать ему тотъ «порядокъ», въ которомъ оно нуждается, и дастъ ему подавленіе коммунистовъ. Но отъ правыхъ партій будетъ сильно отдавать запахомъ реставраціи. Даже одна свобода монархической агитаціи, — свобода, неизбѣжно связанная съ крестьянско-буржуазной властью — будетъ отпугивать и деревню, и городъ призракомъ царизма, соціальной реставраціи. Съ другой стороны, союзъ крестьянства съ демократическими элементами городовъ, т.-е. съ нѣкоторыми рабочими партіями, откроетъ просторъ коммунистической агитации, демонстраціямъ («хлѣба и совѣтской власти!») и попыткамъ «выступленій». Это не можетъ не отпугнуть крестьянство, не оттолкнуть его вправо, не можетъ не побудить его искать союзника среди имущихъ классовъ.

«Борьба за крестьянство» дѣлается главной задачей всѣхъ партій. Она будетъ осложняться тѣмъ, что крестьянство, экономически очень неоднородное, будетъ и въ политическомъ отношеніи окрашено въ разные цвѣта. Поравненіе,

передѣлы, однородность состава — все это въ предѣлахъ своей волости или своего уѣзда. Громадныя различія между крестьянствомъ южной Украины и центральнаго района; между волжскимъ или донскимъ просторомъ и сѣверо-западнымъ малоземельемъ; между крестьянствомъ, живущимъ продажей большихъ количествъ хлѣба, заинтересованнымъ въ высокихъ цѣнахъ и въ вывозной торговлѣ, и крестьянствомъ потребительско-промышленнаго типа — не только сохранились, но могутъ даже оказаться рѣшающими въ политической борьбѣ. Поэтому крестьянство центральной Россіи окажется вѣроятно болѣе радикальнымъ, чѣмъ южное и восточное, и политическая борьба будетъ въ большой степени взаимной борьбой различныхъ крестьянскихъ партій.

Но борьбу эту не надо представлять себѣ не только въ формѣ сраженій, но и въ формѣ парламентски-избирательной. Еще много времени пройдетъ, пока крестьянство научится использовать какъ слѣдуетъ, въ своихъ интересахъ, центральныя представительныя учрежденія. Если при выборахъ въ учредительное собраніе, въ 1917 году, крестьянскіе районы дали абсентеизмъ въ иныхъ мѣстахъ до 80 %, то едва-ли много лучше будетъ дѣло, когда общая политическая активность неизбѣжно пойдетъ на убыль. Поэтому отъ имени крестьянства будутъ еще долгое время авторитетно выступать и въ политической области крестьянскіе союзы: кооперативы производительные, потребительные, союзы для закупки и продажи и т. д., — словомъ тѣ новыя экономическія организаціи, которыя будутъ суррогатомъ политическихъ организацій распыленнаго крестьянства точно такъ же, какъ совѣты депутатовъ были суррогатомъ политической организаціи для распыленнаго русскаго пролетаріата.

Равнодѣйствующая крестьянскихъ настроеній — куда она пойдетъ? Отъ этого зависятъ, въ концѣ концовъ, судьбы Россіи въ ближайшую эпоху, т.-е. послѣ тѣхъ немногихъ лѣтъ, которые пройдутъ послѣ ликвидаціи коммунизма. И нельзя отрицать, что есть громадныя силы, которыя будутъ тянуть крестьянство вправо.

Въ этомъ случаѣ развитіе должно пойти слѣдующимъ путемъ. Въ крестьянствѣ растетъ и крѣпнетъ то настроеніе противъ городовъ-«обжорокъ», которое имѣется и сейчасъ. Города будутъ являть, конечно, не особенно привлекательную картину. Разнузданная спекуляція, массовое взяточничество, всеобщая продажность; паденіе умственныхъ и политическихъ интересовъ; бѣшеная погоня за наслажденіями, какъ неизбѣжная реакція противъ столькихъ лѣтъ вынужденной скромности и воздержанія; развратъ, обнаженность и пьянство. Содомъ и Гоморра — въ устахъ деревенскаго духовенства.

Кромѣ того, города — оплотъ коммунистовъ и соціалистовъ. Опасность коммунизма не велика, но ее будутъ раздувать всѣми силами. Коммунизмъ слабъ, но крестьянство будетъ опасаться всякаго вмѣшательства въ свое хозяйство, хотя бы оно исходило и отъ не-коммунистической городской власти. Городъ готовъ покуситься на его собственность! Городъ не способенъ обезпечить твердый порядокъ въ государствѣ! *Нужна новая, твердая власть!*

Но и этого мало. Не надо обольщать себя наивными надеждами. Даже и тогда, когда коммунизмъ ужъ не будетъ у власти, многіе годы будутъ происходить крестьянскія возстанія. Конечно, меньше по размѣрамъ и рѣже, чѣмъ сейчасъ. Конечно, каждая вспышка будетъ привлекать къ себѣ вниманіе, когда будетъ существовать хотя бы нѣкоторая свобода печати. Но не такъ скоро уляжется взбаломученное крестьянское море.

Какіе мотивы будутъ толкать крестьянъ на возстанія въ этотъ послѣ-большевистскій періодъ? Ихъ будетъ много. Они всѣ будутъ корениться съ одной стороны въ тѣхъ принудительныхъ мѣрахъ, къ которымъ не можетъ не прибѣгать каждое государство; съ другой — въ тяжеломъ экономическомъ положеніи крестьянства, которое тоже оправится не сразу. Но большое значеніе будетъ имѣть также вопросъ о налогахъ. Это будетъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ больныхъ для крестьянства вопросовъ.

Вопросы финансовые и валютные дѣлаются сейчасъ важнѣйшими для политической жизни всей Европы на долгій рядъ лѣтъ. На Западѣ они поставлены на очередь версальскимъ миромъ, германской контрибуціей и разстройствомъ денежнаго обращенія. И годы пройдутъ еще, раньше чѣмъ Европа — хотя бы важнѣйшія страны — вернется къ прочной, т.-е. золотой валютѣ.

Такъ же и въ Россіи всѣ эти вопросы сдѣлаются боевыми. Государство не можетъ существовать безъ доходовъ. Но вотъ ужъ четыре года, какъ въ Россіи налоговъ нѣтъ. То, что государству необходимо, оно выколачиваетъ натурой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно вынуждено сейчасъ сократить свои дѣйствительные расходы до крайняго, почти немыслимаго минимума. Армію кормятъ и одѣваютъ такъ плохо, какъ никогда. Государственныхъ служащихъ оплачиваютъ грошами. Дѣйствительные расходы государства (выраженные не въ бумажныхъ деньгахъ) ничтожны. Но долго это продолжаться не можетъ, и въ ближайшіе годы потребности государства, даже послѣ того, какъ оно освободится отъ всѣхъ ненужныхъ функцій, будутъ неизбѣжно расти. Придется вводить множество налоговъ, это придется дѣлать всякому правительству. Но на кого лягутъ эти налоги? Очевидно, на крестьянство.

О налогахъ на рабочихъ говорить не приходится: вѣдь еще больше понизить уровень ихъ жизни невозможно. Каждый налогъ, который будетъ ложиться на рабочихъ, напр., косвенные налоги, будетъ поэтому, естественно, переложенъ на промышленниковъ. Что-же касается буржуазіи, то это будетъ дьявольски-трудная задача взять съ нея сколько-нибудь значительную сумму налоговъ. Этому мѣшаетъ во-первыхъ полная неустойчивость экономическаго положенія, въ которомъ «сегодня ты, а завтра я», а финансовое вѣдомство не знаетъ съ кого брать; состояніе валюты, которое почти аннулируетъ доходы отъ главнаго изъ прямыхъ налоговъ — подоходнаго; продажность чиновничества; большія возможности сокрытія имущетсва и доходовъ. И т. дал. Поэтому наряду съ такими налогами какъ подомовый, очень

большими будутъ налоги, ложащіяся своей главной тяжестью на крестьянство (напр. поземельный налогъ) и налоги косвенные, которые неизбѣжно займутъ первое мѣсто и которые опять-таки будутъ давить крестьянство.

Борьба крестьянства противъ городовъ, естественно используемая политической оппозиціей, превращающаяся подчасъ въ возстанія въ деревнѣ и создающая благопріятную атмосферу для непрерывныхъ заговоровъ въ городахъ будетъ наполнять собой ближайшіе годы. Каждое правительство будетъ вынуждено подавлять эти возстанія. И они окончатся лишь тогда, когда наладится вновь хозяйственная жизнь. Но въ эти переходные годы, въ годы строительства капитализма, они будутъ факторомъ, усиливающимъ реакціонныя теченія.

И если общее развитіе пойдетъ въ этомъ направленіи, если маятникъ исторіи качнется, послѣ законченной революціи, далеко назадъ, а это очень возможно, — то на арену активной политики все больше будетъ выдвигаться еще одна крестьянская сила, болѣе могущественная, чѣмъ всѣ союзы и кооперативы. Я имѣю въ виду новую армію.

Красная армія воплощаетъ въ себѣ интересы крестьянства. Если въ борьбѣ съ коммунизмомъ крестьянство можетъ стать главной опорой всѣхъ элементовъ, связанныхъ съ частной собственностью, то армія можетъ воплотить въ себѣ интересы собственности. Армія можетъ сдѣлаться «національной» арміей въ томъ смыслѣ, что она превратится въ опору имущихъ классовъ и крестьянства — во внутренней политической борьбѣ. Такова была роль арміи во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, кромѣ революціонныхъ моментовъ. Въ Европѣ положеніе сильно измѣнилось послѣ войны. Но въ Россіи, гдѣ удѣльный вѣсъ городовъ ничтоженъ, роль арміи во внутренней политикѣ можетъ быть тою же, какой она была на западѣ въ 19-омъ вѣкѣ.

Крестьянство является тѣмъ классомъ, который заинтересованъ въ собственности, но до сихъ поръ мало интересовался вопросами государственнаго строя и мало понималъ и цѣнилъ «свободы». Свобода прессы существуетъ лишь для

тѣхъ, кто знаетъ прессу. Свобода союзовъ нужна для тѣхъ, кто понимаетъ смыслъ и значеніе организаціи. Русское крестьянство не знало ни того, ни другого. Въ то время, какъ швейцарская или французская республика базируется на республиканскомъ крестьянствѣ,—русское крестьянство знаетъ лишь «царя» съ его дворянами и порядкомъ, и Ленина безъ дворянъ, но съ безпорядкомъ. Именно поэтому, крестьянство, въ послѣреволюціонный періодъ, можетъ махнуть очень далеко вправо, въ дѣлѣ установленія «порядка».

Это можетъ выразиться въ томъ, что на аренѣ политической жизни, послѣ ликвидаціи большевизма, быстро выдвигается новая политическая фигура изъ тѣхъ, кто быть можетъ мало замѣтенъ сейчасъ и играетъ второстепенную роль. Человѣкъ, связанный съ революціей, врагъ реставраціи, ярый защитникъ крестьянскихъ завоеваній, вѣрнѣе всего «большевикъ безъ предразсудковъ», достаточно смѣлый, энергичный и беззастѣнчивый, чтобъ безпощадно подавить всѣ остатки большевизма, неспособные уже стать политической властью, но достаточно живые еще, чтобъ пугать всѣхъ имущихъ. Вышедшій изъ революціи, изъ ея совѣтскаго періода, онъ сначала «б о л ь ш е в и к ъ , н о н е к о м м у н и с т ъ», ненавидитъ «коммунію», для рабочихъ имѣетъ плетку и демагогію, къ «свободамъ» относится съ точки зрѣнія готтентотской морали и ревниво охраняетъ священныя права собственности. Экономическое возрожденіе Россіи, несомнѣнно наступающее въ этотъ контръ-революціонный періодъ, служитъ для легкомысленной и наивной массы блестящимъ подтвержденіемъ правильности его политики. Оно создаетъ ему ореолъ, увеличиваетъ его власть, позволяетъ ему подавить в с я к у ю оппозицію, уничтожить в с ѣ свободы, ликвидировать в с я к о е народное представительство и волею арміи и народа превратиться въ неограниченнаго народнаго «вождя».

— Итакъ, опять царизмъ?

Нѣтъ, любезный читатель, ты видишь только поверхность явленій. Новый «вождь» есть мужицкій вождь раньше всего. Онъ начинаетъ свою карьеру какъ революціонеръ и всю

жизнь долженъ отстаивать себя противъ реставраціи, дворянскихъ партій, «рейхенгалля», легитимизма. Въ немъ воплощается для крестьянства все хорошее, что принесла ему революція. Онъ конечно контръ-революціонеръ. Но онъ не реставраторъ. Ибо контръ-революція шире реставраціи. И сколько бы шаговъ онъ ни дѣлалъ направо, никакіе гербы не снимутъ съ него пятна политическаго parvenu, никакіе духи не отмоютъ его черной кости.

Кто онъ? Гдѣ онъ сейчасъ? Ходитъ ли онъ еще съ тетрадкой на офицерскіе курсы, вчера взятый отъ станка, или продѣлалъ уже въ рядахъ красной арміи нѣсколько военныхъ походовъ? Сидитъ ли въ захолустномъ исполкомѣ или засѣдаетъ въ «маломъ совнаркомѣ»? Или подписываетъ приговоры въ ревтрибуналѣ? Штатскій ли онъ или военный?

Не все ли равно, дорогой читатель? Людей, способныхъ занять его мѣсто, много въ Россіи. Кто либо, одинъ изъ нихъ, можетъ оказаться баловнемъ судьбы. Для этого нужны лишь извѣстныя условія.

* * *

— Но вы предсказываете намъ исходъ французской революціи — скажетъ читатель; и если онъ большевикъ или славянофилъ, онъ еще прибавитъ: для Россіи термидоръ и Бонапартъ непремѣнимы. Мы пойдемъ особымъ, собственнымъ путемъ!

Я скажу прямо: я не вѣрю въ эти особенные, мистическіе «собственные пути». Россія подчинена тѣмъ же законамъ, что и всякое иное общество. Но я готовъ согласиться съ однимъ: нѣтъ такого закона, чтобъ всякая революція должна была привести обязательно привести къ Бонапарту. Есть, конечно, такой законъ, который предрекаетъ Россіи гибель «коммуніи» и торжество капитализма. Это неизбѣжно. Бороться противъ этого столь же умно, какъ сражаться съ вѣтряными мельницами. Но капитализмъ можетъ развиваться и въ формахъ демократической республики, и конституціонной монархіи и абсолютизма. Поэтому борьба за ту или

иную изъ этихъ государственныхъ формъ — дѣло отнюдь не безнадежное. Исходъ ея зависитъ отъ «соотношенія силъ».

Да, аналогія съ французской революціей поразительна. Параллель проводили столько ужъ разъ, что не стоитъ повторять списокъ точекъ соприкосновенія. Что же касается точекъ расхожденія, то о нихъ говорилось мало. Одни большевики касались этого вопроса, чтобъ объяснить изумленнымъ народамъ: вся разница въ томъ, что тогда насъ не было, а теперь мы есть. Ergo тогда дѣло кончилось плоховато, а нынче все пойдетъ какъ по маслу. Но оставимъ этотъ вздоръ коммунистической соціологіи.

Корень различія состоитъ въ томъ, что изъ большихъ странъ Франція продѣлала первая на европейскомъ континентѣ буржуазную революцію. Россія продѣлываетъ ее послѣдняя. Франція была окружена сонмомъ феодальныхъ государствъ, Россія находится въ «капиталистическомъ окруженіи». Франція была богатѣйшей страной континента. Россія — бѣднѣйшая страна Европы. Французская революція была неслыханнымъ новшествомъ и богохульствомъ. Русская революція пріемлется, какъ явленіе въ общемъ и цѣломъ естественное и неизбѣжное. Это громадное, глубочайшее различіе вызываетъ и цѣлый рядъ частныхъ отличительныхъ моментовъ.

Во Франціи всеобщее избирательное право было достиженіемъ высшей, по нашему большевистской, стадіи революціи. Всѣ предыдущія ступени революціонной лѣстницы были пройдены, но цензового избирательнаго права не рѣшились отмѣнить. «Равенства всѣхъ передъ закономъ» не существовало до того. Правда, оно не существовало и въ періодъ якобинскаго террора. Но знамя «формальнаго равенства» было самымъ ярко-краснымъ знаменемъ. Ни одна другая партія не рѣшалась его выставить. Якобинскій конвентъ былъ созданъ не по типу совѣтовъ, а по типу Учредительнаго Собранія. Такимъ образомъ, всеобщіе выборы и «фор-

мальная демократія», отмѣненная въ Россіи большевиками, была во Франціи тѣмъ орудіемъ, которымъ крайняя лѣвая удачно оперировала — столь же удачно, какъ русская крайняя лѣвая оперировала «властью совѣтовъ».

Это различіе имѣетъ очень большое значеніе. Система всеобщихъ равныхъ выборовъ была для Франціи тѣмъ «измышленіемъ санкюлотовъ», которое послужило имъ мостомъ къ власти. Система эта вызвала поэтому отрицательное отношеніе во всѣхъ другихъ партіяхъ и классахъ. Она должна была умереть вмѣстѣ съ якобинцами.

Въ Россіи дѣло было иначе. Большевики связали себя съ идеей «совѣтской власти» и отвергли демократію. Демократія успѣла скомпрометировать себя нерѣшительной внутренней и особенно внѣшней политикой въ первый періодъ революціи. Но несравненно больше скомпрометировала себя совѣтская система, неразлучно связанная въ общемъ представленіи съ терроромъ и голодомъ. Поэтому, въ отличіе отъ Франціи, ликвидація коммунистической власти, а вслѣдъ затѣмъ и совѣтской системы власти отнюдь не означаетъ еще ликвидацію демократіи.

Второе отличіе — въ вопросѣ о республикѣ и монархіи. 130 лѣтъ назадъ Европа состояла изъ сотенъ монархій. Ни одно изъ большихъ государствъ не было республикой. Противъ монархіи не рѣшался выступить во Франціи никто, кромѣ тѣхъ же якобинцевъ. Поэтому республика также отдавала якобинскимъ терроромъ. Всѣ не-якобинцы втихомолку считали, что «нормальная» организація государства — монархія. Тѣмъ самымъ Франція была подготовлена къ возрожденію монархіи.

Съ тѣхъ поръ Европа измѣнилась. Республика сдѣлалась уже, въ общемъ представленіи, не менѣе «нормальнымъ» типомъ государства, чѣмъ монархія. Такіе «образцы», какъ Франція или Америка — республиканскія страны. Въ связи съ этимъ вполнѣ естественно, что сейчасъ же вслѣдъ за февральскимъ переворотомъ монархія считалась всѣми ликвидированной, и даже ка-детская партія, ставшая въ тотъ моментъ орудіемъ блока всѣхъ имущихъ классовъ, официально

измѣнила свою программу въ пользу республики. Сто лѣтъ развитія прошли не даромъ. Ликвидація «совѣтскаго строя» не означаетъ еще ликвидаціи республики. Это опять-таки вопросъ политической борьбы, въ которой на сторонѣ республики будетъ больше, чѣмъ было 130 лѣтъ назадъ.

Третье, и самое главное, отличіе сводится къ вопросу о войнѣ и мирѣ. Франція пережила непрерывный рядъ революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ, которыя съ неизбѣжностью вытекли изъ революціи. Феодальная Европа не могла мириться съ новымъ порядкомъ вещей въ сосѣдней странѣ. Конкуррентка Англія не могла согласиться на гегемонію Франціи надъ Европой. Войны тянулись до тѣхъ поръ, пока Франція не получила обратно законнаго короля и подчинилась волѣ священнаго союза. Но войны — факторъ не только внѣшней, но и внутренней политики. Они ослабляютъ общественную жизнь, создаютъ единое національное движеніе, убиваютъ вкусъ къ демократическимъ свободамъ, освящаютъ репрессіи, создаютъ славу военнымъ вождямъ и превращаютъ ихъ, при благопріятныхъ условіяхъ, въ національныхъ героевъ-императоровъ. Наслѣдникъ революціи и ея могильщикъ Наполеонъ I пришелъ къ власти, какъ вождь побѣдоносныхъ армій.

Если Россіи суждена также полоса войнъ, — ей не избѣжать новаго абсолютизма. Но суждены ли ей также нескончаемыя войны?

Французская революція вспыхнула въ мирный годъ. Ея собственное развитіе привело къ войнамъ. Разъ начавшись, европейскія войны тянулись долгое время и послѣ окончанія революціи, пока не установилось вновь политическое равновѣсіе въ международныхъ отношеніяхъ.

Русская революція вспыхнула, наоборотъ, какъ результатъ войны. Когда она достигла кульминаціоннаго пункта, закончилась небывалая по размѣрамъ и потерямъ міровая война, которая оставила европейскимъ народамъ въ наслѣдство сильнѣйшее отвращеніе къ войнамъ. Нуженъ былъ бы ужъ совершенно исключительный, необычайно сильный импульсъ,

чтобъ двинуть европейскіе народы на войну въ ближайшіе годы.

Откуда возьмется такой импульсъ? Революція ужъ не является теперь пугаломъ, для борьбы съ которымъ можно мобилизовать народы. Вся Европа, въ томъ числѣ и Франція, готова примириться съ русской революціей. Поэтому, единственнымъ толчкомъ, который вновь бросилъ бы Европу въ войну, могла бы быть только наступательная война со стороны Россіи, въ особенности противъ Польши.

Когда Россія экономически оправится, ея военная сила будетъ безусловно больше силъ ея малыхъ сосѣдей, считая и Польшу въ томъ числѣ. Если бъ дѣло дошло до борьбы за «возсоединеніе окраинъ» военными методами, она вызвала бы немедленную реакцію со стороны Франціи лишь только дѣло коснулось бы Польши. И если-бъ Россія въ этой войнѣ съ Польшей оказалась тогда побѣдительницей, — а это очень вѣроятно, — то ей пришлось бы встрѣтиться съ Франціей лицомъ къ лицу, т. е. начать новую европейскую войну.

Но даже война, и даже такая война за «единство Россіи» еще не создаетъ тѣхъ благопріятныхъ условій, которыя имѣлъ за себя французскій Бонапартъ. Ибо нѣтъ теперь тѣхъ армій, которыя могли бы спокойно жить грабежомъ оккупированныхъ странъ. Это было возможно при первыхъ арміяхъ Наполеона. Современная армія, въ нѣсколько милліоновъ человѣкъ не можетъ кормиться за счетъ «мѣстныхъ жителей» да еще посылать немалую толику «своимъ на деревню». Этихъ лавровъ исторія ужъ не вплететъ въ вѣнокъ новаго бонапарта. И тѣ блестящія побѣды, которыя доставались Наполеону въ теченіе 20 лѣтъ, не суждены Россіи. Ибо она будетъ имѣть передъ собой Европу, технически лучше вооруженную и экономически болѣе сильную. Между тѣмъ, Франція имѣла дѣло съ болѣе отсталымъ и хуже вооруженнымъ европейскимъ континентомъ.

Такимъ образомъ, шансы демократическаго развитія больше у Россіи, чѣмъ они были у Франціи въ аналогичныхъ условіяхъ. Главный факторъ, — но за то очень могуществен-

ный, — который дѣйствуетъ въ противоположномъ направленіи, состоитъ въ той пассивности, апатіи и распыленности, которой заканчивается сейчасъ революціонная эпоха. И весь вопросъ сводится къ этому пункту.

Если въ ближайшіе годы Россіи удастся избѣжать войнъ и усиленія милитаризма; если новая власть твердо встанетъ на путь реалистической экономики и сумѣетъ доказать правоту свою хозяйственными успѣхами; если удастся вновь разбудить хотя бы нѣкоторую живую общественную жизнь, — тогда, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы демократическій режимъ можно будетъ считать утвердившимся и обезпеченнымъ.

Если же, наоборотъ, Россію ожидаютъ войны, засиліе военщины, истощеніе страны во имя военнаго дѣла; если новая власть, боязливо оглядываясь то направо, то налѣво, будетъ совершать непрерывные зигзаги то въ пользу полу-соціализма, то въ пользу реакціи; если возрожденіе хозяйства пойдетъ медленнымъ темпомъ и долгіе еще годы разрухи будутъ подтачивать корни демократическаго строя; если охватившая всѣхъ апатія будетъ и въ дальнѣйшемъ убивать демократическія партіи и всю общественную жизнь, тогда нѣсколькихъ лѣтъ будетъ достаточно, чтобъ ликвидировать всякую свободу и создать тотъ синтезъ царизма и крестьянской революціи, который именуется бонапартизмомъ.

Въ политическомъ хаосѣ настоящаго дня уже намѣтились контуры будущихъ сраженій. Ясны и цѣли и пути. Еще прольется немало слезъ, и полныя драматизма событія будутъ смѣнять другъ друга. Но есть еще порохъ въ пороховницахъ. И за свободу въ Россіи еще поборются!

VII.

Коммунистическая экономика.

1.

Общій ходъ развитія.

Въ отличіе отъ другихъ областей политики, экономическая политика коммунистической власти представляетъ собой рядъ сплошныхъ неудачъ, изрѣдка прерываемыхъ случайными, крохотными успѣхами. Хозяйственная жизнь стояла всѣ эти четыре года подъ знакомъ регресса, разложенія, обнищанія. Со ступеньки на ступеньку опускался уровень жизни народной массы. Въ 1918 году было хуже, чѣмъ въ 1917; въ 1919 — чѣмъ въ 1918; въ 1920 — чѣмъ въ 1919; и въ 1921 — хуже чѣмъ въ 1920 г. Послѣднее — несмотря на то, что война закончилась осенью 1920 г., а 1921 годъ протекалъ ужъ не въ военной обстановкѣ.

Россія жила эти годы либо продуктами товарнаго, ненаціонализированнаго, крестьянскаго хозяйства, либо запасами прошлаго. Промышленность давала все время ничтожные, постоянно падающіе итоги производства. Поэтому ея «подъемы» и «кризисы» связаны были всегда съ этими старыми запасами. Способомъ увеличить запасы являлось только присоединеніе новыхъ областей, и поэтому военные успѣхи вели за собой временный «промышленный подъемъ», который однако довольно скоро смѣнялся новымъ кризисомъ. Это особенно ярко бросалось въ глаза, напр., во 2-ой половинѣ 1920 г., когда вся офиціальная печать неустанно хвалилась «успѣхами на трудовомъ фронтѣ» и приводила гордыя цифры объ улучшеніи транспорта, открытіи вновь закрытыхъ прежде заводовъ и т. д. Между тѣмъ, дѣло было въ томъ, что военное возсоединеніе Баку весной 1920 г. «возсоединило» совѣтскій транспортъ и промышленность съ сотнями милліоновъ пудовъ «до-коммунистической» нефти, т.-е. добытой въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства. Доставленная въ Россію, эта нефть открыла большія возможности, и во 2-ой половинѣ 1920 г. нѣсколько оживила индустрію и транспортъ. Но производство нефти стало быстро сокращаться, и

черезъ полъ-года Россія вновь стояла передъ топливнымъ кризисомъ, который вызвалъ всеобщій промышленный кризисъ. А лѣтомъ 1921 г. добыча и доставка нефти, подчиняясь законамъ коммунистическаго хозяйства, уже пали до ничтожныхъ размѣровъ. Точно такъ же было дѣло при недавнихъ «успѣхахъ» текстильной промышленности. Она падала изъ года въ годъ. Но соединеніе съ Туркестаномъ дало въ 1920 г. возможность подвезти хлопокъ изъ Средней Азіи. Цифры хлопчато-бумажнаго производства поднялись вверхъ. Но прошло съ полъ года — и новый «кризисъ» смѣнилъ собой кратковременный подъемъ.

Черезъ кризисы и подъемы проходитъ красной нитью основная тенденція: регрессъ является закономъ коммунистическаго хозяйства въ Россіи. Это первая, основная черта этого «способа производства».

Вторая черта — всеобщее поравненіе. Это душа коммунистическаго хозяйства, высшій принципъ экономической политики. Онъ вызвалъ 1) тенденцію къ поравненію заработныхъ платъ, открыто господствовавшую въ первое полугодіе, а въ прикрытой формѣ (равный паекъ + ничтожная тарифная ставка) проводимую вплоть до весны 1921 г. (т.-е. до момента отказа отъ коммунистической системы хозяйства). Онъ вызвалъ во-2) арестъ банковскихъ вкладовъ и конфискацію сейфовъ и пр. 3) Онъ привелъ къ націонализаціи промышленности. 4) Онъ вызвалъ въ деревнѣ войну противъ «излишковъ», ликвидацію «кулачества», т.-е. состоятельныхъ слоевъ крестьянства; конфискацію «излишковъ» скота и инвентаря; 5) ликвидацію свободной торговли всѣми продуктами. Но это поравненіе привело вездѣ къ умершвленію стимула личной заинтересованности и вызвало, наряду съ другими причинами, великій голодъ 1921 года.

На ближайшихъ страницахъ я разсмотрю подробнѣе основные элементы коммунистическаго хозяйства, его развитіе, разложеніе и перспективы. Но такъ какъ экономическая политика коммунизма развилась постепенно, реформируя и разрушая экономическую политику предыдущей эпохи, то придется коснуться и этого періода въ немногихъ словахъ.

Въ первую эпоху революціи, съ марта по октябрь 1917 г., идеологія активныхъ дѣятелей гласила о буржуазной революціи. Даже лѣвая оппозиція въ тотъ періодъ не заговаривала еще серьезно о немедленномъ соціализмѣ. Но впервые освободившись отъ до-капиталистическихъ оковъ, буржуазное хозяйство было связано военными цѣпями. Не прошло и мѣсяца послѣ революціоннаго переворота, какъ отмѣнено было право торговли хлѣбомъ, — этимъ товаромъ, составляющимъ по цѣнности почти половину всего производства Россіи. Затѣмъ карточная система и твердыя цѣны на цѣлый рядъ другихъ товаровъ ограничили привычныя формы товарооборота. Прежніе органы, заводскія совѣщанія, перестроенныя заново, проявляли гораздо болѣе глубокое вмѣшательство, чѣмъ до тѣхъ поръ. Для нѣкоторыхъ отраслей хозяйства созданы были новые регулирующіе органы. Но вмѣшательство въ сферу частнаго хозяйства шло еще гораздо дальше, чѣмъ предписывало законодательство. Въ борьбѣ съ капиталомъ окрѣпло самочинное вмѣшательство рабочихъ въ видѣ «рабочаго контроля», закономъ не признаннаго. Наконецъ, совѣты, не будучи признаны закономъ какъ органъ экономической политики, со своей стороны пытались воздѣйствовать на экономику.

Это было нигде невиданное еще капиталистическое хозяйство. Впервые вылупившись изъ феодальной скорлупы, оно оказалось въ тискахъ военнаго положенія, и регулированіе его — законное и незаконное — сводило до минимума право частной собственности. Но это было неизбѣжно. Больше того: при бѣшеномъ темпѣ экономическаго регресса въ 1917 г. неизбѣжно и необходимо было вмѣшательство еще болѣе глубокое, чѣмъ предполагало правительство въ своей экономической политикѣ. Изъ этихъ противорѣчій отчасти и произошелъ октябрьскій переворотъ.

Весь дальнѣйшій четырехлѣтній періодъ, періодъ совѣтской власти, проходитъ подъ знакомъ торжества потребителей. Изъ двухъ тенденцій военнаго хозяйства «потребительская» одерживаетъ полную побѣду надъ «производительской». И вмѣстѣ съ тѣмъ наступаютъ всѣ неизбѣжныя послѣдствія этого. Капиталистическое производство умираетъ или упразд-

няется, мелко-товарное производство влачитъ жалкое существованіе, и всѣ силы государственнаго организма направлены на пріобрѣтеніе и распредѣленіе товаровъ[1]).

Но и для совѣтской экономической политики есть все-же предѣлы, дальше которыхъ она не рѣшается идти. За болѣе узкія или болѣе широкія рамки государственнаго вмѣшательства продолжается борьба во весь этотъ четырехлѣтній періодъ. Колебаніе «влѣво», т.-е. углубленіе экономической революціи, смѣняется колебаніемъ «вправо», на путь компромисса съ товарнымъ хозяйствомъ. И наоборотъ.

Развитіе идетъ слѣдующимъ образомъ. Съ октября 1917 г. до марта 1918 г. происходитъ грандіозная экономическая катастрофа, сопровождаемая нажимомъ Германіи. Она завершается Брестскимъ миромъ. Въ этотъ періодъ націонализаціи и реквизиціи производятся всѣми, кому не лѣнь. Они еще имѣютъ свѣжесть новизны, и ни одинъ опытъ еще не научилъ осторожности въ этомъ опасномъ дѣлѣ. «Власть на мѣстахъ» разцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ, и мѣстныя націонализаціи, конфискаціи и контрибуціи довершаютъ общероссійскую политику.

Съ марта 1918 г. начинается «передышка», которая продолжается однако не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Армія быстро демобилизуется, военные расходы падаютъ до ничтожныхъ размѣровъ, печатаніе бумажныхъ денегъ перестаетъ ежемѣсячно возрастать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ кругахъ экономическихъ политиковъ коммунизма начинаются колебанія. Идутъ переговоры съ Мещерскимъ о металлургическомъ трестѣ капиталистическаго типа, а Ленинъ доказываетъ въ «Правдѣ» [2]), что довольно ужъ предпріятій взято государствомъ «въ свои руки»; надо пріостановить ходъ націонали-

---

[1]) Въ одной статьѣ въ „Правдѣ“ въ 1919 г. Ленинъ открыто заявилъ, что онъ стоитъ за „потребительскій коммунизмъ“, т. е. за спасеніе милліоновъ рабочихъ отъ голодной смерти въ моментъ хозяйственной катастрофы. Но если экономическая политика Ленина, спасая рабочихъ, въ то же время сокращала возможный въ данныхъ условіяхъ размахъ производства, то спасеніе какъ двѣ капли воды похоже на гибель.

[2]) № от 27 апреля 1918 г.

заціи и заняться разумной организаціей того, что ужъ имѣется. На партійныхъ собраніяхъ Ленинъ доказываетъ, что раньше, чѣмъ говорить о соціализмѣ, слѣдуетъ расширить сферу государственнаго капитализма и т. п. [1]).

Эти попытки затормозить націонализацію продолжались недолго. Въ началѣ лѣта 1918 г. начинается чехо-словацкое движеніе, возобновляется война, и въ то же время голодъ въ городахъ совѣтской Россіи достигаетъ неслыханныхъ размѣровъ. Выдача хлѣба населенію почти совершенно прекращается, а возстанія крестьянъ и волненія среди рабочихъ пріобрѣтаютъ массовый характеръ. Поэтому въ періодъ между іюнемъ и ноябремъ 1918 г. совершается поворотъ «влѣво» какъ въ общей политикѣ, («красный терроръ»), такъ и въ политикѣ экономической. Это періодъ массовыхъ націонализацій, комитетовъ бѣдноты и упраздненія частной торговли. Лишь на 3-4 недѣли онъ смягчается «полуторапудничествомъ», которое впрочемъ очень быстро упраздняется. Завершается этотъ періодъ наиболѣе далеко идущей изъ всѣхъ соціализирующихъ мѣръ, т. е. наиболѣе противорѣчащей принципамъ разумнаго огосударствленія — декретомъ о націонализаціи торговли.

Новый поворотъ происходитъ въ декабрѣ 1918 г. Къ этому времени выясняются результаты пораженія Германіи, начинается очищеніе Украины, освобожденіе западныхъ областей отъ оккупаціи, а опасность на восточномъ фронтѣ кажется уничтоженной. Смягченіе внутренняго режима (легализація соціалистическихъ партій) сопровождается смягченіемъ «соціализирующихъ» тенденцій. Періодъ между декабремъ и маемъ 1919 г. — это время ставки на среднее крестьянство, упраздненія комбѣдовъ и чрезвычайнаго налога, облегченія условій для кустарнаго и мелкаго хозяйства.

Въ апрѣлѣ-маѣ 1919 г. вновь сгущаются тучи. Сначала наступленіе Колчака, а затѣмъ Деникина опять поглощаютъ все вниманіе. Союзники, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, отказываются отъ сношеній съ совѣтской Россіей, а Польша

[1]) См. Осинскій, строительство соціализма стр. 24—25.

начинаетъ военный походъ. Поворотъ «вправо» пріостанавливается лѣтомъ 1919 г.

Послѣ столькихъ колебаній каждый новый поворотъ совершается все съ меньшимъ энтузіазмомъ; и послѣ столькихъ опытовъ, каждое новое полѣвеніе совершается все осторожнѣе, безъ слишкомъ крикливыхъ фразъ и безъ особенныхъ надеждъ.

Въ общемъ этотъ періодъ между концомъ 1919 г. и мартомъ 1921 г., около 15 мѣсяцевъ, не даетъ ничего новаго въ сферѣ экономической политики. Коммунистическое хозяйство достигаетъ своего «апогея». Оно дѣлается какъ будто «устойчивымъ». Новыхъ радикальныхъ поворотовъ не происходитъ. Игра въ «субботники» и «милитаризація» не вносятъ ничего принципіально новаго. «Трудовыя арміи» отцвѣли, не успѣвши разцвѣсть, и война съ Польшей лѣтомъ 1920 г. даетъ поводъ ихъ безшумно ликвидировать. Но нажимъ на крестьянство усиливается во-первыхъ системой трудовой повинности, во-вторыхъ новой выдумкой, «плановымъ засѣвомъ», который изобрѣтенъ былъ въ результатѣ большого неурожая 1920 г. Но и онъ оказывается безсильнымъ и безплоднымъ.

Въ мартѣ 1921 г., наконецъ, новый и радикальный поворотъ къ капитализму. Онъ начинается съ декрета о «продналогѣ», т. е. о свободѣ торговли хлѣбомъ. Далѣе слѣдуетъ разрѣшеніе свободы торговли почти всѣми остальными продуктами. Потомъ разрѣшеніе накоплять денежные капиталы въ любомъ размѣрѣ. Лѣтомъ 1921 г. декреты о сдачѣ въ аренду промышленныхъ предпріятій, т. е. о фактической денаціонализаціи части промышленности. Наконецъ, возвращеніе къ системѣ «платности», т. е. упраздненіе безплатныхъ услугъ со стороны государства, напр., оплата квартиръ, освѣщенія, желѣзнодорожныхъ перевозокъ, почты и телеграфа и т. д.

Авторомъ новой политики является Ленинъ, который утверждаетъ въ 1921 году, что «капитализмъ есть зло по отношенію къ соціализму, капитализмъ есть благо по отношенію къ средневѣковью, по отношенію къ мелкому производству,

по отношенію къ связанному съ распыленностью мелкихъ производителей бюрократизму. Поскольку мы не въ силахъ осуществить непосредственный переходъ отъ мелкаго производства къ соціализму, постольку капитализмъ неизбѣженъ, въ извѣстной мѣрѣ, какъ стихійный продуктъ мелкаго производства и обмѣна, и постольку мы должны использовать капитализмъ».

Этотъ процессъ денаціонализаціи хозяйства еще только начался. Но съ нимъ связана уже полная ликвидація всей идеологіи коммунизма и идейный разбродъ совершенно безпримѣрныхъ размѣровъ.

2.

Промышленность.

Между февралемъ и октябремъ 1917 г. программа Временнаго Правительства по отношенію къ промышленности гласила: регулированіе и контроль. Но въ то же время, какъ политическія учрежденія стараго режима должны были идти на сломъ, его экономическіе органы (особыя совѣщанія, главные комитеты, земскій и городской союзъ и т. п.) должны были быть лишь реформированы, въ особенности по своему составу.

Однако, въ первые мѣсяцы своего существованія, правительство лишь нехотя вступало и на этотъ путь. За ту или иную экономическую политику разгоралась борьба между совѣтскими и правительственными организаціями. Если промышленной опорой стараго режима служила октябристская тяжелая индустрія Петрограда и Харькова, то Временное Правительство черпало силы изъ ткацкой промышленности московскаго района. Коноваловъ, Бурышкинъ, Рябушинскій смѣнили Крестовникова и Дитмара. Но текстильная индустрія, по самому существу своему, гораздо меньше поддается регулированію и единообразному управленію, чѣмъ металлургія и угольная промышленность. Текстильная промышленность во всѣхъ странахъ остается оплотомъ манчестерства и свободной торговли. Неудивительно поэтому, что текстильная и торговая буржуазія, господствующая въ

либеральныхъ кругахъ, не понимала военной необходимости и лишь подъ давленіемъ совѣтскихъ организацій вступала, да и то нехотя и нерѣшительно, на путь «планомѣрнаго регулированія». Послѣ долгихъ настояній совѣтскихъ организацій правительство создало Главный Экономическій Комитетъ, задачей котораго являлось «планомѣрное регулированіе». Но и этотъ Комитетъ ничѣмъ себя не проявилъ и влачилъ призрачное существованіе.

Для вопроса о методахъ соціализаціи очень интересно отмѣтить, что уже тогда предпріятія нерѣдко начинали давать убытокъ и такихъ случаевъ было уже немало лѣтомъ 1917 г. Въ этихъ случаяхъ, естественно, возникало у предпринимателей стремленіе распродать сырье и запасъ готовыхъ продуктовъ, прекратить невыгодное производство и «дожидаться лучшихъ временъ». Въ такой обстановкѣ, конечно, трудно бывало возложить на промышленность новыя обязанности и сдерживать разваливающееся зданіе тонкой ниточкой регулированія. Мѣра репрессіи оставалась одна: націонализація. И Временному Правительству пришлось вступить на этотъ путь. Особенно много шуму надѣлалъ секвестръ большого московскаго завода Гужона.

Правительство смотрѣло на такого рода націонализацію только какъ на временную и репрессивную мѣру, принимаемую лишь въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Совѣтскія партіи, въ томъ числѣ и большевики, требовали болѣе энергичнаго примѣненія этой мѣры, но и они смотрѣли на нее, какъ на чисто-репрессивную. Въ 1917 г., ни до, ни послѣ 25 октября, никто изъ большевиковъ не требовалъ еще всеобщей націонализаціи. Никто не смотрѣлъ тогда на конфискаціи и секвестры, какъ на методъ преодолѣнія капитализма. Программѣ «государственнаго регулированія» большевики противоставляли не націонализацію, а рабочій контроль въ капиталистическихъ предпріятіяхъ.

Рабочій контроль, какъ главная мѣра экономической политики для русской индустріи, впервые формулируется съ полной ясностью на первой конференціи фабрично-завод-

скихъ комитетовъ Петербурга, 30 мая 1917 г. Въ резолюціи, предложенной большевиками, говорилось:

«Путь къ спасенію отъ катастрофы лежитъ только въ установленіи дѣйствительно рабочаго контроля надъ производствомъ и распредѣленіемъ продуктовъ. Для такого контроля необходимо во-1) чтобы во всѣхъ центральныхъ учрежденіяхъ, вѣдающихъ этимъ дѣломъ, было обезпечено большинство за рабочими организаціями, профессіональными союзами, Совѣтами Рабочихъ Депутатовъ и центромъ заводскихъ комитетовъ — не менѣе ⅔ всѣхъ голосовъ при обязательномъ привлеченіи къ участію какъ не отошедшихъ отъ дѣла предпринимателей, такъ и технически-научно образованнаго персонала; во-2) чтобы фабричные и заводскіе комитеты, а равно и профессіональные союзы получили право участвовать въ контролѣ надъ каждымъ предпріятіемъ, съ открытіемъ для нихъ всѣхъ торговыхъ и банковыхъ книгъ и съ обязательствомъ сообщать имъ всѣ данныя».

Резолюція эта была принята 297 голосами изъ 362 присутствовавшихъ делегатовъ, при общемъ числѣ делегатовъ 499. Это показываетъ, что требованіе рабочаго контроля тогда было очень популярно въ рабочей средѣ. И это вполнѣ понятно. Рабочія массы, сдѣлавшіяся жертвой соціальной катастрофы, ежедневно наблюдавшія и переживавшія закрытіе заводовъ и сокращеніе работъ, искали корней и причинъ своихъ бѣдствій въ злой волѣ буржуазіи, которая-де «сговорилась» и рѣшила «взять за горло» пролетаріатъ: нѣчто вродѣ грандіознаго всероссійскаго локаута. Но если сокращеніе индустріи есть локаутъ, то и бороться съ нимъ надо какъ съ локаутомъ: «фронту буржуазіи» противопоставить «фронтъ пролетаріата».

«Саботажъ» буржуазіи, — вотъ тотъ діагнозъ, который менѣе сознательные элементы рабочаго класса поставили больному хозяйству Россіи. Но если въ этомъ болѣзнь, то лѣченіе требуетъ простого средства: рабочаго контроля. «Прижать буржуазію», «пригнуть ее къ землѣ», сократить права и привилегіи капитала, «подчинить промышленность

народнымъ интересамъ» — вотъ идеологія, которая выросла тогда на почвѣ неимовѣрной разрухи.

Рабочій контроль и тогда ужъ, въ періодъ коалиціонной власти, сдѣлался методомъ экономической политики, хотя и не былъ признанъ властью. Государство признавало право распоряженія промышленностью только за частнымъ предпринимателемъ и за государственными органами. Тѣмъ не менѣе, рабочій контроль пріобрѣлъ тогда огромное значеніе. Въ «революціонномъ порядкѣ» онъ осуществленъ былъ на множествѣ фабрикъ и заводовъ. На той же конференціи, гдѣ впервые была формулирована программа рабочаго контроля, рядъ делегатовъ докладывалъ, что контроль со стороны фабрично-заводскихъ комитетовъ уже фактически проведенъ. Въ лицѣ заводскихъ комитетовъ рабочая масса нашла себѣ органы, которые на дѣлѣ контролировали всю работу предпріятій. Безъ ихъ согласія невозможно было ни вывезти продуктъ, сырье, топливо, ни получить заказы и въ особенности невозможно было разсчитать ненужныхъ рабочихъ.

На дѣлѣ рабочій контроль былъ тѣмъ сильнѣе, вмѣшательство въ хозяйственную жизнь предпріятія было тѣмъ глубже, чѣмъ хуже обстояли дѣла въ данномъ предпріятіи, чѣмъ грознѣе становилось положеніе рабочихъ и чѣмъ болѣе злостнымъ казался поэтому буржуазный саботажъ. Но вмѣшательство рабочихъ не спасало, конечно, предпріятія отъ паденія. Рабочіе органы начинали разсылать своихъ представителей во всѣ концы Россіи закупать тѣ или иные необходимые элементы производства. Далѣе, они являлись въ министерства и департаменты съ просьбами о заказахъ и субсидіяхъ и нерѣдко вступали при этомъ въ ожесточенную борьбу съ такими же представителями другихъ промышленныхъ предпріятій. Но въ 99 случаяхъ изъ 100 все это ни къ чему не приводило, да и не могло привести. Тогда органы контроля приходили къ тѣмъ же выводамъ, къ которымъ передъ тѣмъ пришелъ ужъ хозяинъ предпріятія: необходимо сократить его размѣры или совершенно закрыть его. Теперь это былъ ужъ не «злостный саботажъ», а роковая не-

обходимость, удостовѣренная своими собственными представителями. И единственное, о чемъ теперь шла рѣчь, была норма оплаты увольняемыхъ рабочихъ: уплата не за двѣ недѣли впередъ, а за 2-3 мѣсяца была общимъ правиломъ. Такъ «рабочій контроль» былъ на дѣлѣ методомъ ликвидаціи военной промышленности, приспособленнымъ къ уровню сознанія отсталыхъ рабочихъ массъ.

Что «рабочій контроль», т. е. вмѣшательство заводскихъ комитетовъ въ ходъ производства нарушаетъ всякое государственное регулированіе, что это мѣра анархическая, разлагающая промышленность — эти аргументы признавались коммунистами несостоятельными до октябрьскаго переворота. Но когда въ ихъ рукахъ оказался и «государственный контроль» и рабочій контроль, они поняли несовмѣстимость этихъ методовъ регулированія промышленности. Тяжелымъ и медленнымъ опытомъ дошла совѣтская власть до убѣжденія, что распорядительныя права заводскихъ комитетовъ должны быть сведены къ минимуму. Поэтому «рабочій контроль» переживаетъ кризисъ въ первое полугодіе совѣтской власти, а съ лѣта 1918 г. уже теряетъ всякое обаяніе.

Если въ тотъ періодъ, когда большевизмъ былъ оппозиціей, краеугольнымъ камнемъ промышленной программы его былъ рабочій контроль, то основнымъ элементомъ экономической политики правительствующаго коммунизма сдѣлалась націонализація.

Подобно рабочему контролю, націонализація выросла изъ стихійнаго процесса, а не изъ теоріи; она пришла сама собой, и власти оставалось лишь зарегистрировать ее въ своей программѣ. Большевизмъ и здѣсь, какъ и въ рабочемъ контролѣ, вынужденъ былъ приспособить теорію марксизма къ такой экономической политикѣ, которая выросла изъ стихійнаго движенія сѣрыхъ, голодныхъ людей въ эпоху военнаго хозяйства.

Въ первые мѣсяцы послѣ октябрьского переворота націонализаціи производились по тѣмъ же мотивамъ, что и въ послѣдній періодъ коалиціоннаго правительства; разница была

лишь въ количествѣ націонализацій. Мотивомъ была репрессія за неисполненіе того или иного предписанія. Особенно часто націонализація производилась за неподчиненіе декрету о рабочемъ контролѣ. Это относится, главнымъ образомъ, къ «законной» націонализаціи, т. е., къ такой, которая производилась декретами Совета Народныхъ Комиссаровъ. Въ этихъ распоряженіяхъ новаго правительства мы находимъ неоднократно «конфискацію всего имущества» того или иного предпріятія. Но дѣлается это не съ цѣлью, — какъ говорилось позднѣе, — «планомѣрной организаціи народнаго хозяйства на соціалистическихъ началахъ», а только «вслѣдствіе неподчиненія» такому-то декрету, т. е. какъ мѣра наказанія, а не какъ принципъ экономической политики.

Однако, лишь ничтожная часть націонализацій перваго періода совѣтской власти была произведена этимъ законнымъ путемъ. Огромное большинство случаевъ экспропріаціи старыхъ владѣльцевъ совершалось по постановленію различныхъ мѣстныхъ властей: совѣтовъ, экономическихъ отдѣловъ, профессіональныхъ союзовъ, заводскихъ комитетовъ и т. д. Мотивы, вызвавшіе націонализацію, были, конечно, очень различны въ этихъ случаяхъ. Но и здѣсь не трудно подмѣтить правильность въ ходѣ націонализаціи. Чѣмъ хуже положеніе данной отрасли хозяйства, чѣмъ ближе она къ закрытію, чѣмъ больше грозитъ безработица, тѣмъ сильнѣе тяга къ націонализаціи. Націонализація, какъ прежде рабочій контроль, была для рабочихъ методомъ застраховать себя отъ бѣдствій промышленнаго развала, анархической демобилизаціи военной индустріи и массовой безработицы. Не случайно поэтому, что изъ 513 предпріятій, націонализированныхъ до іюня 1918 г., 218 предпріятій приходятся на группу «металлъ», т. е. на оборонную промышленность. Если прибавить сюда 18 электротехническихъ предпріятій и 42 химическихъ, то эти 278 предпріятій дадутъ 55 % всѣхъ предпріятій, подвергнутыхъ націонализаціи и безусловно не меньше 75 % всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ націонализированныхъ предпріятіяхъ. Въ отличіе отъ этой группы военной

индустріи, текстильная промышленность даетъ всего 26 случаевъ націонализаціи, полиграфическая — 20 и т. под.

Первый періодъ націонализаціи продолжается между декабремъ 1917 г. и мартомъ 1918 г. За эти четыре мѣсяца зарегистрировано 129 націонализацій [1]). Напротивъ того: въ апрѣлѣ — 1, въ маѣ — 7. Въ этихъ цифрахъ проявляется тотъ поворотъ въ экономической политикѣ, который начинаетъ обозначаться послѣ заключенія брестскаго мира и о которомъ была уже рѣчь въ предыдущей главѣ. Однако, новая политка продолжается недолго, и въ іюнѣ начинается новый поворотъ въ сторону массовой націонализаціи. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ издаетъ 28 іюня 1918 г. декретъ о всеобщей націонализаціи. По этому декрету націонализація распространена на всѣ акціонерныя предпріятія съ капиталомъ свыше 1 милліона рублей, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ и съ капиталомъ свыше 200 или 500 тысячъ. Однако, въ моментъ изданія декрета еще не предполагалось осуществить на дѣлѣ всю эту націонализацію, и 3-ій отдѣлъ декрета гласилъ: «впредь до особаго распоряженія Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства, по каждому отдѣльному предпріятію, предпріятія, объявленныя, согласно настоящему декрету достояніемъ Р. С. Ф. С. Р., признаются находящимися въ безвозмездномъ арендномъ пользованіи прежнихъ владѣльцевъ; правленія и бывшіе собственники финансируютъ ихъ на прежнихъ основаніяхъ, а равно получаютъ съ нихъ доходы на прежнихъ основаніяхъ». Такимъ образомъ, декретъ, непосредственно не вносилъ никакихъ измѣненій въ общій строй промышленной жизни. Но послѣдствія его были слѣдующія: во-первыхъ, онъ служилъ программой для дальнѣйшей націонализаціи. Теперь она была ужъ не репрессіей противъ отдѣльныхъ буржуа, а общей мѣрой по отношенію ко всему капитализму. Весь вопросъ былъ въ томъ, какимъ темпомъ пойдетъ фактическая націонализація на основаніи этого декрета. Во-вторыхъ, послѣ изданія этого декрета невозможно

[1]) По отношенію къ 224 случаямъ націонализаціи 1917 и 1918 г. мѣсяцъ не установленъ.

уже съ цифрами въ рукахъ прослѣдить расширеніе сферы государственнаго хозяйства.

На бумагѣ — все крупное и отчасти среднее производство было государственнымъ послѣ 28 іюня 1918 г. На дѣлѣ національзація подвигалась скорѣе или медленнѣе въ зависимости отъ общаго состоянія данной отрасли.

Въ теченіе второй половины 1918 г., въ особенности, между іюлемъ и ноябремъ фактическая національзація шла впередъ ускореннымъ темпомъ. Къ концу 1918 г. почти всѣ сколько-нибудь значительныя предпріятія въ русской промышленности, частныя ли или акціонерныя, оказались въ рукахъ государства, причемъ прежніе владѣльцы ихъ оставались на прежнихъ мѣстахъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Національзація захватила, однако, не только группы, перечисленныя въ декретѣ отъ 28 іюня, но и множество мелкихъ, подчасъ мельчайшихъ предпріятій.

Такимъ образомъ, въ 1918 г. національзація была завершена, и въ дальнѣйшемъ, даже при желаніи, ничего не оставалось больше дѣлать. Вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ объ организаціи управленія государственной промышленностью все больше дѣлался центральнымъ вопросомъ хозяйственной жизни. Предпріятія, переходящіе въ руки государства, должны передаваться въ руки «Главковъ» и «Центровъ», управляющихъ каждый своей отраслью промышленности. Способъ созданія такихъ органовъ былъ различный. Въ большинствѣ случаевъ Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства, которому Главки и Центры подчинены, устанавливалъ составъ высшей «коллегіи» каждаго такого органа по принципу представительства всѣхъ заинтересованныхъ общественныхъ группъ профессіональныхъ союзовъ, кооперативовъ, техническаго персонала, совѣтовъ р. д., продовольственныхъ организацій и т. п.

Такъ поступали въ большинствѣ случаевъ. Въ иныхъ случаяхъ, однако, президіумъ В. С. Н. Х. самъ назначалъ опредѣленныхъ лицъ въ руководящіе органы; такъ создался напримѣръ, отдѣлъ металла, горнозаводскій и нѣкоторые другіе.

Спорнымъ вопросомъ оставался вопросъ о роли буржуазіи въ организаціи соціализма. Стремленіе избавиться отъ буржуазіи наталкивалось на ея производительныя функціи: безъ нея обойтись было трудно. Поэтому, во всѣхъ Главкахъ и Центрахъ, создаваемыхъ въ первые мѣсяцы совѣтской власти, представителямъ капитала отводится еще видное мѣсто наряду съ представителями рабочихъ, кооперативныхъ и другихъ организацій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ленинъ выступаетъ публично противъ тенденціи совершенно устранить буржуазію отъ всякой хозяйственной работы. Онъ пытается найти компромиссъ въ формѣ «использованія спеціалистовъ». Буржуа — это люди со спеціальными знаніями; надо использовать эти знанія, отбросивъ «буржуазность», т. е. право на эксплуатацію. Онъ говоритъ: если совѣтской республикѣ нужны 1 000 первоклассныхъ ученыхъ и спеціалистовъ для руководства народнымъ трудомъ, то можно платить имъ громадныя деньги, — хотя бы по 25 тыс. руб. въ мѣсяцъ, или даже вдвое, вчетверо больше [1]). Эти 100 милліоновъ окупятся, ибо «наша отсталость заставляетъ насъ терять милліарды». Ленинъ не понималъ тогда, что бывшіе капиталисты, приглашенные на службу въ качествѣ спеціалистовъ, теряютъ свою энергію и настойчивость и превращаются въ «совѣтскихъ служащихъ», новый типъ чиновниковъ, привлекшій къ себѣ вниманіе лишь въ концѣ 1918 г. Надежды на «спеціалистовъ» тогда не оправдались; но вопросъ о нихъ поднимался, все снова и снова въ теченіе всего дальнѣйшаго періода.

Между тѣмъ, подъ давленіемъ общаго «полѣвѣнія» правительственнаго курса, и составъ Главковъ и Центровъ сталъ мѣняться: изъ нихъ стали исключать буржуазію. Это растянулось почти на полгода, но къ концу 1918 года процессъ «очищенія» былъ завершенъ.

Но одновременно съ этимъ, общій принципъ построенія хозяйственныхъ органовъ на выборномъ началѣ сталъ отмирать. Это было естественнымъ результатомъ всей полити-

[1]) Это говорилось въ апрѣлѣ 1918 г., когда средній мѣсячный заработокъ составлялъ 400—600 р.

ческой обстановки. Чѣмъ больше падала самодѣятельность народныхъ массъ, тѣмъ болѣе фальшиво стали звучать уставы, по которымъ на съѣздахъ избираются постоянные хозяйственные органы, а эти органы выбираютъ изъ себя «президіумъ», работу котораго они призваны контролировать. На дѣлѣ одинъ только президіумъ и существуетъ, а прочіе совѣты, совѣщанія и съѣзды остаются дорого стоющей декораціей. Поскольку оппозиція нетерпима, нѣтъ смысла въ парламентаризмѣ. По этой простой причинѣ и Ц. И. К., и мѣстные совѣты не функціонируютъ, по этой же причинѣ въ Высшемъ Совѣтѣ Народнаго Хозяйства функціонируетъ одинъ лишь президіумъ, а такъ называемый «пленумъ» не созывается. И по той же причинѣ во главѣ «Центровъ и Главковъ» стояли президіумы и коллегіи, совершенно порвавшіе съ избирателями. Весь этотъ огромный аппаратъ, съ сотнями тысячъ служащихъ, со своими особыми навыками, обычаями, проблемами, радостями и огорченіями, превратился въ затвердѣвшій организмъ, обособившійся отъ породившаго его народнаго движенія и развившійся въ тяжело-работающую бюрократическую машину.

Этотъ бюрократизмъ сдѣлался затѣмъ одной изъ новыхъ проблемъ экономической политики. Но попытки бороться съ нимъ носили подчасъ наивный, подчасъ невѣжественный характеръ. Издаются распоряженія съ требованіемъ аккуратнаго исполненія служебныхъ обязанностей и съ угрозами революціоннымъ трибуналомъ; идетъ борьба съ канцелярской волокитой, поощреніемъ телефонограммъ вмѣсто писемъ; въ газетахъ предлагаются все новые проекты «упрощеннаго дѣлопроизводства»; особенно скомпрометировавшія себя учрежденія разформировываются, и вмѣсто нихъ создаются новыя; здѣсь сливаются два учрежденія воедино для предупрежденія «параллелизма»; тамъ одинъ органъ раздѣляется на-двое, для «борьбы съ громоздкостью». И т. д. Но ни у кого не хватаетъ рѣшимости взглянуть въ корень вещей и понять, что бюрократизмъ не можетъ быть изжитъ, когда государство взяло на себя задачу управлять чуть ли не половиной всего производства Россіи. И, вопреки всѣмъ стара-

ніямъ, новыя учрежденія плодятся, и съ ними бюрократизмъ не сокращается, а, наоборотъ, растетъ [1]).

Въ первые мѣсяцы 1919 года происходитъ поворотъ «вправо»; къ этому приспособляется и экономическая политика. Дискуссія о «Великомъ Сѣверномъ Пути» не имѣла, правда, никакихъ реальныхъ послѣдствій, но интересна съ принципіальной стороны. Рѣчь шла о томъ, чтобъ предоставить норвежской фирмѣ Ганневикъ и Ко, концессію на разработку лѣсовъ, постройку заводовъ и желѣзной дороги на очень большой площади нашаго сѣвера. Трудность разрѣшить этотъ вопросъ съ точки зрѣнія коммунизма состояла въ томъ, что съ одной стороны силами одной Россіи долго еще не удастся оборудовать все то, за что взялись бы иностранцы; съ другой стороны — концессія эта — безусловно капиталистическое предпріятіе. Отвергнуть его — значитъ сознательно уменьшить благосостояніе Россіи. Принять его — значитъ допустить крупно-капиталистическую эксплоатацію пролетаріата.

Побѣда на этотъ разъ осталась за правыми. Это было въ періодъ «весны», въ первые мѣсяцы 1919 года, когда международное положеніе сложилось благопріятно для совѣтской власти, и Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ желалъ показать внѣшнему міру, какія преимущества дастъ миръ съ Россіей. Поэтому онъ принялъ постановленіе о допустимости сѣверной концессіи. Въ Москвѣ открылась контора Великаго Сѣвернаго пути. Уже было приглашено множество служащихъ, разработаны проекты, — какъ снова произошелъ поворотъ въ отношеніи союзниковъ къ Россіи; и повидимому въ связи съ этимъ ликвидирована была московская контора, а съ ней прекратилась и дискуссія. Начался новый изгибъ экономической политики влѣво.

---

[1]) Въ свое время это понималъ и Ленинъ. Такъ напр. 29 апр 1918 г. въ докладѣ Ц. И. К. онъ говорилъ: „если бы мы захотѣли теперь продолжать прежнимъ темпомъ экспропріировать капиталъ дальше, мы навѣрное потерпѣли-бы пораженіе". Но вѣдь экспропріація шла послѣ этого впередъ не прежнимъ, а болѣе ускореннымъ темпомъ!

Но «весна» въ январѣ - апрѣлѣ проявилась еще въ нѣкоторыхъ мѣрахъ. Декретъ 26 апрѣля 1919 года о кустарной и мелкой промышленности и инструкція о его примѣненіи (отъ 26 іюля) установили значительную свободу существованія для мелкаго хозяйства.

Цѣлый рядъ другихъ уступокъ вынуждена была въ 1919 году дѣлать власть принципу частной иниціативы. Среди многихъ фактовъ этого рода необходимо указать на систему лѣсныхъ заготовокъ. Топливный кризисъ, обострившійся уже въ 1918 году, заставилъ органы власти относиться очень осторожно ко всякимъ національзаторскимъ опытамъ въ этомъ дѣлѣ. Каждый опытъ обходился слишкомъ дорого, чтобъ рисковать. Послѣ ряда колебаній и реорганизацій, въ самомъ концѣ 1918 года созданъ былъ Главный Лѣсной Комитетъ, который съ самаго начала вступилъ на путь «использования частной иниціативы», т.е. сталъ допускать бывшихъ лѣсопромышленниковъ не на совѣтскую службу, а въ качествѣ подрядчиковъ. Большіе авансы и перспективы большихъ прибылей привлекли къ этому дѣлу солидныхъ и несолидныхъ буржуа, и лѣтомъ 1919 года на этой почвѣ развивается капиталистическая горячка среди истосковавшейся буржуазіи. Но и тутъ совѣтской власти приходится выдерживать натискъ слѣва.

Въ іюнѣ 1919 г. 2-ой Всероссійскій Съѣздъ деревообдѣлочниковъ вынесъ порицаніе «Главлѣскому»: «Отсутствіе государственнаго плана въ дѣлѣ лѣсного хозяйства ведетъ не только къ частичнымъ и распыленнымъ формамъ строительства къ печальнымъ опытамъ въ видѣ нынѣшняго Главлѣскома, но что хуже всего, затемняя принципы коммунистическаго строительства, допускаетъ къ эксплоатаціи лѣсныхъ богатствъ частный капиталъ».

Можно сказать съ увѣренностью, что атака «лѣвыхъ» изъ союза деревообдѣлочниковъ прорвала бы «соглашательскій» фронтъ, если бъ лѣсное дѣло и заготовка топлива не играли первостепенной роли въ хозяйственной жизни и въ военномъ дѣлѣ. Но на этотъ разъ власть осталась непреклонной.

Окончаніе войны съ Деникинымъ въ концѣ 1919 года отодвинуло на задній планъ вопросы гражданской войны, и борьбу съ хозяйственнымъ разложеніемъ сдѣлало вопросомъ основнымъ, важнѣйшимъ. Коммунистическая партія провозгласила лозунгъ «на хозяйственный фронтъ» и занялась выработкой плакатовъ, листовокъ, тезисовъ, конспектовъ, и писаніемъ безконечнаго числа статей, въ которыхъ доказывалось совершенно неопровержимо, что выходомъ изъ хозяйственнаго кризиса должно быть оживленіе хозяйства. Двинуться дальше этого оказалось трудновато. Что надо сдѣлать, чтобъ выйти изъ кризиса?

Объ отказѣ отъ «коммунизма» тогда еще не было рѣчи. Наоборотъ, военно-политическіе успѣхи вызывали иллюзію, будто «мы все можемъ». Надо лишь перенести на хозяйство тѣ методы, которые оказались столь успѣшными въ гражданской войнѣ. Этихъ методовъ два: съ одной стороны самопожертвованіе, героизмъ, съ другой — дисциплина и принужденіе.

Ленинъ выбралъ себѣ болѣе простую половину дѣла и началъ агитацію за добровольный усиленный трудъ. Маленькая идейка «субботниковъ» превратилась у него въ грандіозной силы экономическій факторъ. Онъ видѣлъ пришествіе истиннаго коммунизма въ томъ, что сотня рабочихъ, послѣ окончанія обязательныхъ часовъ труда, добровольно освобождаетъ фабричный дворъ отъ накопившихся за цѣлые мѣсяцы экскрементовъ и отбросовъ, или въ томъ, что изголодавшаяся толпа совѣтскихъ служащихъ разгружаетъ вагонъ мерзлой капусты. Ленинъ писалъ тогда:

«Коммунистическіе субботники — только начало, но начало необыкновеннаго значенія, это начало переворота, который труднѣе, важнѣе, радикальнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ сверженіе буржуазіи, ибо онъ означаетъ побѣду надъ собственной лѣнью, мелкобуржуазнымъ эгоизмомъ, надъ привычками, которыя проклятый капитализмъ оставилъ въ наслѣдство рабочимъ и крестьянамъ»...

«Именно коммунистическое строительство, которое стоитъ подъ знакомъ «коммунистическихъ субботниковъ» и осущест-

вляется въ нихъ, именно оно возбуждаетъ и укрѣпляетъ уваженіе и любовь крестьянъ къ пролетарскому государству. Эта работа, и лишь она одна способна убѣдить крестьянина въ правотѣ нашаго дѣла, въ правотѣ коммунизма. Она дѣлаетъ крестьянина нашимъ вѣрнымъ союзникомъ, а это означаетъ, что она ведетъ къ полному преодолѣнію продовольственныхъ затрудненій, къ полному торжеству коммунизма надъ капитализмомъ въ вопросахъ производства и распредѣленія продовольствія. Она ведетъ такимъ образомъ, къ рѣшительному укрѣпленію коммунизма» [1]).

Но этотъ продуктъ «искренняго порыва» не избѣжалъ судьбы другихъ коммунистическихъ начинаній. Достаточно было начальству благосклонно взглянуть на «великій починъ», и въ мигъ образовались центральныя и мѣстныя комиссіи, всевозможныя бюро и ячейки, пошли циркуляры и директивы, и добровольный порывъ обросъ казеншиной и канцелярщиной. Чтобъ похвастать успѣхами, «субботники» дѣлались обязательными и для не-коммунистовъ, и какой-то центральный органъ для «субботниковъ» вскорѣ сталъ опубликовать цифры о развитіи «субботняго» труда. Оказалось, что въ Москвѣ, напр., въ субботникахъ участвовало:

въ ноябрѣ 1919 г.	4300	чел.
въ декабрѣ	16600	„
въ январѣ 1920 г.	35000	„
въ февралѣ	41500	„
а дальше ужъ началось пониженіе:		
въ мартѣ	33000	„
въ апрѣлѣ	27000	„

Такъ «субботники» превратились въ простое орудіе принудительнаго, общеобязательнаго удлиненія рабочаго дня. Производительность труда «субботниковъ» стала падать, начались дрязги о томъ, обязанъ ли тотъ или другой «отвѣтственный» работникъ участвовать въ субботникахъ, посыпались ходатайства объ освобожденіи отъ новой повин-

[1]) Ленинъ, Великій починъ. За неимѣніемъ подъ рукой русскаго оригинала, цитирую по нѣмецкому переводу.

ности, въ которую превратился «великій починъ». И послѣ громовыхъ успѣховъ «субботники» тихо умерли въ 1920 году и ихъ отецъ о нихъ больше не вспоминаетъ... Итоги ихъ были равны нулю.

Троцкій принялся поэтому за разработку проектовъ совершенно иного рода. Онъ рѣшилъ перенести изъ войны въ гражданскую жизнь — не героизмъ, а принужденіе. Если народъ мало работаетъ, плохо работаетъ и не то дѣлаетъ, что надо, — очевидно надо заставить его работать. Другихъ импульсовъ къ труду правовѣрный коммунистъ не долженъ знать. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ ввести всеобщую трудовую повинность на манеръ воинской повинности. Каждый человѣкъ, въ городѣ ли или въ деревнѣ, долженъ быть «на учетѣ». Для выполненія тѣхъ или иныхъ работъ эти военно-учетно-хозяйственные органы мобилизуютъ населеніе, заставляютъ его подъ угрозой всѣхъ возможныхъ репрессій, выполнять ту работу, которая имъ предписана, а затѣмъ уплачиваютъ имъ или же не уплачиваютъ, — смотря по состоянію государственныхъ запасовъ. При этомъ Троцкій вспомнилъ, что «трудовая повинность» какъ разъ въ той формѣ, въ какой онъ ее проповѣдовалъ, относится къ арсеналу основныхъ принциповъ коммунизма (онъ пытался доказать даже, что она вытекаетъ изъ принциповъ соціализма) ибо «не трудящійся да не ѣстъ». Что же касается всѣмъ извѣстной низкой производительности принудительнаго рабскаго труда, то Троцкій утверждалъ, что это «еще не доказано» для «новой эпохи». Но въ Россіи большинство населенія — крестьяне, а среди рабочихъ коммунисты составляютъ меньшинство. Поэтому при выполненіи трудовой повинности коммунисты являются активными иниціаторами, за ними послушно должна слѣдовать рабочая масса, а крестьянство, подгоняемое плеткой, будетъ выполнять всѣ предписанныя работы [1]).

[1]) Эта вѣра въ силу государственной регламентаціи и, поэтому, во всесиліе бюрократіи граничитъ подчасъ съ кретинизмомъ. Вотъ что говорилъ Троцкій въ Московскомъ Совѣтѣ по вопросу о трудовой повинности: „Комиссія по трудовой повинности пришла къ убѣжденію, что долженъ быть созданъ особый органъ — Главный

Если отвлечься отъ этой идеологической шелухи, то нетрудно понять экономическую подоплеку этой системы. Въ прежнихъ условіяхъ государство собирало налоги съ крестьянства, затѣмъ покупало у крестьянъ на эти деньги тѣ или иные продукты ихъ труда или уплачивало имъ за ихъ трудъ собранными съ нихъ же налогами. Теперь налоги исчезли, и государству нечѣмъ было платить. Но работа населенія, напр., рубка дровъ, починка дорогъ и проч., необходима государству такъ же, какъ продукты труда — хлѣбъ, мясо и проч. Если послѣдніе попросту отбирались («разверстка»), то для первыхъ приходилось ввести трудовую повинность.

Такимъ образомъ, крестьянская трудовая повинность есть форма уплаты налоговъ натурой. Больше ли крестьянамъ приходилось платить при этой новой системѣ, чѣмъ до войны? Тяжелѣе ли была имъ натуральная повинность, чѣмъ до-военные налоги (прямые и косвенные)? Я думаю, что нѣтъ. Вѣдь въ концѣ концовъ въ распоряженіе государства поступали отъ крестьянъ такія ничтожныя количества работы и товаровъ, что только государство, возведшее нищету въ норму, могло прожить съ такими запасами. Правда, и крестьянское хозяйство сильно пострадало. Но если принять и это во вниманіе, тяжесть налоговъ не больше, чѣмъ до войны.

За то ф о р м а новой системы налоговъ и натуральныхъ повинностей — настолько плоха и несправедлива, что она естественно вызывала возмущеніе и подчасъ возстанія со стороны крестьянъ. Если крестьянская семья должна уплатить 5 руб. налоговъ, она, выбиваясь иной разъ изъ послѣднихъ силъ и лишая себя необходимаго, уплачивала изъ вырученныхъ за

Комитетъ по трудовой повинности, который долженъ быть подчиненъ аппарату обороны ... Совѣтъ обороны долженъ превратиться въ Совѣтъ Труда и Обороны ... Руководство промышленностью должно остаться всецѣло въ рукахъ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства. Комитетъ по Трудовой Повинности долженъ состоять изъ представителей комиссаріата труда, т. е. его отдѣла по учету и распредѣленію рабочей силы, профессіональныхъ союзовъ, комиссаріата внутреннихъ дѣлъ, и комиссаріата по военнымъ дѣламъ". Эту пріятную забаву – жонглированіе вѣдомствами - можно продолжать, конечно, безъ конца. Но плохо дѣло, если такими „методами" кто-нибудь думаетъ что-нибудь улучшить!

хлѣбъ денегъ необходимую сумму. Она знала, что въ точно такомъ же положеніи находится и сосѣдъ, и сосѣдній уѣздъ, и дальняя губернія. Денежный налогъ даже худшій — общеобязателенъ и п о с т о л ь к у равномѣренъ. Теперь, при системѣ «трудовой повинности» дѣло обстояло иначе. Въ одномъ уѣздѣ есть лѣса и желѣзная дорога. Въ другомъ ихъ нѣтъ. Поэтому въ первомъ уѣздѣ крестьянъ выгоняютъ рубить лѣсъ; во второмъ они отъ этого свободны. Кого выбрать и назначить въ «нарядъ» — зависитъ отъ органовъ власти, и это открываетъ просторъ безграничному произволу. Въ какія недѣли выполнять трудовую повинность—тоже не зависитъ отъ каждаго отдѣльнаго крестьянина, и нарядъ нарушаетъ его хозяйственные планы. Наконецъ, разница и въ производительности труда. Уплачивая денежный налогъ изъ общей хозяйственной выручки, крестьянинъ въ своей работѣ сознаетъ, что онъ работаетъ «на себя». Теперь работа «на себя» и «на казну» раздѣлены въ пространствѣ и во времени. Онъ можетъ превосходно работать на себя, а въ работѣ «на казну» проявлять минимумъ энергіи.

Во всѣхъ отношеніяхъ система трудовой повинности стоитъ ниже «свободнаго труда». Неудивительно, что она дала совершенно мизерные результаты въ экономическомъ смыслѣ и потерпѣла банкротство уже въ 1920 году. Но въ другихъ отношеніяхъ она дала блестящіе успѣхи; именно въ сферѣ бюрократизма. Вѣдь надо было «организовать трудъ». Въ Москвѣ былъ созданъ Главкомтрудъ, въ губерніяхъ Губкомтруды, затѣмъ соотвѣтствующіе органы и уполномоченныя лица въ уѣздахъ, волостяхъ и т. д. Чрезвычайныя комиссіи должны были слѣдить за тѣмъ, чтобъ никто не уклонялся и наказывать уклонявшихся. Для этого надо было расширить ихъ «аппаратъ». Комиссаріатъ продовольствія долженъ былъ выдавать хоть сколько-нибудь продуктовъ для оплаты «трудповинности». Для этого и ему нужно было увеличить свою машину. Словомъ для «вѣдомствъ» новое поприще . . . Къ этому свелись всѣ результаты «трудовой повинности».

Но «милитаризація», введенная Троцкимъ, не ограничилась трудовой повинностью. Вторую главу милитаризаціи составляли «трудовыя арміи». Какъ и въ вопросахъ трудовой повинности, рѣчь шла, разумѣется, о простѣйшихъ видахъ труда, не требующихъ никакой подготовки: рубка лѣса, прокладка дорогъ, перетаскиваніе тяжестей, нагрузка и разгрузка поѣздовъ и т. под. Красноармейцы дѣлались рядовыми рабочими, военное начальство — надсмотрщиками. Но какъ ни просто казалось это превращеніе, — оно тоже не дало положительныхъ результатовъ. Оказалось, во-первыхъ, что производительность «трудармій» стоитъ очень низко, — много ниже, чѣмъ если бъ демобилизовать воиновъ и дать имъ возможность работать гдѣ и какъ они пожелаютъ. Оказалось, во-вторыхъ, что не хватаетъ орудій труда, необходимыхъ даже для самыхъ простыхъ работъ: пилъ, топоровъ, телѣгъ, лошадей и пр. И въ-третьихъ, наконецъ, оказалось, что военная организація сама по себѣ совершенно не приспособлена къ хозяйственнымъ цѣлямъ. Такъ, обслуживаніе военной единицы требуетъ невѣроятно много силъ. Каждый отрядъ долженъ былъ сохранить при себѣ и всю ту бюрократію, которая выполняетъ не боевыя функціи, а хозяйственныя, канцелярскія и проч. Оказалось, что эти функціи отнимаютъ отъ 30—40% состава! Этотъ мертвый грузъ, который не можетъ быть значительно сокращенъ въ военной единицѣ, понижалъ общую среднюю производительность труда и дѣлалъ трударміи совершенно нераціональными. Поэтому, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ зарожденія, они были молчаливо упразднены, и война съ Польшей оказалась очень кстати, чтобъ ихъ ликвидировать навсегда. Они тоже ничего не дали, — а хозяйственное разложеніе быстро развивалось.

Третій элементъ милитаризаціи составляли новые распорядки на заводахъ. Опыты поднятія трудовой дисциплины при помощи методовъ убѣжденія, товарищескихъ судовъ, союзнаго вліянія ни къ чему не привели. Рѣшено было поставить все «на военную ногу». На важнѣйшіе заводы были назначены комиссары, также и на желѣзныя дороги, и власть ихъ была неограниченная. Они стояли не только надъ всей

рабочей массой, но и надъ рабочимъ комитетомъ и надъ дирекціей. Они распоряжались продовольствіемъ, транспортомъ, денежными средствами и, конечно, мѣрами репрессіи. Сотрудничество съ че-ка было основнымъ принципомъ для нихъ. Они подчасъ вызывали жестокое возмущеніе среди рабочихъ и даже стачки; но они подавляли ихъ безпощадно. Ихъ усердіе было громадно, страхъ они передъ собой вызвали безграничный, и «пафосъ дистанціи» отдѣляющей начальство отъ простыхъ смертныхъ, они, по образцу Троцкаго, внушали людской толпѣ при помощи экстренныхъ поѣздовъ, автомобилей, револьверовъ и прочихъ аттрибутовъ «твердой власти». Но все оказалось напрасно, и хозяйственныхъ успѣховъ ни промышленность, ни транспортъ не обнаружили.

За то обнаружилась глубокая разница во взглядахъ «военныхъ» и «штатскихъ» въ особенности «профессіоналистовъ». Какъ ни оторваны правленія профессіональныхъ союзовъ отъ рабочей массы, какъ ни трусливы и безпомощны они предъ «сильной властью», но давленіе на рабочую массу со стороны «милитаристовъ» было слишкомъ велико. Центральные органы профессіональныхъ союзовъ пытались возстать противъ милитаризаціи и отстоять нѣкоторыя элементарныя права рабочихъ передъ начальствомъ, въ особенности — вновь назначаемымъ начальствомъ. Но имъ это совершенно не удалось. Ихъ въ мигъ скрутили «партійной дисциплиной», и ихъ безхарактерная оппозиція должна была—о, иронія судьбы! — превратиться передъ рабочей массой въ защиту новой коммунистической политики.

Нѣсколько рѣшительнѣе «профессіоналисты» осмѣлились заговорить черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, когда зашла рѣчь ужъ не о правахъ рабочей массы, а о собственныхъ правахъ «профессіональной» бюрократіи, т. е. служащихъ профессіональныхъ союзовъ. Это было въ связи съ дискуссіей о коллегіальности и единоначаліи. Я упоминалъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ (см. гл. IV), и суть дѣла здѣсь не стану повторять. Но борьба «профессіоналистовъ» съ прочей бюрократіей окончилась, разумѣется, ихъ пораженіемъ. Восторжествовало единоначаліе, на сторону котораго

всталъ и Ленинъ [1]). Побѣдило единоначаліе потому, что въ немъ видѣли спасительное средство противъ «многоговоренія» и «расхлябанности». Его отожествляли съ принципомъ строгой личной отвѣтственности и пунктуальнымъ выполненіемъ каждымъ служащимъ своихъ обязанностей. Партійный съѣздъ коммунистовъ весной 1920 г., въ горячую пору «милитаризаціи хозяйства», всецѣло подтвердилъ и одобрилъ политику «единоначалія». Коллегіальность была упразднена въ послѣдующіе мѣсяцы, и къ концу 1920 г. изъ 2 483 предпріятій, о которыхъ говорится въ отчетѣ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства 8-му съѣзду совѣтовъ, 2 183 управлялись единолично, и лишь 300 продолжали систему коллегіальнаго управленія.

Но «единоначаліе» было, подобно прочимъ проектамъ, попыткой рѣшить экономическіе вопросы такъ называемымъ организаціоннымъ путемъ, т. е. при помощи перестановки, перегруппировки руководящаго персонала. Это была бюрократическая реформа, и нѣтъ ничего удивительнаго, что и она ничего не дала. О благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ ея нигдѣ ничего не говорилось. Ее забыли, лишь только провели ее.

[1]) Ленинъ столь же былъ проникнутъ тогда вѣрой во всеспасающую силу „военныхъ методовъ“, какъ и Троцкій. Не больше полутора лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ленинъ говорилъ на Всероссійскомъ съѣздѣ Совѣтовъ Народнаго Хозяйства: „Опытъ, который совѣтская власть собрала въ военной области, нельзя разсматривать какъ опытъ въ одной лишь этой области. Строеніе нашей арміи могло только потому дать хорошіе результаты, что оно соотвѣтствовало общему духу нашего совѣтскаго строительства на основѣ соотношенія соціальныхъ силъ... Этотъ опытъ долженъ быть продуманъ и использованъ. Созданіе арміи происходило такимъ образомъ, что исходили вначалѣ изъ случайной коллегіи и переходили постепенно къ системѣ единоличнаго управленія, какъ единственно правильной системѣ работы. Во всякой области совѣтской работы можно найти небольшое число сознательныхъ пролетаріевъ, большое число менѣе развитыхъ рабочихъ и въ качествѣ основы для всего этого – громадную массу крестьянства съ его склонностью къ свободной торговлѣ и спекуляціи, которую меньшевики, эсеры и безпартійные называютъ „свободой“, но которую мы считаемъ наслѣдствомъ капитализма. Вотъ обстановка, въ которой приходится работать, и которая требуетъ особыхъ методовъ работы.“

Я упоминалъ уже, что присоединеніе Азербейджана и Туркестана къ сферѣ экономическаго господства Москвы, облегчили положеніе транспорта и текстильной промышленности во второй половинѣ 1920 г. Къ этому присоединились успѣхи въ дѣлѣ выкачиванія хлѣба, — успѣхи, истинное значеніе которыхъ для сельскаго хозяйства могло сказаться лишь много позже — лѣтомъ слѣдующаго года. Но и это не очень замѣтное облегченіе оказалось кратковременнымъ. Въ ноябрѣ окончилась война съ Врангелемъ и Польщей. Но вмѣсто новаго и быстраго хозяйственнаго подъема въ январѣ 1921 г. начался топливный кризисъ (въ связи съ исчерпаніемъ запасовъ нефти), который, какъ всегда, немедленно превратился въ общій кризисъ промышленности и транспорта. Съ этого момента начинается новая, самая тяжелая полоса въ хозяйственной жизни Россіи. Десятки заводовъ стали закрываться. Отопленіе домовъ было опять очень сокращено. Доставка продовольствія въ города и для арміи быстро понизилась. Вольныя цѣны стали подниматься съ необычайной быстротой Пайки начали сокращаться—и въ результатѣ кризиса вспыхнуло кронштадтское возстаніе, которое завершило собой исторію стараго, классическаго русскаго коммунизма.

3.

Новый курсъ въ промышленности и итоги.

То, что было послѣ кронштадтскаго возстанія, это кризисъ коммунизма. Буквально въ нѣсколько дней вся старая теорія и практика были брошены въ сорный ящикъ. Не осталось ужъ ни міровой революціи, ни коммунистическаго хозяйства, ни поравненія, ни безплатнаго снабженія. Осталась только власть коммунистической партіи.

Коммунистическій кризисъ, который сейчасъ (ноябрь 1921 г.) въ полномъ разгарѣ, проходитъ подъ лозунгомъ «назадъ къ капитализму». Поскольку онъ касается промышленности, — а только о ней рѣчь въ настоящей главѣ, — главнымъ продуктомъ его является декретъ 10-го іюля 1921 г. объ арендѣ промышленныхъ предпріятій. Для успокоенія со-

вѣсти лѣвыхъ или наивныхъ большевиковъ, собственность на національзированныя предпріятія остается въ рукахъ государства. Но во всемъ остальномъ, — арендаторъ является частнымъ хозяиномъ и имѣетъ право на прибыли въ любомъ размѣрѣ. Неприкосновенность его прибылей ему обезпечивается. Сдача предпріятій въ аренду производится, согласно декрету, Высшимъ Совѣтомъ Народнаго Хозяйства или губернскими органами. Но «они, имѣя возможность дѣйствовать по своему разумѣнію, прилагаютъ всѣ усилія, чтобъ привлечь капиталъ въ максимальныхъ размѣрахъ, и В. С. Н. Х. разсылаетъ на мѣста инструкторовъ съ напутствіемъ президіума — сдать въ аренду все, что только можно, лишь бы избавиться отъ кормежки рабочихъ . Сдерживающимъ отъ сдачи всей россійской промышленности на откупъ прежнимъ и новымъ владѣльцамъ, является то обстоятельство, что арендаторы-то пока не спѣшатъ. А тѣ, которые берутъ (фактически с в о и заводы), въ первую очередь занимаются не организаціей производства, а ремонтомъ, исправленіемъ и возобновленіемъ завода, разумѣется за казенный счетъ, ну, а смѣта, которая предусматриваетъ предвидѣнные и непредвидѣнные расходы — вполнѣ пока обезпечиваетъ и самихъ арендаторовъ, и рабочихъ, занятыхъ въ ремонтѣ, и разрѣшаетъ тарифную проблему для всѣхъ совѣтскихъ служащихъ, которые причастны къ сдающему въ аренду учрежденію» [1]).

Капиталъ боится идти навстрѣчу большевистской власти, даже когда она несетъ ему выгоды. Въ этомъ узлѣ скрыто то противорѣчіе, которое рѣшаетъ судьбу коммунистической власти . . .

Основными элементами «новаго курса» въ промышленности являются: во-первыхъ, сдача въ аренду частнымъ лицамъ, во-вторыхъ, концессіи иностранцамъ, въ-третьихъ, «коммерческій принципъ» въ государственныхъ предпріятіяхъ, и въ-четвертыхъ, новыя системы заработной платы.

Но если вы захотѣли бы выяснить въ цифрахъ успѣхи «новаго курса», вы стояли бы передъ непреодолимыми трудно-

[1]) „Соціалистическій Вѣстникъ“, № 14–15. Письмо изъ Москвы.

стями. Официальная статистика даетъ очень различные отвѣты на ваши вопросы. Съ одной стороны передъ вами таблица, дающая громадный итогъ: 4 200 арендованныхъ предпріятій![1]).

Районы	Въ томъ числѣ производствъ								
	Всего сдано въ аренду.	Пищевой пром.	Химич.	По обр. жив. прод.	По обр. дерева	Метал. и механ.	Текст.	Полигр.	По обр. минерал.
Сѣверный районъ .	неопр.	неопр.	10	неопр.	9	13	3	—	2
Пріуральскій районъ	118	111	2	—	—		1		1
Сибирь	88	44	6	5	1	1	2	—	6
Центр. пром. районъ	св. 200	св. 100	14	11	21	16	16	7	13
„ черноз. „	50	33	2	1	6	8	—	—	3
Западный районъ .	неопр.	неопр.	13	9	неопр	9	6	—	1
Поволжье	„	„	9	19	—	4	3	—	2
Юго-Востокъ . . .	1 123	98	1	30	—	3	—	—	—
Украина	св. 300	2 000	48	65	14	50	1	3	17
Туркестанъ	9	1	2	1	—	1	3	—	1
Итого . .	св. 4 200	св. 2 500	142	св. 143	св. 82	99	29	10	46

«Пищевая промышленность» получила львиную долю — 2 500 изъ общаго числа 4 200. Но эти «пищевыя предпріятія» — не что иное, какъ ничтожныя по размѣрамъ мельницы, находившіяся и безъ того въ частномъ владѣніи. Остальныя отрасли даютъ небольшія цифры.

Съ другой стороны официозный «Новый Міръ» сообщаетъ 3-яго января, что по одной Украинѣ сдано въ аренду 6000 предпріятій, изъ нихъ 4482 «пищевыхъ».

Но въ полномъ противорѣчіи съ этими цифрами стоятъ другія, столь же официальныя сообщенія. Такъ, «Извѣстія», № 204, пишутъ:

«Въ 7 губерніяхъ изъ 15 не сдано ни одного предпріятія, а въ остальныхъ 8 сдано всего 69 на самыхъ разнообразныхъ, а иногда безобразныхъ условіяхъ, по принципу «кто во что

[1]) „Эконом. Ж., 10 ноября 1921 г.

гораздъ». Достаточно припомнить, что по даннымъ 1912 года у насъ имѣлось 17 350 предпріятій, чтобы понять какъ неосторожно послѣ сдачи въ аренду 59 предпріятій утверждать, что работа идетъ по всему фронту новой хозяйственной политики».

«Экономическая Жизнь» долгое время, вплоть до осени 1921 года, жаловалась, что въ Петроградѣ вообще сдача въ аренду не производится. И даже въ Москвѣ, гдѣ и промышленности больше, и «новый курсъ» крѣпче, сдано было до 2 ноября 1921 года всего 138 предпріятій. Успѣхи съ этой стороны невелики.

Но и объ этихъ заведеніяхъ пресса отзывается не всегда оптимистически. «Возможно, что часть арендаторовъ не справится со взятыми на себя обязательствами», — говорится въ отчетѣ московскаго губернскаго экономическаго совѣщанія. Тревожныя ноты звучатъ со всѣхъ сторонъ. И это неудивительно. Ибо такъ называемый «солидный капиталъ», въ томъ числѣ и иностранный, опасается идти въ Россію, и по большей части очень подозрительный элементъ берется за аренду. Съ другой стороны, въ программу «новаго курса» входитъ только сдача мелкихъ предпріятій въ аренду, крупныя же должны и впредь остаться «основой соціалистическаго производства». Поэтому, мелкія колбасныя мастерскія, изготовленіе сельтерской воды или мыла остаются доменой частнаго хозяйства, а вся п р о м ы ш л е н н о с т ь и понынѣ остается государственной.

Насколько неразумно и нераціонально сохраненіе всей или большей части крупной промышленности въ рукахъ государства, нетрудно понять, если вспомнить все, что говорится и пишется о нашей бюрократіи. Вѣдь государственная промышленность остается въ рукахъ этой самой бюрократіи — эгоистичной, подкупной, дѣломъ мало интересующейся. «Личная заинтересованность» казенныхъ дирекцій въ успѣхѣ производства отнюдь не гарантируетъ его развитіе. Что же касается общей постановки дѣла на заводахъ, то факты показываютъ, что прогулы и неявка на работу особенно велики какъ разъ на самыхъ крупныхъ предпріятіяхъ.

BIBLIOTHEQUE RUSSE TOURGUENEV

Объ этомъ очень важномъ и характерномъ явленіи «Экономическая Жизнь» сообщаетъ:

«Изученіе числа дней работы и прогуловъ на 1 рабочаго въ зависимости отъ размѣра предпріятія показываетъ, что съ увеличеніемъ размѣра предпріятія уменьшается число дней фактической работы. Дѣйствительно, по полученнымъ даннымъ:

На 1 рабочаго приходится дней фактической работы въ предпріятіяхъ, имѣющихъ:

	1919 год.			1920 год.					
	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрѣль	Май	Іюнь
До 50 рабочихъ	22,4	19,4	20,9	15,1	17,6	19,8	17,2	20,0	20,9
50—500 „	19,8	17,6	19,7	14,6	16,9	18,9	14,9	18,3	20,2
500 и болѣе раб.	17,7	15,3	16,5	14,6	14,8	16,3	15,4	16,9	19,4

т.-е. чѣмъ крупнѣе предпріятіе, тѣмъ меньше въ немъ число дней фактической работы рабочихъ».

Государство оказывается, въ русскихъ условіяхъ, не въ силахъ поставить работу раціонально въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Между тѣмъ, ихъ-то именно оно и хочетъ оставить въ своихъ рукахъ! Ибо на 2400 сданныхъ въ аренду предпріятій не больше одной 1/4 % приходится на крупные[1])!

Неудивительно поэтому, что успѣхи «новаго курса» весьма относительные. Разумѣется, кой-въ-чемъ можетъ наступить улучшеніе, и газеты спѣшатъ сообщить объ увеличенномъ производствѣ на томъ или иномъ заводѣ. Разумѣется, если ввести «коммерческій принципъ» вмѣсто дѣлежки, если думать больше о доходахъ, если идейно респрощаться съ утопіями, — отъ этого кое-что можетъ придти въ порядокъ. Но большихъ успѣховъ нѣтъ, и *дѣйствительный процессъ возстановленія народнаго хозяйства*

[1]) „Экон. Ж.“, 10 ноября 1921 г.

еще не начался. И вся промышленность попрежнему представляетъ картину полнаго развала.

Этотъ потрясающій развалъ промышленности, о которомъ всѣ знаютъ лишь въ общихъ чертахъ, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ[1]).

«Національный доходъ», т.-е. цѣнность годичнаго производства, составлявшая (по преуменьшенному подсчету Преображенскаго, см. «Трудъ», 2 ноября 1921 г.) 11 милліардовъ золотыхъ рублей до войны, упалъ сейчасъ до 4 милліардовъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ онъ упалъ вдвое, въ промышленности въ пять разъ.

Число предпріятій, націонализированныхъ государствомъ, составляло 4½ тысячи. Ровно столько же предпріятій оставалось въ частномъ владѣніи. Но число рабочихъ на первыхъ — около 800 000, на вторыхъ — менѣе 100 000. Это доказываетъ, что въ частномъ владѣніи остались только самыя мелкія предпріятія, и что вся промышленность фактически націонализирована. Въ то же время число рабочихъ понизилось въ громадной степени, и не достигаетъ даже 1 милліона при 150 милл. населенія.

По сравненію съ до-военной производительностью промышленности, производительность 1920 г. (за первую половину) составляла:

	% къ мирному производству
1. Краски, лакъ и т. п.	2,2 %
2. Бумага и картонъ	15,2 %
3. Резина (издѣлія)	1,7 %
4. Стекло всякое	13 %
5. Спички	16 %
6. Табакъ и махорка	17,7 %
7. Спиртъ	10 %
8. Сахаръ съ Укр.	9 %
9. Сырой крахмалъ	15,6 %

[1]) На основаніи: В. Милютинъ. Народное хозяйство совѣтской Россіи. — Докладъ В. С. Н Х 8-му съѣзду совѣтовъ. — Ларинъ и Крицманъ. Очеркъ хозяйственной жизни сов. Россіи. — Russische Korrespondenz, №№ 10, 19-20. — „Экономическая Жизнь", въ особенности обзоръ 1920 года.

	% къ мирному производству
10. Уголь съ Укр. и Сибирью	25 %
11. Нефть (Кавк. и Эм.)	33 %
12. Мѣдь (добыча)	менѣе 50 %
13. Марганецъ (съ Укр.)	—
14. Свинецъ съ Кавк., Сиб.	—
15. Цинкъ съ Кавк.	—
16. Платина	33 %
17. Золото съ Сиб.	12 %
18. Колчеданъ (сѣрный)	менѣе 40 %
19. Магнезитъ	около 25 %
20. Хромист. желѣзнякъ	около 30 %
21. Желѣзн. руда (безъ Крыма) съ Укр.	12 %
22. Чугунъ съ Укр.	2,4 %
23. Желѣзо и сталь съ Укр.	4 %
24. Хлопокъ (чист. волокно Турк.)	20 %
25. Хл.-бум. ф-ки (пряжа)	3,3 %
26. Ленъ (площ. посѣва)	50 %
27. Льнян. ф-ки (пряжа)	33 %
28. Сѣрная кислота	11,4 %
29. Калiевы соли съ Кавказа	—
30. Азотная кислота	—
31. Растительное масло съ Укр., безъ Кавк., Дона, Сиб.	4,3 %
32. Химическая пр. (включая №№ 28, 29, 31, 37)	10,4 %
33. Цементъ портл. съ Укр., Кавк.	—
34. Деревообдѣл. заводы	30 %
35. Мука (промышл. мельницы)	18 %
36. Минерал. удобренія	—
37. Смолокуреніе (всѣ продукты) безъ Бѣлоруссіи	75 %
38. Мыло и свѣчи	2,8 %
39. Карандаши	1,2 %

Только смолокуреніе (самое мелкое, ненаціонализированное производство) даетъ $^3/_4$ до-военнаго производства, да еще крестьянскіе посѣвы льна даютъ приличную цифру. Въ остальномъ производство пало до совершенно ничтож-

ныхъ размѣровъ. Цифры эти относятся, правда, къ первой половинѣ 1920 года; но въ дальнѣйшемъ положеніе почти не улучшилось.

Добыча у г л я въ Донецкомъ бассейнѣ составляла

въ 1913 году	1540	милл.	пуд.
» 1916 »	1751	»	»
» 1919 »	330	»	»
» 1920 »	276	»	»

Добыча понизилась въ шесть разъ, между тѣмъ какъ число рабочихъ сократилось лишь на 40 %. Это даетъ совершенно неслыханное пониженіе производительности труда — съ 700 пудовъ до 200 на одного рабочаго. 1921 годъ дастъ повидимому цифру среднюю между 1920 и 1921 гг.

Добыча н е ф т и выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ:

въ 1913 году	554,9	милл.	пуд.
» 1919 »	268,9	»	»
» 1920 »	233,1	»	»

Пониженіе т о л ь к о на 60 %. Но надо имѣть въ виду, что только съ апрѣля — мая совѣтская власть заняла Баку. Въ 1921 г. добыча — около 140 милл. п.

Добыча ж е л ѣ з н о й руды составила въ 1920 г. 9,47 милл. пуд. — вмѣсто 400—500 милл. п. до-военнаго производства, т.-е. 2,25 %. Что касается 1921 г., то тутъ «намѣчается полный упадокъ (т.-е. еще ниже 2 %) м е т а л л у р г и ч е с к а г о производства, этой базы всѣхъ остальныхъ отраслей народнаго хозяйства» (Оффиціальный отчетъ отдѣла металла).

Въ области т е к с т и л ь н о й промышленности картина такая: посѣвы хлопка сократились въ 5½ разъ, т.-е. составляютъ 17% до-военныхъ. Изъ 237 національзированныхъ фабрикъ работало въ 1920 г. 77. Остальныя стояли. Изъ 6,9 милл. веретенъ работало 484 тыс. Выработано было:

	пряжи			суровыя		
въ 1910 году	20	милл.	пуд.	17	милл.	пуд.
» 1919 »	1,1	»	»	1,1	»	»
» 1920 »	0,8	»	»	0,7	»	»

Производительность рабочаго понизилась въ 8 разъ.

Въ области соляной промышленности — нормальная добыча 122 милл. п., въ 1920 г. 20 милл. п., т.-е. 17 %. Производительность труда рабочаго пала съ 6320 до 2800 п.

Въ крахмальной индустріи до войны перерабатывалось ежегодно 60 милл. пуд. картофеля. Въ 1920 г. — 5 милл. пуд.

Въ винокуренной промышленности паденіе со 139 милл. ведеръ до 3 милл.

Въ табачной промышленности пониженіе съ 21 милл. штукъ до 9½ милл.

Въ мѣховой промышленности производительность 1920 г. составляла, по отдѣльнымъ сортамъ, отъ 4½ до 38 % до-военнаго производства.

Производство спичекъ:

въ 1916 г.	3060	тыс. ящиковъ,	при	—	рабочихъ
» 1917 »	1614	»	»	10 513	»
» 1919 »	1008	»	»	11 635	»
» 1920 »	632	»	»	11 273	»

Такимъ образомъ, производительность труда каждаго рабочаго пала со 154 ящиковъ въ 1917 г. до 56 въ 1920 г.

Производство кислотъ:

	сѣрная кислота	соляная кислота
въ 1913 г.	11 970 тыс. пуд.	4021 тыс. пуд.
въ 1920 г.	1 529 » »	972 » »

Въ резиновой промышленности до-военное производство галошъ составляло 27 милл. паръ, въ 1920 г. — 10 тыс.!

Мы видѣли, какъ пала производительность труда каждаго рабочаго. Между тѣмъ, продолжительность рабочаго дня составляла:

въ 1916 г.	10,1	час.	въ день
» 1918 »	8,0	»	»
» 1919 »	8,3	»	»
» 1920 »	8,6	»	»

Число праздниковъ было также сильно сокращено. За то неявка рабочихъ на работу, составлявшая до войны въ сред-

немъ 16½ дней въ году, поднялась до 35½ дней, — по даннымъ Ларина. По другимъ, болѣе точнымъ и болѣе правдоподобнымъ даннымъ Струмилина («Экономическая Жизнь», 9 октября 1920 г.) рабочій годъ промышленнаго рабочаго состоялъ изъ слѣдующихъ частей:

Характеръ использованія	До революціи	Послѣ революціи	Измѣненіе	
			Въ дняхъ	Въ %
Простой	—	53	+ 53	—
Болѣзнь	7,4	19	+ 11,6	157
Проч. неявки	16,6	52	+ 35,6	214
Итого	24	124	+ 100	416
Отдыхъ	93	55	— 38	41
Работа	248	186	— 62	25
Всего	364	365	—	—

«Какъ видимъ, несмотря на крупное сокращеніе праздниковъ послѣ революціи, рабочій годъ фабричнаго въ связи съ увеличеніемъ заболѣваній, прогуловъ и простоевъ сократился на 62 дня или на 25 %.»

Въ заключеніе нѣсколько цифръ о численности пролетаріата. Тотъ-же Струмилинъ подсчиталъ, что число рабочихъ и служащихъ измѣнилось въ первые два года совѣтской власти слѣдующимъ образомъ:

	Начало 1917 г.	Начало 1919 г.	Въ % отъ 1917 г.
	въ тысячахъ		
Сельское хозяйство	1400	33	2
Обрабатывающая промышл. . .	2019	1360	67
Добывающая промышл. . . .	29	?	?
Строительная промышл. . . .	2048	1360	66
Транспортъ	980	568	58
Домашніе служ. (прислуга и пр.)	1200	84	7
Служащіе въ государств. учр.	800	708	87
Прочіе	700	198	28
Итого	7328	3010	41

Такимъ образомъ, уже въ началѣ 1919 года число наемныхъ рабочихъ и служащихъ пало до 40 % прежней численности. Но въ дальнѣйшемъ произошли еще существенныя измѣненія. Численность фабричнаго пролетаріата продолжала быстро падать. Число-же служащихъ въ государственныхъ и городскихъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ быстро возростало и достигло въ 1920 г. цифры 2 милл. Число рабочихъ — той базы, на которой и для которой строился соціализмъ, пало ниже 1 милл., какъ мы видѣли. Если къ фабричному пролетаріату прибавить желѣзнодорожный и некоторыя другія небольшія группы, то общая численность составитъ 2—2¼ милл.

Перепись 1920 года обнаружила этотъ процессъ въ очень рельефномъ видѣ. Оказывается, что за время, протекшее между сельско-хозяйственной переписью 1916/17 г. и переписью 1920 г.

сельское населеніе увеличилось на	3,5 %
населеніе 40 губернскихъ городовъ сократилось на	32,8 %
населеніе прочихъ городовъ (свыше 15 000 жителей) сократилось на	29,8 %

Городское населеніе сократилось на ⅓ уже къ осени 1920 года. Оно продолжало сокращаться и дальше. Но судьба самыхъ большихъ городовъ была при этомъ самая плачевная:

	1917 г.	1920 г.	Сокращеніе въ %
Петроградъ . .	1 456 819	705 908	— 51,5
Москва	1 854 426	1 028 218	— 44,5

Въ тѣхъ-же, а подчасъ и въ большихъ размѣрахъ сократилось количество рабочихъ. Если сравнить состояніе въ концѣ 1918 года — когда уже число рабочихъ очень сильно сократилось, съ 1920 г., то новое пониженіе составляетъ по 30 губ. Великороссіи 31 %. Въ Москвѣ съ августа 1918 г. до іюня 1920 сокращеніе составляетъ 40,8 %.

Итакъ, коммунизмъ ликвидировалъ не только промышленность, но и индустріальный пролетаріатъ.

4.

Сельское хозяйство.

Революція разрѣшила аграрный вопросъ. Но разрѣшила его не системой экономической политики, не законами и декретами, а такъ сказать вопреки экономической политикѣ, совершенно независимо отъ сознательнаго вмѣшательства государства. Поэтому аграрная политика всѣхъ революціонныхъ партій и революціонныхъ правительствъ есть сборникъ пожеланій, характерныхъ для партій и правительствъ. Но устроеніе деревни пошло своими особыми путями.

Въ первый періодъ революціи (февраль—октябрь 1917 г.) общепризнаннымъ является слѣдующій принципъ: аграрный вопросъ будетъ разрѣшенъ Учредительнымъ Собраніемъ. И цѣлью аграрной политики, въ періодъ до Учредительнаго Собранія, было лишь сохраненіе земельнаго фонда, борьба противъ сепаратныхъ сдѣлокъ помѣщиковъ съ крестьянами. Особымъ закономъ воспрещены были всякія земельныя сдѣлки, и вся энергія направлена была на подготовку законопроектовъ для Учредительнаго Собранія.

Но до тѣхъ поръ, пока помѣшичьи земли оставались въ рукахъ ихъ старыхъ владѣльцевъ, революціонныя партіи совершенно справедливо считали, что о прочности революціи не можетъ быть и рѣчи. Поэтому уже 1-й Съѣздъ Совѣтовъ Р. и С. Д. въ іюнѣ 1917 г. требуетъ организаціи волостныхъ земельныхъ комитетовъ для завѣдыванія земельнымъ фондомъ. Требованіе передачи всѣхъ крупныхъ владѣній въ руки земельныхъ комитетовъ точно такъ же вскорѣ объединяетъ всѣ революціонныя партіи. Однако, коалиціонное правительство не встало и не могло встать на этотъ путь. Представители имущихъ классовъ, въ лицѣ либеральныхъ партій, очень энергично сопротивлялись такому радикальному рѣшенію аграрнаго вопроса. И къ моменту октябрьскаго переворота было ужъ совершенно ясно, что революціонное рѣшеніе

аграрнаго вопроса несовмѣстимо съ характеромъ существовавшей власти.

Октябрьскій переворотъ поэтому соотвѣтствовалъ желаніямъ и интересамъ очень значительныхъ крестьянскихъ слоевъ, и въ первое полугодіе своего существованія совѣтская власть опиралась въ очень значительной степени на деревенскую массу. Для деревни совѣтская власть была цѣнна не своими земельными декретами, мимо которыхъ дѣйствительность спокойно проходила, а той свободой въ захватѣ и распредѣленіи помѣщичьей земли и помѣщичьяго имущества, которая открывалась съ момента изгнанія изъ деревни прежнихъ господъ.

Первый декретъ о землѣ — этотъ наиболѣе революціонный актъ за всю эпоху революціи, — изданъ былъ 26 октября 1917 г. Съѣздомъ Совѣтовъ и состоялъ всего изъ четырехъ пунктовъ. Первый пунктъ гласилъ: «Помѣщичья собственность на землю отмѣняется немедленно безъ всякаго выкупа». 2-ой пунктъ передавалъ весь земельный фондъ въ руки земельныхъ комитетовъ. 3-ій — требовалъ порядка при конфискаціи помѣщичьихъ владѣній и грозилъ карами за порчу имущества.

Уже этотъ 3-ій пунктъ былъ утопіей. Еще большей утопіей была вся послѣдующая законодательная «соціализація». Согласно послѣдующимъ декретамъ, право на надѣленіе изъ земельнаго фонда имѣли лишь малоземельные крестьяне и рабочіе; уравнительное распредѣленіе земель должно было быть проведено не только среди односельчанъ, но и среди деревень одной волости, и между волостями уѣзда. Наемный трудъ не долженъ былъ допускаться. И т. п.

Эти пункты заключались уже въ «положеніи о земельныхъ комитетахъ» отъ 13 декабря 1917 г., и были подробнѣе развиты «основнымъ закономъ о землѣ» отъ 19 февраля 1918 г. Эта утопія достигаетъ своего апогея въ «законѣ о соціализаціи земли», первый пунктъ котораго гласилъ: «Всякое право собственности на землю, нѣдра, лѣса и воды на протяженіи Р. С. Ф. С. Р. отмѣняется». Отмѣняется, слѣ-

довательно, и к р е с т ь я н с к а я собственность. Это былъ послѣдній отзвукъ народническихъ идеологій, захватившихъ и большевиковъ. Но событія шли своимъ путемъ.

Къ веснѣ 1918 года огромная часть бывшихъ частновладѣльческихъ земель уже была подѣлена между крестьянами; къ нимъ же перешелъ и скотъ, и инвентарь, и даже домашняя утварь. Но при этомъ въ началѣ мало сообразовались съ «потребительно-трудовой нормой». Первоначальное пріобрѣтеніе крестьянами новой земли было нерѣдко пропорціонально ихъ прежнему благосостоянію. Особенно выиграла при этомъ, разумѣется, группа наиболѣе богатыхъ крестьянъ.

Но въ дальнѣйшемъ положеніе измѣнилось. Борьба съ «кулаками», предписанная извнѣ, и обнищаніе деревни вызывали вновь и вновь вопросъ о распредѣленіи и перераспредѣленіи всей земли, какъ старой, такъ и вновь пріобрѣтенной. Со строгостью, доходящей до мелочности, стремились соблюсти справедливость при постоянныхъ передѣлахъ, и единственной областью, гдѣ коммунистическое «равенство» оказалось примѣненнымъ на дѣлѣ, оказалось распредѣленіе земель внутри каждой деревни. Громадныя различія въ обезпеченіи землей разныхъ районовъ этимъ устранены не были, конечно, да и вообще едва ли могли быть устранены.

Эта энергія передѣловъ въ свою очередь вредила сельскому хозяйству. Необезпеченность владѣнія, неувѣренность въ томъ, что земля долго будетъ принадежать ея нынѣшнему владѣльцу, естественно понижала качество обработки и размѣры посѣвовъ. Даже коммунистическое правительство вынуждено было вступить въ борьбу съ этими новыми нравами крестьянскаго коммунизма въ защиту нѣкоторой прочности собственности. Декретъ 30 апрѣля 1920 г. запрещалъ передѣлы безъ согласія земельныхъ государственныхъ органовъ, и допускалъ передѣлы (съ согласія этихъ органовъ) только черезъ 9 лѣтъ послѣ послѣдняго передѣла. Но и этотъ декретъ не убилъ энергію передѣловъ, и черезъ годъ, 21 марта 1921 г. появляется новый декретъ, въ которомъ говорится:

«Вопреки декрету о передѣлахъ земли (отъ 30 апрѣля 1920 г.), запрещающему частые и безпорядочные передѣлы, до сихъ поръ не прекратились новые передѣлы, по иниціативѣ отдѣльныхъ группъ крестьянъ и вслѣдствіе недостаточнаго соблюденія упомянутаго декрета земельными органами, и не вездѣ владѣльцамъ обезпечено прочное пользованіе своимъ земельнымъ участкомъ... Всероссійскій Центральный Исполнительный Комитетъ, признавая недопустимымъ такое положеніе, когда крестьяне не пользуются прочнымъ правомъ владѣнія земельными участками для обработки ихъ и въ виду того, что результатомъ такого положенія дѣлъ является плохая обработка и удобреніе, чѣмъ понижается производительность земли, и неувѣренность владѣльца, что онъ будетъ вознагражденъ за затрату труда, — постановляетъ:

1. Точное и неуклонное выполненіе декрета о передѣлахъ земли отъ 30 апрѣля 1920 г., запрещающаго общинные передѣлы до истеченія 9-лѣтняго срока съ момента послѣдняго передѣла и безъ разрѣшенія уѣздныхъ земельныхъ отдѣловъ, а также частные передѣлы безъ разрѣшенія волостныхъ земельныхъ отдѣловъ».

Такимъ образомъ крестьянство представляетъ собой, въ результатѣ революціоннаго процесса, болѣе однородную массу «середняковъ», чѣмъ наканунѣ революціи. Почти исчезли полосы. «Богатѣи» были ликвидированы экспропріаціями и конфискаціями. Безземельные и малоземельные поднялись вверхъ при передѣлахъ. И статистика рисуетъ слѣдующую картину.

Въ Великороссіи (32 губерніи) до революціи (1905 г.) крестьянскіе надѣлы составляли 76 % [1]) всей земли; послѣ революціи — 96,8 %. На Украинѣ до революціи крестьянскіе надѣлы составляли 55,4 % [1]); послѣ революціи крестьяне владѣли ужъ 96 %. Распредѣленіе всѣхъ земель среди крестьянъ послѣ революціи было слѣдующее:

---

[1]) Дѣйствительный размѣръ крестьянскаго владѣнія былъ до революціи нѣсколько выше, т. к. крестьяне владѣли еще землей, прикупленной и пр., сверхъ надѣловъ.

Губерніи	% хозяйствъ											
	Безъ посѣва		Съ посѣвомъ									
			До 2 дес.		Отъ 2 до 6 д.		Отъ 6 до 10 д.		Отъ 10 до 16 д.		Свыше 16 д.	
	1917 года	1919 года	1917 года	1919 года	1917 года	1919 года	1917 года	1919 года	1917 года	1919 года	1917 года	1919 года
Московская	23,4	12,7	55,2	78,8	19,7	8,2	1,4	0,3	0,3	—	—	—
Владимирская	12,9	6,6	36,9	56,3	42,8	34,8	6,4	2,2	0,9	0,1	0,1	—
Петербургская	15,7	11,9	50,8	71,0	30,7	16,9	2,6	0,2	0,2	–	–	—
Новгородская	20,6	18,0	28,2	63,1	46,2	18,5	4,3	0,4	0,5	—	0,1	—
Вологодская	8,9	4,3	47,2	63,5	42,0	30,9	1,8	0,8	0,1	–	—	—
Рязанская	10,1	5,0	37,5	44,5	39,4	44,2	9,2	5,7	3,0	0,6	0,8	—
Пензенская	7,7	3,8	23,2	24,6	44,3	56,6	16,7	13,2	6,2	1,7	1,9	0,1
Смоленская	8,5	4,9	17,9	48,7	57,5	43,2	13,1	2,8	2,6	0,4	0,4	—
Екатеринбургская . . .	11,1	7,6	20,2	22,8	43,0	49,4	16,5	15,7	6,9	3,8	2,3	0,7
Вятская . .	3,3	1,9	8,7	16,3	50,8	60,3	27,8	16,9	8,3	3,3	1,1	0,4

По поводу этой таблицы аграрный статистикъ Хрущева правильно замѣчаетъ:

«Матеріалъ переписей 1917 и 1919 г.г. показываетъ для всѣхъ безъ исключенія губ. Р. С. Ф. С. Р., что число безпосѣвныхъ, то-есть безхозяйственныхъ дворовъ очень сильно сократилось въ 1919 году по сравненію съ 1917 годомъ. Дѣйствительно, все увеличеніе падаетъ на группы мелкихъ и среднепосѣвщиковъ, тогда какъ группы крупнопосѣвщиковъ почти исчезли, а очень крупныхъ посѣвщиковъ (свыше 25 десятинъ) совсѣмъ не стало.

Самый фактъ стиранія крайнихъ группъ, а слѣдовательно и противоположности интересовъ привелъ въ большее соотвѣтствіе также и всѣ другіе элементы крестьянскихъ хозяйствъ — размѣръ семьи, численность скота — съ размѣромъ посѣвной площади».

Или вотъ, напримѣръ, очень характерныя цифры по Новгородской губерніи:

Въ %% общаго числа хозяйствъ:

	1917 г.	1919 г.	1920 г.
Безъ посѣвовъ . . .	20,6	18,0	0
Безъ лошадей	26,0	24,2	3,9
Безъ коровъ	19,6	18,1	3,1

Съ передѣлами земли наступило еще одно очень важное измѣненіе: исчезъ сельско-хозяйственный пролетаріатъ. Численность его до войны оцѣнивалась различно, отъ 1 до 2 ½ милліоновъ. Теперь его совершенно или почти совершенно не осталось. «Изъ двухъ душъ, — пишетъ коммунистическій экономистъ Ларинъ, — всегда боровшихся въ душѣ земледѣльческаго рабочаго, въ общемъ и цѣломъ пока побѣдила та, которая звала его къ устройству собственнаго мелкаго хозяйства, а не къ организаціи крупныхъ государственныхъ предпріятій». Такимъ образомъ, русская деревня, — а сейчасъ ⁹/₁₀ Россіи деревня — представляетъ сплошную массу нивеллированнаго, собственническаго крестьянства.

Земля перешла къ крестьянамъ, и съ весны 1918 г. интересы крестьянской массы, уже пріобрѣвшей землю, и совѣтской власти, остающейся властью городовъ, начинаютъ расходиться.

Здѣсь особенно серьезную роль сыгралъ продовольственный вопросъ и организація комбѣдовъ о которыхъ рѣчь была уже выше, и которые пытались активно вмѣшиваться и въ систему землеустроенія. Совѣтская власть, ставя ставку на «бѣдняка», приступаетъ къ организаціи «коммунъ» и совѣтскихъ хозяйствъ.

15 августа 1918 г. издается декретъ о «коммунахъ», который тоже не остается голой буквой. Мѣстныя власти отводятъ объединеніямъ крестьянъ и рабочихъ цѣлыя имѣнія, оставшіяся неподѣленными между крестьянами, и оказываютъ коммунамъ исключительное вниманіе. Ихъ усердіе заходитъ очень часто такъ далеко, что они начинаютъ отбирать у крестьянъ бывшія помѣщичьи земли для удовлетворенія «коммунистовъ»; отбираютъ у крестьянъ скотъ «безъ всякаго выкупа» и передаютъ коммунамъ; инвентарь пріобрѣтается нерѣдко тѣмъ же упрощеннымъ путемъ. Но и этого мало. Большія денежныя субсидіи выдаются коммунамъ; при общемъ недостаткѣ въ желѣзныхъ издѣліяхъ и сельско-хозяйственныхъ орудіяхъ имѣющіяся запасы передаются коммунамъ. Словомъ, коммуны ставятся въ совершенно исключительное, привилегированное положеніе. Это положеніе со-

храняютъ онѣ и послѣ того, какъ центральная власть, вернувшись весной 1919 года къ «ставкѣ на середняка», предписала прекратить отобраніе у крестьянъ земли въ пользу коммунъ и насильственное насажденіе послѣднихъ.

Коммуна по существу своему не заключаетъ въ себѣ ничего соціалистическаго. При благопріятныхъ условіяхъ развитія она неизбѣжно превращается въ товарищество, гдѣ каждый участникъ имѣетъ опредѣленную долю въ имуществѣ и въ доходѣ; гдѣ примѣняется подчасъ и наемный трудъ; гдѣ право продажи своей доли въ общемъ хозяйствѣ принадлежитъ каждому его участнику. При такомъ взглядѣ на коммуны онѣ являются лишь методомъ превращенія 700 000—800 000 малоимущихъ крестьянъ - полупролетаріевъ въ среднихъ, состоятельныхъ хозяевъ. Такъ оно безъ сомнѣнія и будетъ въ будущемъ, если коммуны не будутъ какими-нибудь силами ликвидированы вообще. Но руководящіе органы совѣтской власти поставили себѣ иную, совершенно утопическую задачу: «конечной цѣлью коммунъ является преобразованіе сельскаго хозяйства на соціалистическихъ началахъ. Для достиженія этой цѣли коммуны должны вести непримиримую борьбу съ капиталомъ вплоть до вооруженнаго отпора всѣмъ контръ-революціоннымъ попыткамъ помѣщиковъ, капиталистовъ и кулаковъ и твердо стоять на стражѣ правъ и интересовъ пролетаріата и деревенской бѣдноты, дѣйствуя въ полномъ согласіи съ органами совѣтской власти, какъ неразрывная часть совѣтовъ». (Декретъ отъ 15 августа 1918 г.). Поэтому въ уставы коммунъ внесены явно-утопическіе пункты, вродѣ запрещенія пользоваться наемнымъ трудомъ; при выходѣ изъ коммуны участникъ получаетъ лишь свое платье, бѣлье и т. под., и теряетъ всѣ права на имущество коммуны; весь доходъ коммуны «идетъ на улучшеніе хозяйства и культурно-просвѣтительныя цѣли» и т. под. Все это очень искусственно, надумано, и все это если и пріемлется коммунарами, то лишь потому, что съ этимъ связаны очень ощутительныя выгоды государственнаго покровительства.

«Совѣтскія хозяйства» въ отличіе отъ коммунъ представляютъ «хлѣбныя фабрики» для городовъ. Созданіе ихъ имѣло цѣлью ослабить зависимость городовъ отъ крестьянскаго хлѣба и производить хлѣбъ въ собственныхъ имѣніяхъ; другая цѣль состояла въ созданіи образцовыхъ хозяйствъ, поучающихъ крестьянъ раціональнымъ методамъ сельскаго хозяйства... Утопическій элементъ гораздо слабѣе въ «совѣтскихъ хозяйствахъ», чѣмъ въ коммунахъ. «Совѣтскія хозяйства» нанимаютъ рабочихъ, уплачиваютъ имъ заработную плату, а продуктъ труда сдаютъ согласно декрету государственнымъ органамъ. Снабженные съ другой стороны, наилучшими орудіями, они могли бы, казалось, исполнять свою педагогическую роль.

Однако, на дѣлѣ совѣтскія хозяйства постигла участь еще худшая, чѣмъ коммуны. Такъ какъ для начала работъ въ хозяйствахъ часто не хватало скота или орудій, власти прибѣгали къ реквизиціи ихъ у окрестныхъ крестьянъ. Возстановивъ, такимъ образомъ, крестьянство противъ новыхъ совѣтскихъ имѣній, организаторы новыхъ хозяйствъ оказались не въ силахъ (и при создавшихся условіяхъ никакая власть не была бы въ силахъ) поставить въ нихъ не только образцовое, но сколько-нибудь разумное хозяйство. Почти всѣ совѣтскія хозяйства влачатъ жалкое существованіе. Излишки, передаваемые ими государству, совершенно ничтожны. За скотомъ уходъ настолько плохъ, что онъ гибнетъ. Словомъ, государство оказалось не въ силахъ организовать свое сельскохозяйственное производство въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Банкротство государственнаго сельскаго хозяйства проявляется въ томъ, что эти огромныя имѣнія, занимающія милліоны десятинъ, почти ничего не даютъ государству, и лишь съ трудомъ могутъ прокормить своихъ собственныхъ рабочихъ. Въ 40 губерніяхъ Россіи (кромѣ Украины) имѣется около 4 000 совѣтскихъ хозяйствъ съ 2 ¼ милл. десятинъ земли. Всего же, если принять во вниманіе и Сибирь, и Донъ, и Украину, они занимаютъ 5 - 7 милл. десятинъ, которыя «могли бы прокормить — по мнѣнію совѣтскаго офиціоза — 20 милл. трудящихся въ городахъ». Между тѣмъ,

аграрные органы считаютъ большимъ успѣхомъ своимъ, что въ 1920 г. производство совѣтскихъ хозяйствъ оказалось достаточнымъ для прокормленія своего собственнаго населенія! Что же касается скота, то его удается прокормить лишь потому, что его осталось очень мало.

Коммуны и совѣтскія хозяйства, противопоставленныя крестьянству, только усилили отрицательное отношеніе послѣдняго къ политикѣ совѣтской власти, и конфликтъ сдѣлался настолько серьезнымъ, что весной 1919 года коммунистическая партія вынуждена была вернуться на путь «союза со среднимъ крестьянствомъ».

Послѣ упраздненія комбѣдовъ запрещено было отбирать земли у крестьянъ; сложенъ былъ чрезвычайный налогъ со средняго крестьянства; натуральный налогъ былъ фактически похороненъ. Однако, большой рѣшительности въ этой политикѣ власть не проявила, и не пошла дальше полумѣръ. Она продолжала и дальше субсидировать деньгами и — это важнѣе всего — орудіями лишь коммуны и совѣтскія хозяйства; она продолжала насаждать послѣднія, несмотря на ихъ явное банкротство. Въ области продовольственной политики «ставка на середняка» не привела, однако, къ повышенію хлѣбныхъ цѣнъ. И наконецъ, въ области общей политики — о «раздѣлѣ власти съ крестьянствомъ» никто и не помышлялъ.

Между тѣмъ, характеръ аграрнаго переворота въ огромной степени понижалъ производство и «товарность» хлѣба, т. е. долю сельско-хозяйственнаго производства, поступающую на рынокъ. До революціи на рынокъ поступало около 1,2 милліарда пудовъ хлѣба, изъ нихъ около половины уходило за границу. Но этотъ хлѣбъ поступалъ на рынокъ главнымъ образомъ изъ помѣщичьихъ имѣній, крестьяне продавали сравнительно немного. Раздѣлъ помѣщичьихъ имѣній вызвалъ раньше всего увеличеніе крестьянскаго потребленія, съ другой стороны большая часть прежнихъ помѣщичьихъ имѣній не была обработана. Поскольку крестьяне раньше продавали хлѣбъ, къ этому вынуждали ихъ нерѣдко высокіе налоги и винная монополія. Теперь продажа водки прекра-

тилась, налоги были упразднены, и этихъ стимуловъ къ продажѣ хлѣба больше не было. Поэтому, въ революціонные годы 1918—1921 масса хлѣба, поступавшая изъ деревни всѣми путями (реквизиція, разверстка, нелегальная продажа) составляла вмѣсто 1,2 милліарда не больше 400—500 милл. пудов.

Новая система аграрныхъ отношеній не могла не вызвать недоѣданія въ городахъ. Но при благопріятныхъ политическихъ условіяхъ недохватка скоро исчезла бы. Революція создала блестящія условія для подъема крестьянскаго хозяйства, а высокія цѣны на міровомъ рынкѣ могли бы служить побудительнымъ мотивомъ для быстраго развитія, расширенія посѣвной площади, улучшенія обработки земли и повышенія урожайности. Вмѣсто этого годы коммунистическаго режима сдѣлались годами сильнаго сельско-хозяйственнаго регресса. Въ этомъ отношеніи начало было положено массовыми реквизиціями 1918 года; затѣмъ огромный ударъ производству нанесли комитеты бѣдноты и борьба съ кулачествомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1918 году кулакомъ былъ провозглашенъ всякій самостоятельный крестьянинъ, съ тѣхъ поръ, какъ за «кулачество» грозили непрерывныя реквизиціи, налоги, арестъ, а подчасъ и разстрѣлъ — боязнь прослыть «кулакомъ» заставила всѣхъ крестьянъ сократить свое хозяйство до потребительской нормы. Въ городахъ объектомъ репрессій и конфискацій были капиталисты. Въ деревнѣ капиталистовъ не было, и поравнительная тенденція выражалась здѣсь въ томъ, что земля и скотъ вновь и вновь дѣлились между односельчанами. Естественно, никто не торопился сѣять много больше того, что ему необходимо. Что же касается скота, то постоянно грозящая реквизиція «излишней» сверхъ средней нормы головы скота побуждала заблаговременно рѣзать скотъ на мясо. Поэтому и наличность скота сократилась очень значительно, и одно это ужъ уменьшало возможности расширенія запашки.

Въ 1919 году провозглашенъ былъ «курсъ на середняка». Но это принесло мало облегченія. Правда, комитеты бѣдно-

ты больше не существовали въ Великороссіи (на Украинѣ они были сохранены еще долгое время). Но произволъ властей и массовыя реквизиціи продолжали царить съ прежней силой, вызывая возмущенія и возстанія, сдѣлавшіяся съ 1918 года нормальнымъ, привычнымъ аккомпаниментомъ къ московскимъ декретамъ.

Такимъ образомъ, о прогрессѣ земледѣлія не могло быть и рѣчи. Не только изъ-за гражданской войны и не столько изъ за отсутствія необходимыхъ орудій труда, — сколько вслѣдствіе всей политической и экономической системы. И цифры оффиціальной статистики рисуютъ потрясающую картину запустѣнія и разложенія.

Конецъ 1920 года принесъ новинку въ земельной политикѣ коммунизма. Такъ какъ неурожай 1920 года обнаружилъ процессъ ужасающаго регресса сельскаго хозяйства, то были придуманы «новыя» мѣры, простыя какъ и все геніальное. Если крестьянинъ мало сѣетъ, надо заставить его сѣять больше! Если крестьянинъ поздно пашетъ, надо заставить его пахать раньше! Если крестьянинъ сѣетъ не ленъ и коноплю, а рожь и просо, надо предписать ему, что и въ какомъ количествѣ засѣять! Словомъ, надо создать новые государственные органы для организаціи сельско-хозяйственнаго производства. Въ каждомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ создать «посѣвкомъ» (посѣвной комитетъ), въ деревняхъ — «комитеты содѣйствія»; въ Москвѣ надо выработать планъ сельско-хозяйственнаго производства и указать черезъ губернскія, уѣздныя и волостныя инстанціи каждому мужичку, сколько и что засѣять.

Это была самая фантастическая идея изъ всѣхъ изобрѣтеній большевизма. Съ большимъ трудомъ можно въ Россіи регулировать крупную индустрію. Почти невозможно регулировать мелкую промышленность. Но русское сельское хозяйство! 15 милліоновъ крестьянскихъ хозяйствъ, въ которыхъ каждое имѣетъ свои индивидуальныя черты (количество скота, земли и проч.)! Ихъ надо «взять на учетъ» и затѣмъ слѣдить, чтобъ каждое изъ нихъ своевременно получило предписаніе и выполнило его. Нужна громадная армія

новыхъ чиновниковъ, новая бюрократическая машина — и усилія ея не могутъ ни къ чему привести.

Но это было послѣднее прибѣжище коммунизма. Альтернативой его была лишь свобода торговли, т. е. аппеляція къ буржуазнымъ инстинктамъ крестьянина, стимулированіе его производства надеждами на высокія цѣны. Это было ясно и самимъ коммунистамъ, и главный авторъ «планового засѣва» Осинскій писалъ:

«Мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ взять курсъ на «крѣпкое» индивидуальное (попросту говоря — кулацкое) хозяйство». Курсъ же на «середняка», на потребительско-трудовое хозяйство неизмѣненъ для рабоче-крестьянской власти.

«Находятся товарищи, которые предлагаютъ замѣнить продовольственную монополію продовольственнымъ налогомъ. Пусть государство беретъ не излишки, а только опредѣленную порцію каждаго рода продуктовъ. Если крестьянинъ произведетъ что либо сверхъ заранѣе объявленной ставки налога — это остается въ его свободномъ распоряженіи. Тогда у него явится стимулъ, побужденіе больше производить, поддерживать и развивать свое хозяйство.

«На что, однако, используетъ крестьянинъ эти излишки и что означаетъ «свободное распоряженіе»? Если онъ используетъ излишки на расширеніе своего потребленія или на разведеніе большого количества скота, то, во-первыхъ, такой стимулъ ограниченъ извѣстными предѣлами и, во-вторыхъ, вполнѣ укладывается въ систему государственной монополіи. Если же онъ используетъ излишки на покупку скота, инвентаря, наемъ рабочей силы, «подпольную» аренду земли, то, во-первыхъ, это означаетъ курсъ на кулака, а, во-вторыхъ, курсъ на возстановленіе хотя бы частью «свободной торговли», т. е. на крушеніе государственной принудительной заготовки въ любой ея формѣ».

«Карлъ Каутскій и наши россійскіе меньшевики съ злорадствомъ предсказывали, что рабочая революція въ Россіи споткнется о мелко-буржуазный характеръ крестьянскаго хозяйства, которое будетъ основой для возстановленія капитализ-

ма. Они не «предвидѣли» вліянія сельско-хозяйственнаго кризиса и соціалистическаго переворота въ городѣ. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ и деревня наряду съ городомъ станетъ незыблемой опорой совѣтской власти, соціализма и коммунистической партіи».

Поэтому Осинскій, отвергая товарное хозяйство, находитъ спасеніе въ «милитаризаціи»:

«Центръ работы соціалистическаго строительства — въ массовомъ принудительномъ вмѣшательствѣ государства. Оно начинается съ борьбы противъ недосѣва. Предъявляется требованіе засѣять обязательно весь яровой (или озимый) клинъ своими средствами и своими сѣменами.

На будущій годъ къ этому первому пласту можетъ уже добавиться слѣдующій: примитивныя указанія, чѣмъ именно засѣвать (скажемъ, напримѣръ, овсомъ, а не въ обходъ разверстки другими кормовыми средствами), и какъ обрабатывать землю (регулированіе обязательными постановленіями времени первой вспашки, повторенія ея, обязательной вывозки, навоза и проч.).

Слѣдующій пластъ — взятіе на учетъ и мобилизація людей, лошадей и инвентаря, какъ для организованнаго выполненія предшествующихъ требованій, такъ и для переброски туда, гдѣ не хватаетъ рабочихъ рукъ и средствъ производства.

Далѣе идетъ полное регулированіе сѣвооборота, затѣмъ превращеніе индивидуальныхъ полосъ въ общественное поле съ общественной запашкой».

Однако, въ спасительную силу этой фантазіи вѣрили недолго. Требовалось не особенно много догадливости, чтобъ предсказать полную неудачу этой худшей изъ всѣхъ бюрократическихъ затѣй — подчинить крестьянство городу при помощи «хозяйственныхъ плановъ». И Ленинъ тутъ же дополняетъ проекты Осинскаго другой идеей — электрификаціей. Онъ хочетъ подчинить деревню другимъ путемъ: создать государственные центры электрической энергіи, и, предоставляя пользованіе ею крестьянамъ, поставить крестьянамъ въ экономическую, а не только бюрократи-

ческую зависимость отъ городовъ, т. е. сочетать подъемъ крестьянскаго хозяйства (на почвѣ электрофикаціи) съ ростомъ городской индустріи (т. е. производствомъ электрической энергіи). Проектъ электрофикаціи Россіи далъ, какъ полагается, поводъ для множества газетныхъ статей и новыхъ чиновничьихъ гнѣздъ. Но идея эта, въ русскихъ условіяхъ была не менѣе фантастична, чѣмъ «плановой засѣвъ». И если изрѣдка, тамъ и сямъ строятся сейчасъ электрическія станціи, то это происходитъ лишь потому, что изчезъ керосинъ, какъ средство освѣщенія въ деревнѣ. Планы Ленина опять таки ничего реальнаго не давали.

Поэтому, не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ пришлось опять мѣнять политику. Альтернативой «планового засѣва» была свобода торговли. «Плановой засѣвъ» еще не испытанъ былъ ни разу, а свобода торговли была ужъ провозглашена въ дополненіе къ нему. Съ весны 1921 года отмѣняется хлѣбная монополія и вводится свобода торговли всѣми сельско-хозяйственными продуктами, чтобъ побудить крестьянина высокими цѣнами больше сѣять. Незачѣмъ прибавлять, что это знаменуетъ собой полный отказъ отъ коммунизма. Гораздо важнѣе отмѣтить, что одна эта мѣра — какъ она ни радикальна для большевистскаго правительства — отнюдь еще не въ силахъ измѣнить положеніе къ лучшему. И исторія зло отвѣтила на большевистскую свободу торговли страшнымъ голодомъ 1921 года.

Цифровые итоги всей этой политики таковы:

Посѣвная площадь у крестьянъ сократилась съ 1917 до 1920 г. на 27 %, т. е. почти на треть. Но это лишь часть потерь земледѣлія. Если къ этому прибавить сокращеніе посѣвной площади въ первые годы войны (около 6 %) и уменьшенные посѣвы на бывшихъ помѣщичьихъ земляхъ, то общее сокращеніе, по сравненію съ до-военнымъ временемъ составитъ 44 % въ 1920 г., а въ 1921 г. около 48 %. Но не всѣ посѣвы пострадали одинаково. Особенно сильно пострадали интенсивныя культуры. Посѣвы промышленныхъ растеній сократились особенно сильно. Изъ 100 десятинъ посѣва приходилось:

Годы	ржи и пшеницы	овса и ячменя	льна и конопли
1917	54,0	31,3	4,5
1919	54,4	29,1	3,7
1920	59,3	26,2	2,0

Къ сокращенію посѣвовъ присоединяется и паденіе производительности земледѣлія. Десятина посѣва давала

въ	1909—13 гг.	49 пуд.
»	1914—18 »	46 »
»	1918 »	44 »
»	1919 »	43 »

Въ 1921 г. урожайность пала, по неточнымъ даннымъ до 33—35 пудовъ. Поэтому-же такъ рѣзко понизилась заготовка сырья для промышленности:

(Въ милліонахъ пудовъ).

Названіе видовъ сырья	1919 г.	1920 г. (за 6 мѣс.)
1. Ленъ	5,5 милл. пуд.	1,4 милл. пуд.
2. Шерсть	2 „ „	
3. Пенька	2 „ „	438 тыс. пуд.
4. Хлопокъ	6,5 „ „	2,5 „ „
5. Кожа	5,4 „ шт.	1,3 мил. шт.
6. Щетина		45 тыс. пуд.
7. Масличныя сѣмена .	(Сез. 1918-1919 г. г.) 6 милл. пуд.	(1919—1920 г. г.) 3,5 мил. пуд.
8. Свекла для свекло-сах. заводовъ . . .	35 „ „	—
9. Мѣхъ	—	2,2 милл. шт.
10. Табакъ	1,6 „ „	1,1 „ пуд.

Наконецъ, что касается скотоводства, то сокращеніе его идетъ почти тѣмъ-же темпомъ. По сравненію съ 1917 годомъ число головъ скота (по 13 губерніямъ, о которыхъ имѣются

свѣдѣнія) сократилось: рабочаго скота на 19 %, коровъ — 5,6 %, овецъ на 42 %, свиней на 45 %. За зиму 1920—21 г. скотоводство вновь сократилось не менѣе, чѣмъ на 10 %. Если сравнить съ состояніемъ скотоводства до войны, то уменьшеніе превышаетъ ½. Въ московской губерніи за одну зиму 1920—21 г. рабочій скотъ уменьшился на 40 %, а свиноводство даже на 80 %.

Такимъ образомъ, сельское хозяйство, построенное все время на индивидуалистическихъ началахъ, пострадало меньше чѣмъ національзированная промышленность. Но и оно, кормившее раньше Россію и вывозившее «излишки» заграницу, пало до такой степени, что голодъ сдѣлался нормальнымъ явленіемъ.

И въ результатѣ — огромный неурожай 1920 г. и безпримѣрный голодъ 1921 г. Ихъ дѣйствительной причиной является, конечно, не засуха, на которую ссылается передъ всѣмъ міромъ большевистское правительство, а оскудѣніе русскаго земледѣлія благодаря большевистскому утопизму. Засухи имѣютъ мѣсто не въ одной Россіи, но ихъ результатомъ является только меньшій урожай, а не голодъ. Засухи имѣли мѣсто не разъ въ Россіи, но всегда было возможно излишками хлѣба одного района покрыть нехватку въ другомъ. Но теперь, когда все крестьянство строитъ свое хозяйство, какъ хозяйство потребительское, натуральное или полу-натуральное, малѣйшее вліяніе внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій выводитъ его изъ равновѣсія. Засуха дѣйствуетъ какъ капля, переполнившая полный сосудъ, какъ легкій толчокъ, котораго достаточно, чтобъ опрокинуть колосъ, стоящій на глиняныхъ ногахъ. И съ 1921 года хлѣбъ начинаетъ ввозиться въ Россію. Если не измѣнятся политическія условія, нѣтъ надежды на большое улучшеніе въ земледѣліи, и Россія будетъ и въ будушемъ осуждена на пропитаніе милостыней Запада и Америки.

5.
Торговля и снабженіе.

Отсутствіе товаровъ на рынкѣ, т. е. несоотвѣтствіе между производствомъ и потребленіемъ, раньше всего требуетъ вмѣшательства въ сферу распредѣленія. Еще задолго до того, какъ воюющее государство дѣлаетъ рѣшительные шаги въ области регулированія производства, оно начинаетъ энергично вмѣшиваться въ распредѣленіе товаровъ. Такъ было во всѣхъ воюющихъ странахъ, такъ случилось, конечно, и въ Россіи. Лишь впослѣдствіи, когда обнаруживается невозможность управлять распредѣленіемъ безъ контроля надъ производствомъ, дѣлаются рѣшительные шаги въ сферѣ индустріи.

И въ этомъ сказывается все различіе между организаціей народнаго хозяйства въ военную эпоху и подлиннымъ соціализмомъ. Соціалистическая реформа должна ставить себѣ. цѣлью постепенное подчиненіе государству тѣхъ отраслей хозяйства, въ которыхъ централизація достигла наибольшаго развитія, и въ которых мелкое производство совершенно или почти исчезло. Но въ такомъ состояніи находятся лишь очень немногія отрасли промышленности. Что же касается торговли, то здѣсь, какъ извѣстно, концентрація зашла еще очень недалеко, и мелкая торговля вездѣ играетъ еще преобладающую роль. Между тѣмъ государству пришлось во время войны начать какъ разъ съ торговли, наложивъ на нее множество ограниченій и подчинить ее въ концѣ концовъ всецѣло государству.

Нормальнымъ состояніемъ капиталистическаго общества является изобиліе товаровъ. Предложеніе превышаетъ спросъ, и производитель долженъ искать сбыта. Въ военныхъ условіяхъ спросъ превышаетъ предложеніе. Не продавецъ ищетъ покупателя, а покупатель ищетъ продавца. Въ этомъ случаѣ распредѣленіе товаровъ, т. е. торговля, превращается въ «снабженіе»: въ торговлѣ распредѣленіе разсматривается съ точки зрѣнія активности продавца; въ «снабженіи» активность проявляетъ потребитель. Поэтому во время войны снабженіе, вытѣсняя постепенно торговлю, составляетъ форму распредѣленія товаровъ.

Политика военнаго хозяйства въ сферѣ распредѣленія сводится къ четыремъ основнымъ мѣрамъ: твердыя цѣны, монополія крупной торговли, нормированіе распредѣленія, и монополія мелкой торговли. Вся исторія государственнаго вмѣшательства сводится къ этимъ четыремъ мѣрамъ; и вмѣшательство тѣмъ серьезнѣе и тѣмъ глубже, чѣмъ большее количество изъ этихъ мѣръ осуществляется. Когда всѣ онѣ вводятся въ дѣйствіе, и когда онѣ распространяются на значительное большинство товаровъ, тогда всякая частная торговля — по крайней мѣрѣ легальная — исчезаетъ и уступаетъ мѣсто государственному снабженію.

До-революціонное правительство провело уже нѣсколько серьезныхъ мѣръ въ области торговли. Самой крупной изъ нихъ было установленіе твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ. Сперва эти цѣны были обязательны лишь при казенныхъ покупкахъ. Но въ ноябрѣ 1916 г. твердыя цѣны сдѣлались общеобязательными. — Институтъ «уполномоченныхъ» былъ зародышемъ нынѣшихъ большихъ продовольственныхъ организацій. А распоряженіе желѣзными дорогами давало правительству орудіе для регулированія распредѣленія.

Что-же касается равномѣрнаго распредѣленія товаровъ среди населенія, т.-е. карточной системы, то лишь зачатки ея имѣлись до революціи. Въ общегосударственномъ масштабѣ введены были лишь карточки на сахаръ; въ отдѣльныхъ городахъ карточки на хлѣбъ. Этимъ, если я не ошибаюсь, ограничилась вся карточная система.

Первой крупной революціонной реформой въ сферѣ распредѣленія была хлѣбная монополія, провозглашенная декретомъ 25-го марта 1917 года. Это было дополненіемъ къ общеобязательнымъ твердымъ цѣнамъ. Какъ Германія черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ введенія твердыхъ цѣнъ пришла къ государственной монополіи, такъ и Россія должна была придти къ тому-же. Въ революціонной обстановкѣ не оказалось ужъ и тѣхъ политическихъ силъ, которыя могли бы этому сопротивляться. Такимъ образомъ, хлѣбная торговля — эта важнѣйшая отрасль торговли въ Россіи — прекращаетъ свое существованіе въ мартѣ 1917 года.

Вслѣдъ за хлѣбной монополіей послѣдовало нормированіе потребленія хлѣба, т.-е. введеніе карточной системы въ большинствѣ городовъ потребляющей полосы Россіи. Лица тяжелаго физическаго труда получали во многихъ мѣстахъ дополнительный паекъ.

Нѣкоторое время новая система давала очень благопріятные результаты. Крупные землевладѣльцы, опасаясь крестьянскаго движенія и безвозмездной реквизиціи всѣхъ запасовъ, торопились распродать ихъ. Поэтому закупка хлѣба шла очень удачно въ первые мѣсяцы революціи. Но съ іюня 1917 г. она начинаетъ падать. Крупные запасы проданы государству, а мелкое сельское хозяйство, т.-е. крестьяне, отнюдь не спѣшатъ продавать государству свои небольшіе излишки по твердымъ, т.-е. низкимъ цѣнамъ. Но начинаетъ уже появляться нелегальная торговля хлѣбомъ въ небольшихъ количествахъ, т.-е. зарождается мѣшечничество.

Снабженіе хлѣбомъ падаетъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, и, чтобъ поддержать его, правительство рѣшается повысить вдвое твердыя цѣны. Этотъ актъ возбудилъ тогда сильныя страсти. На твердыя цѣны смотрѣли какъ на цѣны, ни въ коемъ случаѣ не подлежащія измѣненію. Удвоеніе ихъ въ сентябрѣ 1917 г. разсматривалось какъ нарушеніе принципа твердыхъ цѣнъ и какъ ненужная уступка интересамъ крупнаго землевладѣнія!

Новое министерство продовольствія, созданное при образованіи коалиціоннаго правительства, оказалось вскорѣ не въ силахъ бороться съ растущимъ голодомъ. Запасы хлѣба сокращались. Снабженіе городовъ быстро падало. Снабженіе арміи пало ниже допустимаго минимума. Причину этого многіе искали въ недостаточно энергичномъ нажимѣ коалиціонной власти на землевладѣльцевъ съ одной стороны, и спекулянтовъ съ другой. Это наивное объясненіе кризиса сдѣлалось вскорѣ господствующимъ въ городскихъ и солдатскихъ массахъ и сыграло немалую роль въ исторіи октябрьскаго переворота.

Дороговизна хлѣба, игравшая тогда такую выдающуюся роль въ большевистской агитаціи, заставила новую, совѣт-

скую власть начать съ хлѣбныхъ цѣнъ. Однимъ изъ первыхъ программныхъ заявленій новаго правительства было обѣщаніе понизить хлѣбныя цѣны вдвое, т. е. вернуться къ старому уровню. Однако, этому обѣщанію не суждено было осуществиться. Переживъ тѣ же иллюзіи, что и свергнутыя правительства, совѣтская власть убѣдилась, что никакая цѣна не можетъ быть твердой, когда кругомъ всѣ цѣны быстро растутъ; и вмѣсто пониженія хлѣбныхъ цѣнъ, ей пришлось впослѣдствіи неоднократно повышать ихъ.

Вообще, принципы продовольственной политики совѣтской власти остались вначалѣ въ сущности тѣ же, что и у Временнаго Правительства: твердыя цѣны и монополія хлѣбной торговли. Только радикально измѣнились методы осуществленія этой политики и соціальное значеніе ея. До октябрьскаго переворота продолжало существовать крупное землевладѣніе, которое и снабжало городскую Россію аграрными продуктами. Поэтому всѣ мѣры продовольственной политики, предпринятыя при старомъ режимѣ и при Временномъ Правительствѣ, въ особенности твердыя цѣны, ударяли по крупному землевладѣнію, затрагивая крестьянство сравнительно слабо. И такъ какъ число крупныхъ хозяйствъ, снабжавшихъ Россію сельскими продуктами, было невелико (по сравненію съ массой крестьянскихъ хозяйствъ), то продовольственная политика могла быть болѣе или менѣе успѣшной: ибо регулировать сбытъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ крупныхъ хозяйствъ несравненно легче, чѣмъ милліоновъ мелкихъ. Услѣдить за милліонами крестьянъ, за ихъ личнымъ потребленіемъ, излишками и за ихъ торговлей — явно непосильная задача; тѣмъ болѣе, что продовольственная политика въ создавшихся условіяхъ не могла не быть направленной противъ интересовъ крестьянства и не вызывать съ его стороны политическаго и хозяйственнаго отпора.

Поэтому до октябрьской революціи проведеніе твердыхъ цѣнъ и хлѣбной монополіи требовали, чтобъ не остаться пустымъ звукомъ, содѣйствія полиціи и суда. Въ періодъ совѣтской власти этого оказалось мало. Ей необходимы были мѣры гораздо болѣе энергичнаго нажима и постояннаго на-

силія. Въ качествѣ такихъ подсобныхъ мѣръ служили во-первыхъ продовольственные отряды, и во-вторыхъ комитеты бѣдноты.

Мысль о продовольственныхъ отрядахъ, направляемыхъ рабочими въ деревню, стала впервые бродить въ Петербургѣ весной 1918 года, когда продовольственное положеніе столицы чрезвычайно ухудшилось. Мысль эту подхватили и вожди. Ленинъ въ «Правдѣ», а Троцкій въ публичныхъ выступленіяхъ стали затѣмъ проповѣдовать «походъ за хлѣбомъ», осуществляемый непосредственно рабочимъ классомъ. И эта мысль, разумѣется, осуществилась: вначалѣ отряды отправлялись изъ одного Петербурга, впослѣдствіи и изъ другихъ городовъ. Въ началѣ никакой общей системы не существовало. Каждый отрядъ дѣйствовалъ на свой страхъ и рискъ, часто прибѣгая къ явному и грубому насилію пользуясь хлѣбомъ въ свою пользу. Столкновенія съ крестьянствомъ, вспышки и бунты непосредственно слѣдовали за слишкомъ явнымъ и откровеннымъ насиліемъ и множество крестьянскихъ возстаній, разразившихся лѣтомъ 1918 года, вызваны были въ немалой степени мѣрами продовольственной политики, въ частности продовольственными отрядами. Позднѣе однако, приблизительно съ осени 1918 г., продовольственные отряды были фактически подчинены общимъ продовольственнымъ органамъ и потеряли свою независимость. Но система эта очень развилась и расширилась, и вмѣсто немногихъ отрядовъ появилась въ 1919 г. цѣлая «продовольственная армія», вербуемая уже не добровольно и не изъ однихъ только рабочихъ, а въ порядкѣ общей мобилизаціи въ городахъ. Военныя столкновенія ея съ крестьянствомъ сдѣлались рѣже; но присутствіе ея въ каждомъ уѣздѣ дѣйствовало такъ внушительно, что пускать въ ходъ военную силу приходилось лишь въ видѣ исключенія.

Но первые 6—8 мѣсяцевъ продовольственной политики совѣтской власти представляли въ сущности отсутствіе всякой политики. Въ тотъ періодъ господствовала «власть на мѣстахъ», и циркуляры, распоряженія и декреты центральной власти часто игнорировались. Во многихъ мѣстахъ продо-

вольственные органы повышали твердыя цѣны для своего района, вводили свободную торговлю и даже запрещали нерѣдко вывозъ хлѣба изъ своей производящей губерніи въ центральную Россію. Поэтому написать исторію продовольственной политики совѣтской власти между октябремъ 1917 г. и іюнемъ 1918 г. означало-бы написать отдѣльно исторію продовольственныхъ мѣропріятій въ каждой отдѣльной губерніи, «продовольственной республикѣ», — мѣропріятій, другъ другу противорѣчащихъ и другъ друга исключающихъ.

Къ объективнымъ условіямъ, вызывавшимъ голодъ въ Россіи, присоединилось такимъ образомъ совершенное разрушеніе государственнаго механизма. Неудивительно поэтому, что продовольственные «планы», выработанные въ Москвѣ, потеряли всякое реальное значеніе, и такъ наз. «процентъ выполненія» палъ въ апрѣлѣ и маѣ 1918 г. до 7, а въ іюнѣ до 4½. Хлѣбъ поступалъ въ потребляющія губерніи случайно, то изъ одной, то изъ другой губерніи, и только эти случайныя поступленія и распредѣлялись по нормамъ. Отсутствіе всякой возможности получать хлѣбъ изъ «независимыхъ» производящихъ районовъ толкало совѣтскую власть на усиленную борьбу съ «буржуазіей» и «спекулянтами» въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ. Къ «буржуазіи» и «спекулянтамъ» причислялись, вполнѣ естественно, всѣ имѣвшіе кой-какіе запасы продовольствія; и на реквизицію этихъ-то запасовъ и направилась раньше всего энергія власти, почти лишенной возможности пріобрѣтать продовольствіе извнѣ. Поэтому первый годъ совѣтской продовольственной политики ознаменовался не столько новыми законодательными актами, сколько продовольственными обысками, реквизиціонными отрядами, захватами продовольственныхъ поѣздовъ и т. под.

Борьбу эту со спекулянтами и «укрывателями» долженъ былъ вести «продовольственный диктаторъ»: таковъ былъ планъ, положенный въ основу декрета отъ 13 мая 1918 г. Такъ какъ голодъ объясняется политикой городской и деревенской буржуазіи, то для рѣшительной борьбы съ ними,

народный комиссаръ продовольствія получаетъ диктаторскія полномочія вплоть до права примѣнять вооруженную силу и «подвергать аресту должностныхъ лицъ и служащихъ всѣхъ вѣдомствъ и общественныхъ организацій, въ случаѣ дезорганизующаго вмѣшательства ихъ въ распоряженія народнаго комиссара». Но наряду съ борьбой противъ городской и сельской буржуазіи, диктатура должна была пополнить еще одну задачу: подчинить всѣ мѣстные продовольственные органы общему руководству центральной власти. Народный комиссаръ продовольствія получилъ право «требовать безоговорочнаго и немедленнаго исполненія распоряженій народнаго комиссара»; «распускать или реорганизовать продовольственные органы на мѣстахъ» и т. под.

Вторая задача — централизація продовольственнаго дѣла — была до нѣкоторой степени выполнена послѣ долгаго періода борьбы съ мѣстными властями. Наоборотъ, первая задача продовольственной диктатуры, т. е. отобраніе всѣхъ хлѣбныхъ излишковъ въ городѣ и въ деревнѣ, осталась нерѣшенной. Что касается городовъ, то обыски и борьба со спекулянтами дали совершенно мизерные результаты. Отъ этой мѣры вскорѣ отказались. Тѣмъ сильнѣе направилась энергія продовольственныхъ органовъ на деревню. Подъ видомъ «борьбы съ кулаками», укрывающими хлѣбные излишки, открытъ былъ крестовый походъ на деревню. 11 іюня опубликованъ былъ декретъ о сельскихъ комитетахъ бѣдноты. Эти новые комитеты, надѣленные большими полномочіями, и избираемые только неимущими элементами деревни, поставлены были рядомъ съ совѣтами крестьянскихъ депутатовъ. Но въ совѣты выбирала вся масса средняго крестьянства, обладавшаго хлѣбомъ и боявшагося реквизицій; въ комбѣды-же входили лишь «пролетарскіе и полупролетарскіе» элементы, которымъ не только не приходилось опасаться реквизицій, но которые и сами заинтересованы въ успѣшныхъ реквизиціяхъ, получая изъ нихъ нѣкоторую долю. Борьба между совѣтами и комбѣдами, совершенно неизбѣжная въ этихъ условіяхъ, очень скоро привела къ полному торжеству комбѣдовъ и фактическому упраздненію со-

вѣтовъ. Комбѣды сдѣлались не только продовольственнымъ, но и универсальнымъ органовъ управленія въ деревнѣ.

Весь періодъ съ іюня до ноября прошелъ подъ знакомъ борьбы съ «кулачествомъ», въ которое зачислены были всѣ обладатели хлѣба, т. е. все среднее крестьянство. «Дифференціація» крестьянства, еще очень слабая въ центральной Россіи, должна была форсироваться искусственными мѣрами, и комбѣды были органомъ для насильственнаго «разслоенія деревни», для перенесенія гражданской войны внутрь крестьянства. И если совершенно невыполненной оказалось продовольственная миссія комбѣдовъ, то зато имъ вполнѣ удалось обострить гражданскую войну, которая въ лѣтніе мѣсяцы 1918 г. приняла характеръ массовыхъ крестьянскихъ возстаній.

Безплодность комбѣдовъ въ продовольственномъ отношеніи съ одной стороны, и нѣкоторое смягченіе голода послѣ сравнительно хорошаго урожая — съ другой, создали новыя настроенія въ руководящихъ коммунистическихъ кругахъ, и осенью 1918 г. начинается поворотъ такъ сказать «вправо». Раньше всего для извлеченія хлѣба изъ деревни твердыя цѣны были повышены втрое. Во-вторыхъ, разрѣшено было рабочимъ и рабочимъ организаціямъ отправиться или отправить делегаціи за хлѣбомъ. И въ третьихъ, комитеты бѣдноты были упразднены.

Къ числу новыхъ методовъ продовольственной политики совѣтской власти принадлежитъ и т. наз. товарообмѣнъ. Реальное и здоровое ядро этой мѣры состоитъ въ томъ, чтобъ платить крестьянамъ за хлѣбъ не только бумажными деньгами, но и товарами; и такъ какъ, вслѣдствіе сокращенія промышленнаго производства, нѣтъ возможности просто обмѣнивать хлѣбъ на фабричныя издѣлія, то пришлось-бы часть цѣны хлѣба уплачивать деньгами, а другую, меньшую часть — товарами. При такой постановкѣ дѣла не было-бы въ ней ничего особенно новаго, и она была-бы вполнѣ осуществима въ ограниченномъ масштабѣ. Но и здѣсь утопія возобладала надъ реальными задачами продовольственной политики. На «товарообмѣнъ» стали смотрѣть не столько какъ на средство

соблазнить разсчетливаго крестьянина, сколько видѣли въ немъ, т. е. товарообмѣнѣ, рычагъ для преодолѣнія капитализма и всей денежной системы. И задачу распредѣленія городскихъ издѣлій между крестьянами возложили не на покупателей хлѣба, т. е. продовольственныхъ агентовъ, а на мѣстные органы власти, въ особенности комбѣды, которые должны были имѣть въ виду не только продовольственные интересы, но и обезпеченіе «бѣдноты» необходимыми товарами. Получилась совершенная неразбериха. Крестьяне, поставлявшіе хлѣбъ, товаровъ въ обмѣнъ не получали. А ничтожное количество товаровъ, доходившее до деревни, оставалось въ рукахъ тѣхъ элементовъ, которые хлѣба продавать не могли. Если прибавить къ этому какую-то роковую дезорганизованность всего этого дѣла, пропажу цѣлыхъ поѣздовъ съ товарами, многомилліонныя кражи и грабежи; отсутствіе всякой бухгалтеріи и т. под., —то станетъ понятнымъ итогъ «товарообмѣна»: отправка массы товаровъ въ провинцію, въ частности въ деревню, — и никакого полученія взамѣнъ ни хлѣба, ни даже денегъ.

1919 г. принесъ меньше новыхъ «поворотовъ» и радикальныхъ «пересмотровъ» прдовольственной политики, чѣмъ его предшественникъ. Первые мѣсяцы его еще приходятся на періодъ «смягченія политики», и поэтому ограниченіе предѣловъ дѣятельности Наркомпрода еще продолжалось. Вопросъ о томъ, какіе продукты относятся къ числу «нормированныхъ» и «ненормированныхъ» до этого не былъ разрѣшенъ, и потому достаточно было гдѣ-либо обнаружить запасы какого-нибудь продовольственнаго продукта, а тѣмъ болѣе торговлю имъ, чтобъ объявить ихъ владѣльца спекулянтомъ, и т. дал. Поэтому февральскій декретъ 1919 г. установилъ, что къ числу «нормированныхъ» продуктовъ относятся лишь мука, крупа, сахаръ, чай, коровье мясо, сало и соль; условно также и масло. Что-же касается остальныхъ продовольственныхъ продуктовъ, то торговля ими признана свободной.

Съ мая—іюня 1919 г. курсъ продовольственной политики вновь начинаетъ «крѣпчать». Компродъ начинаетъ все энер-

гичнѣе бороться противъ всякихъ продовольственныхъ смягченій, и когда въ августѣ, послѣ урожая, масса рабочихъ, воспользовалась правомъ отпусковъ и хлынула въ деревню за хлѣбомъ, компродъ забилъ такую тревогу, что «отпустничество» было прекращено еще скорѣе, чѣмъ «полуторапудничество» за годъ передъ тѣмъ.

Въ 1919 и въ 1920 г. крупныхъ реформъ въ продовольственной области не происходитъ. Вводятся новые пайки, старые отмѣняются; одно продовольственное учрежденіе разформировывается, другое создается; десятки ихъ сливаются, раздѣляются, переименовываются. Болѣе важными явленіями въ этотъ періодъ — до марта 1921 года — являются два.

Во-первыхъ отобраніе излишковъ у крестьянъ замѣняется «разверсткой». Это значитъ, что крестьянинъ не обязанъ больше сдавать всѣ свои «излишки» (кромѣ необходимаго ему по нормамъ пропитанія). Вмѣсто этого въ Москвѣ устанавливается количество потребнаго государству количество хлѣба,оно распредѣляется по губерніямъ, затѣмъ по уѣздамъ, волостямъ и, наконецъ, по крестьянскимъ хозяйствамъ. Сдавшій разверстку крестьянинъ не обязанъ (въ теоріи!) сдавать еще что-либо, хотя-бы у него остались большіе излишки. Но только въ теоріи. На практикѣ случалось не разъ, что вслѣдъ за выполненіемъ разверстки приходилось крестьянамъ сдавать вновь и вновь. Съ другой стороны, права продавать свой хлѣбъ, послѣ выполненія разверстки, крестьяне не имѣли. Но такъ какъ въ то же время производительность сельскаго хозяйства все время падала, то «разверсткой» выколачивалось изъ крестьянъ подчасъ много больше, чѣмъ пришлось бы взять, если бъ ограничиться одними излишками.

Во-вторыхъ, уплата за хлѣбъ исчезла. 100 рублей за пудъ еще имѣли какое-то значеніе въ 1918, даже въ 1919 г. въ нѣкоторыхъ районахъ. Но далѣе твердыя цѣны не повышались, между тѣмъ бумажныя деньги обезцѣнивались, и сдача хлѣба превратилась фактически въ безвозмездную. Разверстка превратилась въ налогъ, который

однако не давалъ права свободно распоряжаться излишками.

По мѣрѣ того, какъ создавалась новая армія и новая бюрократія, окрѣпъ механизмъ государственнаго принужденія, и поэтому съ конца 1918 года цифры заготовокъ начинаютъ расти. Вѣдь для этого нужна была только физическая, военная сила. Дѣйствительно государству удалось заготовить хлѣба, крупы и фуража:

въ 1916—17 году	540	милл.	пуд.
„ 1917—18 „	73	„	„
„ 1918—19 „	108	„	„
„ 1919—20 „	213	„	„
„ 1920—21 „	300[1])	„	„ (прибл.)

Цифры эти представляли неисчерпаемый источникъ гордости для коммунистическихъ вождей, и Ленинъ измѣрялъ этими цифрами успѣхи коммунизма въ Россіи (см. его фельетонъ въ «Правдѣ» въ октябрѣ 1919 г.). Вліянія этой политики на сельско-хозяйственное производство тогда не замѣчали. Это увидѣли лишь впослѣдствіи, — въ моментъ кронштадтскаго возстанія.

Несмотря на усиленіе заготовокъ, продовольственное положеніе городовъ отнюдь не улучшалось. Отчасти заготовленные продукты шли на продовольствіе быстро растущей арміи; отчасти они замѣнили собой почти исчезнувшіе со свободнаго рынка продукты. Въ результатѣ питаніе городскаго населенія стояло въ послѣдніе годы приблизительно на одномъ, неизмѣнномъ уровнѣ — на уровнѣ недоѣданія, граничащаго съ жестокимъ голодомъ. Вотъ данныя объ этомъ, взятыя правда изъ обслѣдованій 1919 года (за неимѣніемъ подъ рукой болѣе новыхъ), но въ общемъ и цѣломъ характерныхъ и для дальнѣйшихъ двухъ лѣтъ. Если сравнить питаніе горожанъ въ настоящее время съ питаніемъ рабочихъ въ артеляхъ въ 1909—11 гг.

[1]) Увеличеніе въ 1920-21 г. приходится только на окраины (Сибирь, Кавказъ).

(которое стоило тогда 18 коп. въ день!!), то картина получится слѣдующая[1]):

	Въ артеляхъ въ 1909-11 гг.	Горожане весною 1919 г. Отъ—до	Средняя	въ %%% къ цифрѣ 1909-11 г.
Хлѣба	2,63	1,140—1,610	1,340	51
Картофеля . . .	0,48	0,560—1,780	1,110	230
Мяса и рыбы . .	0,44	0,200—0,340	0,270	61
Масла постн. и сала	0,13	0,015—0,032	0,026	20
Итого калорій	2902	1267—1767	1538	53
Всего „	3458	1651—2151	1922	55

При этомъ, вопреки всѣмъ усиліямъ коммунистическаго поравненія, рабочіе отнюдь не питались одинаково съ другими классами. Вотъ таблица, показывающая, какъ великъ дефицитъ въ пищѣ по сравненію съ гигіенической нормой:

	Норма	Средн. колич. въ пищѣ горожанъ вообще[2])	Дефицитъ	Средн. составъ пищи рабочихъ	Дефицитъ
Бѣлки . . .	105 гр.	76 гр.	28%	73 гр.	31%
Жиры . .	55 „	46 „	16%	41 „	25%
Углеводы .	502 „	445 „	11%	454 „	10%
Калорій . .	3000 „	2560 „	15%	2542 „	15%

Эти неудачи въ поравненіи классовъ даже въ продовольственномъ отношеніи дѣлаются понятны, если вспомнить, что, несмотря на всевозможные успѣхи «заготовокъ», государство доставляло населенію меньше половины потребляемаго хлѣба. Остальную приходилось покупать, и тутъ рѣшительно сказывались классовыя различія. Снабженіе черезъ продовольственные органы составляло, по отношенію къ общему потребленію хлѣбныхъ продуктовъ:

въ мартѣ—апрѣлѣ 1919 г.	45,8%
„ іюлѣ 1919 г.	30,1 %
„ декабрѣ 1919 г.—январѣ 1920 г. .	36,7%

[1]) А. Лосицкій. Питаніе городского населенія.
[2]) Среднія для рабочаго и прочаго населенія (безъ сомнит. данныхъ).

Переходъ къ «новому курсу» весной 1921 года совпалъ съ моментомъ жестокаго продовольственнаго кризиса. «Новый курсъ» принесъ поэтому очень радикальныя измѣненія въ сферѣ распредѣленія: свободу торговли и продналогъ. 240 милл. пудовъ составляютъ сумму налоговъ; въ остальномъ крестьяне и всѣ прочіе граждане вправѣ продавать продовольствіе по вольнымъ, рыночнымъ цѣнамъ.

Торговля, разумѣется, немедленно развилась. И крестьяне и торговцы поторопились воспользоваться новыми правами. Но облегченія населенію отъ этого, разумѣется, не получилось. Для этого требуется увеличеніе производства — а до этого еще очень далеко. И голодъ 1921 года, по злой ироніи судьбы, — разразился какъ разъ въ году коммунистической «свободы торговли». Въ сентябрѣ уже выясняется, что «продналогъ» дастъ, вмѣсто 240 милл. пуд., не болѣе 105 милл.!

Къ числу элементовъ «новаго курса» относится далѣе постепенная отмѣна всевозможныхъ пайковъ и возвращеніе къ системѣ денежной оплаты труда. Поскольку пайки рабочимъ сохраняются, они превращаются въ систему «коллективнаго снабженія», т.-е. въ своеобразную систему заработной платы. Увеличенныя выдачи семейнымъ отмѣняются. Все это, вмѣстѣ взятое, побуждаетъ населеніе искать продовольствіе на вольномъ рынкѣ, и такимъ образомъ вновь превращаетъ «снабженіе» въ торговлю.

Коммунистическая система снабженія вновь превращается въ капиталистическую.

Что касается всей остальной торговли, т.-е. торговли непродовольственными товарами, то ни до-революціонное правительство, ни Временное не ставили себѣ задачей государственную организацію ее. Торговля, въ особенности розничная, представляетъ ту сферу хозяйства, которая меньше всего поддается не только націонализаціи, но даже контролю. Поэтому вмѣшательство государства въ сферу торговли объективными условіями ограничено очень узкими рамками, и каждая попытка выйти изъ этихъ рамокъ кончается обычно полной неудачей.

Поэтому до октябрьскаго переворота стѣсненіе свободы торговли хотя и происходило въ очень ощутительныхъ размѣрахъ, но не носило систематическаго характера Другими словами: государство объявляло монополію на тотъ или иной товаръ — и изымало его тѣмъ самымъ изъ сферы частной торговли; оно объявляло твердыя цѣны на нѣкоторые товары — и тѣмъ очень стѣсняло принципы свободнаго коммерческаго оборота; оно предоставляло транспортъ для перевозки однихъ товаровъ и отказывало въ перевозочныхъ средствахъ для другихъ товаровъ; оно запрещало ввозъ изъ-за границы предметовъ роскоши; оно предоставляло валюту для закупки однихъ заграничныхъ товаровъ и отказывало въ валютѣ для закупки другихъ. И т. д. Словомъ, очень многими путями и способами государство ограничивало свободу торговли. Но всегда оно дѣлало это такъ сказать косвеннымъ путемъ, безъ прямой цѣли уничтожить частную торговлю и по большей части примѣняя косвенные методы давленія, напр. валюту, предоставленіе вагоновъ и т. под.

Между тѣмъ, наряду съ прежней системой торговли, стала развиваться спекуляція. Когда, еще до революціи, разразились первые скандалы биржевой спекуляціи и спекулятивныхъ сдѣлокъ съ сахаромъ, на это всѣ склонны были смотрѣть, какъ на исключительные факты, съ которыми возможно бороться методами уголовной репрессіи. Но спекуляція росла и развивалась. Ее не пріостановили ни февральская революція, ни октябрьскій переворотъ. Послѣ октября спекуляція сдѣлалась общимъ правиломъ въ сферѣ торговли, совершенно вытѣснивъ старую систему торговли. Если раньше основнымъ принципомъ въ торговлѣ былъ скорѣйшій сбытъ запасовъ, максимальное ускореніе оборотовъ капитала, средняя норма прибыли, регулируемая конкурренціей, то для новой формы торговли, для спекуляціи, главнымъ принципомъ служитъ выжиданіе роста цѣнъ, монополизація рынка и совершенно несоразмѣрныя прибыли. Причины такой трансформаціи торговли надо искать, разумѣется, не въ злой волѣ людей, а въ процессѣ непрерывнаго обезцѣненія денегъ и сокращенія товарнаго производства. Спекуляція

есть та форма, которую неизбѣжно принимаетъ торговля въ подобную эпоху.

Но наивное отношеніе къ «кровопійцамъ-спекулянтамъ» раздѣлила съ широкой народной массой и коммунистическая партія. Ея экономическая политика въ области торговли исчерпывается двумя принципами: борьбой со спекуляціей и государственной организаціей торговли.

Что касается борьбы со спекуляціей, то она понимается въ теченіе всего этого періода самымъ примитивнымъ образомъ: конфискація товара, арестъ, тюрьма, а иногда и смертная казнь. Мѣстныя чрезвычайныя комиссіи, вслѣдъ за всероссійской, развиваютъ громадную энергію по этой части и, вылавливая меньше $^{1}/_{1000}$ всѣхъ спекулянтовъ, увѣрены въ томъ, что онѣ этимъ приносятъ сколько-нибудь чувствительное облегченіе. Что-же касается государственной организаціи торговли, то сперва она производилась постепенно, безъ декрета о монополизаціи всѣхъ видовъ торговли въ рукахъ государства. Здѣсь не было единаго общаго принципа, и въ теченіе перваго года совѣтской власти каждый городской исполкомъ регулировалъ мѣстную торговлю по-своему, иногда допуская относительную свободу, а иногда и закрывая всѣ частныя лавки и лавчонки. Наростающее въ коммунистическихъ сферахъ настроеніе выразилось, наконецъ, въ ноябрьскомъ декретѣ (1918 года) о національзаціи торговли, — декретѣ, который передавалъ все дѣло распредѣленія товаровъ въ руки все того-же архи-бюрократическаго компрода. Особый органъ «Главпродуктъ» долженъ вѣдать распредѣленіемъ всѣхъ товаровъ по всей Россіи; мѣстные органы, ему подчиненные, «Горпродукты», вѣдаютъ распредѣленіемъ продуктовъ въ своихъ районахъ. Всѣ магазины и лавки, торгующіе опредѣленными товарами (на дѣлѣ это были не меньше 95 % всѣхъ сортовъ товаровъ и всѣхъ частныхъ магазиновъ) превращаются въ распредѣлительные пункты, а товары ихъ національзируются или муниципализируются.

Немедленно вслѣдъ за изданіемъ этого декрета о національзаціи торговли совершенно замерла всякая торговля въ легальныхъ формахъ. Всѣ торговыя предпріятія были за-

крыты. И Главпродуктъ, и всѣ мѣстные Горпродукты совершенно неспособны были справиться съ возложенной на нихъ задачей и начали съ того, чтобъ «учитывать» товаръ, разцѣнивать его, устанавливать нормы распредѣленія. Населеніе осталось совершенно безъ промышленныхъ издѣлій. Въ то же время органы распредѣленія нерѣдко дѣлались подходящей сферой для работы наиболѣе отчаянныхъ спекулянтовъ и превратились во многихъ мѣстахъ въ клоаки, дышащія взяткой и систематическимъ казнокрадствомъ.

Въ дальнѣйшемъ, ничего новаго въ сферѣ торговли послѣ этого декрета не произошло — вплоть до весны 1921 года. Политика осталась и въ дальнѣйшемъ въ принципѣ та же. Но печальный итогъ національзаціи торговли заставилъ власти все-же пойти на нѣкоторыя уступки. Такъ, торговля «ненормированными» продовольственными продуктами, признанная декретомъ свободной, допущена была въ лавкахъ; множество кафэ, закрытыхъ въ самый «суровый» періодъ муниципализаціи, открылись въ новыхъ мѣстахъ подъ новыми именами; торговля «кустарными» издѣліями въ нѣсколько мѣсяцевъ приняла широчайшіе размѣры, и, отпугивая покупателя высокими цѣнами, манила его лаконической надписью: «продажа безъ карточекъ».

Изъ всѣхъ областей экономической политики совѣтской власти больше всего неудачъ и пораженій принесла муниципализированная и національзированная торговля. И это фіаско запечатлѣно въ исторіи Сухаревской площади въ Москвѣ, этой крупнѣйшей биржи въ совѣтской Россіи, царствѣ совершенно свободной торговли, ничѣмъ неограниченной спекуляціи, и милліонныхъ прибылей въ эпоху всеобщаго поравненія.

Съ весны 1921 года, въ связи съ новымъ курсомъ, вновь оживаетъ частная торговля. На этотъ разъ оживаетъ рѣшительно и быстро. Открываются закрытыя лавки, безъ стѣсненія происходятъ базары, и мѣстныя власти, не безъ колебаній и подъ давленіемъ изъ Москвы, идутъ навстрѣчу «капитализму». Но капиталъ здѣсь только торговый и спекулятивный. Большіе успѣхи, которые дѣлаетъ торговля, никого

не удовлетворяютъ, ибо она даетъ мало импульсовъ производству, и поэтому служитъ потребностямъ и прихотямъ одной только соціальной верхушки — совѣтской буржуазіи и тѣхъ-же спекулянтовъ.

Но и тутъ «новый курсъ» шествуетъ впередъ лишь очень медленно и нерѣшительно. Первоначально, послѣ провозглашенія принциповъ «новой экономической политики», свобода торговли еще не входила въ число этихъ принциповъ. Предполагалось, при отступленіи отъ коммунизма, «задержаться» на позиціи «товарообмѣна», т. е. безъ помощи денегъ и торговцевъ обмѣнивать продукты одного производства на продукты другого. Для этого предназначены были кооперативы, которые съ этой цѣлью должны были получить большую степень самостоятельности. Переходъ къ системѣ натуральныхъ налоговъ долженъ былъ увеличить рессурсы кооперативовъ и оживить натуральный товарообмѣнъ. Однако, изъ всего этого ничего не получилось. Кооперативы какъ были въ послѣдній годъ, такъ и остались бюрократическими учрежденіями и являли собой наглядный образецъ того, какъ мало можетъ государство справиться со своими экономическими задачами.

Какъ-бы въ доказательство полнаго банкротства государства-хозяйственника «Извѣстія» сообщили 15-го ноября 1921 года почти невѣроятные факты:

«Порча прибывающихъ въ Москву продовольственныхъ грузовъ достигла прямо-таки чудовищныхъ размѣровъ. Такъ, въ іюнѣ испорченное мясо составляло 99,1 проц. отъ общаго количества, доставленнаго на моск. холодильники. Копченостей въ іюнѣ испорчено 91,7 проц. И это только по одной Москвѣ, гдѣ все же имѣются дѣйствующіе холодильники. Но и въ Москвѣ общій процентъ яицъ, испорченныхъ до такой степени, что ихъ даже химическій отдѣлъ не можетъ использовать, достигаетъ 33 проц. Въ Сибири пропало въ 1920 г. 20 000 пуд. масла и 60 проц. всѣхъ заготовленныхъ яицъ», а «на Ряз.-Уральской жел. дорогѣ въ іюлѣ нынѣшняго года пропало рыбы на 28.000.000 000 рубл., т. е. погибъ весь транспортъ рыбы».

Отъ «непосредственнаго товарообмѣна» пришлось поэтому очень скоро отказаться и сдѣлать еще одинъ шагъ назадъ, конечно не безъ сопротивленія кой-какихъ вѣдомствъ, въ особенности бюрократическаго Компрода. Объ этомъ разсказываетъ Калининъ въ «Извѣстіяхъ» отъ 16 сентября:

«Наркомпродъ требуетъ лишь одной операціи: «товаръ—сѣмена», «товаръ—продовольствіе», а саратовцы усложнили эту формулу: «товаръ—деньги, деньги—сѣмена»; «товаръ—деньги, деньги—продовольствіе», за что получили внушеніе отъ тов. Фрумкина: дескать, не мудрите, а дѣлайте такъ, какъ вамъ указываютъ старшіе. Губисполкомъ совмѣстно съ губкомомъ настойчиво просилъ меня поставить этотъ вопросъ въ центрѣ и рѣшить его въ духѣ саратовцевъ».

Конечно, побѣдили «саратовцы», и деньги торжествуютъ Разгулъ свободной торговли достигъ уже сейчасъ такихъ размѣровъ, что она на дѣлѣ остается менѣе контролированной государствомъ, чѣмъ въ любой европейской буржуазной странѣ, гдѣ дѣйствуютъ полицейскія и соціально-политическія ограниченія вольной торговли.

---

6. Внѣшняя торговля.

Внѣшняя торговля была, естественно, больше связана съ событіями международной политики, чѣмъ всѣ другія области экономической жизни. И нѣтъ поэтому ничего проще, какъ изобразить ея исторію схематически: войны, которыя вела совѣтская Россія, въ связи съ блокадой уничтожаютъ ея внѣшнюю торговлю. Затѣмъ блокада снимается, безобновляется торговля, и она растетъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ.

Между тѣмъ эта схема очень далека отъ дѣйствительности, если къ дѣйствительности приглядѣться внимательно. Внѣшняя торговля изчезаетъ сразу послѣ октябрьскаго переворота. Она падаетъ до такихъ мизерныхъ размѣровъ, которые практически равны нулю. Причина лежитъ раньше, всего въ той политикѣ по отношенію къ товарамъ и банкамъ, которая уничтожала всякое право собственности, — а безъ

него внѣшняя торговля возможна лишь какъ государственная торговля. Но о торговлѣ русскаго совѣтскаго государства съ другими странами тогда еще не могло быть и рѣчи. Поэтому политика коммунизма означала въ тотъ періодъ полную ликвидацію всякой внѣшней торговли.

Годы блокады, 1918—1920, пошли на то, чтобъ построить «аппаратъ» монопольной государственной торговли. Торговля въ дѣйствительности имѣла мѣсто въ пограничныхъ пунктахъ, какъ мелкая контрабандная торговля, подчасъ съ разрѣшенія или по прямому указанію изъ Москвы. Но когда въ началѣ 1920 г. блокада была снята, открылись новыя перспективы для внѣшней торговли. Съ апрѣля 1920 г. она существуетъ — въ газетныхъ замѣткахъ, статьяхъ, декретахъ и цифровыхъ таблицахъ. Въ какихъ размѣрахъ существуетъ она на дѣлѣ? Если сравнить ввозъ Россіи въ 1921 г. съ довоеннымъ ввозомъ, то получится слѣдующая картина (за 9 мѣсяцевъ):

	Въ среднемъ 1909 - 1913 гг.		Въ 1921 году	
1. Жизненные припасы и животныя	87 000	тыс. пуд.	12 333	тыс. пуд
2. Животные продукты и издѣлія	28 000	„ „	573	„ „
3. Лѣсной товаръ	58 000	„ „	757	„ „
4. Керамическіе матеріалы	53 000	„ „	16	„ „
5. Топливо, смолы	363 000	„ „	11 598	„ „
6. Химическіе продукты	24 000	„ „	471	„ „
7. Руды, металлы	43 000	„ „	7 685	„ „
8. Писчебумажные товары	10 000	„ „	924	„ „
9. Волокнистые матеріалы	20 000	„ „	430	„ „
10. Предметы одѣянія и пр.	200	„ „	67	„ „

Весь ввозъ 1921 года (9 мѣсяцевъ) составляетъ 35½ милл. пудовъ. До войны — 686 милліоновъ. И это въ 1921 году, послѣ того, какъ внѣшняя торговля сдѣлала огромные успѣхи — вѣдь весь ввозъ 1920 года составлялъ лишь 5 милліоновъ пудовъ, а 1919 годъ — лишь ½ милліона.

Но нездоровое состояніе внѣшней торговли проявляется не столько въ ничтожныхъ размѣрахъ товарообмѣна, сколько въ соотношеніи ввоза и вывоза. Вѣдь имѣя нѣкоторый за-

пасъ золота, можно безъ особыхъ трудностей создать большой «ввозъ». Но покуда этому ввозу не соотвѣтствуетъ сколько-нибудь значительный вывозъ, — подлинной торговли, товарообмѣна не существуетъ.

За 9 мѣсяцевъ 1921 года весь вывозъ Россіи достигъ микроскопической цифры 5½ милл. пудовъ. При ввозѣ въ 35 милл. это составляетъ $^1/_7$! Другими словами, существуетъ ввозъ, почти безъ вывоза.

Первоначальные проекты коммунистическаго правительства въ вопросѣ о томъ, что закупать, были довольно разумны. Они состояли въ томъ чтобъ на имѣющіяся небольшія средства покупать заграницей не предметы непосредственнаго потребленія — какъ бы велика ни была нужда въ нихъ, — а паровозы, машины, косы и т. п., т. е. орудія производства. Торговля должна была сдѣлаться орудіемъ возрожденія народнаго хозяйства. Но это были утопіи. Не былъ принятъ во вниманіе роковой и неизбѣжный развалъ всего хозяйства, неизбѣжный голодъ, который долженъ былъ перевернуть вверхъ дномъ всѣ хозяйственные планы, и сдѣлать внѣшнюю торговлю средствомъ накормить голодныхъ людей тѣми продуктами, которые такъ легко было производить въ Россіи. Въ 1920 г. предметы продовольствія составляли лишь 25 % всего ввоза; лѣтомъ 1921 года этотъ процентъ быстро повышается и достигаетъ въ іюлѣ 70 %, въ сентябрѣ — 49 % всего ввоза. Другими словами, «подъемъ» внѣшней торговли вызывается голодомъ, заставляющимъ правительство, въ нарушеніе своихъ плановъ, закупать жизненные припасы или ввозить безплатные грузы американской администраціи помощи (также включенные въ вышеприведенныя цифры). Разумный совѣтскій протекціонизмъ потерпѣлъ крушеніе.

Существуетъ ввозъ, вывоза нѣтъ. Ввозъ оплачивается золотомъ. Это означаетъ, что совѣтская Россія и въ этой области своего хозяйства проѣдаетъ старые запасы. Золото, накопленное до войны, она превращаетъ въ картофель, сѣмена и печатную бумагу. Это превращеніе очень пріятно для продавцовъ, умѣющихъ подсунуть иной

разъ совершенную дрянь. Но съ точки зрѣнія народнаго хозяйства Россіи важенъ источникъ цѣнности покупаемыхъ и ввозимыхъ товаровъ. Этимъ источникомъ является *досовѣтскій* трудъ, старые запасы овеществленнаго въ золотѣ труда.

Такъ государственная монополія всей внѣшней торговли дѣлается препятствіемъ къ внѣшней торговлѣ. Самая темная точка въ этой системѣ — неспособность къ вывозу. Какъ ни ничтожны сейчасъ экономическіе рессурсы Россіи, но среди милліоновъ населенія нашлось бы и сейчасъ много частныхъ лицъ, производительныхъ кооперативовъ, крестьянскихъ товариществъ и т. д., которые сумѣли бы развить товарный вывозъ. Низкій уровень русской валюты могъ бы поощрить вывозъ, а слѣдовательно и производство, множества товаровъ. Но царство утопіи, которое уступаетъ постепенно мѣсто реализму въ другихъ сферахъ хозяйства, еще господствуетъ въ области внѣшней торговли.

Однако, одной отмѣны монополіи было бы совершенно недостаточно, ибо основные корни внѣшне-торговаго застоя находятся *столько же въ экономической, сколько и въ политической почвѣ*. Безъ усиленія внутренняго производства невозможно усиленіе торговли. Но ростъ производства имѣетъ предпосылкой, какъ мы видѣли, измѣненія въ общей политикѣ, а не только въ экономической политикѣ.

Поэтому — покуда существуютъ одни лишь зачатки внѣшней тоговли.

---

7. Кредитъ и Финансы.

Кредитъ, а въ особенности государственные финансы, лишь отражали общія условія хозяйственной жизни, о которыхъ шла рѣчь въ предыдущихъ главахъ. И поэтому кредитная и финансовая политика была естественнымъ дополненіемъ и развитіемъ общей хозяйственной политики.

Въ сферѣ кредита большихъ измѣненій не произошло въ первый періодъ революціи. Розовыя надежды, окрылявшія

буржуазные круги въ первые мѣсяцы послѣ февраля, вызвали громадное грюндерство и биржевую горячку. Центромъ грюндерства и биржевого ажіотажа сдѣлались, разумѣется, банки, и прибыли ихъ, — если-бъ не дальнѣйшія событія — достигли-бы неслыханной высоты.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше дѣлалось ясно, что наступаютъ вновь тревожныя времена. Лѣтомъ 1917 года стало исчезать довѣріе къ прочности кредита и кредитныхъ учрежденій, и текущимъ счетамъ стали предпочитать наличныя деньги, въ особенности иностранную валюту. Пассивныя операціи банковъ стали быстро сокращаться, активныя стали расти. Такое положеніе дѣла неизбѣжно кончилось-бы можетъ-быть коммерческимъ банкротствомъ, если-бъ не октябрьскій переворотъ, который декретировалъ такъ сказать «банкротство свыше».

Декретъ 17-го декабря 1917 года упразднилъ всѣ частные банки и объединилъ ихъ въ «Народный Банкъ Р. Ф. С. Р.» Съ этого момента совершенно замираетъ всякій кредитъ. Новый Народный Банкъ меньше всего являлся и является кредитнымъ учрежденіемъ Пассивныя операціи его ограничиваются полученіемъ свѣженапечатанныхъ денегъ отъ государственной экспедиціи; въ активныхъ операціяхъ хотя и значилось «кредитованіе», но оно меньше всего носило характеръ кредита: это былъ лишь методъ покрытія дефицитовъ всевозможныхъ промышленныхъ предпріятій изъ государственныхъ средствъ. Поэтому декретъ о націонализаціи банковъ былъ по существу ликвидаціей кредита. Кооперативный «Московскій Народный Банкъ», оставленный внѣ націонализаціи упомянутымъ декретомъ былъ несмотря на печальный опытъ всеобщей націонализаціи банковъ, упраздненъ ровно годъ спустя.

Государственные финансы военнаго и революціоннаго времени складываются изъ трехъ элементовъ: займовъ, налоговъ и бумажныхъ денегъ. Борьба съ бумажно-денежнымъ наводненіемъ требуетъ усиленнаго поступленія изъ двухъ другихъ источниковъ: займовъ и налоговъ. Первое правительство революціи, придя къ власти, нашло пустую кассу

и вынуждено было начать свою финансовую политику съ разрѣшенія выпустить новыхъ два милліарда рублей кредитными билетами. На это смотрѣли тогда, какъ на исключительную мѣру, и всѣ были убѣждены, что нѣсколькихъ мѣсяцевъ революціонной политики будетъ достаточно, чтобъ покончить съ этимъ финансовымъ зломъ. Никто не предполагалъ, что «повышеніе эмиссіоннаго права» — первый финансовый актъ революціи — сдѣлается символомъ всей финансовой политики революціи.

Въ области налоговъ коалиціонному правительству принадлежитъ увеличеніе ставокъ подоходнаго налога и введеніе дополнительнаго (тоже подоходнаго) налога, которые, дѣйствуя совмѣстно, вводили самыя высокія налоговыя ставки, гдѣ-либо и когда-либо существовавшія. Для высшихъ категорій доходовъ (свыше 1 милліона) налоги составляли 80%. По подсчетамъ нѣкоторыхъ газетъ, всѣ прямые налоги на промышленныя предпріятія и доходы ихъ могли достигать въ иныхъ случаяхъ 95%.

Однако, прямое обложеніе дало очень мало. Требовалась, во-первыхъ, большая предварительная работа самооцѣнки плательщиковъ, которая требовала большого времени. Во-вторыхъ, высота налоговъ вызвала среди имущихъ классовъ своего рода «налоговую стачку»: не только доходы указывались низкіе, но и уплата налоговъ задерживалась, отсрочивалась и т. д. Между тѣмъ прямые налоги, хотя и являются принудительными, все-же требуютъ добровольной уплаты. И когда разшатанъ весь государственный аппаратъ, а плательщики платить не желаютъ, съ ними ничего невозможно подѣлать. Оставались, наконецъ, косвенные налоги. Здѣсь революціоннымъ партіямъ пришлось пойти на очень большія отступленія отъ своихъ программъ, требовавшихъ отмѣны косвенныхъ налоговъ. Объ отмѣнѣ не могло быть и рѣчи. Но особенность косвенныхъ налоговъ состоитъ въ томъ, что въ періоды выпуска бумажныхъ денегъ они быстро теряютъ свое значеніе. Косвенные налоги представляютъ почти всегда, въ отличіе отъ налоговъ прямыхъ, фиксированную сумму, получаемую государствомъ съ каждой единицы облагаемаго

товара. Но эта фиксированная сумма дѣлается по своей реальной цѣнности тѣмъ меньше, чѣмъ выше подымаются товарныя цѣны. Поэтому, несмотря на усилія финансовыхъ вѣдомствъ всѣхъ воюющихъ странъ, значеніе косвенныхъ налоговъ въ доходныхъ бюджетахъ падало во время войны, и для поддержанія равновѣсія приходилось непрерывно измышлять новые налоги и повышать старыя ставки. Такъ и у насъ, въ послѣдній періодъ коалиціоннаго правительства разработаны были проэкты новыхъ фискальныхъ монополій и косвенныхъ налоговъ. Нѣкоторые изъ нихъ получили небольшое реальное значеніе уже въ періодъ совѣтской власти. Къ моменту октябрьскаго переворота количество бумажныхъ денегъ возросло съ 10 мрд. (1 марта 1917 г.) до 19½ мрд.

Въ финансовой политикѣ совѣтской власти отсутствуетъ одинъ изъ элементовъ прежней финансовой системы: займы. Полное исчезновеніе кредита сдѣлало займы абсолютно невозможными. И такъ какъ совѣтская власть, исходя изъ своихъ принциповъ того времени, аннулировала всѣ государственные займы декретомъ 28 января 1918 г., то о новыхъ займахъ не могло быть, конечно, и рѣчи.

Оставались налоги и бумажныя деньги. Въ первое полугодіе новой власти большое развитіе получилъ новый и простѣйшій видъ прямыхъ налоговъ на буржуазію: такъ наз. контрибуціи. Рѣдкій городъ въ Россіи (кажется, одинъ только Петроградъ) прожилъ безъ контрибуціи. И система раскладки, и взиманіе, меньше всего походили на серьезную финансовую мѣру. Они носили скорѣе военный характеръ. Но итоги контрибуцій, наряду съ арестами и другими репрессіями, были въ финансовомъ отношеніи не велики.

Лѣтомъ 1918 г. контрибуціи прекращаются, но совѣтская власть еще не рѣшается ограничиться старыми, буржуазными методами обложеніями. Она вводитъ новый «чрезвычайный революціонный 10-милліардный налогъ». Чрезвычайный налогъ представляетъ нѣчто среднее между контрибуціей и обычнымъ налогомъ. Центральная власть ограничивается лишь разверсткой 10 милліардовъ между отдѣльными губерніями, да еще указаніемъ, что рабочіе и служащіе съ

доходами ниже опредѣленной суммы обложенію не подлежатъ. Вся остальная работа возлагается на мѣстныя власти, вплоть до выбора признаковъ для раскладки налога. Естественно, что здѣсь открылось поле самому откровенному произволу, и конфликты изъ-за чрезвычайнаго налога принимали подчасъ очень бурныя формы. Приходилось подавлять бунты и возстанія; не мало случаевъ было смертной казни за неуплату налога.

Къ этому надо прибавить, что чрезвычайный налогъ былъ въ сущности налогомъ на крестьянство. Города не могли дать значительныхъ суммъ. Буржуазія къ этому времени уже разбѣжалась или пристроилась, и лишь кой-у-кого оставались текущіе счета въ банкахъ, закрытые распоряженіемъ властей. Въ уплату чрезвычайнаго налога во многихъ мѣстахъ «сбрили» текущіе счета частныхъ лицъ, но это ничего реальнаго казнѣ не дало. Рабочіе и служащіе почти всѣ были освобождены отъ уплаты этого налога. Оставалось крестьянство. И когда выяснилось, какъ крестьянство отнеслось къ чрезвычайному налогу, — пришлось отступить и особымъ декретомъ 9 апрѣля 1919 г. сложить налогъ съ «середняковъ». Тѣмъ самымъ онъ былъ по существу ликвидированъ.

Въ 1919 году финансовое вѣдомство рѣшило значительно усилить косвенное обложеніе при помощи «начисленій»: издѣлія національзированныхъ предпріятій должны продаваться по повышенной цѣнѣ, и излишекъ долженъ идти въ казну. Начисленія вводятся на множество предметовъ первой необходимости и представляютъ собой, по замыслу, необычайно развѣтвленную систему косвеннаго обложенія. Однако, финансовые итоги ихъ были совершенно ничтожны. За товары, продаваемые государственными органами, деньги въ центральную кассу почти не поступали. Наконецъ, въ іюнѣ 1920 г. Центральный Исполнительный Комитетъ рѣшилъ отмѣнить послѣдніе изъ остававшихся еще въ силѣ налоговъ, въ томъ числѣ и подоходный, а также отмѣнена была плата за проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, за почтовую корреспонденцію. Это считали въ то время необходимымъ элементомъ

соціалистическаго хозяйства. Но на дѣлѣ это не имѣло большаго значенія. Доходы давно уже понизились до ничтожныхъ размѣровъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе бюджетъ превращался въ списокъ расходовъ, которымъ не противостояли никакіе доходы. Уже въ 1918 и въ 1919 гг. картина была слѣдующая:

	1918 г.	1919 г.
Расходы	14 939 милл.	34 279 милл.
Доходы	3 682 »	5 195 »
Доходы въ % къ расходамъ	25%	16%

Въ 1920 г. расходы сильно возросли, достигнувъ сотенъ милліардовъ. Доходы же не только не возросли, но еще понизились. Они едва-ли покрыли и 2% расходовъ, т. е. практически совершенно исчезли.

Финансовымъ источникомъ жизни для совѣтской власти служитъ опять-таки печатный станокъ. Новыя фабрики бумажныхъ денегъ работаютъ въ провинціи; множество новыхъ образцовъ пущено въ оборотъ; а количество бумажныхъ денегъ, о которомъ финансовые органы не даютъ регулярныхъ свѣдѣній, растетъ слѣдующимъ образомъ. Всего выпущено было денегъ:

на	1 января	1914 года	2 400	милл.[1])
»	1 марта	1917 »	9 950	»
»	25 октября	1917 »	18 918	»
»	1 января	1918 »	25 462	»
»	1 января	1919 »	59 414	»
»	1 января	1920 »	223 165	»
»	1 января	1921 »	1 178,388	»
»	1 января	1922 » . . ок.	11,000.000	»

Къ началу 1922 г., такимъ образомъ, въ обращеніи находятся уже свыше 11 трилліоновъ рублей.

---

[1]) Въ томъ числѣ и металлъ въ обращеніи.

Эта таблица даетъ представленіе во-первыхъ о размѣрахъ дѣйствительныхъ государственныхъ (въ томъ числѣ и мѣстныхъ, коммунальныхъ) расходовъ. Такъ какъ никакихъ другихъ денежныхъ доходовъ почти не существуетъ, кромѣ «дохода» отъ печатнаго станка, то государственный бюджетъ вполнѣ совпадаетъ съ цифрами эмиссій. Здѣсь очень важно отмѣтить, что среди этихъ громадныхъ расходовъ военные и общеадминистративные расходы вовсе не занимаютъ преобладающаго мѣста. Такъ напр. по бюджету 1920 г. военные расходы составляли лишь 12,7% всего бюджета; и если на дѣлѣ они оказались выше предположеній, то во всякомъ случаѣ они едва-ли превысили 20%. Столько-же приблизительно составляютъ расходы по управленію. Главныя статьи расходовъ (которые равнозначащи дефицитамъ) приходятся на сферу «соціалистическаго» хозяйства, а именно расходы Высшаго Совета Народнаго Хозяйства (22,7% всего бюджета), Комиссаріата Продовольствія (16,8%), Путей Сообщенія (6,7%), Почтъ и Телеграфовъ (1,2%), и Земледѣлія (6,1%). Итого экономическая политика поглощала 53,5% всѣхъ расходовъ. Такъ какъ въ 1920 г., напр., было выпущено почти 1000 милліардовъ рублей, то это означаетъ, что «соціализація» дала убытокъ въ одномъ лишь 1920 году въ 500 милліардовъ и сдѣлалась такимъ образомъ важнѣйшимъ источникомъ обезцѣненія рубля.

Во-вторыхъ, приведенная таблица указываетъ, какая масса товаровъ извлечена государствомъ изъ оборота путемъ покупки. Если перевести бумажныя деньги на золотыя по текущему курсу, то окажется, по подсчетамъ Е. Преображенскаго, что эмиссіи равнялись:

въ 1918 г.	33,9	милліард.	бум.	ден.	.	523	милл.	зол.
1919	163,8	»	»	»	.	390	»	»
1920	955,2	»	»	»	.	200	»	»

Но государство изымало товары въ свою пользу и непосредственно, безъ помощи денегъ, т. е. при помощи «раз-

верстки» и пр. Если прибавить эту массу товару къ закупленнымъ на рынкѣ, то «расходный бюджетъ государства» пріобрѣтаетъ слѣдующій видъ (въ милл. зод. руб.):

	1918-19 г.	1919-20 г.	1920-21 г.
Принудительнымъ путемъ	127	253	451
Путемъ эмиссій	523	390	200
Всего	650	643	651

По сравненію съ милліардами до-военныхъ бюджетовъ это указываетъ на крайнее обѣдненіе государственнаго хозяйства, несмотря на громадное расширеніе его функцій. Эта дешевизна государственной машины есть ни что иное, какъ крайняя нищета государственныхъ служащихъ, рабочихъ и арміи.

Въ концѣ 1921 года рѣшено было перейти къ исчисленію бюджета въ золотыхъ рубляхъ. Бюджетъ былъ составленъ на 9 мѣсяцевъ и представилъ общую сумму въ 1340 милл. руб. золотомъ. Въ томъ числѣ натуральныя поступленія (продналогъ и. т. п.) — 340 милл., а эмиссія трилліоновъ бумажныхъ денегъ — 230 милл. золотомъ. Этотъ бюджетъ, несмотря на обремененіе массой новыхъ расходовъ, значительно ниже до-военнаго русскаго бюджета. Но такъ какъ въ то же время доходъ населенія (въ золотыхъ рубляхъ) упалъ на 50—60%, то очень нелегко окажется дѣйствительно собрать всю намѣченную сумму, и дѣйствительный государственный расходъ и доходъ окажется навѣрно много ниже 1¼ милліарда. Въ бумажныхъ рубляхъ бюджетъ выражается безконечнымъ числомъ 22.000.000.000.000 рублей, но эта цифра ничего, конечно, не выражаетъ.

Ростъ цѣнъ — неизбѣжное послѣдствіе эмиссій — достигъ баснословныхъ размѣровъ. Уже къ началу 1921 года товары вздорожали въ среднемъ въ 20.000 разъ по сравненію съ до-военнымъ временемъ. Къ концу 1921 года эта цифра поднялась до 50—70 тысячъ. Обезцѣненіе рубля, правильно измѣряемое только сравненіемъ съ золотымъ рублемъ, шло слѣдующимъ образомъ:

			1 руб. зол. =
1 іюля	1919	года	80 руб. бум.
1 января	1920	»	800 » »
1 іюля	1920	»	2 500 » »
1 августа	1921	»	20 000 » »
1 декабря	1921	»	80 000 » »

Такимъ образомъ, зимою 1921-22 г. бумажный рубль стоилъ лишь $^{1}/_{80\,000}$ золотаго. Между тѣмъ, количество выпущенныхъ денегъ къ этому времени только въ 2 тысячи разъ превышало до-военное обращеніе. Такое болѣе сильное обезцѣненіе объясняется тѣмъ, что коммунистическое хозяйство изымало изъ сферы свободнаго оборота цѣлую массу товаровъ, и растущая масса денегъ противостояла значительно сокращенной массѣ товаровъ. Поэтому вздорожаніе товаровъ шло быстрѣе, чѣмъ эмиссіи денегъ.

Съ другой стороны, лѣтомъ 1921 года «новый курсъ экономической политики» вернулъ въ товарный оборотъ много прежде изъятыхъ изъ него товаровъ. Поэтому ростъ цѣнъ пріостановился, и московская печать заговорила уже о «переломѣ въ движеніи цѣнъ». Но всякому ясно, что это явленіе временное. Новая экономическая политика» заставляетъ государство усиленно обращаться къ вольному рынку, т. е. у с и л и т ь печатаніе бумажныхъ денегъ. Въ своемъ докладѣ въ концѣ сентября народный комиссаръ финансовъ заявляетъ: «при нашихъ первоначальныхъ разсчетахъ мы имѣли въ виду выпускъ въ 1921 году 7 трилліоновъ руб., а теперь намъ нужно имѣть 22 трилліона изъ-за измѣненія экономической и тарифной политики». О какомъ-же «переломѣ» въ движеніи цѣнъ можно говорить? Очевидно, послѣ короткаго перерыва цѣны начнутъ подыматься еще быстрѣе, чѣмъ до сихъ поръ.

То же явленіе мы видимъ, если сравнивать бюджеты. Несмотря на то, что товары вздорожали въ десятки тысячъ разъ, расходный бюджетъ составляетъ в с е г о нѣсколько тысячъ милліардовъ. Поэтому страннымъ можетъ показаться не быстрый ростъ бюджета, а наоборотъ, его болѣе медлен-

ный ростъ по сравненію съ ростомъ цѣнъ. Это опять-таки объясняется покрытіемъ части расходовъ при помощи «разверстки» и пр. методовъ принудительнаго изыманія товаровъ и реквизиціи труда.

До тѣхъ поръ, пока коммунистическая партія крѣпко держалась за коммунизмъ, громадныя сферы хозяйства оставались внѣ товарнаго обращенія. Но съ весны 1921 г. начинаетъ расширяться товарное хозяйство за счетъ государственно-коммунистическаго, и это неизбѣжно вызываетъ обратное движеніе въ сферѣ денежнаго обращенія. Новая политика состоитъ въ возвращеніи къ принципамъ «капиталистическихъ» финансовъ: введеніе налоговъ, прекращеніе безплатнаго отпуска товаровъ, оплата почты и желѣзно-дорожныхъ перевозокъ, оплата квартиръ, сокращеніе «разверстки» и превращеніе ее въ налогъ, и наконецъ образованіе Государственнаго Банка съ правомъ выдавать ссуды крохотнаго размѣра въ 10 милліардовъ, т. е. до 100 000 зол. руб. Цѣлью всего этого является старое, буржуазное «равновѣсіе бюджета».

Однако, предпосылкой оздоровленія бюджета является оздоровленіе народнаго хозяйства. Но этого нѣтъ. И поэтому радикальныхъ улучшеній въ сферѣ финансовъ ожидать пока не приходится. Наоборотъ, возвратъ къ системѣ товарнаго, денежнаго хозяйства, развитіе свободной торговли повышаютъ потребность государства въ деньгахъ и неизбѣжно вызовутъ такой потокъ эмиссіи, по сравненію съ которымъ все предыдущее покажется легкой забавой. Именно теперь приближается моментъ полнаго и окончательнаго обезцѣненія бумажнаго рубля.

VIII.

Итоги революціи.

Изъ сотенъ перемѣнъ, произведенныхъ четырьмя годами революціи, однѣ являются мимолетными, другія прочными. Однѣ связаны только съ идеологіей эпохи — это величины «перемѣнныя». Другія составляютъ неотъемлимую сущность основного процесса революціи — это «постоянныя» величины для дальнейшаго развитія русской исторіи.

Я не считаю, конечно, постоянной величной соціализмъ въ Россіи. Онъ уже начинаетъ самъ себя отмѣнять, а дальнѣйшее развитіе пойдетъ дальше въ томъ-же направленіи.

Я не считаю несомнѣнно постоянной и республику. Это вопросъ политической борьбы. Но къ неотъемлемымъ пріобрѣтеніямъ русской политической жизни республика еще не принадлежитъ.

Наконецъ и политическія «свободы», которыми народъ пользовался около одного года, отнюдь еще не сдѣлались устоемъ новой Россіи. Мужицкая абсолютная монархія можетъ надолго покончить и съ республикой и со свободами.

Но каковы тѣ измѣненія, съ которыми никакой новый режимъ не сможетъ покончить?

1. Отмѣна сословій.

Одно изъ основныхъ требованій революціи и одинъ изъ величайшихъ ея успѣховъ.

Упраздненіе сословій — не только сословныхъ привилегій! — направлено цѣликомъ противъ дворянства. Всѣ остальныя сословія, въ томъ числѣ и духовное, играли въ Россіи такую жалкую роль, что имъ терять нечего. За то упраздненіе дворянства составляетъ громадный переворотъ.

Въ теченіе полутораста лѣтъ, прошедшихъ со временъ Екатерины, дворянство управляло Россіей. Весь государственный аппаратъ былъ въ рукахъ дворянства. Долгое время одно лишь дворянство имѣло право создавать свои корпоративныя организаціи. Одни лишь дворяне пользовались полной личной свободой, т. е. правомъ выбора службы и пр. Даже

свобода отъ тѣлесныхъ наказаній была отличительной чертой дворянства. Наконецъ, какъ особая привилегія — свобода дворянъ отъ личныхъ податей. Нигдѣ въ мірѣ пропасть между «высшимъ сословіемъ» и безправной народной массой не была такъ глубока, какъ въ Россіи.

Въ послѣдніе 50 лѣтъ эта пропасть начала, казалось, уменьшаться. 60-ые годы отчасти уничтожили, отчасти сократили дворянскія привилегіи, и все чаще приходилось власти прислушиваться къ голосу буржуазіи. Но власть оставалась въ старыхъ рукахъ, и поэтому послѣднее полустолѣтіе было на дѣлѣ процессомъ гніенія дворянскаго общества. Земли закладывались и распродавались. Со времени освобожденія крестьянъ до начала міровой войны дворянство растеряло половину своихъ земель. А дворянскій и крестьянскій банки, созданные со спеціальной цѣлью помочь дворянству, ничего измѣнить не смогли. Передъ революціей Россія въ экономическомъ отношеніи отнюдь не была «феодальной», дворянской страной. Но въ политическомъ отношеніи дѣло обстояло иначе. Вся власть попрежнему принадлежала дворянству. Изъ этого противорѣчія и произошла революція. Она рѣшила его тѣмъ, что уничтожила сословный строй.

Если-бъ упраздненіе сословій было только предписано декретомъ, оно было-бы столь же непрочно, какъ и всѣ другія реформы. Но оно покоится на очень прочномъ фундаментѣ: экспропріаціи всего дворянскаго землевладѣнія. Дворянство уничтожено не только юридически, но и экономически. Оно разсыпалось и разпылилось и пріобщилось къ различнымъ другимъ соціальнымъ слоямъ. Одни грузятъ тяжести на волжскихъ пристаняхъ и, ругаясь не хуже каталей, гордятся своей диковинной силищей. Другіе пооткрывали овошныя и бакалейныя лавченки и со сказочной быстротой восприняли внѣшность и психологію лабазника. Третьи въ парикмахерахъ, вѣжливо изгибаютъ спину и принимаютъ «начаекъ». Четвертые, запыхавшись, бѣгаютъ курьерами по Москвѣ и разносятъ таинственные «пакеты». Пятые въ мелкихъ чиновникахъ, пишутъ входящія и исходящія. Шестые

на разныхъ постахъ въ красной арміи, давно переложили гнѣвъ на милость, служатъ не за страхъ, а за совѣсть, и аккуратно таскаютъ на себѣ пайки. Жены, матери и бабушки, вспомнивъ несложную науку, пройденную въ дѣтствѣ, «чтобъ записывать бѣлье», ходятъ вздыхая «на службу» и почтительно выполняютъ приказы «комячеекъ». Или торгуютъ на улицахъ пирожками да кашей, и научились недурно «ладить» съ милиціей. Наконецъ, кое-кто выбрался за-границу и, очутившись въ великомъ водоворотѣ, либо нищенствуетъ, либо пристраивается на службу къ европейскому капиталу, получая за работу жалкіе гроши.

Все это «только такъ» — все это временно! Не это-ли основной тонъ всѣхъ ихъ настроеній? Но проходятъ недѣли, мѣсяцы и годы; часъ отъ часу не легче. «Надо устраиваться въ новомъ положеніи *какъ будто навсегда*». Это «будто» послѣдній отблескъ былого величія, дворянской чести и богатствъ. Въ остальномъ — пріобщеніе къ низменному міру, въ которомъ всѣ кругомъ живутъ. И, какъ у всѣхъ, — мерзлая картошка, разбавленное молоко, махорка, чистка снѣга и стирка собственныхъ грязныхъ рубахъ. Приходится сживаться, приспособляться, пріобщаться къ тому общественному слою, къ которому прибила волна, когда тонулъ старый корабль.

Нѣтъ и не будетъ его больше, стараго дворянскаго великолѣпія! Усадьбы разнесены въ щепы, земля подѣлена и запахана, сады срублены или запущены, а въ милыхъ, укромныхъ уголкахъ, гдѣ всѣ поколѣнія по очереди млѣли отъ первыхъ поцѣлуевъ, сложенъ навозъ отъ крестьянскихъ коровъ. Все радикально уничтожено. Срубленъ гордый дубъ дворянскаго сословія, гнилой внутри, но внѣшне импозантный; и выкорчеваны пни, всѣ до послѣдняго корня. Дорого обошлась Россіи эта корчевка, когда за нее принялись большевики. Но теперь она закончена.

Юридически и экономически дворянства нѣтъ. Но оно существуетъ физически, и никакія чрезвычайки не могутъ съ этимъ справиться. Поэтому возможна и даже неизбѣжна въ ближайшемъ будущемъ его борьба за *полити-*

ческое господство. Можетъ-ли она быть успѣшна? Массовая апатія и стремленіе къ «порядку» можетъ еще на краткій историческій мигъ привести къ власти дворянскую партію. Возможна кратковременная реставрація политическая, какъ завершеніе контръ-революціоннаго процесса, слѣдующаго за диктатурой большевизма. Но политическая реставрація возможна только мимолетная. Не можетъ быть прочнаго господства партіи безъ соціальныхъ корней. Но объ экономической реставраціи не можетъ быть и рѣчи; она вызвала-бы единодушное возстаніе крестьянства. Поэтому и политическое господство этой партіи, если-бъ до этого дѣло дошло, возможно лишь на одинъ историческій мигъ.

Дворянство разсосется и умретъ.

2. Новое крестьянство.

Вмѣсто него растетъ и зрѣетъ новый хозяинъ земли русской — новое крестьянство. Это новое крестьянство есть тоже плодъ революціи, одна изъ «постоянныхъ» величинъ грядущей Россіи.

Но какъ измѣнилось крестьянство за эти годы! Сколько перемѣнъ съ тѣхъ поръ, какъ исчезъ старый «бытъ»!

Вы знаете французскаго пейзана? Это идеалъ разсчетливости и мелочности. Онъ сегодня припомнитъ, съ точностью до одного су, всѣ расходы свои въ каждый мѣсяцъ прошлаго года. Онъ въ точности знаетъ, черезъ сколько лѣтъ онъ прикупитъ у сосѣда два акра, и черезъ сколько лѣтъ жена его сошьетъ новое пальто. Онъ планомѣрно организуетъ свое производство дѣтей и надолго впередъ разсчиталъ, что ихъ будетъ ровно двое. Онъ идеальный мѣщанинъ.

Сравните съ нимъ нашаго стараго русскаго мужичка! Онъ соберется въ городъ, чтобъ купить платье дѣвченкѣ на «синенькую», и по дорогѣ пропьетъ ее. Онъ слышитъ о хорошихъ цѣнахъ, а не умѣетъ выжать изъ земли болѣше нищенскихъ 40—50 пудовъ. Онъ голоденъ, а изба полна дѣтей. Онъ нищъ, а дѣлится съ сосѣдомъ. Его потребности мизерны, и кругозоръ ограниченъ ближайшимъ частоколомъ.

Такъ было очень недавно. Но — quantum mutatur ab illo! Передъ глазами его прошла революція, и онъ поститъ прежде таинственную, а на дѣлѣ столь несложную механику власти. Нѣтъ уже величественныхъ, исторіей освященныхъ фигуръ земскаго, губернатора, министра и царя. Они оказались маленькими людьми, изъ того-же тѣста сдѣланными, что и онъ самъ. А деревенскій Ванька, котораго онъ давеча нещадно лупилъ, вышелъ нынѣ въ комиссары, и очень, пожалуй, въ своемъ родѣ недуренъ. И цѣлый калейдоскопъ министровъ, комиссаровъ, исполкомовъ, декретовъ, приказовъ и инструкцій прошли передъ нимъ — онъ понялъ земное происхожденіе власти; онъ уразумѣлъ, что и самъ онъ можетъ управлять и какъ онъ долженъ управлять.

Передъ его глазами прошли города и горожане, вереницы суровыхъ продотрядовъ, пронырливыхъ спекулянтовъ и блѣдныхъ, отощавшихъ мѣшечниковъ. Корка хлѣба на вѣсъ золота, окорокъ за пару сапогъ. И никто не можетъ быть сильнѣе его. Всѣ у него просятъ, господомъ богомъ заклинаютъ, а онъ спокойно рѣшаетъ, кому дать, кому нѣтъ и сколько съ кого взять. Города — это «обжорки», въ городахъ толпы дармоѣдовъ. Пусть не попрошайничаютъ, а пусть работаютъ! И онъ ужъ убѣжденъ, что одинъ только онъ и работаетъ — ему и деньги и власть.

Отъ старой широты и слѣда не осталось. Онъ уже мелоченъ и разсчетливъ. Кругомъ столько голоду, что «всѣхъ не накормишь». Поэтому «Богъ подастъ». А онъ калькулируетъ, какъ истинный буржуа, что продать, и что припасти; чѣмъ засѣять, чтобъ больше выручить. Старую рутину, какъ рукой сняло. Вездѣ новое, или поиски новаго.

Народился деревенскій буржуа. Его сдавливаетъ еще совѣтскій строй. Пусть и свобода торговли — но онъ боится прослыть кулакомъ. Поэтому онъ не рѣшается выдвинуться впередъ изъ сѣрой толпы односельчанъ. Но придетъ времячко — и «мы поработаемъ»!

До сихъ поръ экономическая политика коммунизма привела къ громадному поравненію въ деревнѣ. Крайности богатства и бѣдности стерлись, и типъ средняго крестьянина

сдѣлался еще болѣе преобладающимъ, чѣмъ онъ былъ раньше. Иначе оно и быть не могло послѣ работы комбѣдовъ, надѣленія безземельныхъ и безконечныхъ передѣловъ общинной земли.

Но это равенство — лишь начало новаго неравенства. Въ современныхъ условіяхъ совершенно немыслимо закрѣпить прочно какое-либо фиксированное распредѣленіе земли, и предупредить образованіе крупныхъ хозяйствъ. Это невозможно, но это и вредно. И когда закончится эпоха экономической утопіи — а она быстро идетъ къ концу — крестьянская собственность будетъ признана за крестьянами со всѣми правами собственности. Но мобилизація этой земельной собственности начнется тогда въ крупныхъ размѣрахъ. Вотъ тогда-то крестьянство и «покажетъ себя».

Не слѣдуетъ думать, будто съ уничтоженіемъ дворянскихъ имѣній, крупное землевладѣніе въ Россіи невозможно. И не нужно думать, будто каждому новому имѣнію, которое образуется, вновь грозитъ участь быть разгромленнымъ. Крестьяне оказались на минуту «коммунистами», когда надо было подѣлить дворянскія имѣнія. Но такая минута не повторится опять въ теченіе цѣлыхъ поколѣній. И переживъ эту коммунистическую минуту, крестьяне сдѣлались еще большими «собственниками», чѣмъ они были когда-либо до сихъ поръ.

Поэтому образованіе крупныхъ крестьянскихъ и купеческихъ владѣній, будетъ происходить въ будущемъ болѣе быстро, чѣмъ оно шло до революціи. Содѣйствіе банковъ при продажахъ и покупкахъ земли, совершенно не обремененной долгами, ускоритъ эти процессы въ громадной степени. Разслоеніе крестьянства, сдержанное до революціи общимъ гнетомъ, а за время революціи — большевистской политикой, пойдетъ теперь гигантскими шагами впередъ. Въ условіяхъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, господствующихъ на міровомъ рынкѣ, все это можетъ сдѣлаться источникомъ быстраго обогащенія крестьянства.

Эта картина противорѣчитъ однако нынѣшнему положенію дѣлъ самымъ разительнымъ образомъ. Три — четыре года прошли послѣ освобожденія крестьянства отъ старой власти,

и вмѣсто подъема его хозяйства и благосостоянія — растущее обнищаніе и ужасающій голодъ. Что это доказываетъ? Что вопреки благопріятнымъ условіямъ, крестьянство нищаетъ отъ терроризма и утопизма чуждой ему власти, и что, такимъ образомъ, разцвѣтъ крестьянскаго хозяйства требуетъ новыхъ политическихъ условій. Этимъ противорѣчіемъ рѣшена судьба большевизма.

3. Новая буржуазія.

Послѣ войны она міровое явленіе. Въ каждой странѣ новая буржуазія обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Она называется шиберами въ Германіи, нуворишами во Франціи, гулашъ-баронами въ Скандинавіи. Если прежде, до войны, обмѣнъ веществъ между соціальными классами ежегодно подбавлялъ въ буржуазію нѣсколько незамѣтныхъ капель плебейской крови, то теперь исторія подливаетъ ее цѣлыми ведрами, деградируя подчасъ массами застоявшіеся наверху общественные элементы. И вездѣ новая буржуазія отличается одними и тѣми же характерными чертами. Она груба и некультурна, примитивно-безцеремонна, безконечно-алчна; она съ трудомъ усваиваетъ внѣшнія отличія «высшаго общества» и съ наивнымъ безстыдствомъ и безвкусіемъ выставляетъ напоказъ свое новое богатство.

Но вездѣ она съ молніеносной быстротой усваиваетъ политическую систему буржуазіи, подчиняя себѣ извѣстныя партіи и извѣстныхъ политиковъ, и превращаетъ ихъ въ орудіе защиты и умноженія пріобрѣтенныхъ капиталовъ.

Но Россія обогнала весь міръ. Въ Россіи процессъ обновленія буржуазіи зашелъ дальше, чѣмъ гдѣ-либо. Въ Россіи не только нѣкоторые старые элементы буржуазіи, разоренные войной, уступили мѣсто новымъ, а весь классъ, какъ будто нырнувъ подъ воду на пару лѣтъ, вновь выходитъ теперь на поверхность, радикально преобразившись и по составу своему, и по характеру, и по политическимъ устремленіямъ. Къ хозяйственнымъ послѣдствіямъ войны въ Россіи присоединилась политика коммунизма, которая должна была безъ долгихъ разсужденій уничтожить буржуазію. И дѣйствительно,

старая буржуазія была уничтожена экономически, а отчасти и физически. Но изъ гроба стараго класса росъ наслѣдникъ его, на которомъ всякій узнаетъ слѣды воспитанія въ эпоху «первоначальнаго накопленія»: каждый установитъ въ немъ слѣды амальгамы самыхъ разнородныхъ элементовъ изъ самыхъ различныхъ соціальныхъ слоевъ. Сюда входитъ кое-кто изъ уцѣлѣвшихъ элементовъ старой буржуазіи — наиболѣе ловкіе, пронырливые, хитрые, предпріимчивые. Они отплыли отъ того берега и, послѣ всевозможныхъ приключеній, причалили къ этому берегу, немало пострадавъ, конечно, но все еще въ качествѣ капиталистовъ. Но и они, физически тѣ-же, что и прежде, совершенно переродились въ перипетіяхъ революціи. Они вдохнули новаго воздуха и заразились всѣми болѣзнями новой буржуазіи.

А эта новая буржуазія — кого-кого только въ ней нѣтъ! Дезертиры пойманные и не пойманные; приказчики, наворовавшіе товару въ моменты реквизицій; рабочіе, бросившіе станокъ, понатаскавъ предварительно почтенную толику матеріалу; крестьяне изъ подгородныхъ, баснословно нажившіеся на молокѣ и овощахъ; агенты чрезвычаекъ, этихъ великихъ клоакъ, гдѣ происходитъ массовое самозарожденіе буржуазіи; чиновники и «спецы» всѣхъ вѣдомствъ, не только готовые взять взятку, — но и умѣющіе заломить хорошую цѣну за услуги; кондуктора и машинисты, съумѣвшіе использовать фантастическія различія въ цѣнахъ, уличные торговцы, предпріимчивые швейцары, курьеры великихъ особъ, уголовные преступники, содержатели домовъ свиданій, дипломатическіе курьеры, люди всѣхъ ранговъ и классовъ, всѣхъ національностей и половъ, начальники и подчиненные, слѣдователи и подслѣдственные, экспропріаторы и экспропріированные, дворяне, мѣщане и крестьяне, люди безъ отца-матери, безъ роду и племени, но за то съ тѣмъ громаднымъ запасомъ авантюризма, который нуженъ, чтобы рискуя головой набивать себѣ карманы и выйти сухимъ изъ пучинъ великаго водоворота. Всѣ они познакомились за эти годы съ мѣстами заключенія, подвергались облавамъ и розыскамъ, научились конспираціи и шифру, прошли огонь и воду и мѣдныя трубы.

И эта исторія происхожденія новаго буржуа накладываетъ на него особый отпечатокъ. Отъ старой «солидности» крупнаго капитала и слѣда не осталось. «Солидныхъ» фирмъ больше нѣтъ и долго ихъ на Руси не будетъ. Воспитанный на постоянномъ нарушеніи законовъ, мошенничествѣ и взяткѣ, новый буржуа отнюдь еще не понимаетъ, что честность и аккуратность въ торговомъ обиходѣ можетъ быть выгодна, можетъ даже сдѣлаться правиломъ. Массовая безнаказанность — вѣдь наказанныхъ ничтожный процентъ — воспитываетъ массовое пиратство. И поэтому еще много времени пройдетъ, пока въ Россіи создастся буржуа европейскаго типа, пока исчезнетъ типъ новѣйшаго «завоевателя», во всѣхъ отношеніяхъ «свободнаго», обязательствъ не выполняющаго, договоровъ не признающаго, сбывающаго гнилой товаръ, надувающаго публику и государство, неуплачивающаго ни копейки налоговъ, и въ то же врамя самоувѣреннаго и безмѣрно гордаго своими блестящими успѣхами на жизненномъ пути.

Но почему же родилась новая буржуазія, когда старая была уничтожена? Почему изъ общаго равенства, установленнаго закономъ и властью, создалось вновь громадное неравенство? Потому, что для экономическаго равенства въ Россіи нѣтъ еще никакихъ предпосылокъ; потому что зашнурованная въ государственные планы экономическая жизнь въ ней не можетъ развиваться, и что вмѣсто коммунизма—«коллективной борьбы человѣчества съ природой» — развилась въ условіяхъ неслыханнаго голода самая примитивная борьба за существованіе; борьба, въ которой вырываютъ кусокъ хлѣба изо рта ближняго, гдѣ высшимъ закономъ нравственности является принципъ: хоть день, да мой! И каждый новый шагъ по пути хозяйственнаго разложенія увеличивалъ бѣдствія голода и нищеты, усиливалъ хаосъ, обезсиливалъ государственное хозяйство и давалъ жизнь новымъ толпамъ новыхъ буржуа, которые въ эти годы «послѣдовательнаго коммунизма» рождались какъ черви изъ трупа разлагающагося хозяйства.

Ихъ и до «новаго курса» воспитывало коммунистическое государство, которое, нуждаясь въ товарахъ, въ концѣ концовъ было вынуждено къ ихъ помощи прибѣгать. Тамъ, гдѣ

дѣло не терпѣло отлагательства, напримѣръ, въ области военнаго снабженія или дровяныхъ заготовокъ, привлекалась «частная иниціатива» подъ лицемѣрно-коммунистическимъ ярлыкомъ «государственныхъ заготовителей» и «агентовъ». Такъ называемыя «кустарныя» или «кооперативныя» товарищества, ничего общаго не имѣвшія ни съ кустарнымъ производствомъ, ни съ кооперацiей, росли какъ грибы, и служили прикрытiемъ для капитала. Даже самую неприкрытую спекуляцію пришлось допустить январскимъ декретомъ 1919 года, установившимъ, что совѣтскія учрежденія, въ случаѣ невозможности покрыть свои потребности въ товарахъ продуктами государственныхъ индустрій, имѣютъ право обращаться на вольный рынокъ. Г. Крыленко, занявшійся впослѣдствіи неблагодарной задачей изученія дѣйствія этого декрета, установилъ съ документами въ рукахъ и съ большимъ сокрушеніемъ, сколько десятковъ милліоновъ ушло такимъ образомъ на вольный рынокъ для экономическаго воспитанія новой буржуазіи.

Но до весны 1921 года буржуазія все-же существовала нелегально. Обладаніе милліонами с а м о п о с е б ѣ было преступленіемъ, и никакія законныя основанія не спасали отъ органовъ репрессій. Въ борьбѣ за свое существованіе буржуазія поэтому постоянно колебалась между союзомъ съ чека при помощи взятки и борьбой съ чека при помощи конспираціи. Но во всѣхъ случаяхъ она должна была дѣлиться своими прибылями съ власть имущими и непроизвольно воспитывать своихъ будущихъ коллегъ и конкуррентовъ.

«Новый курсъ» прозвучалъ для нее поэтому какъ великая хартія. Будущіе идеологи и историки буржуазіи отмѣтятъ среди разныхъ успѣховъ этого класса лѣтніе декреты 1921 года и «реформу че-ка» въ началѣ 1922 года, какъ самую яркую побѣду капиталистическаго принципа надъ утопическимъ коммунизмомъ. Вѣдь на полѣ сраженія буржуазіи не было. Ни политическихъ, ни экономическихъ требованій она не ставила. Она не воевала, — но она завоевала себѣ не мало правъ! Ея побѣда была побѣдой п р и н ц и п а капитализма: она молчаливо добилась того, что

органы большевистской власти потѣснились, чтобъ дать ей мѣсто, какъ «полезному сословію»; она достигла наконецъ того, что на тысячахъ митинговъ и въ тысячахъ статей большевистскіе писатели и ораторы должны внушать своимъ низамъ осторожное и почтительное отношеніе къ этому новому классу, предостерегать отъ конфискаціи и реквизиціи и грозить своимъ младшимъ братьямъ тяжкими карами за нарушеніе священныхъ правъ частной собственности.

Но «новый курсъ» еще не капитализмъ, это только принципіальная побѣда новой буржуазіи. Это періодъ, когда изъ складокъ коммунистической мантіи выходятъ на свѣтъ Божій скрывавшіеся въ ней буржуазные элементы. Они расправляютъ свои члены, обзаводятся фирмами, компаньонами, утверждаютъ за собой лавки и фабрики и, приступая лишь съ большой опаской къ капиталистической работѣ, консолидируются тѣмъ временемъ въ особый классъ, который какъ и всякій классъ, скоро чувствуетъ, гдѣ жметъ сапогъ. Хозяйственно-организаціонное и политическое оформленіе новой буржуазіи начинается лишь теперь на нашихъ глазахъ.

Ее давитъ большевизмъ и въ отрицаніи его она готова идти очень далеко. Но плохъ онъ съ ея точки зрѣнія не тѣмъ, что онъ представляетъ режимъ суровой диктатуры, старое самодержавіе наизнанку, не тѣмъ онъ давитъ новую буржуазію, что онъ не знаетъ и знать не хочетъ свободъ для политическихъ организацій. Если ликвидація террора соотвѣтствуетъ интересамъ и является сейчасъ лозунгомъ всѣхъ классовъ Россіи, то новую буржуазію отнюдь не одушевляетъ идеалъ свободнаго демократическаго государства. Наоборотъ, преклоненіе передъ «сильной властью» сдѣлало среди нея большіе успѣхи, несмотря на четырехлѣтній опытъ большевизма. Высокомѣрное презрѣніе къ людской пыли, изъ которой удалось подняться вверхъ новой буржуазіи, она раздѣляетъ съ большевистской доктриной, вгонявшей коммунизмъ въ сопротивляющуюся массу нагайками и патронами. Съ нимъ же она раздѣляетъ и нелюбовь къ парламентаризму, къ «говорильнямъ», ко всяческимъ принципамъ, и вмѣстѣ съ нимъ,

наконецъ, она полагаетъ, что съ «нашимъ народомъ ничего не подѣлаешь, безъ палки никакъ невозможно!»

Больше того. Съ большевизмомъ ее соединяетъ и самоувѣренное сознаніе, что исторія человѣчества съ нея только и начинается. У нея нѣтъ корней въ прошломъ режимѣ, и не ее экспропріировалъ октябрьскій переворотъ. Наоборотъ, не будь октября, этотъ слой не сталъ бы буржуазіей, а продолжалъ бы и сейчасъ тянуть тяжелую лямку, и милліоновъ ему не видать бы какъ своихъ ушей. У него нѣтъ потому, да и не можетъ быть того огульно-ненавистническаго отношенія къ революціи, которое одушевляетъ разоренные элементы старой буржуазіи. Новая буржуазія не принадлежитъ къ «блоку экспропріированныхъ», объединяющему всѣхъ отъ зубровъ до прежнихъ либераловъ, устами своихъ идеологовъ провозглашающихъ, по отношенію къ большевизму, простой и откровенный лозунгъ: «напроломъ»! Но она желала-бы, чтобъ революція закончилась съ того момента, какъ она сдѣлалась могущественнымъ классомъ. И новая буржуазія, конечно, не прочь поговорить о томъ, «когда-же, наконецъ, слетятъ большевики». Но ее не одушевляютъ ни интервенціи, ни блокады; а потребности реальной политики заставляютъ ее идти по совершенно другому пути.

Этотъ новый путь состоитъ въ томъ, чтобъ, покуда не удалось наложить руку на государственную власть, — исподволь, шагъ за шагомъ подчинять себѣ самыя важныя для нея части совѣтскаго государственнаго аппарата. Союзъ торговцевъ съ милиціей, покупаемый дорогой цѣной, часто спасалъ и спасаетъ отъ выполненія множества неудобныхъ декретовъ, отъ обысковъ и реквизицій. Связь съ чрезвычайными комиссіями, когда она удается, даетъ тѣ же гарантіи въ квадратѣ. «Своя рука» въ совнархозахъ охраняетъ отъ назойливаго контроля и тяжелыхъ арендныхъ условій. Жилземотдѣлы, вѣдающіе распредѣленіемъ помѣщеній; транспортные отдѣлы, вѣдающіе городскимъ транспортомъ; желѣзнодорожное вѣдомство, управляющее перевозками, и т. д. почти безъ конца, — все это подкупается, соблазняется, арендуется и втягивается матеріально

и идейно въ сферу новой буржуазіи. Механики, химики, инженеры и адвокаты, жившіе впроголодь на совѣтскихъ пайкахъ, не покидаютъ и сейчасъ, въ массѣ своей, совѣтской службы. Но они втягиваются уже въ качествѣ сотрудниковъ, пайщиковъ, юрисконсультовъ въ новый капиталистическій міръ.

Одной ногой въ правительственной машинѣ, другой въ буржуазномъ оборотѣ — это то именно, что нужно новой буржуазіи. А за массой спецовъ и кое-кто изъ высшихъ покровителей новаго курса — новые генералы, и даже кое-кто изъ чекистовъ — присасываются и примазываются къ совбуржуазіи, не переставая, впрочемъ, быть коммунистами высшей марки. Такъ тонкая сѣть буржуазныхъ интересовъ, заброшенная въ среду совѣтской бюрократіи, приноситъ богатый уловъ. Такъ заинтересованность въ новомъ способѣ производства подчиняетъ ту или иную часть совѣтскаго аппарата интересамъ новой буржуазіи.

Но эти успѣхи имѣютъ свои предѣлы. Дальше опредѣленнаго пункта они не могутъ и не смогутъ зайти. Ни подчинить себѣ политику власти, ни поставить себѣ на службу всю государственную машину новая буржуазія не можетъ тѣми методами, которые я сейчасъ упоминалъ, и которые даютъ лишь нѣкоторый просторъ для ея хозяйственныхъ операцій. Она не можетъ мириться съ коммунизмомъ какъ властью, — съ одной стороны. И она не можетъ заставить коммунизмъ цѣликомъ переродиться и выполнить ея потребности — съ другой. Поэтому проникая въ среду коммунистовъ, коррумпируя эту среду, новая буржуазія подготовляетъ разложеніе коммунизма и выдѣленіе изъ него слоя бюрократически-буржуазнаго, который, корнями уходя въ революцію, безконечно-далекій отъ стараго режима, будетъ осуществлять потребности буржуазіи въ новой Россіи. Новой буржуазіи не нуженъ ни старый режимъ, ни демократія, ни совѣтскій строй. Но она готова работать въ любыхъ благопріятныхъ условіяхъ и готова мириться и съ республикой и съ монархіей, если они откроютъ просторъ капиталистическому развитію.

4. Новая интеллигенція.

До революціи русская интеллигенція была синонимомъ революціонности и самопожертвованія. Она вѣчно горѣла революціоннымъ огнемъ. Она не знала компромиссовъ въ борьбѣ. Она дала міру образцы политическихъ героевъ, съ которыми не сравняются лучшіе дѣятели европейскихъ революцій. Она презирала «уютъ» и «спокойствіе», она ненавидѣла «обывательщину» и «мѣщанство». Она искала «цѣльнаго міровоззрѣнія», и энциклопедическія познанія цѣлыхъ слоевъ русской интеллигенціи всегда отличали ее отъ европейскихъ спеціалистовъ своего дѣла, довольно невѣжественныхъ во всемъ, что не имѣетъ непосредственнаго касательства къ ихъ промыслу. Она ненавидѣла богатыхъ, и нищій «народъ» былъ для нее источникомъ вдохновенія и носителемъ всего честнаго, высокаго и великаго.

За исключеніемъ короткихъ революціонныхъ періодовъ (1903—1906 и 1917—1921 гг.), революціонныя партіи были партіями интеллигенціи. Масса интеллигентной «молодежи» была ареной борьбы для революціонныхъ партій. Студенчество было оплотомъ революціи. «Принадлежность къ партіи» (т.-е. къ революціонной партіи) или по крайней мѣрѣ сочувствіе партіи были правиломъ, допускавшимъ лишь рѣдкія исключенія. Въ теченіе цѣлаго столѣтія, прошедшаго со времени декабристскаго возстанія, интеллигенція вынесла на своихъ плечахъ почти все бремя революціонной борьбы.

Но прошло нѣсколько революціонныхъ лѣтъ — и какъ рѣзко измѣнилась картина! Отъ старой интеллигенціи не осталось и слѣда. Передъ вами масса растерянныхъ и разочарованныхъ людей, безъ огня въ глазахъ, безъ живости въ движеніяхъ, безъ политической идеи въ головѣ; — но за то страшно голодныхъ и раздраженныхъ. Они были марксистами и народниками. Но много-ли осталось отъ этихъ великихъ идей? Какіе-то клочья, обрывки, цѣпь мыслей, разорванная революціей во множествѣ мѣстъ; и нѣтъ ни силъ, ни энергіи, ни охоты приняться вновь за починку стройнаго зданія, какимъ казалось прежнее міровоззрѣніе.

Вѣра въ народъ? Но крестьянство сначала разграбило помѣщиковъ, предало войну, а теперь грабитъ города и предаетъ интеллигенцію. Итакъ, борьба съ крестьянствомъ? О нѣтъ, вѣдь крестьянство и есть народъ... Тогда какъ-же?... И нѣтъ отвѣта.

Рабочій классъ? Но онъ поддержалъ большевиковъ, оказался застрѣльщикомъ въ октябрьскомъ переворотѣ, поставлялъ дѣятелей въ че-ка и вохру, плохо работалъ на заводахъ. Значитъ укротить пролетаріатъ драконовскими мѣрами? Конечно нѣтъ... Но что дѣлать, неизвѣстно.

Наконецъ, сама интеллигенція, третій изъ китовъ, на которыхъ держится революція, по старой теоріи. Но нѣтъ вѣры въ самое себя, нѣтъ уваженія ни къ кому изъ старыхъ кумировъ, и нѣтъ увѣренности, что кто-либо выведетъ на новый путь. И она покорно, почти какъ должное, принимаетъ унизительные эпитеты коммунистической демагогіи.

И какой политическій строй долженъ быть цѣлью движенія? Царизмъ, разумѣется, отвергнутъ. Ограниченная монархія была и раньше «головнымъ продуктомъ» для немногихъ политиковъ, ни кого въ сущности не одушевляя. Откуда бы ей получить теперь притягательную силу? Республика, демократія? Конечно... Но она связана съ воспоминаніями о «керенщинѣ», и капелька истины вѣдь есть въ неустанныхъ большевистскихъ напоминаніяхъ, что она «обанкротилась»? Совѣтскій строй, диктатура пролетаріата? Нѣтъ, и они непріемлемы. Что-же хорошо, въ такомъ случаѣ?... Но мысль слишкомъ устала, чтобъ заново разбираться въ этихъ вопросахъ.

Не только мысль устала. Уже и душа не лежитъ къ этой работѣ. Наступило утомленіе не только ума, но и темперамента. Вѣдь вся эта трагедія загадокъ вызвана ничѣмъ инымъ, какъ наступленіемъ революціи, — той самой революціи, о которой мечтали всѣ великіе вожди и рядовые дѣятели интеллигенціи, за которую такъ недавно она безъ страха принимала казнь и каторгу, во имя которой погибли ея лучшіе герои. «И вотъ она — твоя долгожданная революція!»: не злая насмѣшка черной сотни звучитъ у нашего интеллигента въ

ушахъ, а какой-то внутренній голосъ, робкій и тихій, но настойчивый и назойливый.

«Ты ждалъ ее, какъ невѣсту. Ты ожидалъ, что она придетъ нѣжная, мягкая, гуманная; ты думалъ, что ликованію не наступитъ конца; что она залѣчитъ всѣ раны, положитъ предѣлъ ужасамъ внутренней и внѣшней войны, уничтожитъ навѣкъ и ссыскъ, и охранку, и тюрьмы, и каторгу; что она накормитъ голодныхъ, утретъ слезы несчастнымъ, и откроетъ народу прямой путь къ вѣчному счастью — соціализму.

«И вотъ она пришла. Но когда она обнажилась передъ тобой, ты отшатнулся. Она принесла и че-ка и безграничную взятку, она пролила моря крови, она вызвала новыя, братоубійственныя войны, и съ нею ворвались и голодъ и моръ. И не всеобщее счастье съ нею пришло, а всеобщее недовольство. Твой отецъ разстрѣлянъ, твой сынъ умеръ отъ тифа, и самъ-то ты въ пару лѣтъ постарѣлъ и опустился! Вотъ она — твоя революція!

«Что, ты говоришь — не революція, а большевизмъ? Вздоръ, голубчикъ, ты и самъ это знаешь. Вѣдь революція либо подготовляла большевизмъ, либо была большевизмомъ. Вѣдь большевизмъ тоже революція, а изъ протекшихъ 5 лѣтъ революціи, больше четырехъ приходится на большевизмъ. Ты хотѣлъ революціи, значитъ ты долженъ «пріять» и большевизмъ. Не хочешь? Ну, тогда пойми: надо отказаться отъ революціи... Оставь старыя мечты: «свободу», «демократію»...

— Но что-же тогда дѣлать?

«Что дѣлать? Ты и самъ давно знаешь: займись собой. Оставь политику и идеалы, мечты о народѣ и соціализмѣ. Оставь ихъ тихо, незамѣтно, какъ это сдѣлали N и NN. Лишній паекъ получи; о дровахъ на зиму подумай; да новую службу поищи — авось выйдетъ лишняя тыщенка.»

Сколько тысячъ разъ этотъ ходъ мыслей вы могли наблюдать въ эти годы среди русскихъ интеллигентовъ! Лишній паекъ и лишняя тыщенка — къ этому сводится все. Матеріальныя лишенія, которыя выносились цѣлыми поколѣніями интеллигенціи спокойно и безмолвно, сгустились теперь до

того, что сдѣлались центромъ жизни. Они сдѣлались тѣмъ «матеріальнымъ бытіемъ», которое всецѣло доминируетъ надъ «сознаніемъ», и между бытіемъ и сознаніемъ самая тѣсная, непосредственная, откровенная связь. И сдѣлки со своей совѣстью — что можетъ быть легче при этихъ условіяхъ?

Прежде онъ бранилъ, ненавидѣлъ, презиралъ «богатыхъ». Онъ держался передъ ними гордо, вызывающе. Онъ ихъ третировалъ какъ кровопійцъ. Теперь онъ приглядѣлся къ нимъ поближе, — и его охватываетъ зависть и восторгъ. Какая ловкость, какой умъ, какое умѣнье обойти законъ! И какое счастье жить въ теплѣ и довольствѣ, каждый день мясо и бѣлыя булки, и всѣ магазины, и моторы, и женщины къ его услугамъ!

«Какъ онъ добился этого? Это не секретъ — взятки, таинственные «авансы» . . . Нехорошо, конечно. Но . . .»

И голова начинаетъ у голодомъ замореннаго интеллигента подыскивать объясненіе — оправданіе.

«50 милл. изъ государственной кассы. Что теряетъ отъ этого казна? Вѣдь она все равно печатаетъ безъ конца, и ей 50 милл. ничего не стоятъ. Почему, въ концѣ концовъ, не взять?»

«Большевики сами все захватили. Грѣхъ-ли у нихъ взять назадъ?»

«N предлагаетъ милліонъ за «услугу». Но самъ онъ награбилъ, и не одинъ, а сто милліоновъ. Почему-же не взять?

«И наконецъ, чортъ побери, надо-же какъ-нибудь жить. Не умирать-же подъ заборомъ!»

Что есть добро и что есть зло? Отвѣта нѣтъ. Понятія перемѣшались. «Если я пользуюсь хлѣбной карточкой уѣхавшаго человѣка, можно-ли это? Конечно, можно, вѣдь это всѣ дѣлаютъ! Но вѣдь я у кого-то отнимаю хлѣбъ? Значитъ — мое счастье».

«Ну, а если я продамъ эту карточку за полъ-милліона? Почему это будетъ плохо?»

«А если я куплю три хлѣбныя карточки, а потомъ продамъ ихъ, съ прибылью конечно? Чѣмъ это плохо?»

«Спекуляція? Но кто-же нынче не спекулянтъ? Я продалъ изъ пайка 5 фунтовъ соли. Развѣ это не спекуляція? А если продамъ свой ордеръ на сапоги, вѣдь въ этомъ тоже ничего дурного!»

Гдѣ грань между «можно» и «нельзя»? Вѣдь на фальши построено все существованіе. Никчемная работа безъ общественной пользы; оплата за какіе-то сверхурочные часы, которыхъ никто не отработалъ; премія, ничѣмъ не заслуженная; десятокъ ложныхъ удостовѣреній въ карманѣ о тяжкой болѣзни, о смерти матери, о переѣздѣ на квартиру, рецепты на спиртъ, масло...

«Всѣ другъ друга надуваютъ. Ты будешь послѣдній честный человѣкъ. Дуракъ!..»

И путь къ коррупціи пройденъ до конца. Дойдетъ-ли до «дѣла», это — вопросъ факта. Но психологическій переломъ совершился. Какіе это наивные люди, которые продолжаютъ бушевать и волноваться о благѣ народа! Это было мило и красиво, но это давнопрошедшее время. Это превзойденная ступень развитія. Это праздничное занятье. А въ будни надо подумать о другомъ. Надо пристроиться.

Всѣ заботы обывателя — вѣдь это и есть человѣческая жизнь, и ничто средне-человѣческое ему не чуждо. Изъ мелочей состоитъ жизнь, вниманіе къ мелочамъ! Мелочность? Да, это неизбѣжная черта. Она дѣлается господствующей въ психологіи интеллигенціи. Обезпечить себѣ жизнь, пристроиться въ удобномъ мѣстѣ, жениться на богатой.

Такова послѣ-революціонная интеллигенція. Она готова принять любой режимъ, хотя-бы и деспотическій, если онъ создастъ сносныя условія матеріальнаго существованія. Она будетъ рукоплескать ему, бѣжать за его колесницей. Она больше не будетъ потрясать основъ.

Она расплывается и разсосется среди классовъ. Она больше не имѣетъ и не будетъ имѣть своего собственнаго общественнаго движенія. Она сдѣлалась интеллигенціей «европейскаго» типа, смирная, буржуазная и умѣренная.

5. Рабочій классъ.

Что касается рабочихъ, то и здѣсь перемѣны очень велики. Но измѣненія эти надо изучать не по лубочнымъ изображеніямъ коммунистической печати, гдѣ фигурируетъ вѣрноподданный, благонамѣренный, благоразумный и благожелательный, прилизанный и приглаженный, вѣчно-послушный, пай-рабочій. Надо понять, что для средняго русскаго рабочаго, сначала неопредѣленно-революціоннаго, а затѣмъ, на короткое время, коммунистически-воспламененнаго, исторія послѣднихъ 3 лѣтъ была сплошной цѣпью разочарованій.

На короткое время — конецъ 1917 и начало 1918 года — онъ былъ хозяиномъ. Это было время «рабочаго контроля». Сколько надеждъ и упованій было связано съ рабочимъ контролемъ! Вѣдь въ глазахъ сѣрой рабочей массы, пролетаріатъ только тогда самъ управляетъ производствомъ, когда заводомъ распоряжаются цѣликомъ работающіе въ немъ люди. А государственная форма управленія (хотя бы государство и было самымъ архирабочимъ) означаетъ назначеніе дирекціи и высшихъ служащихъ, руководство извнѣ, нѣкоторыя мѣры строгой извнѣ-навязанной дисциплины и *возвращеніе къ системѣ обычнаго наемнаго труда.* Вотъ почему идея примитивнаго «рабочаго контроля» популярна еще въ Европѣ. Не потому, чтобъ она была орудіемъ уничтоженія капитализма и организаціи государственно-коммунистическаго хозяйства, какъ любятъ изображать коммунисты. Она имѣетъ для среднихъ элементовъ рабочей массы самоцѣнность въ качествѣ единственной формы непосредственнаго управленія производствомъ.

И вотъ этотъ опытъ продѣланъ. Что же далъ онъ рабочимъ? Результаты оказались плачевные. Громадное сокращеніе производства, паденіе дисциплины, конкурренція за сырье и топливо съ сосѣдними фабриками, новый индивидуализмъ и эгоизмъ, и хаосъ въ общегосударственной хозяйственной системѣ. Итоги печальные! Растерянные и обез-

кураженные, рабочіе не особенно сопротивлялись, когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ такого опыта рабочій контроль и рабочее управленіе были ликвидированы, и хозяиномъ сдѣлалась центральная власть. Но ни пришедшіе имъ на смѣну коммунистическіе бюрократы, ни всевѣдущіе коммунистическіе журналисты не въ силахъ понять того удара, который былъ этимъ нанесенъ наивнымъ надеждамъ рабочей массы.

«Нуженъ хозяинъ!» — вотъ психологическій итогъ рабочаго контроля и рабочаго управленія. Хозяиномъ дѣлается государство. Рабочіе настороженно приглядываются къ манерамъ новаго хозяина. Не дастъ ли онъ все же сносныхъ и здоровыхъ условій работы и жизни? Но этотъ новый хозяинъ оказывается чудовищной бюрократической машиной, которая застопорила производство даже тамъ, гдѣ оно могло бы идти впередъ. Производство продолжаетъ сокращаться, положеніе рабочихъ продолжаетъ ухудшаться, и голодъ растетъ съ каждымъ днемъ.

А внутренніе распорядки? Они хуже, чѣмъ было до революціи. «Желѣзная дисциплина», поддержанная драконовскими мѣрами. Обыски рабочихъ при выходѣ. Множество добровольныхъ и наемныхъ соглядатаевъ; борьба съ «саботажемъ» изнуренныхъ рабочихъ при помощи Че-ка, комиссаровъ, комячеекъ, трибуналовъ. Милитаризація заводовъ, какъ завершеніе этого процесса! Вы спросите меня, что было иного дѣлать коммунистамъ, когда на заводахъ непрерывно падала производительность и дисциплина? Да, продѣлавъ предварительно все прочее, ничего другого не оставалось для коммунизма, какъ ввести каторжный режимъ. Но не объ этомъ вѣдь рѣчь. Я констатирую факты этого режима, чтобъ выяснить рождающіяся на этой почвѣ настроенія.

Наконецъ, заработная плата. Сначала возрожденіе сдѣльной оплаты, въ качествѣ системы, способной вызвать максимумъ энергіи и конкурренціи. Но вѣдь каждый рабочій спрашиваетъ самого себя: «какъ, вѣдь такъ недавно еще мы осуждали сдѣльную плату, какъ нарушающую равенство и выжимающую соки изъ рабочаго! Раньше, говорятъ комму-

нисты, эти соки шли на пользу капиталу, а теперь идутъ рабочему государству. Но если сдѣльная плата способна усилить производство, значитъ нашъ прежній отказъ отъ нея сокращалъ производство. А если теперь мы къ ней вернемся, вернется и различіе въ оплатѣ; слабые, женщины и старики опять будутъ нищіе, а здоровые мужчины будутъ аристократіей. Какъ быть?»

Какъ быть? На этотъ вопросъ ни одинъ рабочій не находилъ отвѣта. Ему ничего не оставалось, какъ согнувъ спину, работать на новыхъ условіяхъ. Но еще одна изъ великихъ надеждъ была разбита.

Затѣмъ пришла преміальная плата, разнообразіе пайковъ, высшія «выдачи» для дирекціи и т. д. Вѣдь нужно «привлекать спеціалистовъ». Но оказывается, «спецъ», получая лучшіе пайки, работаетъ такъ же плохо, какъ всѣ остальные, и производство ничуть не поправляется. Какъ быть?

Наконецъ, число рабочихъ часовъ. Оно увеличивается далеко за 8-мичасовую норму, а эфемерный профсоюзъ и не спрашиваютъ. Что же это означаетъ? Вѣдь новый-то хозяинъ ничуть не лучше стараго, а дѣла поставить не умѣетъ. Не лучше ли ужъ старый хозяинъ?

«Старый хозяинъ? Но вѣдь всѣ его хорошо помнятъ! Штрафы, брань, вычеты, разсчеты, доносы, нищета — этого долго не забыть. Но и новый хозяинъ не лучше. Какъ же быть?»

И поэтому падаетъ энергія и воля. Ни смѣлаго сопротивленія своему непосредственному начальству, ни большого политическаго движенія. Растущее недовольство нейтрализуется безволіемъ. Но недовѣріе ко всѣмъ, разочарованіе во всемъ. Клубокъ надеждъ размотался весь, до конца, и нѣтъ больше ни одной живой надежды. «Нѣтъ правды на землѣ, но нѣтъ ее и выше»!

Совершенно, какъ въ кругахъ интеллигенціи, только въ еще болѣе рѣзкихъ формахъ и выраженіяхъ, развивается въ рабочихъ слояхъ аполитичность, пассивность и невѣріе во всякую политику. Всѣ молъ плохи, и коммунисты и монархисты, кадеты и соціалисты; плохъ совѣтскій строй, демократи-

ческая республика и монархія. Но какой строй хорошъ — этого никто не знаетъ.

И точно такъ же, какъ въ другихъ соціальныхъ слояхъ, въ рабочемъ классѣ развивается «мѣщанство» или то, что въ Россіи называется этимъ словомъ: мелочность, крайняя разсчетливость, пристрастіе къ обыденному, поглощеніе интересами сегодняшняго дня, вниманіе къ внѣшности, забота объ «обстановкѣ», примитивные вкусы, герань на окнѣ, бульварная газета, легкіе романы, боксъ, танцы, сплетни, легкія измѣны, пошловатыя шутки, разговоры о «любви». И надъ всѣмъ этимъ царящая, всепоглощающая забота о цѣнѣ картошки и яицъ, о новыхъ подметкахъ и штопкѣ прорванныхъ чулокъ.

Ахъ, какіе низменные интересы! — воскликнетъ иной читатель. Что и говорить, культура не высокая. Но вотъ что я прошу понять и запомнить: для Россіи эта культура не только неизбѣжный этапъ развитія, но и громадный шагъ впередъ.

Это можетъ показаться страннымъ. Тѣмъ не менѣе оно такъ и есть. Россія до сихъ поръ почти не знала этого мѣщанскаго быта, массовой мѣщанской культуры, мѣщанства какъ господствующаго образа жизни и мышленія. Только въ нѣкоторыхъ элементахъ городовъ оно развивалось. Но оно не достигало и въ отдаленной степени той роли, какую играло оно на западѣ, во *всѣхъ* странахъ европейскаго запада.

Почему? Въ прежнія времена для него не было мѣста, потому что въ условіяхъ крѣпостнаго права мѣщанства быть не можетъ. Оно растетъ вмѣстѣ съ ростомъ мелкой собственности; вѣдь оно представляетъ собою ея массовую идеологію. За послѣднее полстолѣтіе оно сильнѣе развивалось въ городахъ, но и тутъ оно не дѣлалось господствующимъ. Интеллигенція была въ сильной степени противъ него забронирована идеализмомъ, революціонными настроеніями, мечтами о прогрессѣ и соціализмѣ. Такъ возникло представленіе, что Россію минетъ эта чаша; вѣдь Россія «на собственную стать» и

мѣщанство — превзойденная ступень развитія. Мало-ли скачковъ назначено Россіи сдѣлать? Скачокъ «черезъ обывателя-мѣщанина» принадлежитъ къ тому же числу.

Но и крестьянство русское жило и чувствовало не «по-мѣщански». На дѣлѣ это было не потому, что оно уже переросло черезъ него, а потому что еще не доросло. Нищета, грязь, неграмотность, отличавшія русскаго мужичка отъ его европейскихъ коллегъ, были причиною того, что онъ, въ отличіе отъ нихъ, еще не могъ проникнуться сознаніемъ своей собственности и устраивать свою жизнь какъ мѣщанинъ. Но то, чего онъ добился въ революціи, открываетъ ему теперь эти пути, и теперь каждый шагъ его вверхъ по лѣстницѣ культуры будетъ шагомъ въ царство мѣщанства.

Такъ же обстоитъ дѣло съ рабочимъ классомъ. Россія почти не знала типа европейскихъ рабочихъ, въ массѣ своей уравновѣшенныхъ, слегка духовно-близорукихъ, аккуратно совершающихъ маленькія прогулки по заранѣе разсчитанному бюджету, обзаводящихся «хозяйкой дома» и вмѣстѣ съ ней поглощенныхъ мелочными интересами сегодняшняго дня. Въ Россіи это встрѣчалось рѣдко среди рабочихъ. Но революціонная встряска посѣяла «мѣщанство» и въ рабочей средѣ, и всходы очень велики.

Во многихъ отношеніяхъ это тоже культурный прогрессъ. Со всей этой идеологіей мѣщанства, столь дорожащей внѣшностью, показнымъ образованіемъ, связано сугубое вниманіе къ чистотѣ въ одеждѣ, къ опрятности въ жилищѣ, къ лучшей обстановкѣ жизни, минимальный интересъ къ литературѣ и образованію; это ведетъ къ тому, чтобъ глубочайшая пропасть, очень невыгодно отличающая въ этихъ отношеніяхъ русскаго рабочаго отъ его европейскихъ собратьевъ, была засыпана навсегда. «Проклятое отсутствіе потребностей», за которое Лассаль бранилъ нѣмецкихъ рабочихъ 60 лѣтъ назадъ — самая больная точка у русскихъ рабочихъ сейчасъ. Они идутъ къ преодолѣнію этой болѣзни — черезъ развитіе мѣщанскаго быта и мѣщанской психологіи.

Это продлится много, много лѣтъ. И новое соціалистическое движеніе въ средѣ русскихъ рабочихъ будетъ расти не какъ продуктъ недоразвитого мѣщанства, а какъ его преодолѣніе. Оно оставитъ его позади.

* * *

Такова картина новаго, послѣ-революціоннаго общества. И право-же не моя вина, если это картина вступающаго въ свои права буржуазнаго общества въ моментъ окончанія буржуазной революціи.

Б. ЕВРОПА И РЕВОЛЮЦІЯ.

I.

Отъ науки къ утопіи.

Соціализмъ уже давно прошелъ свой путь «отъ утопіи къ наукѣ». Онъ давно уже пересталъ разсматривать тотъ общественный строй, къ которому онъ стремится, въ качествѣ продукта одной только воли людей, прежде «злыхъ», а нынѣ ставшихъ «добрыми» и возжелавшихъ нынѣ всеобщаго счастья и благоденствія. Онъ разсматриваетъ соціалистическое хозяйство какъ неизбѣжный продуктъ общественнаго развитія; неизбѣжный въ соціологическомъ смыслѣ, т. е. создаваемый волей людей; но достижимый лишь въ опредѣленныхъ условіяхъ, на извѣстной ступени развитія, лишь тогда, когда всѣмъ предшествующимъ развитіемъ человѣчества *созданы для этого всѣ необходимыя условія*.

Каковы же эти условія? Когда именно они имѣются налицо? Этотъ вопросъ европейская соціалистическая литература не пыталась серьезно проанализировать. Она считала, — и это было аксіомой для соціалистическаго движенія Германіи, Франціи и Англіи передъ войной — что *всѣ условія соціализма налицо*: экономическое развитіе уже создало всѣ предпосылки для соціалистическаго хозяйства, остается лишь приступить къ его осуществленію.

Таковы ужъ общественныя науки. Въ нихъ человѣческія страсти и интересы перекрещиваются съ ходомъ научнаго анализа. Отсюда получается на одномъ полюсѣ полное отрицаніе всякаго соціализма, на другомъ — «немедленный со-

ціализмъ», для котораго все якобы готово. Революціонное нетерпѣніе замѣняетъ собой научное изслѣдованіе. Революціонное нетерпѣніе — очень благородная вещь. Но когда оно замѣняетъ собой холодный и трезвый анализъ, соціализмъ продѣлываетъ обратный путь: отъ науки къ утопіи.

Въ этомъ отношеніи грѣшны всѣ, въ томъ числѣ и творцы научнаго соціализма. Иныя ошибки ихъ кажутся прямо непонятными сейчасъ. Смѣшно и глупо ихъ замалчивать. Наоборотъ, надо вложить персты во всѣ раны, безбоязненно признать всѣ болѣзни, чтобъ ихъ радикально исцѣлить.

Вы знаете Германію 40-хъ годовъ? Это была аграрная страна, безъ желѣзныхъ дорогъ, безъ серьезной крупной промышленности, съ небольшими городами и съ преобладаніемъ мелкаго хозяйства не только въ деревнѣ, но и въ городѣ. Во многихъ отношеніяхъ она была болѣе отсталой, чѣмъ современная Россія. Пролетаріатъ былъ ничтоженъ численно и совершенно неорганизованъ. Разсыпанная на отдѣльныя государства, она затрудняла хозяйственный оборотъ, и стояла совершенно очевидно наканунѣ буржуазной революціи. И столь-же очевидно, что послѣ этого ей нужно было пройти еще долгій, очень долгій путь развитія для того, чтобъ создать предпосылки соціализма.

Могли-ли съ этимъ мириться активные соціалисты и пламенные революціонеры, какъ Марксъ и Энгельсъ? Это былобы выше силъ человѣческихъ. И вотъ, начинается приспособленіе теоріи къ своимъ желаніямъ и настроеніямъ.

Французская революція конца 18-го вѣка уничтожила французскій феодализмъ и потрясла феодальный режимъ сосѣднихъ странъ. Но авторы научнаго соціализма изображаютъ дѣло такъ: французская революція покончила съ феодализмомъ для Западной Европы. Время, прошедшее послѣ нея, было эпохой капитализма. Но капитализмъ изжилъ себя за 40 лѣтъ, и для Европы наступила эпоха соціалистическаго переворота:

«Уже въ теченіе десятилѣтій исторія промышленности и торговли есть исторія возмущенья современныхъ

производительныхъ силъ противъ отношеній собственности, которыя являются условіемъ существованія и господства буржуазіи.»[1]) Промышленные кризисы — болѣзнь старости для капитализма. Въ нихъ находитъ себѣ выраженіе тотъ фактъ, что производительныя силы, находящіяся въ распоряженіи буржуазіи, не служатъ для развитія буржуазныхъ отношеній; наоборотъ, они стѣсняютъ развитіе...

«Буржуазія неспособна болѣе оставаться господствующимъ классомъ общества и дѣлать условія существованія своего класса верховнымъ закономъ для общества. Она неспособна управлять, ибо она неспособна обезпечить своимъ рабамъ даже рабское существованіе... Общество не можетъ больше жить подъ властью буржуазіи, т. е. ея существованіе не мирится болѣе съ существованіемъ общества.» [1]) Это было написано 75 лѣтъ назадъ.

Поэтому марксовскій «союзъ коммунистовъ» выставляетъ какъ цѣль немедленный соціализмъ, и въ число требованій включаетъ и такія, которыя особенно характерны для этого «немедленнаго» соціализма. Немногіе помнятъ положительныя требованія «Коммунистическаго Манифеста». Среди нихъ была и такая мѣра, какъ «отмѣна права наслѣдованія», «централизація кредита въ рукахъ государства при помощи монопольнаго государственнаго банка», «равная трудовая повинность для всѣхъ» и «созданіе промышленныхъ армій». [2])

Итакъ, Германія во-первыхъ созрѣла для соціализма, и во-вторыхъ соціализмъ можетъ быть осуществленъ съ той молніеносной быстротой, которую практиковали большевики въ русской революціи. Упраздненіе права наслѣдованія, если оно проводится на дѣлѣ, способно одно, само по себѣ, уничтожить въ 2—3 года всякій капитализмъ. Если-бъ первая германская революція не закончилась такъ скоро контръ-революціей; если-бъ реформы, произведенныя ею, оказались глубже, а народное движеніе сильнѣе, если-бъ «крайняя лѣвая» пришла къ власти и вынесла вверхъ Маркса какъ своего

[1]) Коммунистическій Манифестъ. Нѣм. изд. 1920 г., с. 31, 36.
[2]) С 45.

вождя, — онъ попытался-бы осуществить соціализмъ въ Германіи и продѣлалъ-бы весь большевистскій опытъ съ начала до конца, съ неизбѣжнымъ терроромъ, съ изгнаніемъ буржуазіи, съ войной противъ крестьянства, съ экономической катастрофой и съ неизбѣжнымъ затѣмъ пораженіемъ. Его «программа коммунистовъ» и его восхищеніе передъ дѣятелями 93-го года не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Да, въ 40-хъ годахъ Марксъ былъ большевикомъ. Большевизмъ вовсе не чисто-русское явленіе. Онъ появляется на сцену вездѣ въ моментъ революціи, какъ движеніе наиболѣе придавленныхъ слоевъ, соединяющихъ крайнюю политическую революціонность съ крайнимъ экономическимъ утопизмомъ.

И почти тѣми-же словами, какими русскіе большевики опредѣляли историческую миссію Россіи, Марксъ оцѣнивалъ значеніе первой германской революціи:

«На Германію направляютъ коммунисты свои взоры, потому что Германія стоитъ наканунѣ буржуазной революціи, и потому что она совершитъ этотъ переворотъ въ болѣе развитыхъ условіяхъ европейской цивилизаціи и съ болѣе развитымъ пролетаріатомъ, чѣмъ Англія въ 17-омъ и Франція въ 18-омъ вѣкѣ. Поэтому германская буржуазная революція можетъ послужить лишь непосредственнымъ вступленіемъ къ пролетарской революціи»[1]).

Революціи 48-го года не превратились въ революціи соціалистическія. Но Марксъ не хочетъ и не можетъ признать, что это было неизбѣжно, что для соціалистической революціи еще время не пришло. Онъ ищетъ причинъ пораженія во внѣшнихъ, случайныхъ явленіяхъ. Онъ находитъ ихъ — въ Калифорніи. Открытіе калифорнійскихъ золотыхъ рудниковъ, по его мнѣнію, искуственно оживило капитализмъ. Это было постороннее, случайное явленіе, не вы-

[1]) С. 56. Поставьте въ этой выдержкѣ Россію вмѣсто Германіи и передъ вами вся философія русскаго умѣреннаго и неумѣреннаго коммунизма, которая впрочемъ отнюдь не выигрываетъ отъ того, что за 70 лѣтъ до нея „Марксъ ошибался точно такъ же".

текающее изъ внутреннихъ законовъ отжившаго капитализма. Поэтому соціальная революція отсрочена лишь на короткое время. Ея вспышки надо ожидать съ часу на часъ. И поэтому въ періодъ реакціи, въ 50-ые годы, онъ все еще ожидаетъ скорой вспышки міровой революціи, какъ видно изъ его переписки съ Энгельсомъ. Въ началѣ 60-ыхъ «конституціонный конфликтъ» въ Пруссіи вновь оживляетъ у него эти надежды.

Въ 60-ыхъ годахъ на сцену выступаетъ Лассаль. Какъ-же онъ понимаетъ осуществленіе соціализма? Тоже какъ дѣло пары лѣтъ. Для него всѣ вопросы рѣшаются введеніемъ всеобщаго избирательнаго права. Вѣдь 90% всего населенія — неимущіе. Они политически подавлены трехклассной избирательной системой, которая, по его мнѣнію, является подлинной политической системой капитализма.

«Свободная индивидуальная ассоціація» — единственный выходъ изъ пустыни для рабочаго класса. Но какъ заставить государство вступить на путь такого вмѣшательства? Только путемъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права. «Если Вы этотъ лозунгъ сдѣлаете достояніемъ 89—96 % населенія, которые, какъ я показалъ вамъ, составляютъ неимущіе классы общества, тогда, будьте увѣрены, вашему желанію не будутъ долго сопротивляться». Какъ зло посмѣялся надъ нимъ Бисмаркъ, когда ввелъ всеобщее избирательное право!

Лассалю чужда мысль о долгой борьбѣ за соціализмъ, о милліонныхъ организаціяхъ, которыя вырастутъ въ процессѣ мелкой, многолѣтней работы; о цѣлыхъ поколѣніяхъ рабочихъ, которыя пройдутъ черезъ эти организаціи, раньше чѣмъ вопросъ о соціализмѣ приметъ практическую форму. И чуждо ему сомнѣніе въ томъ, созрѣли-ли условія тогдашней Германіи для соціалистическаго хозяйства. Этотъ вопросъ рѣшенъ заранѣе.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы Лассаль начинаетъ понимать, что она затягивается. Но именно поэтому онъ уже въ 1864 году усталъ и разочарованъ. Онъ пишетъ уже въ пись-

махъ о своемъ «глубокомъ и тяжеломъ разочарованіи» и жалуется на «досаду, которую вызываетъ во мнѣ безразличіе и апатія рабочаго класса» послѣ двухъ лѣтъ борьбы! «Мы должны признаться, что всѣ мы очень ошиблись въ оцѣнкѣ духовной жизни рабочаго класса ... Кто могъ-бы ожидать такой пассивности и безучастія». И онъ пишетъ своей пріятельницѣ Гацфельдъ: «я утомленъ и усталъ отъ политики» ... Бекеръ, къ которому Лассаль заѣхалъ лѣтомъ 1864 года, разсказываетъ, что Лассаль чувствовалъ разочарованіе. «Онъ думалъ раньше, что приведетъ соціалистическое движеніе къ побѣдѣ въ теченіе одного года, а теперь онъ убѣдился, что это потребуетъ десятилѣтій.»[1])

Третій изъ классиковъ, Энгельсъ, раздѣлялъ съ Марксомъ «заблужденія юности». Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ революціи онъ писалъ объ этихъ заблужденіяхъ, называя ихъ иллюзіями:

«Когда парижское возстаніе 1848 г. нашло отзвукъ въ побѣдоносныхъ возстаніяхъ въ Вѣнѣ, Миланѣ, Берлинѣ, т. е. во всей Европѣ, когда вся Европа, вплоть до русской границы, оказалась втянутой въ движеніе; когда вслѣдъ за тѣмъ въ Парижѣ произошелъ въ іюнѣ первый бой за господство между пролетаріатомъ и буржуазіей; когда даже побѣда, одержанная буржуазіей, потрясла ее классъ во всѣхъ странахъ до того, что она вновь бросилась въ объятія только что свергнутой монархически-феодальной реакціи, — при тогдашнихъ условіяхъ, для насъ не могло оставаться больше никакого сомнѣнія, что началась великая рѣшающая борьба, которая заполнитъ собой долгую, полную побѣдъ и пораженій революціонную эпоху, которая могла закончиться только побѣдой пролетаріата ... Исторія доказала, что мы ошиблись, и что наши взгляды были иллюзіей.»[2])

Что же касается «методовъ соціализаціи» изъ «Коммунистическаго Манифеста», то Энгельсъ отказался и отъ нихъ,

[1]) Feigl, Ferd. Lassalle, c. 57; Kohut, F. Lassalle, c. 157; Ed. Bernstein, F. Lassalle, c. 297.

[2]) Предисловіе къ „Классовой борьбѣ во Франціи“, с. 6.

о чемъ заявилъ впослѣдствіи. Но онъ отнюдь не освободился отъ того, что онъ самъ правильно назвалъ иллюзіями. Ибо онъ былъ увѣренъ, что революція на носу, и въ 1892 году писалъ:

«Мы и сейчасъ уже можемъ считать цифру нашихъ избирателей въ 2½ милліона. Если дѣло и дальше такъ пойдетъ, то е щ е д о к о н ц а в ѣ к а мы... сдѣлаемся рѣшающей силой въ странѣ, передъ которой должны будутъ склониться другія силы, все равно захотятъ-ли онѣ этого или нѣтъ.»[1])

Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что къ концу вѣка отъ капитализма останется лишь одно воспоминаніе. Для этого онъ создалъ особую теорію «періодичности» революцій и даже установилъ «законъ», что революціи повторяются каждые 15 до 18 лѣтъ. Для этого достаточно было сопоставить революціи 1830, 1848—52, 1870 г. «Слѣдовательно», разсуждалъ онъ, приближается моментъ новаго революціоннаго потрясенія.[2]) И онъ предсказывалъ его на конецъ 90-хъ годовъ.

Въ 60-ыхъ годахъ также и Бебель выдвигается впередъ и становится во главѣ движенія на полъ-столѣтія. Онъ, точно такъ же, какъ Марксъ, Энгельсъ и Лассаль, ждетъ соціалистической революціи со дня на день. Бебель-пламенный энтузіастъ. Элементы вѣры, т. е. утопіи, у него звучатъ особенно сильно. Для него соціализмъ — царство Божіе на землѣ. Оно должно начаться не сегодня — завтра. Въ 1891 г., на съѣздѣ въ Галле, онъ говоритъ:

«Я убѣжденъ, что осуществленіе нашихъ цѣлей такъ близко, что лишь немногіе, находящіеся въ этомъ залѣ, не доживутъ до этихъ дней».[3]) Протоколъ отмѣчаетъ «движеніе» въ залѣ послѣ этихъ словъ!

На томъ же съѣздѣ Бебель подводитъ «научный фундаментъ» подъ это свое убѣжденіе:

«Когда мы видимъ, какой огромный переворотъ въ экономической и политической области произошелъ за это время (30 лѣтъ Д. Д.), въ какомъ отчаяніи находятся сейчасъ

[1]) Тамъ-же, с. 17.
[2]) Предисл. къ „Кельнскому процессу коммунистовъ".
[3]) Протоколъ, с. 172.

наши противники, не зная что имъ дѣлать; когда мы видимъ, что постепенное развитіе убѣждаетъ всякаго разумнаго человѣка въ невозможности дальше такъ продолжать и въ томъ, что поэтому к а т а с т р о ф а — лишь вопросъ времени, — тогда естественно и неизбѣжно придти къ взглядамъ, подобнымъ моимъ. Я не скрываю, что я очень радовался, прочитавъ въ извѣстномъ письмѣ моего друга Фридриха Э н г е л ь с а въ «Socialiste», что онъ ожидаетъ п е р е в о р о т а (Umschwung der Dinge) приблизительно въ 1898 году.»[1])

Начиная съ 90-хъ годовъ теоретическое руководство въ соціализмѣ принадлежитъ Каутскому. Каутскій и сейчасъ крупнѣйшій изъ живущихъ теоретиковъ соціализма. Онъ, разумѣется, знаетъ, что есть большой вопросъ объ условіяхъ, необходимыхъ для соціалистическаго хозяйства. Но и ему и темпераментъ и нетерпѣніе мѣшаютъ осторожно и трезво учесть уроки прошлаго, ошибки учителей и современное положеніе.

Каутскій дѣлитъ предпосылки соціализма на объективныя и субъективныя. Объективныя — это уровень производительныхъ силъ. Субъективныя — состояніе рабочаго движенія. Вторыхъ (передъ войной) не было налицо. Но о первыхъ Каутскій рѣшаетъ безъ долгихъ разсужденій, что они имѣются въ полной мѣрѣ. Поэтому и онъ, подобно всѣмъ предшественникамъ, постоянно считаетъ достиженіе соціализма дѣломъ ближайшаго періода. Въ борьбѣ противъ Бернштейна, а впослѣдствіи — противъ Умбрейта и др., онъ на этотъ счетъ не оставляетъ сомнѣній. Для этого нуженъ только сильный политическій толчекъ. Такимъ толчкомъ можетъ быть война, и Каутскій часто останавливается въ своихъ произведеніяхъ на вопросѣ, какъ отразится война на соціалистическомъ движеніи. Онъ, приходитъ къ выводу, что неудачная война можетъ вызвать революцію; а революція, въ современныхъ условіяхъ, означаетъ власть соціалистической партіи. Еще въ четвертый годъ міровой войны Каутскій очень оптимистически оцѣниваетъ шансы соціализма къ концу военнаго періода:

---

[1]) Тамъ-же, с. 282—283.

«Въ время войны... многіе пролетаріи покинули соціалистическія партіи, а послѣднія пошли по пути раскола, и часть ихъ усиливала мощь правительствъ и буржуазныхъ партій. Но послѣ войны дѣло будетъ совершенно иначе... Центръ тяжести вновь переносится во внутреннюю политику... Объединеніе рабочихъ массъ для общей борьбы никогда не было такимъ энергичнымъ, какимъ оно будетъ — въ переходный періодъ.»

Поэтому, думалъ тогда Каутскій, «этотъ періодъ будетъ не только переходнымъ отъ военнаго къ мирному хозяйству, но можетъ быть — и отъ капитализма къ соціализму».

Теперь, когда мы знаемъ, что «объединеніе рабочихъ массъ для общей борьбы», т. е. единство рабочаго движенія никогда не было такъ радикально ликвидировано расколами, какъ въ послѣ-военный, «переходный» періодъ, нельзя безъ улыбки читать слова Каутскаго, которыми онъ заключаетъ приведенныя выше соображенія: «эти мысли являются плодомъ только трезвой оцѣнки возможностей. Желаніе отнюдь не является отцомъ ихъ»...[1])

Но міровая война прошла; прошли и революціи въ восточной Европѣ и въ Германіи. Множество политическихъ переворотовъ, но очень ужъ небольшіе шаги по направленію къ соціализму. Каутскій готовъ признать, что возможности капиталистическаго развитія больше, чѣмъ раньше предполагалось:

«Раньше я считалъ возможнымъ, что расширеніе капитализма встрѣтитъ препятствіе въ видѣ рынка, развивающагося не столь быстро, какъ производительныя силы... Съ тѣхъ поръ я пришелъ, благодаря наблюденію и теоретическимъ работамъ, къ болѣе оптимистическимъ взглядамъ на возможности расширенія рынковъ.»[2])

---

[1]) Kautsky, Sozialdemokratische Bemerkungen zur Uebergangswirtschaft, 1918, c. 164.

[2]) Kautsky, Von der Demokratie zur Staatssklaverei, 1921, c. 101.

Впрочемъ Каутскій зналъ конечно, всегда и обо всѣхъ ошибкахъ въ предсказаніи соціальной революціи. Но какъ онъ объяснялъ ихъ?

«Мы можемъ указывать — пишетъ онъ — лишь направленіе, въ которомъ идетъ развитіе, но не темпъ его.»[1]) Если-бъ только объ этомъ шла рѣчь! Но ошибки говорятъ о гораздо большемъ и заставляютъ гораздо серьезнѣе задуматься надъ объективными предпосылками соціализма.

Въ военные годы развивается новый коммунизмъ, который унаслѣдовалъ цѣликомъ вѣру въ «зрѣлость для соціализма». Согласно его доктринѣ — которая въ этомъ отношеніи раздѣляетъ иллюзіи всѣхъ классиковъ соціализма — война превращается въ соціальную революцію. Революція вручитъ власть тѣмъ, кто осуществитъ соціализмъ,—объ объективныхъ условіяхъ для соціализма особенно много заботиться не слѣдуетъ. Они всѣ имѣются налицо. Еще въ 1905 году Троцкій писалъ, что Франція 18-го вѣка созрѣла для соціализма, и что Россія вступаетъ въ подлинную соціалистическую революцію. Какія-же сомнѣнія еще могутъ быть, что въ Европѣ «все готово»?

Но когда и война обманула, и три послѣ-военныхъ года прошли совсѣмъ иначе, чѣмъ предполагалось, — Троцкій возложилъ свои надежды на . . . вторую войну. Въ своемъ докладѣ конгрессу коммунистическаго интернаціонала въ 1921 году онъ смущенно признается въ ошибкахъ, но строитъ всевозможныя комбинаціи новой, на этотъ разъ ужъ истинно-міровой войны Англіи и Японіи противъ Америки! Тѣмъ временемъ, собралась Вашингтонская конференція, и Троцкій ужъ строитъ, безъ сомнѣнія, еще одну теорію . . .

Я упомянулъ лишь объ одной десятой всѣхъ иллюзій и ложнаго оптимизма, связаннаго съ идеей соціальной революціи. Я могъ-бы прибавить еще многое. Можно-бы вспомнить, какъ Марксъ считалъ р а б с т в о неизбѣжнымъ элементомъ капитализма, ибо отмѣна рабства ликвидируетъ производство хлопка для европейской индустріи; какъ Каутскій доказы-

[1]) См. напр. „Weg zur Macht“, с. 36; „На другой день послѣ соціальной революціи“, с. 56.

валъ, что всеобщая стачка невозможна потому, что она, самой возможностью своей, ликвидируетъ капитализмъ, — подобно тому, какъ Лассаль былъ убѣжденъ, что его ликвидируетъ всеобщее избирательное право. Между тѣмъ, — и рабство отмѣнено, и всеобщая стачка не разъ имѣла мѣсто, и всеобщее избирательное право сдѣлалось правиломъ въ Европѣ, а капитализмъ не отмѣненъ. Неужели найдутся еще люди, готовые успокоиться на старыхъ формулахъ о «тенденціи» и «темпѣ»?

Допустимъ на моментъ, что тотъ уровень, котораго достигло хозяйство Европы въ настоящее время (или наканунѣ войны) даетъ дѣйствительно всѣ нужныя условія для соціалистическаго переустройства. Но если такъ, если эти условія даны на уровнѣ 1914 года, то очевидно ихъ не было на уровнѣ экономики 1848 или 1864 или 1875 года! Вѣдь теперь-то ясно, что 50 лѣтъ назадъ европейскій материкъ еще начиналъ лишь то развитіе, которое черезъ полъ-столѣтія создало — мы это предположили — необходимыя предпосылки соціализма. Значитъ ихъ не было раньше, этихъ предпосылокъ. Значитъ дѣло не въ томъ лишь, что ошиблись въ «предсказаніи момента», а въ гораздо большемъ. Значитъ невѣрно оцѣнили объективныя условія и невѣрно судили объ объективныхъ условіяхъ, необходимыхъ для соціалистическаго преобразованія общественнаго хозяйства.

Если такъ, то встаетъ еще и другой, болѣе коварный вопросъ. Въ теченіе 70 лѣтъ лучшіе представители соціализма ошибались, со дня на день ожидая пришествія соціализма. Не ошибаются-ли и современные представители того или иного направленія въ своихъ «перспективахъ», тактическихъ директивахъ, планахъ соціализаціи и т. дал.? Вѣдь ошибки сдѣлались правиломъ; такъ не дѣйствуетъ ли это правило и сейчасъ?

Кто-не отвѣтилъ себѣ на эти вопросы, тотъ легкомысленно относится къ самымъ важнымъ проблемамъ переживаемой эпохи.

II.

Симптомы дряхлости?

Что-же такое представляютъ собой, наконецъ, эти объективныя условія? И какъ ихъ разпознать?

Юридическія нормы, формы собственности и соціальныя отношенія закономѣрно измѣняются въ процессѣ экономическаго развитія. Они соотвѣтствуютъ состоянію «производительныхъ силъ» — той матеріальной основѣ, которая опредѣляетъ собой способъ производства. «Ручная мельница даетъ намъ общество съ феодальнымъ сюзереномъ; паровой двигатель — общество съ капиталистическимъ предпринимателемъ.»

Въ этихъ немногихъ словахъ, правда въ упрощенномъ видѣ, цѣлая философія исторіи. Мельницы, плуги, парусныя лодки, океанскіе пароходы представляютъ то данное, изъ котораго общество исходитъ. Люди группируются вокругъ своихъ орудій труда такъ или иначе — въ зависимости отъ свойствъ ихъ орудій; техника диктуетъ имъ ихъ взаимоотношенія. Безъ плана создаются человѣческія организаціи, но онѣ стихійно приспособляются къ потребностямъ производства.

Но эти отношенія — политическія формы, правовыя нормы, — затвердѣваютъ, окостенѣваютъ; и въ то время, какъ производственный базисъ измѣняется непрерывно, постоянно, юридическая оболочка надолго сохраняется старая. Противорѣчіе между потребностями выросшаго производства и нормами права проявляется въ видѣ революціи.

Когда-же вспыхиваетъ революція? Очевидно тогда, когда старыя соціальныя нормы (напр. отношенія собственности) мѣшаютъ дальнѣйшему развитію, дѣлаются препятствіемъ на пути общественнаго прогресса. Тогда наступаетъ смерть «стараго общества». Р а н ь ш е этого момента революція не приходитъ; или, если она приходитъ, она очевидно не можетъ быть побѣдоносной. «На извѣстной ступени развитія матеріальныя производительныя

силы общества приходятъ въ конфликтъ съ наличными производственными отношеніями или съ ихъ юридическимъ выраженіемъ — отношеніями собственности... Изъ условій развитія производительныхъ силъ они дѣлаются цѣпями для нихъ. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи... Точно такъ же, какъ нельзя судить о человѣкѣ по его собственному сужденію о себѣ, такъ же нельзя судить о подобной революціонной эпохѣ по ея идеологіи; нужно эту идеологію объяснить изъ противорѣчія между состояніемъ общественныхъ производительныхъ силъ и соціальныхъ отношеній. Ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ развились всѣ производительныя силы, которымъ она даетъ просторъ, и болѣе высокія производственныя отношенія никогда не смѣняютъ старыя отношенія раньше, чѣмъ въ нѣдрахъ стараго общества не разовьются матеріальныя предпосылки для ихъ осуществленія.»[1]).

Французская революція 18-го вѣка представляетъ въ этомъ отношеніи блестящую иллюстрацію. Намъ не разъ приходится ссылаться на нее, ибо она дѣйствительно даетъ неисчерпаемый матеріалъ для историческаго анализа и соціологическихъ выводовъ. Революція эта была «революціей буржуазной». Это значитъ, что старыя правовыя нормы феодальной собственности, крестьянскихъ повинностей, цеховыхъ ограниченій, и вся политическая система феодальной власти стояли на пути капиталистическаго развитія. Международный товарообмѣнъ, городская индустрія, крестьянская торговля не могли развиваться въ рамкахъ старыхъ отношеній. Феодализмъ давилъ, душилъ прогрессивное развитіе. Поэтому въ экономической жизни наступилъ застой, населеніе сокращалось, голодъ и нищета сдѣлались правиломъ. И поэтому разразившаяся революція была всенародная, «національная революція». Она написала на своемъ знамени тѣ требованія,

---

[1]) Марксъ, предисл. къ „Критикѣ Полит. Экон.“.

которыя должны были быть выполнены для того, чтобъ общественное развитіе пошло вновь впередъ.

Феодализмъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ для общественнаго развитія. Онъ погибъ не раньше, чѣмъ «развились всѣ производительныя силы, которымъ онъ давалъ достаточно простору». Лишь свершивъ все, что было въ его силахъ для соціальнаго прогресса, онъ сталъ реакціоннымъ. И тогда лишь онъ собралъ противъ себя такую непобѣдимую рать, которая въ нѣсколько революціонныхъ лѣтъ разнесла въ щепы его зданіе.

Перенесемся теперь отъ прошлаго къ будущему, отъ революціи буржуазной къ революціи соціалистической. Ея предпосылка очевидна та-же: умирающій строй долженъ «отжить», т. е. сдѣлаться препятствіемъ для хозяйственнаго прогресса. Онъ долженъ оказаться неспособнымъ двигать впередъ производительныя силы; онъ долженъ вызывать застой въ народномъ хозяйствѣ. Онъ долженъ, словомъ, сдѣлаться «оковами» для общественнаго прогресса. Ибо — еще разъ — «ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ развились всѣ производительныя силы, которымъ она даетъ достаточно простору».

Таково первое условіе для успѣшной соціалистической революціи. Такъ именно понималъ Марксъ свою теорію, когда онъ, анализируя неудачу революціи 48-го года, объяснилъ ее открытіемъ калифорнійскихъ рудниковъ. Онъ хотѣлъ этимъ сказать: капитализмъ уже свершилъ въ предѣлахъ земныхъ все земное. Новыхъ успѣховъ ему сдѣлать не суждено. Своимъ новымъ разцвѣтомъ онъ обязанъ одному случайному обстоятельству. Но эта случайность, какъ кислородъ для умирающаго; она способна продлить его жизнь лишь на нѣсколько мгновеній. Серьезно жить ему не суждено — ибо въ его рамкахъ (въ формахъ частной собственности) прогрессъ былъ невозможенъ. И точно такой же характеръ носятъ его постоянныя ссылки на промышленные кризисы. Они появились, и стали періодически повторяться, лишь съ 20-ыхъ годовъ прошлаго вѣка. Марксъ думалъ поэтому, что они являются старческой болѣзнью капитализма, симпто-

момъ его дряхлости, приближающейся смерти — въ серединѣ прошлаго вѣка.

Теперь мы всѣ уже знаемъ что на буржуазной основѣ (въ формахъ частной собственности) возможенъ былъ послѣ того еще тотъ грандіозный подъемъ мірового хозяйства, которымъ отмѣчено послѣднее полустолѣтіе. Капиталистическій строй давалъ просторъ громадному прогрессу, и достаточно сравнить Германію или Америку 1914 г. съ Германіей или Америкой 50 лѣтъ назадъ, чтобъ сказать съ полной опредѣленностью: капитализмъ не былъ еще экономически-реакціоннымъ режимомъ въ 19-омъ или въ началѣ 20-го вѣка. На его почвѣ возможенъ былъ еще огромный прогрессъ!

И поэтому-то всѣ ожиданія его скорой смерти были неосновательны. Онъ и въ малой степени не исчерпалъ тогда заложенныхъ въ немъ возможностей, онъ еще давалъ громадный «просторъ развитію производительныхъ силъ». Пусть такъ, скажутъ мнѣ; — но не доказала-ли война, что капитализмъ уперся въ тупикъ и теперь уже сталъ реакціоннымъ? что новый подъемъ мірового хозяйства на капиталистической основѣ невозможенъ?

Я этихъ вопросовъ не касаюсь въ настоящей главѣ. О нихъ рѣчь особо. Сейчасъ рѣчь идетъ о теоретическомъ пониманіи вопроса объ объективныхъ условіяхъ соціальной революціи. Но я тутъ-же поспѣшу прибавить: не слѣдуетъ торопиться съ подобными выводами. Слишкомъ уже много разъ хоронили капитализмъ. По извѣстной поговоркѣ — кого заживо похоронили, тому долго жить суждено — не по винѣ ли утопистовъ капитализмъ оказался столь живучъ?

Итакъ, вотъ первая изъ предпосылокъ соціальной революціи Хозяйничанье капитализма должно перестать быть прогрессивнымъ. Это не значитъ, что должна наступить грандіозная катастрофа, о которой столько толковали въ свое время. Но это означаетъ во всякомъ случаѣ, что покуда капитализмъ способенъ провоцировать ежегодно тысячи изобрѣтеній, примѣнять ихъ на практикѣ, усовершенствовать производство,

расширять общественныя производительныя силы, — часъ его еще н е пробилъ.

Вторая предпосылка сложнѣе. Она не отрицательнаго, а положительнаго характера. Когда орудіемъ труда являются лукъ и стрѣлы, хозяйство носитъ примитивно-коммунистическій характеръ. Соха и ручной ткацкій станокъ вызываютъ индивидуальное хозяйство къ жизни. Механическія и паровыя машины, опять-таки по самому существу своему, требуютъ капиталистической организаціи производства. Но какая хозяйственная техника требуетъ общественной, соціалистической организаціи хозяйства?

Иные писатели пробовали защищать тезисъ: паровая машина — основа капитализма, вѣкъ электричества — вѣкъ соціализма. До настоящего времени это оказалось невѣрно. Капитализмъ и сейчасъ сумѣлъ ужъ использовать электричество въ громадныхъ, совершенно неожиданныхъ размѣрахъ. Электротехника сдѣлала на почвѣ капитализма гигантскіе шаги впередъ, и нѣтъ такой сферы примѣненія электричества, гдѣ существованіе капитализма (крупной частной собственности) мѣшало-бы его использованію.

Главнымъ препятствіемъ является не капитализмъ, а мелкое крестьянское хозяйство, то хозяйство, устранить которое не является основной задачей соціализма и по отношенію къ которому сугубую осторожность обѣщаютъ в с ѣ теченія его.

Быть можетъ на поставленный вопросъ надо отвѣтить иначе? Разница между капиталистическими предпріятіями и соціалистическимъ хозяйствомъ, быть можетъ, въ размѣрахъ хозяйственныхъ единицъ? Одна тысяча человѣкъ рабочихъ — превосходная база для капитализма. 10 000 — уже выходитъ за предѣлы капиталистически-раціональнаго? А 50 000 въ одномъ хозяйствѣ — база для соціализма? Но фельетонность такого разсужденія очевидна. Эта градація 1000—10 000—50 000 совершенно произвольна. Если-бъ пришлось писать лѣтъ 50 назадъ, можно было-бы съ тѣмъ-же успѣхомъ говорить и о 500 рабочихъ, какъ базѣ для капитала и 1000, какъ основѣ соціализма. Развѣ мало капиталистическихъ хо-

зяйствъ, хорошо работающихъ, съ числомъ рабочихъ во много разъ больше 10 000?

Въ чемъ-же дѣло? Какая система производительныхъ силъ дѣлаетъ необходимой общественную организацію производства?

III.

О „зрѣлости“ и „незрѣлости“.

1. Индивидуализмъ и шаблонность.

Характерная черта ремесла — индивидуальность каждаго продукта. Каждый работникъ накладываетъ свой отпечатокъ на продуктъ своего труда. По издѣлію можно узнать его мастера. Въ каждомъ городѣ работаютъ «по особому». Ремесло вырабатываетъ, воспитываетъ и консервируетъ эти различія. Поскольку оно и сейчасъ еще сохранилось въ порахъ капитализма, оно обязано этимъ своему крайне-выраженному индивидуализму. Поэтому-то «работа на заказъ» — по вкусу заказчика, — особенность ремесла.

Крупная индустрія ликвидируетъ этотъ крайній индивидуализмъ. По существу своему она воспитываетъ массовое производство, массовыя потребности, товарные шаблоны. Она не можетъ угодить каждому человѣку, она заставляетъ его во всѣхъ отношеніяхъ быть похожимъ на кого-либо другого. Она унифицируетъ потребности, укладываетъ ихъ въ прокрустово ложе, и ставитъ свой шаблонъ съ фабричной маркой превыше всего.

Какъ далеко зашелъ этотъ процессъ? На этотъ вопросъ нельзя дать простого, схематическаго отвѣта. Положеніе очень различно въ разныхъ отрасляхъ промышленности, — какъ-бы ни хотѣлось инымъ догматикамъ подвести все народное хозяйство подъ одинъ шаблонъ.

Первый примѣръ: желѣзнодорожный транспортъ. Здѣсь однотипность продукта выражена въ классической формѣ. Чего вы можете ждать отъ желѣзной дороги? Перенесенія изъ одной точки земного шара въ другую. Идетъ-ли рѣчь объ австралійской баранинѣ или о пушкахъ Крэзо, о нѣж-

ныхъ строкахъ Александра Блока или о не столь нѣжномъ предсѣдателѣ 3-го интернаціонала — функція дороги абсолютно та же. Она грузитъ, везетъ и выгружаетъ. Тотъ «продуктъ», который она производитъ, совершенно одинаковъ во всѣхъ частяхъ земного шара.

Желѣзныя дороги сдѣлались уже школьнымъ примѣромъ государственнаго хозяйства. Почему такъ? Потому, что абсолютная однообразность и однотипность ихъ функцій дѣлаетъ для государства нетрудной задачу управленія ими. И она-же дѣлаетъ ненужной, излишней, вредной конкурренцію въ этой области. Существованіе параллельныхъ дорогъ, какъ въ Америкѣ — ненужная затрата силъ и средствъ. Здѣсь принципъ частнаго хозяйства оказывается вреднымъ. Здѣсь капитализмъ никъ чему.

Второй примѣръ: изготовленіе платья, въ частности дамскаго платья. Огромная индустрія, въ которой заняты сотни тысячъ рабочихъ рукъ; вѣроятно не меньше, чѣмъ въ желѣзнодорожномъ транспортѣ. Много-ли здѣсь шаблону, однообразія? Мода вноситъ такой шаблонъ, но какъ онъ индивидуализируется! Мода создаетъ одновременно десятки шаблоновъ — но во сколько разъ они еще умножаются, достигнувъ потребителя! Конфекціонные магазины создаютъ свои образцы, — но сколько сотенъ такихъ образцовъ на протяженіи каждой страны! Нужно вдуматься въ хозяйственный обиходъ этой индустріи. Сотни вояжеровъ разъѣзжаютъ по странѣ, предлагая свои образцы матерій и готовыхъ платьевъ. Сотни фирмъ конкурируютъ другъ съ другомъ, стараясь проявить максимальное вниманіе къ вкусамъ потребителей, угадать мѣстныя наклонности, провинціальныя особенности, прихоти и причуды. Рекламы, витрины, выставки модъ, мѣняясь ежедневно, представляютъ такое напряженіе производителя въ его примѣненіи къ потребителю, о которомъ такое предпріятіе, какъ желѣзная дорога, не имѣетъ и понятія. Тамъ спокойное, размѣренное, заранѣе на годы разсчитанное расписаніе. Здѣсь, что ни день, то новинка, неожиданность, новыя потребности, новыя выдумки, новые запросы, новая конкурренція.

Можетъ-ли государство организовать такого рода хозяйство? Управится-ли оно съ такими задачами? Нѣтъ, вся эта работа государственной машинѣ совершенно не подходитъ. Оно можетъ, конечно, воспретить все это бѣшеное разнообразіе и одѣть всѣхъ гражданъ одинаково. Тогда оно, пожалуй, справится со своей задачей. Но отъ такого «соціализма» отвернется каждый мыслящій соціалистъ. Соціалистическое хозяйство, какъ и всякое другое, не должно суживать потребности — хотя-бы и не очень разумныя — а должно стремиться удовлетворить ихъ возможно полнѣе. Но одѣть дамскую половину человѣчества куда труднѣе, чѣмъ ее раздѣть. Это задача, которая не по плечу самому мудрому изъ мудрыхъ правительствъ. А ихъ вѣдь такъ мало на свѣтѣ!

Третій примѣръ: производство электрической энергіи. Продуктъ этой индустріи легко обращается въ источникъ свѣта, теплоты, движенія. Но самъ по себѣ продуктъ этотъ совершенно одинаковъ на всѣхъ долготахъ и широтахъ. Однотипность продукта, его «шаблонность» доведена до максимума. Энергія, создаваемая самой мощной станціей совѣтской электрофикаціи отличается отъ насквозь-буржуазной энергіи странъ Ллойдъ-Джорджа и Мильерана развѣ только тѣмъ, что первая существуетъ только въ теоріи. Производство электрической энергіи не представляетъ труда для коллективнаго хозяйства.[1]) Больше того: оно раціонально только какъ коллективное хозяйство. Здѣсь конкурренція не только не нужна, но и вредна. Двѣ электрическія станціи въ одномъ городкѣ, гдѣ вполнѣ достаточно было-бы одной, представляютъ ненужную, преступную растрату производительныхъ силъ.

Четвертый примѣръ: производство мебели. Здѣсь еще многое сохранилось отъ ремесла. Крупное производство играетъ еще сравнительно небольшую роль. Сушествуютъ тысячи образцовъ мебели, другъ отъ друга отличающіеся подчасъ мело-

[1]) Для сокращенія я буду называть „коллективнымъ хозяйствомъ“ всѣ формы общественно-организованнаго хозяйства — государственное, коммунальное, провинціальное и т. д. — въ отличіе отъ частнаго. Другого термина не существуетъ пока.

чами, но иной разъ и очень существенно. Вкусы потребителей здѣсь невозможно уложить въ рамки двухъ — трехъ схемъ. Конкурренція процвѣтаетъ. Индивидуальное хозяйство абсолютно господствуетъ. Даже о синдикатахъ и т. п. еще не слышно. Коллективному хозяйству здѣсь очевидно еще дѣлать нечего. Оно окажется безпомощнымъ передъ сотнями тонкостей этой индустріи.

Въ чемъ основное различіе крупнаго коллективнаго, въ особенности государственнаго хозяйства, отъ хозяйства частнаго? Въ первомъ преобладаетъ моментъ машинности, равномѣрности; во второмъ-предпріимчивость, личная иниціатива. Коллективное хозяйство максимально гарантируетъ интересы коллектива, частное — личные интересы предпринимателя. Но коллективное, даже въ наилучшихъ условіяхъ носитъ въ себѣ элементы бюрократизма; частное преодолѣваетъ рутинность кипучей энергіей, которую въ гомерическихъ размѣрахъ возбуждаетъ надежда на прибыль. Коллективное — экономно въ интересахъ общества; частное, экономное внутри себя, нерѣдко представляетъ дорогую затрату съ точки зрѣнія общественнаго цѣлаго. Каждое имѣетъ свои плюсы и минусы. Да и можетъ-ли быть иначе? Если-бъ частное хозяйство имѣло одни минусы, — какъ могло-бы оно достигнуть современнаго разцвѣта? Вѣдь тогда капитализмъ былъ-бы сплошнымъ недоразумѣніемъ, великой исторической ошибкой, которую люди совершили очевидно, потому, что двѣсти лѣтъ назадъ не издавалась «Rote Fahne». Но если-бъ коллективное хозяйство имѣло одни минусы, — почему даже капиталистическому обществу приходится такъ часто преодолѣвать внутреннее сопротивленіе и вручать хозяйство государству и коммунѣ?

Пятый примѣръ: добыча угля. Здѣсь также царство схемъ и шаблона. Есть нѣсколько сортовъ угля, твердо опредѣленные типы его. Однобразіе и здѣсь очень велико, хоть и не такъ велико, какъ въ сферѣ транспорта или электричества. Конкурренція разныхъ предпріятій — явленіе рѣдкое. Если она и есть, ея значеніе минимально. По большей части конкурренція уничтожена синдикатами. — Однотипность про-

дуктовъ угольной промышленности дѣлаетъ ее пригодной для государственнаго хозяйства.[1])

Наконецъ, шестой примѣръ: машиностроеніе. Сфера крупныхъ предпріятій; «модная» промышленность, синдицированная и трестированная во всѣхъ направленіяхъ. И тѣмъ не менѣе, въ большей части — мало подходящая для государ-

*) Инженеръ А. Гортенъ, въ своей извѣстной книжкѣ „Sozialisierung und Wiederaufbau" тоже смутно чувствуетъ это различіе. „Въ общемъ промышленныя и хозяйственныя предпріятія можно раздѣлить на два рода. Къ первой группѣ принадлежатъ такія предпріятія или индустріи, которыя находятся въ процессѣ возникновенія; кромѣ того, и такія, которыя выполняютъ мѣняющіяся функціи или производятъ спеціальныя издѣлія. Вторая группа обнимаетъ такія отрасли, которыя уже вышли изъ стадіи первоначальнаго развитія и находятся въ состояніи механизаціи и нормализаціи. Сюда относится раньше всего производство массовыхъ продуктовъ, гдѣ продуктъ производства рѣдко мѣняется, гдѣ методы производства общеизвѣстны и составляютъ предметъ преподаванія въ нашихъ высшихъ школахъ. Къ первой группѣ принадлежатъ напр.: постройка воздушныхъ кораблей, безпроволочная телеграфія, производство особыхъ издѣлій для любителей, предметовъ роскоши, нѣкоторыхъ спеціальныхъ машинъ, нѣкоторыхъ спеціальныхъ транспортныхъ сооруженій, производство большихъ, тяжелыхъ построекъ и т. п. Ко второй группѣ принадлежитъ напр. добыча угля, изготовленіе стали, цемента, локомотивовъ, телефоновъ, электрическихъ кабелей, электромоторовъ и т. п. Всѣ эти индустріи прошли раньше первую стадію своего развитія. И сейчасъ еще въ нихъ вводятся усовершенствованія и улучшенія. Однако техническое развитіе въ нихъ въ общемъ и цѣломъ если не закончено, то во всякомъ случаѣ идетъ замедленнымъ темпомъ."

Это дѣленіе, которое проводитъ Гортенъ, в ъ п р и н ц и п ѣ правильно. Однако, на разсужденіяхъ его и въ особенности на выводахъ отражается тотъ фактъ, что Гортенъ — инженеръ, спеціалистъ металлургіи и угольнаго дѣла. Онъ поэтому всѣ примѣры свои беретъ изъ этой области, и совершенно оставляетъ въ сторонѣ такія существенныя отрасли промышленности, какъ ткацкую, деревообдѣлочную, кожевенную и др., составляющія больше $^3/_4$ всей массы индустріи. Поэтому и заключенія его о зрѣлости для соціализаціи носятъ очень односторонній и поспѣшный характеръ: „во вновь возникающихъ, быстро мѣняющихся а потому не „необходимыхъ" индустріяхъ инициатива предпринимателя необходима... Въ „необходимыхъ индустріяхъ"... инициатива предпринимателя отражается вредно, такъ какъ капиталистъ отравляетъ инициативу техническаго руководителя". „Техническій руководитель" въ устахъ Гортена это инженеръ — директоръ, и сущность соціализаціи сводится у него къ освобожденію высшаго техническаго персонала отъ подчиненія акціонерному капиталу. (Гортенъ, Sozialisierung und Wiederaufbau, стр. 28, 36.)

ственнаго хозяйства. Тысячи новыхъ изобрѣтеній, патентовъ; напряженная конкурренція, вызывающая отчаянно-быстрый техническій прогрессъ. Отсутствіе твердо и окончательно установленныхъ типовъ, безконечное разнообразіе въ мірѣ продуктовъ данной индустріи. Единственная, быть-можетъ, часть ея, вполнѣ подходящая для обобществленія — паровозостроеніе, въ которомъ государственные заказы играютъ рѣшающую роль.

На этомъ послѣднемъ примѣрѣ иллюстрируется еще одно важное обстоятельство. По ходячему представленію, индустрія, въ которой далеко зашелъ процессъ синдицированія предпріятій, тѣмъ самымъ оказывается пригодной для коллективнаго хозяйства. Очень поспѣшный выводъ, основанный на мертвящемъ догматизмѣ и схематизаціи! Однотипность продуктовъ, вообще говоря, очень облегчаетъ объединеніе въ синдикаты и тресты. Этой однородности продукта обязаны угольная или нефтяная промышленность прочностью господствующихъ въ нихъ капиталистическихъ объединеній. Но въ иныхъ отрасляхъ наличность крѣпкихъ синдикатовъ отнюдь еще не убиваетъ конкурренцію, наоборотъ она то и развиваетъ ее въ сильнѣйшей степени. Возьмите, напр. промышленность табачную (производство сигаръ и папиросъ) или пивоваренную. Синдикаты не только не убили взаимной конкурренціи «марокъ» и «сортовъ», но привели къ совершенно инымъ результатамъ. Раньше каждая лавочка или городокъ имѣли свои излюбленные (потому что на мѣстѣ производимые) сорта пива или папиросъ. Такихъ сортовъ были тысячи на протяженіи каждой страны. Крупная индустрія задушила постепенно такое безконечное разнообразіе. Но вмѣсто него она выработала «марки», пользующіяся міровой извѣстностью и ведущія между собой ожесточенную войну. Эта война не прекращается ни на минуту, и чѣмъ крупнѣе дѣлаются объединенія предпріятій, тѣмъ болѣе борьба папиросъ и стакановъ пива превращается въ борьбу гигантовъ, привлекая къ себѣ вниманіе всего міра. Борьба эта, съ точки зрѣнія производителей, представляетъ бѣшеную погоню за прибылью. Но съ точки зрѣнія потребителей — и этого не надо

забывать — она является приспособленіемъ продукта ко вкусамъ потребителей, напряженнымъ угадываніемъ человѣческихъ потребностей. Для коллективнаго хозяйства здѣсь время еще не пришло.

2. Процессъ созрѣванія.

Экономическое развитіе ведетъ съ неизбѣжностью къ росту «шаблонныхъ» индустрій за счетъ «индивидуалистическихъ». Этотъ процессъ происходитъ въ двухъ формахъ. Съ одной стороны вырастаетъ цѣлый рядъ новыхъ отраслей промышленности, дотолѣ неизвѣстныхъ, и входящихъ въ составъ первой группы. Сто лѣтъ назадъ напримѣръ, когда развитіе крупной капиталистической промышленности только еще начиналось, не существовало ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфа, ни телефона, ни электрическихъ станцій, ни нефтяной промышленности. Добыча угля и металловъ играли третьестепенную роль. На первомъ мѣстѣ стояли ткацкая промышленность, обработка дерева, строительное дѣло; удѣльный вѣсъ «индивидуалистическихъ» индустрій былъ очень великъ. Съ тѣхъ поръ этотъ вѣсъ постепенно уменьшался, и роль «шаблоннаго» производства выросла въ огромной степени.

Съ другой стороны, въ средѣ старыхъ индустрій происходилъ процессъ унификаціи, шаблонизаціи. Вырабатывались единые типы продуктовъ. Прежнее безконечное разнообразіе, тысячи образцовъ превращались сперва въ сотни, затѣмъ въ десятки, пока не достигли тутъ и тамъ максимальнаго однообразія. Строительная промышленность, изготовляющая тысячи переносныхъ домовъ — лучшая иллюстрація этого процесса. Однако, и сейчасъ еще процессъ этотъ далекъ отъ завершенія; а въ иныхъ отрасляхъ хозяйства разнообразіе продукта и индивидуалистическая душа производства сохранятся еще безъ сомнѣнія на очень долгіе годы.

Каково числовое соотношеніе обѣихъ группъ, въ Германіи напримѣръ? Ихъ нелегко разграничить другъ отъ друга по даннымъ промышленной статистики. Но въ общихъ чертахъ положеніе слѣдующее. Отрасли, наиболѣе зрѣлыя для обобществленнаго хозяйства (по даннымъ 1907 г.):

	Въ нихъ занято (рабочихъ, служащихъ и предпринимателей	
	Всего	Въ предпріятіяхъ съ числомъ рабочихъ свыше 50
Угольныя копи	533 823	524 413
Желѣзо и сталь	170 614	166 641
Чугунолитейни	165 314	140 419
Добыча желѣзной руды	34 792	33 627
Судостроеніе	49 842	41 479
Производство взрывчатыхъ веществъ	26 891	24 754
Газовые заводы	39 136	26 421
Производство сахару	37 380	29 880
Трамваи и конные ж. д.	48 531	46 514
Морское судоходство	60 361	52 042
Очистка улицъ	21 241	13 625
Кромѣ того:		
Желѣзныя дороги	698 345	698 345
Почта, телеграфъ, телефонъ	312 708	312 708
	2 198 978[1])	2 110 868[1])

Къ этому надо прибавить нѣкоторыя части слѣдующихъ отраслей:

Производство паровыхъ машинъ и локомотивовъ	69 513	67 272
Производство электрическихъ маш.	142 171	105 590
Химическая крупная промышлен.	45 156	37 307
Электрическія станціи	23 208	10 998
Аптеки	17 121	—
	297 169	221 167

Изъ этой группы едва-ли больше одной трети пригодно для государственнаго или муниципальнаго хозяйства.[1])

[1]) Въ этихъ цифрахъ многое измѣнилось за прошедшіе 14 лѣтъ. Промышленное развитіе между 1907 и 1914 гг, затѣмъ измѣненіе границъ Германіи послѣ войны внесли очень существенныя поправки въ полученные итоги. Но у насъ вѣдь рѣчь идетъ не о мате-

Если сложить первую группу съ нѣкоторой частью второй, то мы найдемъ, что общая численность рабочихъ и служащихъ въ «соціализированной» промышленности составила-бы около 2¼ милл. человѣкъ. Всего въ Германіи, въ промышленности, торговлѣ и транспортѣ занято (къ тому-же времени) 14 348 016 человѣкъ. Такимъ образомъ, общественно-руководимое хозяйство охватило-бы около 16% всего индустріальнаго населенія.

Прибавимъ къ полученнымъ 2¼ милл. еще и всѣхъ государственныхъ и муниципальныхъ служащихъ. Ихъ имѣлось въ то-же время 600 000 человѣкъ.[2]) Мы получимъ тогда окончательный, и въ то же время максимальный итогъ въ 3 милліона.

Эту цифру, которая включаетъ въ себя и не-промышленный элементъ, надо сравнить съ числомъ всѣхъ лицъ, занятыхъ хозяйственной дѣятельностью («самостоятельныхъ» т. е. предпринимателей, служащихъ, рабочихъ, крестьянъ и пр.). Такихъ имѣлось около 30 милл. Такимъ образомъ, только 10% населенія приходились-бы на сферу соціализма.

Если-бъ провести этотъ процессъ обобществленія на практикѣ, какой общественный строй установился бы? Нетрудно найти отвѣтъ на этотъ вопросъ. 2 ½ милл. работающаго населенія заняты въ деревнѣ въ качествѣ крестьянъ-собственниковъ. Они и дальше сохранятъ, разумѣется, свои земли и свое хозяйство. Многіе изъ нихъ — хозяева самостоятельные, работающіе безъ помощи наемнаго труда. Но иные — и такихъ очень немало — пользуются трудомъ наемныхъ и являются въ большей или меньшей степени деревенскими капиталистами. Далѣе около 10—11 милл. рабочихъ и

матически-точномъ подсчетѣ. Для послѣдняго пришлось-бы поступить совершенно иначе, и изъ каждой отрасли выбрать тѣ предпріятія, которыя пригодны для обобществленія. Тогда итогъ былъ-бы меньше. Съ другой стороны, пришлось-бы выбрать изъ другихъ отраслей тѣ немногія предпріятія, которыя можно-бы прибавить сюда. Результаты измѣнились-бы не очень существенно.

[2]) А именно: офицеровъ 33 тысячи, учителей около 250.000, другихъ служащихъ — 300.000.

служащихъ остаются въ сферѣ частной индустріи и торговли. Они попрежнему на службѣ у капитала и создаютъ ему прибыль своимъ трудомъ. И только $^1/_{10}$ всего трудящагося населенія находится на службѣ у общественной экономической организаціи. При такомъ строѣ, продуктъ труда продолжаетъ сохранять форму товара; рынокъ продолжаетъ существовать; деньги остаются мѣриломъ цѣнности и сохраняютъ за собой всѣ прочія свои функціи. Планомѣрная организація хозяйственной жизни — основной элементъ соціализма — простирается лишь на нѣкоторую часть индустріи. Въ остальномъ неизбѣжно сохраняется анархія производства, возможны и даже неизбѣжны промышленные кризисы; возможна и безработица, хоть бы и смягченная мѣрами соціальной политики. Продолжаютъ существовать профессіональные союзы въ качествѣ органовъ классовой борьбы, стачки и локауты имѣютъ мѣсто.

Можно ли это назвать соціализмомъ? Конечно нѣтъ. Это хозяйство товарное, въ большей степени капиталистическое. Но такъ какъ описанныя экономическія измѣненія представляютъ собой максимумъ того, что достижимо въ современной Европѣ, то надо открыто и прямо признать: Европа созрѣваетъ для соціализма, но далеко еще не созрѣла!

3. Экономическое «вростаніе».

Но представляютъ ли эти условія дѣйствительно максимумъ достижимаго? А что, если-бъ тѣмъ или инымъ путемъ, напримѣръ, завоеваніемъ политической власти, оказалось возможнымъ обобществить больше, напримѣръ, всю индустрію? Пусть не сразу, пусть въ пять лѣтъ. Но тогда, черезъ пять лѣтъ, Европа имѣла бы ужъ подлинно-соціалистическое хозяйство?

Нетрудно найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, вполнѣ естественный и законный. Онъ ясенъ теоретически, а практически совѣтская Россія дала его въ краснорѣчивой формѣ. Въ этомъ смыслѣ «русскій опытъ» представляетъ громадный интересъ и для всѣхъ другихъ странъ. Не надо преувеличивать

значеніе «русской отсталости», какъ ни велика она. Попытка осуществить соціализмъ въ ближайшіе годы въ Западной Европѣ, т. е. ликвидировать по крайней мѣрѣ 70—80 % капитализма, привела бы въ общемъ и цѣломъ къ тѣмъ же результатамъ: бюрократизму, спекуляціи и *громадному хозяйственному регрессу*. Они являются послѣдствіями не одной дикости, а раньше всего — попытки осуществить соціализмъ, когда для него нѣтъ предпосылокъ. Поэтому, главы о «русскомъ опытѣ» являются дополненіемъ къ настоящей главѣ о «зрѣлости» и «незрѣлости».

Если бы люди устанавливали сознательно свой общественный строй; если-бъ онъ не казался извнѣ даннымъ, готовымъ, въ которомъ приходится такъ или иначе устраиваться; если-бъ, словомъ, «общественный договоръ» имѣлъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь мѣсто, — люди вовсе не установили бы обязательно соціалистическій укладъ хозяйства. Они всегда стремились бы создать условія для максимальнаго развитія «богатства народовъ» , т. е. всѣ предпосылки для экономическаго прогресса. Но отнюдь не при всякихъ условіяхъ соціализмъ, т. е. общественная собственность, является наиболѣе разумной, т. е. гарантирующей такое развитіе. Въ тѣ времена, когда Руссо изобрѣталъ свой договоръ, т. е. лѣтъ двѣсти назадъ, наиболѣе раціональнымъ общественнымъ строемъ былъ капитализмъ, полное господство частной собственности, свобода торговли, «laissez faire, laissez passer». Если черезъ двѣсти лѣтъ послѣ насъ передъ человѣчествомъ еще будетъ стоять вопросъ о раціональной, т. е. наиболѣе производительной организаціи своего хозяйства, — оно отвергнетъ частную собственность и предпочтетъ планомѣрную организацію своего общественнаго хозяйства. Но какова наиболѣе раціональная организація хозяйства во всѣ промежуточные моменты? И въ частности въ настоящій моментъ?

Она состоитъ въ томъ, чтобъ въ тѣхъ отрасляхъ хозяйства, гдѣ общественный коллективъ (государство, провинція, городъ и проч.) лучше справится съ задачей управленія

производствомъ и развитія его, чѣмъ частный предприниматель — господствовало хозяйство общественнаго коллектива; а въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ частный предприниматель лучше справится съ этой задачей, — господствовалъ капитализмъ. Но такъ какъ въ процессѣ развитія капитализма то одна, то другая отрасль, и всѣ онѣ одна за другой, постепенно созрѣваютъ для обобществленія, — то раціональная организація народнаго хозяйства требуетъ постепеннаго обобществленія народнаго хозяйства по мѣрѣ его прогрессирующаго созрѣванія для соціализма. Мы видѣли выше, въ чемъ состоитъ это «созрѣваніе» и какъ оно происходитъ.

Но это разсужденіе чисто раціоналистическое. Оно было бы примѣнимо въ физикѣ или медицинѣ; но въ приложеніи къ соціальнымъ явленіямъ теоретическіе постулаты, хотя бы самые безспорные, преломляются сквозь очень ѣдкую среду: сквозь интересы общественныхъ классовъ. Интересы эти, — и вся базирующаяся на нихъ система иллюзій и заблужденій, — препятствуютъ такому постепенному, органическому приспособленію соціальныхъ отношеній (общественная собственность — частная собственность) къ состоянію производительныхъ силъ.

Препятствія этого рода появляются съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, со стороны тѣхъ элементовъ рабочаго класса, которые видятъ въ соціализаціи моментальное преобразованіе всѣхъ общественныхъ отношеній, создающее изъ нашей юдоли плача и скорби — царство счастья, равенства и братства. Для нихъ капитализмъ есть синонимъ зла; его прогрессивную роль въ прошломъ и въ настоящемъ они не видятъ. И такъ какъ всякое зло надо вырвать съ корнемъ, то капитализмъ долженъ быть «упраздненъ» и немедленный соціализмъ въ наиболѣе полной формѣ, т. е. не оставляющій ни одного уголка частной собственности, долженъ водрузить свое знамя. Это и есть та самая утопія, которая

восторжествовала въ Россіи. Если-бъ она восторжествовала въ Европѣ, результаты были бы въ общемъ тѣ же. Хозяйственный распадъ и возвратъ къ капитализму.

Во-вторыхъ, препятствія ставятся со стороны имущихъ классовъ. Въ туманныхъ, смутныхъ формахъ, въ книжной наукѣ, на бумагѣ признается раціональность общественнаго хозяйства въ большей или меньшей степени. Но на практикѣ вся идеологія индивидуализма возстаетъ противъ каждаго, хотя бы самаго маленькаго шага въ этомъ направленіи. Онъ допускаетъ еще коммунальный водопроводъ и ассенизацію; онъ соглашается по стратегическимъ соображеніямъ на націонализацію желѣзныхъ дорогъ. Но уже парочка угольныхъ шахтъ, какъ матеріалъ для націонализаціи, приводятъ его въ трепетъ и ужасъ.

И тѣмъ не менѣе коллективное хозяйство прогрессируетъ. Во многихъ областяхъ оно оказывается наиболѣе раціональнымъ, и вопреки доктринамъ манчестерства, приходится вступать на этотъ путь. Германія одна, насколько мнѣ извѣстно, производитъ точный подсчетъ всѣхъ общественно-организованныхъ предпріятій. Если сравнить въ этомъ отношеніи данныя обѣихъ послѣднихъ переписей, то картина будетъ слѣдующая (кромѣ желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа и телефона):

	Число предпріятій		Число рабочихъ и служащихъ	
	1895 г.	1907 г.	1895 г.	1907 г.
Имперія . . .	277	1 103	28 057	40 311
Союзныя государства . .	782	4 514	135 157	316 362
Общины	1 642	13 664	20 922	175 150
Др. общ. единицы. . . .	542	3 236	4 406	41 007
Всего .	3 243	22 517	188 642	572 830

Общее число промышленныхъ предпріятій въ Германіи осталось почти неизмѣннымъ (оно возросло за эти 12 лѣтъ съ 3,1 милл. до 3,4 милл.), такимъ образомъ, число предпріятій государственныхъ и коммунальныхъ увеличилось абсолютно и относительно въ 7 разъ.

Персоналъ всей промышленности и торговли въ то же время возросъ съ 10,3 милл. до 14,3 милл.; такимъ образомъ, персоналъ коллективнаго хозяйства составлялъ:

Въ 1895 г. . . . 1,8 %
» 1907 г. . . . 4,0 % общаго числа.

Однако, цифра въ 4 % не выражаетъ размѣровъ коллективнаго хозяйства. Вѣдь въ приведенной таблицѣ не приняты во вниманіе ни желѣзныя дороги, ни почта, ни телеграфъ. Если прибавить ихъ, мы найдемъ, что общее число рабочихъ и служащихъ въ коллективномъ хозяйствѣ увеличивается съ 572 830 приблизительно до 1 450 000. Это ужъ внушительная цифра.

Но «обобществленіе» хозяйства, достигшее такихъ размѣровъ, шло слѣпо, стихійно, случайно. Интересно поэтому разобрать, какъ «объективный разумъ» сказался въ системѣ обобществленія. Какія отрасли хозяйства и какія предпріятія составляли базу коллективнаго хозяйства?

	Число рабочихъ и служащихъ
Верфи (гл. образомъ военныя)	19.598
Угольныя копи	60.000
Желѣзнодорожныя мастерскія (и др. машиностроеніе)	47 866
Вагоностроеніе и т. п.	42 539
Производство взрывчатыхъ веществъ . .	14 756
Пошивка бѣлья и платья (военнаго?) . .	15 421
Постройка путей сообщенія и т. п. . . .	63 563
Больницы	31 292
Газовые заводы	30 248
Транспортъ	43 668
	368 951

Остальные 200 000 приходятся на болѣе мелкія отрасли. Мы видимъ, какъ эта таблица подтверждаетъ выше сдѣланный выводъ о «зрѣлости» для обобществленія. Всѣ перечисленныя въ таблицѣ отрасли — типичныя «шаблонныя».

Таково было положеніе въ 1907 г., передъ войной. Война многое измѣнила въ этомъ отношеніи. Сперва она сильно расширила сферу коллективнаго хозяйства и подчинила государству цѣлый рядъ новыхъ предпріятій и отраслей. Она же создала большую хозяйственную бюрократію, и сдѣлала наемными рабочими и служащими государства (и коммунъ) новые тысячи и десятки тысячъ людей. Затѣмъ окончаніе войны вновь сократило размѣры коллективнаго хозяйства; и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась нераціональность, подчасъ большая убыточность государственнаго хозяйства во многихъ сферахъ.

Военный опытъ указалъ, что «военный соціализмъ», сильно захватившій распредѣленіе (торговлю) и оставившій почти незатронутымъ сферу производства, есть худшая изъ всѣхъ мыслимыхъ системъ реорганизаціи общественнаго хозяйства; что распредѣленіе меньше всего поддается сейчасъ, — по очень многимъ причинамъ — общественному вмѣшательству и регулированію; что обобществленіе хозяйства должно начинаться (и на очень долгое время ограничиваться) частью сферы крупнаго производства.

IV.

Субъективныя условія.

Тѣмъ самымъ рѣшается и запутанный нынѣ вопросъ о «субъективныхъ предпосылкахъ» революціи. Субъективныя условія, т. е. наличіе воли, рѣшимости и единства въ борьбѣ за опредѣленныя цѣли, создаются вмѣстѣ съ созданіемъ объективныхъ условій. По мѣрѣ того, какъ созрѣваютъ хозяйственные устои новаго общества, зрѣютъ и силы, достаточныя для необходимаго переворота. И наоборотъ, покуда не созрѣли объективныя предпосылки, нѣтъ въ наличности и силъ, достаточныхъ для революціи. Поэтому нынѣшнее положеніе дѣлъ въ соціалистическомъ движеніи является симптомомъ того, что для соціальной революціи не созданы еще необходимыя условія.

Дѣйствительно, каково отношеніе рабочихъ организацій къ вопросамъ осуществленія соціализма? Только небольшая

часть ихъ — крайняя лѣвая — готова вступить въ рѣшительный бой съ силами капитализма. Но она обнимаетъ меньшинство рабочихъ. Огромное большинство, несмотря на тѣ или иные взгляды и убѣжденія, боязливо отступаетъ передъ вопросами соціализаціи. Оно не только отказывается вступить въ «послѣдній, рѣшительный бой», но не проявляетъ энергіи даже и тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о частичныхъ успѣхахъ обобществленія хозяйства. Можно бранить ихъ за это сколько угодно. Но положеніе надо понять. Если же понять его, то выводъ будетъ ясенъ: отсутствіе солидарности и единства въ этомъ, основномъ вопросѣ соціализма указываетъ на то, что внѣшнія условія еще не вынудили, не выковали такого единства. Другими словами: они не диктуютъ той простой, элементарной активности въ дѣлѣ устроенія соціализма, которая появляется въ результатѣ законченнаго развитія и которая является вмѣстѣ съ тѣмъ условіемъ успѣшной борьбы.

Между тѣмъ, послѣднія 15—20 лѣтъ передъ войной были годами большого единства въ рабочемъ движеніи Европы. И тамъ, гдѣ оно дѣлало особенно большіе успѣхи — въ Германіи и Австріи — единство его было особенно велико. Чѣмъ объяснялось и чѣмъ вызывалось это единство милліонныхъ армій? Тѣмъ, что борьба съ капитализмомъ, т. е. за осуществленіе соціализма спаивала воедино всѣхъ мыслящихъ рабочихъ? Да, въ теоріи, т. е. идеологически это было такъ. Но вся дальнѣйшая исторія показала, что дѣло было много сложнѣе. Борьба за отмѣну частной собственности не имѣла тогда актуальнаго значенія. Среди множества продѣланныхъ сраженій, среди практическихъ требованій, привлекавшихъ новыхъ адептовъ въ соціалистическій лагерь, это требованіе фигурировало лишь какъ «регулятивный принципъ». Единство имѣлось потому, что политическій режимъ сплачивалъ воедино самыя разнообразныя силы, и что въ отрицаніи его потенціальныя разногласія по вопросу объ осуществленіи соціализма казались оттѣнками. Это означаетъ, что имѣлись въ наличности всѣ предпосылки для политическаго переворота, для демокра-

тическаго государства, но не было ихъ для соціальной революціи.

Исторія средне-европейскихъ революцій блестяще подтвердила это. Оттѣнки въ мнѣніяхъ превратились въ глубочайшія разногласія. Они выросли въ уличныя баррикады, на которыхъ сторонники соціализма разстрѣливали другъ друга. Нужно ли еще лучшее, — если угодно худшее, -- доказательство незрѣлости рабочаго класса для соціальной революціи?

Такъ обстоитъ дѣло въ средѣ рабочихъ организацій. Есть еще два соціальныхъ слоя, играющихъ рѣшающую роль въ политическихъ бояхъ. Во-первыхъ, городскіе служащіе, во-вторыхъ крестьяне.

О первыхъ, немало писали въ послѣднее время. Ихъ количественный ростъ, и ростъ ихъ удѣльнаго вѣса общеизвѣстны во всѣхъ индустріальныхъ странахъ. Каково ихъ отношеніе къ соціализму? Очень, очень прохладное. До европейскихъ революцій они держались вдали отъ соціалистическаго движенія, и, участвуя подчасъ въ тѣхъ или иныхъ экономическихъ столкновеніяхъ на сторонѣ рабочихъ, они усиленно подчеркивали свою безпартійность, т. е. нежеланіе потрясать «общественныя основы». Послѣ революціи они отчасти пріобщились кое-гдѣ къ соціализму, но и тутъ приняли его въ безцвѣтной формѣ.

Чѣмъ это объясняется? Вѣдь огромной массѣ ихъ капитализмъ ничего не даетъ. Вѣдь лишь ничтожная горсточка ихъ вкушаетъ тантьемы, дивиденды и пр. Вѣдь имъ приходится на каждомъ шагу бороться съ капиталомъ. Какимъ же образомъ громадному аппарату соціалистической пропаганды не удалось увлечь эту, наиболѣе культурную часть наемнаго труда? Объясненіе возможно только одно: въ нихъ не выросло еще сознаніе того, что новые принципы хозяйства — общественная собственность и планомѣрная организація — способны успѣшно выполнить задачу развитія производительныхъ силъ. Между тѣмъ, это сознаніе должно быть аксіомой наканунѣ успѣшной соціальной революціи.

BIBLIOTHEQUE RUSSE TOURGUENEV

О крестьянствѣ также немало говорилось въ эти годы, въ частности объ отношеніи его къ соціализму. Вся соціалистическая литература превосходно и очень убѣдительно доказываетъ, что крестьянство ничего не потеряетъ отъ соціалистическаго переворота; наоборотъ, оно можетъ много выиграть отъ него. Что даетъ крестьянству крупная городская или аграрная собственность? Велики ли его шансы выйти въ «богатые»? Они почти равны нулю. Кто сдѣлаетъ больше для народнаго образованія, поднятія культуры, въ частности сельско-хозяйственной культуры, чѣмъ соціалистическое общество? Кто обезпечитъ отъ голодной смерти безработнаго сына многосемейнаго мужичка? Кто позаботится о пропитаніи его на старости? Преимущества соціализма совершенно безспорны. И тѣмъ не менѣе — никакого серьезнаго сдвига въ крестьянствѣ въ пользу соціализма! Попрежнему побѣждаетъ его «антиколлективистическій черепъ». Но что это за странный черепъ, которому достаточно перебраться въ городъ и заняться наемнымъ трудомъ, чтобъ черезъ пару мѣсяцевъ, развѣсивъ уши, слушать съ восторгомъ остроты Адольфа Гофмана и пѣть «stolz weht die Fahne purpurrot!».

Удалось ли бы «нейтрализовать» крестьянъ въ настоящее время при вспышкѣ соціальной революціи? Ихъ консервативная, крайне-индивидуалистическая оріентація не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что они приняли бы очень активное участіе въ борьбѣ — на сторонѣ противниковъ соціализма. И точно такъ же, какъ рабочая революція 1848 года во Франціи была раздавлена крестьянскимъ сапогомъ; какъ крестьянство подавило коммуну въ 1871 году, — такъ же безпощадно раздѣлалось бы оно съ рабочей революціей въ центральной Европѣ, если-бъ она шагнула къ соціализму.

Иной разъ общественные классы ошибаются. Заблужденія бываютъ и массоваго характера. Когда русскіе рабочіе тысячными толпами шли кланяться царю въ началѣ 1905 года, они совершили ошибку съ точки зрѣнія своего класса. Но это возможно разъ или два; это можетъ продолжаться годъ, три года, наконецъ пять лѣтъ. Но когда крестьянство въ теченіе 70 лѣтъ душитъ соціализмъ вездѣ, гдѣ онъ готовъ всту-

пить въ жизнь, — душитъ тотъ самый соціализмъ, который обѣщаетъ и ему лучшее будущее, — можно ли назвать это простой ошибкой, недоразумѣніемъ? Совершенно очевидно, что пристрастіе крестьянства къ индивидуализму, какъ и боязливое отношеніе городскихъ служащихъ и интеллигенціи къ соціализму, является симптомомъ незрѣлости условій для полнаго господства новаго общественнаго строя; оно объясняется отсутствіемъ увѣренности въ томъ, что этотъ строй «сдѣлаетъ лучше»; наличностью свѣжаго, каждодневнаго опыта въ способности капитализма развивать народное хозяйство, и — что одно и то же — отсутствіемъ разочарованія въ производительныхъ способностяхъ капитала.

Итакъ, *на дѣлѣ* блокъ противниковъ немедленной соціальной революціи включаетъ въ себя и городскихъ служащихъ, и интеллигенцію, и крестьянство, и добрую долю рабочаго класса! «Объективныя предпосылки» соціализма и его «субъективныя предпосылки» — двѣ стороны одной медали. И, если въ революціонные годы, когда всѣ классовые интересы обнажаются до конца, нѣтъ въ наличности вторыхъ, то слѣдовательно нѣтъ и первыхъ.

V.

Что-же такое соціальная революція?

Утопическія представленія связаны не только съ вопросомъ о моментѣ соціалистическаго переворота. Представленіе о сущности этого переворота не менѣе богато утопіей. И это неизбѣжно. Одно тѣсно связано съ другимъ.

Если вѣрить, что соціалистическій переворотъ дѣло ближайшихъ лѣтъ, то очевидно содержаніемъ этого переворота должно сдѣлаться превращеніе системы частной собственности въ общественную. Вѣдь въ настоящее время господствуетъ капиталистическій способъ производства, — а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ соціальной революціи способъ производства будетъ соціалистическій. Слѣдовательно, соціальная революція есть ничто иное, какъ превраще-

ніе одной системы производства въ другую.

Нужно ли подтверждать это цифрами? Если вы, читатель, хоть сколько-нибудь знакомы съ обычной идеологіей и аргументаціей, одинаково распространенной и въ средѣ сторонниковъ, и въ средѣ противниковъ соціальной революціи, то для васъ это не ново. Эти мысли вы находите и у авторитетовъ соціализма, даже у наиболѣе осторожныхъ изъ нихъ. Въ самомъ лучшемъ изъ такихъ произведеній, у Каутскаго, въ книгѣ «На другой день послѣ соціальной революціи», ходъ вещей изображается такъ. Новая, побѣдившая соціалистическая власть не только экспропріируетъ многія промышленныя предпріятія, но кромѣ того создаетъ такія условія, которыя дѣлаютъ функціонированіе капиталистическаго хозяйства невыгоднымъ. Она вводитъ, напр., такое страхованіе отъ безработицы, которое даетъ возможность рабочимъ повысить свою плату до уровня, дѣлающаго капиталъ бездоходнымъ. Тогда представители капитала сами предложатъ свои предпріятія государству за нѣкоторую сумму денегъ. Однако, дѣло сводится не къ одному, конечно, страхованію отъ безработицы. Согласно традиціонному представленію, соціалистическая власть несовмѣстима съ капиталистическимъ хозяйствомъ. Первая поэтому не можетъ не ликвидировать второе, хотя бы она и не стремилась къ этому. «Политическое господство пролетаріата и продолженіе капиталистическаго способа производства несовмѣстимы»[1]). Поэтому, хотя Каутскій и замѣчаетъ, что процессъ преобразованія будетъ многолѣтнимъ процессомъ, но, очевидно, что уже первые дни новой власти должны положить конецъ капитализму, т. е. сдѣлать его по крайней мѣрѣ невыгоднымъ.

Ликвидируя капитализмъ, соціальная революція — согласно этимъ представленіямъ, — строитъ новый экономическій режимъ. Она экспропріируетъ фабрики, объединяетъ предпрія-

[1]) На другой день, с. 8.

тія въ тресты, одни закрываетъ, другія расширяетъ, и реорганизуетъ весь способъ производства сверху до низу. Словомъ, какъ я говорилъ выше, революція превращаетъ одинъ способъ производства въ другой.

Но такъ ли идетъ вообще историческое развитіе? Бываетъ ли на дѣлѣ такъ, что новый способъ производства создается лишь въ процессѣ революціи?

Вернемся еще разъ къ классическому образцу революцій: къ Франціи конца 18-го вѣка. Это была буржуазная революція. Она покончила съ феодализмомъ и открыла просторъ капитализму. Но вѣрно ли будетъ, если мы скажемъ: до 14-го іюля 1789 года во Франціи способъ производства былъ феодальный, а послѣ 1794-го года способъ производства былъ буржуазный?

Дѣло было совершенно иначе. Товарныя отношенія развивались во Франціи исподволь, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Капитализмъ имѣлъ къ началу революціи по крайней мѣрѣ двухсотлѣтнюю исторію. Существовала крупная капиталистическая торговля, внѣшняя и внутренняя. Существовали крупныя (по тогдашнимъ понятіямъ) фабрики. Банки и банкиры играли выдающуюся роль во всей экономической жизни. Существовала буржуазія и пролетаріатъ, и время отъ времени вспыхивали экономическія стачки. Словомъ, налицо были не только всѣ элементы капитализма, но капиталистическій способъ производства былъ уже вполнѣ развитъ наканунѣ буржуазной революціи.

А феодализмъ? Отъ него остались только обломки, обрывки; юридическія нормы, повинности, сословныя перегородки — и политическая власть. Крѣпостного права ужъ давно не существовало. Не существовало и феодализма, какъ способа производства.

«Ничто не даетъ болѣе ложнаго представленія объ экономическихъ и соціальныхъ порядкахъ Франціи, — пишетъ М. Ковалевскій, — какъ окрещиваніе ихъ именемъ феодаль-

ныхъ». Вполнѣ соглашаясь съ Ковалевскимъ, Г. Плехановъ прибавляетъ, что несмотря на то, что способъ производства отнюдь не былъ феодальнымъ, хозяйственная жизнь страдала отъ остатковъ политической и сословной системы феодализма. Плехановъ приводитъ аналогичное мнѣніе Токвиля и соглашается съ нимъ: революція возникла вслѣдствіе того, что «предшествовавшее разрушеніе части феодальныхъ учрежденій сдѣлало во сто разъ ненавистнѣе ту часть ихъ, которая еще осталась» [1]).

Такова была ситуація наканунѣ буржуазной революціи. Въ нее надо вдуматься. Какъ мало похожа она на господствующую схему: «революція уничтожаетъ одинъ способъ производства и создаетъ другой»! Революція произошла не потому, что надо было приступить къ развитію капитализма, а потому, что капитализмъ былъ уже развитъ внутри стараго общества. Революція должна была не упразднить феодализмъ какъ хозяйственную систему, а уничтожить пережитки феодализма и феодальную «политическую надстройку». Если выразить ситуацію въ немногихъ словахъ, то она представляется въ слѣдующемъ видѣ: товарная и капиталистическая система въ производствѣ — и феодальныя нормы въ правѣ и политикѣ. Это схема неполная, упрощенная — какъ и всякая схема. Но сущность дѣла именно такова: капитализмъ развивался въ нѣдрахъ «стараго общества» до тѣхъ поръ, пока феодальныя одежды не стали ему тѣсны. Онъ разрываетъ ихъ, въ эпоху революціи, и надѣваетъ новыя, по своей мѣркѣ. Но онъ не рождается въ эпоху революціи, а лишь достигаетъ въ ней совершеннолѣтія!

Какъ же обстоитъ дѣло съ соціалистической революціей? Если аналогія примѣнима, — а она дѣйствительно примѣнима, — то значитъ, что къ моменту соціалистической революціи новый способъ производства долженъ быть ужъ очень развитъ. Отъ капитализма остаются, конечно, къ этому

[1]) М. Ковалевскій, происхожденіе современной демократіи, т. I, с. 59. Н. Бельтовъ, Критика нашихъ критиковъ, с. 32—34.

моменту болѣе или менѣе существенные элементы, и объ устраненіи ихъ-то и идетъ рѣчь. Но преобразованіе экономической системы должно происходить до того, и это преобразованіе только и создаетъ впервые благопріятныя предпосылки для политическаго переворота [1]).

Поэтому общественное развитіе нужно представлять себѣ въ слѣдующемъ видѣ. Ближайшая эпоха — одно - два поколѣнія, а можетъ быть и больше — будетъ періодомъ медленнаго, но несомнѣннаго роста и расширенія коллективнаго хозяйства. Въ этомъ процессѣ обобществленія государство (или городъ или т. п.) дѣлается наслѣдникомъ частнаго хозяина. Оно унаслѣдуетъ рабочихъ, систему оплаты, заказчиковъ, но раньше всего собственность. Общественная собственность растетъ за счетъ частной собственности.

Этотъ процессъ происходитъ въ «органическую», «эволюціонную» эпоху развитія. Съ опаской и оглядкой, боязливо и ограниченно, но буржуазно-крестьянскія страны Европы и Америки идутъ на расширеніе сферы коллективнаго хозяйства. Онѣ продолжаютъ по существу ту линію, которой приходилось держаться до сихъ поръ, — быть можетъ нѣсколько усиленнымъ темпомъ, а быть можетъ старымъ темпомъ. Они дѣлаютъ это подъ давленіемъ народныхъ низовъ, постороннихъ соображеній (военныхъ напр.), но въ особенности подъ вліяніемъ экономической дѣйствительности, новѣйшихъ изобрѣтеній, вызывающихъ къ жизни новыя, гигантскія, все-

[1]) Это противорѣчіе между научнымъ представленіемъ о революціи и распространенными утопическими взглядами на нее чувствовалъ Бебель; но, какъ всегда, онъ замѣнялъ научное разрѣшеніе этого вопроса — вмѣшательствомъ человѣческой воли, которая все можетъ. Это звучитъ у него даже нѣсколько наивно: „До сихъ поръ развитіе человѣчества шло такъ, что общественный классъ приходилъ къ власти въ тотъ моментъ, когда онъ достигъ уже господства надъ производствомъ, надъ матеріальной основой. У насъ же — напротивъ. Мы не можемъ основать господство рабочаго класса на завоеваніи экономической власти, мы должны прибѣгнуть къ противоположному средству Мы должны сперва завоевать политическую власть и воспользоваться ею для того, чтобъ добиться экспропріаціи буржуазнаго общества. Когда политическая власть будетъ въ нашихъ рукахъ остальное приложится“ (Протоколы съѣзда въ Галле, с. 158—59).

объемлющія, явно-монополистическія капиталистическія предпріятія. Они отстаютъ при этомъ отъ требованій жизни, быть можетъ и очень сильно. Но отставая и упираясь, они все же идутъ по этому пути. Мы это видѣли въ предыдущей главѣ.

Превращеніе частной собственности въ общественную происходитъ при этомъ въ формѣ выкупа. Какъ происходитъ этотъ выкупъ? Только наивные люди представляютъ себѣ, будто государство изъ своихъ средствъ выплачиваетъ полную цѣнность покупаемыхъ предпріятій. Для этого у него нѣтъ средствъ, да въ этомъ и нужды нѣтъ. Пріобрѣтая желѣзную дорогу или заводъ цѣнностью въ 100 милліоновъ, казна заключаетъ заемъ на эту сумму. Она выпускаетъ заемные листы, облигаціи или т. под., и полученными деньгами удовлетворяетъ продавцовъ. Она можетъ поступить и часто поступаетъ еще проще. Она предоставляетъ продавцамъ государственныя цѣнныя бумаги — цѣнностью въ ту сумму, которую слѣдуетъ уплатить. Бумаги эти приносятъ нѣкоторый ежегодный доходъ, иначе онѣ не имѣютъ цѣнности. Онѣ обращаются на биржѣ, и обладатели могутъ ежедневно превратить ихъ въ «настоящія» деньги. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ результатъ одинъ. Создается новый, фиктивный капиталъ въ 100 милл., представляющій, однако, отнюдь не фиктивное право на нѣкоторую часть ежегодныхъ государственныхъ доходовъ.

Прежніе предприниматели превращаются въ рантье. Это нужно понимать не буквально. Прежній собственникъ угольной шахты, удовлетворенный нынѣ государственными бумагами, можетъ не успокоиться на этомъ. Онъ можетъ продать свои облигаціи и заняться новымъ дѣломъ. Но въ такомъ случаѣ кто-либо другой становится на его мѣсто: уступивъ ему деньги въ обмѣнъ на ежегодную ренту, онъ самъ превращается въ рантье.

Этотъ процессъ образованія большого, могущественнаго класса рантье происходилъ ужъ и до войны и очень усилился за время войны. Общая сумма государственныхъ и коммунальныхъ цѣнностей достигла громадныхъ размѣровъ. И од-

нако, мы стоимъ лишь въ самомъ началѣ этого развитія. До сихъ поръ государственные долги образовались, главнымъ образомъ, изъ военныхъ расходовъ мирнаго и военнаго времени. Но чѣмъ дальше будетъ развиваться хозяйственная дѣятельность государства и коммунальныхъ объединеній, тѣмъ скорѣе будетъ расти масса «фиктивнаго капитала» и государственныхъ рентъ. Каждая новая желѣзная дорога, каждое увеличеніе, расширеніе, усовершенствованіе казенныхъ заводовъ, каждый шагъ коммунальнаго хозяйства требуетъ новыхъ капиталовъ. Ихъ можно получить лишь на рынкѣ, т. е. увеличивъ долговое бремя.

Чѣмъ дальше прогрессируетъ народное хозяйство, тѣмъ сильнѣе растутъ коллективныя формы хозяйства, тѣмъ болѣе отдѣльныя предпріятія перестаютъ быть частной собственностью, тѣмъ болѣе классъ промышленныхъ капиталистовъ будетъ превращаться въ капиталистовъ — рантье. Сперва образованіе новыхъ промышленныхъ капиталовъ идетъ не менѣе быстро, чѣмъ ростъ капиталовъ общественныхъ. Но съ нѣкотораго момента государственное хозяйство обгоняетъ частное и превращаетъ буржуазію въ государственныхъ пенсіонеровъ.

Къ концу этого процесса, который можетъ растянуться на очень долгое время, создается слѣдующее положеніе. Орудія человѣческаго труда превратились въ громадныя всеобъемлющія единицы производительныхъ силъ. По сравненію съ ними наши современные гиганты покажутся, вѣроятно, мелкимъ производствомъ. Занятая на нихъ многомилліонная масса служащихъ и рабочихъ создаетъ своимъ трудомъ, безо всякаго участія капитала, массу цѣнностей, составляющихъ источникъ респредѣленія. Если капиталомъ назвать частную собственность на орудія производства, то его въ этотъ моментъ ужъ не существуетъ въ значительныхъ размѣрахъ. Но капиталъ продолжаетъ существовать въ видѣ цѣнныхъ бумагъ, т. е. права на нѣкоторую долю народнаго дохода, и дѣйствительно, изъ ежегоднаго продукта національнаго труда нѣкоторая доля неизбѣжно удѣляется для удовлетворенія

правъ «бумажныхъ» капиталистовъ. И если сейчасъ ужъ бремя процентовъ по государственнымъ долгамъ тяжело ложится на населеніе въ видѣ громадныхъ налоговъ, во сколько разъ тяжелѣе покажется оно, когда долги эти возрастутъ во много разъ, а производительныя функціи капитала сократятся до минимума!

Классъ капиталистовъ перестанетъ въ тотъ моментъ играть производительную роль — въ этомъ основная черта революціонной ситуаціи. Это является предпосылкой успѣшной соціальной революціи. Подобно тому, какъ классъ дворянства, нѣкогда прогрессивный и общественно-полезный, къ концу своей эпохи (напр. во Франціи или Россіи) перестаетъ выполнять какія бы то ни было полезныя функціи, сохраняя лишь право на доходъ и тѣмъ самымъ превращаясь въ паразита, котораго революція просто уничтожаетъ, — точно такъ же и буржуазія начинаетъ свою карьеру съ высоко-прогрессивныхъ ролей и выполняетъ ихъ на протяженіи цѣлыхъ столѣтій. Воодушевляемая погоней за золотомъ, она двигаетъ впередъ общественное развитіе. Но приходитъ и ея чередъ. Свершивъ все, на что она была способна, она не исчезаетъ добровольно и незамѣтно, а сохраняетъ свои привилегіи безъ производительныхъ функцій. Она перестаетъ быть общественно-полезнымъ классомъ. И тогда, —но только тогда, — устраненіе, упраздненіе ея дѣлается очередной задачей общества, условіемъ дальнѣйшаго здороваго развитія.

Не наступилъ ли этотъ моментъ уже сейчасъ? Вѣдь и сейчасъ буржуазія, «мало работаетъ, много получаетъ». Вѣдь и сейчасъ она живетъ чужимъ трудомъ. Не является ли она и сейчасъ паразитомъ, который безболѣзненно можетъ быть уничтоженъ?

Это очень распространенный взглядъ. Но это совершенно невѣрно. Незаработанные доходы, получаемые тѣмъ или инымъ классомъ, отнюдь еще не говорятъ о его ненужности, безполезности, вредоносности. Конечно, рабочіе создаютъ своимъ трудомъ ту массу доходовъ, которые поступаютъ въ пользу имущихъ классовъ. На этотъ счетъ не можетъ быть

никакихъ сомнѣній. Но нужно быть круглымъ невѣждой, чтобъ изъ этого сдѣлать выводъ: слѣдовательно, въ любой историческій моментъ капиталъ можетъ быть сметенъ съ лица земли.

Нѣтъ, онъ можетъ быть сметенъ лишь тогда, когда онъ пересталъ играть производительную роль. Такого положенія, какъ общее правило, еще нѣтъ. Оно имѣется развѣ только въ нѣкоторыхъ, немногихъ индустріяхъ. Своимъ громаднымъ подъемомъ, который пережилъ весь міръ въ послѣдніе полъ-вѣка, онъ обязанъ капиталу, промышленному капиталу въ первую очередь. Можно и должно ненавидѣть эксплуатацію человѣка, но вещи надо оцѣнивать трезво и вѣрно. Тотъ общественный классъ, который создалъ, развилъ и продолжаетъ развивать современную промышленность, еще нельзя отнести къ паразитическимъ общественнымъ элементамъ [1]).

Развѣ это не ясно, если вдуматься въ иные изъ современныхъ проектовъ соціализаціи? Вотъ, напримѣръ, ленинская система соціализаціи: экспропріировавъ капиталистовъ, пригласить ихъ же вновь въ качествѣ «спеціалистовъ», назначивъ имъ, вопреки нормѣ и декрету, исключительно высокіе гонорары. Что же означаетъ этотъ проектъ? Это попытка преодолѣть незрѣлость для соціализма обходнымъ движеніемъ. Возможно ли это?

---

[1]) Поэтому очень преувеличенными являются огульныя сужденія Каутскаго въ 1908 г. по этому вопросу: „Личность капиталиста дѣлается совершенно ненужной для хода капиталистическаго предпріятія благодаря системѣ акціонерныхъ обществъ. Исключеніе его персоны изъ экономической жизни, остается лишь... вопросомъ силы“. Какъ будто въ акціонерныхъ компаніяхъ нѣтъ тѣхъ „главныхъ акціонеровъ“, которые рѣшаютъ ихъ судьбу совершенно такъ-же, какъ они рѣшали судьбу частныхъ предпріятій. Поэтому такъ странно звучитъ сейчасъ, послѣ германской революціи, заключеніе, къ которому Каутскій тамъ-же приходитъ: „Капиталистическій классъ сдѣлался излишнимъ, и первое большое пораженіе его въ борьбѣ за государственную власть должно привести къ его полному и окончательному крушенію“ („Путь къ власти“, с. 40). „Большое пораженіе“ въ концѣ 1918 года привело буржуазію не къ „полному крушенію“, а къ новому возрожденію! Вотъ загадка, которую методами исторической утопіи никакъ не разрѣшить.

Нѣтъ! Взять цѣлую массу предпріятій, въ которыхъ индивидуальный промышленникъ-капиталистъ играетъ еще руководяшую, рѣшающую роль, объявить его служащимъ и заставить его работать по-прежнему! Это могло бы удаться въ двухъ-трехъ случаяхъ. Но если сперва кастрировать весь буржуазный классъ, лишивъ его основного импульса въ работѣ, а затѣмъ назначить его бюрократической машиной, то изъ этого толку не получится. И дѣйствительно, тамъ, гдѣ Ленинъ произвелъ свой опытъ, толку не получилось.

Но этотъ проектъ характеренъ въ другомъ отношеніи. Онъ показываетъ, какъ много заботъ причиняетъ вопросъ о руководящей промышленностью буржуазіи даже и среди тѣхъ, кто радикальнѣе всѣхъ хочетъ покончить съ этой самой буржуазіей. Онъ показываетъ, что попытка осуществленія соціализма въ традиціонной формѣ въ настоящее время есть попытка механическаго преобразованія системы производства. Но это никогда не имѣло мѣста въ исторіи, и это невозможно.

Въ тотъ моментъ, какъ классъ буржуазіи превратится въ ненужную, паразитическую группу людей, тогда ее можно «отпилить». Это и будетъ содержаніемъ соціальной революціи. Положеніе дѣлъ будетъ къ тому времени, повидимому, такое:

Основная масса промышленности уже обобществлена. Государственныя, коммунальныя, провинцальныя, кооперативныя предпріятія сдѣлались уже индустріальнымъ типомъ. Товарныя цѣны устанавливаются сознательной волей общественныхъ хозяйственныхъ органовъ. Производство расширяется или сужается, сообразуясь непосредственно съ общественными потребностями, и направляется цѣлесообразно и планомѣрно въ сознательно-избранномъ направленіи. Но въ этомъ обобществленномъ хозяйственномъ зданіи зіяютъ, какъ раны, отдѣльныя привилегіи, многочисленныя исключенія, долголѣтнія концессіи, монопольные договоры — словомъ, цѣлая масса частно-хозяйственныхъ правъ и преимуществъ. Они неизбѣжны при господствѣ частной собственности; они пре-

восходно гармонируютъ съ капитализмомъ. Но по мѣрѣ обобществленія хозяйства они дѣлаются анахронизмомъ. Однако, отмѣна и упраздненіе ихъ «конституціонными» методами (выкупомъ и т. под.) не всегда легка, не всегда возможна и встрѣчаетъ сильное сопротивленіе. Старыя, т. е. капиталистическія нормы, права и привиллегіи, продолжаютъ жить, когда капитализмъ уже разложился и преобразовался. Они должны быть устранены во имя общественнаго прогресса.

Этого мало. Классъ государственныхъ рантье представляетъ «явленіе», которое тоже нелегко устранить «конституціоннымъ» путемъ. Громадные налоги, которые дѣлаются неободимыми для уплаты этихъ рентъ, и сейчасъ уже вызываютъ ожесточенную борьбу. Но во сколько разъ она усилится, когда націонализація приметъ большіе размѣры! Не покрыть ли ихъ изъ доходовъ тѣхъ предпріятій, которые выкуплены? Но для этого необходимо повысить цѣну продуктовъ государственной промышленности, т. е. опять таки ввести косвенный налогъ. Стремленіе народной массы будетъ разумѣется направлено къ тому, чтобъ необходимые для этой цѣли налоги возложить на имущіе классы, т. е. по существу дѣла — на тѣхъ же государственныхъ кредиторовъ. Но это означаетъ, что классъ капиталистовъ самъ себѣ уплачивалъ бы ренту; если-бъ возможно было наложить на него столько налоговъ, сколько требуется для уплаты ренты, то это означало бы аннулированіе государственныхъ долговъ. Противъ этого имущіе классы будутъ сопротивляться крайне рѣшительно. Не только рѣшительно, но въ общемъ и цѣломъ и довольно успѣшно до тѣхъ поръ, пока сохраняется частная собственность. Ибо при такой системѣ обложенія в ы к у п ъ дѣлается фиктивнымъ; онъ превращается въ конфискацію. Но въ «органическій» періодъ массовая конфискація невозможна.

Такимъ образомъ, для уплаты всѣхъ рентъ и долговъ придется облагать во все растущихъ размѣрахъ работающее населеніе, и все растущую часть государственныхъ доходовъ придется затрачивать на содержаніе «бывшихъ людей», — прежде величественнаго, а нынѣ ненужнаго класса. Это вто-

рой элементъ архаизма, второе наслѣдіе, остающееся отъ капитализма новому, обобществленному хозяйству.

И только въ этотъ моментъ имѣетъ мѣсто соціальная революція. Она срываетъ полотна съ изваянія, вчернѣ уже готоваго. Она экспропріируетъ и конфискуетъ, ликвидируетъ остатки стараго, уничтожаетъ высшіе соціальные слои и возвращаетъ обществу право распоряженія всей той частью имущества и дохода, которая шла до того на содержаніе буржуазіи. Она уничтожаетъ, словомъ, живые еще слѣды умирающаго капитализма.

Такая революція меньше всего похожа на гражданскую войну. Она носитъ очень простой, элементарный, стихійный характеръ. Это — возстаніе всей народной массы противъ небольшой группы новыхъ «аристократовъ», не имѣющихъ болѣе никакой опоры, потому что ненужныхъ въ общественной жизни. Ихъ устраненію почти никто не сопротивляется. Они уже за годы до того стали посмѣшищемъ, предметомъ ненависти и презрѣнія. Ликвидація ихъ только исполняетъ «наконецъ» то, чего «всѣ» давно желаютъ.

Ходъ общественнаго производства не страдаетъ отъ такой революціи, или страдаетъ отъ нее въ томъ минимальномъ размѣрѣ, въ какомъ крупныя политическія потрясенія отражаются на хозяйственной жизни. Въ революціи не приходится строить новое хозяйство: это задача непосильная, невыполнимая для революціи. Но революція уничтожаетъ послѣдніе остатки стараго. *Это*, только это она сдѣлать въ силахъ, — на то она и есть революція.

Между тѣмъ, старое представленіе о «соціальной революціи», которая должна разразиться при жизни подлиннаго капиталистическаго производства, связано было съ идеей совершенно иного рода. Пока капитализмъ, какъ система производства, еще живъ, на сторонѣ его громадные интересы цѣлыхъ массъ населенія. Поэтому соціальная революція рисовалась не въ видѣ всенароднаго возстанія противъ новой аристократіи, а какъ взаимная борьба двухъ частей народа,

т. е. какъ гражданская война, въ которой, впрочемъ, военные методы, баррикады и пр. могутъ и не играть рѣшающей роли.

«Я думаю — писалъ Каутскій, что соціальная революція будетъ не внезапнымъ возстаніемъ противъ власти, а скорѣе будетъ похожа на долгую гражданскую войну, если съ этимъ понятіемъ не связывать представленія о дѣйствительныхъ войнахъ и сраженіяхъ.»[1])

Однако, и Каутскій впослѣдствіи совершенно иначе отнесся къ гражданской войнѣ, какъ методу соціалистической революціи. И не было еще ни одной гражданской войны, которая не закончилась бы контръ-революціей.

Но если такъ, то залогомъ успѣха революціоннаго переворота является то массовое, элементарное, всенародное движеніе, о которомъ я говорилъ выше. А предпосылкой такого движенія является предварительное вырожденіе и разложеніе капитализма.

И на слѣдующій день послѣ революціи обновленное человѣчество, празднуя избавленіе и свободу, со смѣхомъ будетъ вспоминать о курьезныхъ политикахъ 1918—21 годовъ, которые «дѣлали» соціальную революцію и «строили» соціализмъ, какъ ребенокъ дѣлаетъ солнце изъ красной бумаги!

VI.

Механика соціализаціи.

Чтобъ понять экономическую механику соціализаціи, допустимъ что государство пріобрѣтаетъ, къ примѣру, мыловаренный заводъ за 10 милліоновъ. Для начала допустимъ, что необходимыя для этого средства государство беретъ изъ текущихъ своихъ доходовъ: налоговъ, пошлинъ и пр. Заводъ изготовляетъ въ годъ 5 милліоновъ кусковъ мыла, рыночная цѣна на мыло стоитъ 2 рубля. Эта цѣна, выработанная частной мыловаренной промышленностью, покрываетъ всѣ издержки производства, и сверхъ того оставляетъ прибыль въ

[1]) „Соціальная революція“ с. 53.

размѣрѣ 20 коп. съ каждаго куска. Себѣстоимость составляетъ такимъ образомъ 1 р. 80 коп. На 5 милліоновъ кусковъ въ годъ издержки производства составляютъ 9 милл.; а прибыль 1 милл., т. е. 10 % на затраченный капиталъ.

Какъ государство поступитъ въ такомъ случаѣ? Оно можетъ поступить двояко. Во-первыхъ, оно можетъ продавать мыло по 2 руб., по обычной рыночной цѣнѣ, соотвѣтствующей дѣйствительной цѣнности товара, включающей, какъ извѣстно, не только издержки производства, но и нормальный уровень прибыли. Въ такомъ случаѣ государство получаетъ ежегодную прибыль въ 1 милліонъ. Источникомъ этой прибыли является капиталъ въ 10 милл., затраченный государствомъ для пріобрѣтенія или постройки завода. Источникомъ этого капитала послужили налоги, собранные съ населенія. Источникомъ налоговъ является (за крайне рѣдкими исключеніями) доходъ, т. е. фондъ потребленія отдѣльныхъ гражданъ. Взимая 10 милл. налогами, государство сокращаетъ потребленіе общества на 10 милл. и превращаетъ ихъ въ капиталъ. Подобно тому, какъ капиталистъ обращаетъ часть своего дохода въ капиталъ, такъ и государство капитализируетъ часть доходовъ своихъ поданныхъ. Разница лишь въ томъ, что первый дѣлаетъ это добровольно, а второе дѣйствуетъ принудительно.

Итакъ государство, создавъ капиталъ, заступаетъ мѣсто капиталиста. Оно дѣйствуетъ по всѣмъ правиламъ капиталистической промышленности. На первый взглядъ нѣтъ какъ будто никакой разницы между частнымъ лицомъ въ роли капиталиста и «государственнымъ капитализмомъ».

Между тѣмъ разница очень существенная. Получивъ одинъ милліонъ прибыли, что дѣлаетъ съ нимъ государство? Оно записываетъ его въ свой доходный бюджетъ, т. е. можетъ затратить его на покрытіе иныхъ расходовъ. Если сумма его расходовъ остается неизмѣнной, то получивъ 1 милліонъ прибыли отъ хозяйственной дѣятельности, оно можетъ понизить какой-либо налогъ на эту сумму. Налоговое бремя на населеніе уменьшается, б о л ь ш е остается для личнаго потребленія, т. е. уровень жизни повышается.

Конечно, 1 милліонъ въ годъ — капля въ морѣ, и для населенія пройдетъ совершенно незамѣченнымъ пониженіе налоговъ. Но допустимъ, что государство идетъ дальше по тому-же пути. Изъ текущихъ государственныхъ доходовъ оно ежегодно затрачиваетъ нѣкоторую сумму на расширеніе своей хозяйственной дѣятельности и пріобрѣтаетъ въ свою собственность различные заводы, шахты, морскія суда, желѣзныя дороги. Продукты своихъ предпріятій оно продаетъ по ихъ цѣнности т. е. получаетъ прибыль, которая возрастаетъ изъ года въ годъ — по мѣрѣ того, какъ государство расширяетъ свою хозяйственную дѣятельность. Чѣмъ больше доходовъ изъ этого источника, тѣмъ болѣе могутъ быть сокращены другіе доходы.

Можно всѣ налоги понизить на опредѣленный процентъ, или же можно начать съ отмѣны наиболѣе непопулярныхъ налоговъ. По мѣрѣ пониженія налоговъ растетъ реальный доходъ населенія. Въ томъ числѣ растетъ и реальная заработная плата. Въ какомъ размѣрѣ она растетъ, это зависитъ отъ государства. Если-бъ допустить такую политику, когда казна, пользуясь новыми доходами отъ государственныхъ предпріятій, упразднитъ налогъ на наслѣдства, — это ничего не дало-бы рабочимъ. Если-бъ она, наоборотъ, замѣнила этими своими доходами прямые налоги на заработную плату, — весь излишекъ пошелъ-бы на повышеніе заработныхъ платъ. Если-бъ, наконецъ, она повысила низшую границу подоходнаго налога (Existenzminimum) или отмѣнила косвенный налогъ на предметы массоваго потребленія — главная выгода досталась-бы всѣмъ низшимъ слоямъ общества, но лишь отчасти рабочему классу.

Когда государственное хозяйство доразвилось до достаточно крупныхъ размѣровъ, прибыль отъ него дѣлается достаточной для покрытія основной части государственныхъ расходовъ, и налоги и пошлины, за нѣкоторыми исключеніями (напр. на роскошь, на земельную собственность, на спекулятивные доходы, на очень высокіе дивиденды) могутъ быть упразднены. Это означаетъ, что государство живетъ непосредственно отъ своей экономической дѣятельности и не

нуждается въ томъ обходномъ пути, который въ товарномъ хозяйствѣ съ неизбѣжностью ведетъ черезъ частныя хозяйства и налоговую машину.

А дальше? Если государство продолжаетъ тѣми же способами работу соціализаціи послѣ этого момента, то у него остается прибыль, которая уже составляетъ излишекъ сверхъ покрытія всѣхъ государственныхъ расходовъ. Тогда ему ничего не остается, какъ примѣнить второй методъ для повышенія уровня жизни и р е а л ь н ы х ъ доходовъ населенія. Оно понижаетъ цѣны на продукты государственной промышленности. Мыло продается уже не за 2 рубля, а за 1,95, затѣмъ за 1,90 или 1,85. Государство понижаетъ цѣны настолько, чтобъ они покрывали издержки производства плюсъ государственные расходы. Пониженіе цѣнъ повышаетъ уровень жизни населенія.

Если продолжить эту тенденцію до идеальнаго конца, и представить себѣ моментъ когда всѣ безъ исключенія орудія промышленности, транспорта, торговли и сельскаго хозяйства находятся уже въ рукахъ государства, то къ этому моменту исчезла вся прибавочная цѣнность. Первая часть ея идетъ на покрытіе государственныхъ доходовъ, другая возвращена населенію въ видѣ подешевѣвшихъ продуктовъ. Соціалистическое хозяйство убѣждается на опытѣ, что оно вовсе не должно держаться «законовъ цѣнности». Законы эти дѣйствительны лишь въ предѣлахъ товарнаго хозяйства, когда товаропроизводители не имѣютъ понятія объ этихъ законахъ. Но организованное хозяйство можетъ устанавливать цѣны произвольно, въ зависимости отъ соображеній соціальной политики, гигіены, культурности. Покрытіе издержекъ производства, какъ постулатъ разумнаго хозяйства, существуетъ и для него, но не для каждаго отдѣльнаго предпріятія и каждой индустріи, а для всей его хозяйственной дѣятельности въ цѣломъ. Это оставляетъ ему большой просторъ для модификаціи цѣнъ.

* * *

Но эта картина соціализаціи нереальна. Я привелъ ее отнюдь не для того, чтобъ показать какъ пойдетъ въ исторіи

процессъ преобразованія. Я хотѣлъ лишь выяснить, какъ сказано выше, экономическую механику соціализаціи и для этого началъ съ анализа такого исключительно-благопріятнаго положенія и такого разумнаго хода трансформаціи, какихъ въ человѣческомъ обществѣ, раздираемомъ классовой борьбой, совершенно быть не можетъ. Такъ безболѣзненно дѣло не обойдется.

Оставимъ здѣсь въ сторонѣ политическія затрудненія, борьбу, революціи. Главное экономическое препятствіе, стоящее на пути такому развитію, состоитъ въ томъ, что у государства нѣтъ и почти никогда не можетъ быть достаточныхъ текущихъ доходовъ, чтобъ затрачивать сколько-нибудь значительную часть ихъ на покупку или постройку промышленныхъ предпріятій. Мы начали съ мыловареннаго завода, который покупается за 10 милліоновъ. 10 милл. — сумма небольшая, и ее можетъ казна ассигновать ежегодно на дѣло «соціализаціи». Однако, изъ этого ничего не получится. Частная промышленность вырастаетъ ежегодно на милліарды. Если наряду съ этимъ государственная промышленность будетъ увеличиваться на 10 милл. въ годъ — то ни о какой соціализаціи и рѣчи быть не можетъ. Значитъ дѣло идетъ о гораздо большихъ суммахъ. Гдѣ ихъ взять?

Налоговое обремененіе во всѣхъ странахъ такъ велико, и желаніе облегчить его послѣ войны такъ сильно, что сопротивленіе соціализаціи изъ налоговаго фонда будетъ не малое. Къ тому-же существуетъ издавна финансовый «принципъ», что для хозяйственныхъ цѣлей, связанныхъ съ ежегодными доходами, государство прибѣгаетъ къ займамъ. Изъ этихъ доходовъ и должны покрываться проценты по займамъ. Если нынѣ къ государству, обремененному долгами на десятки или сотни милліардовъ, предъявить требованіе, чтобъ для хозяйственныхъ нуждъ займы не заключались, дабы не увеличивать задолженности, то это означало-бы: уплачивать изъ налоговыхъ поступленій государственные долги. Многоли странъ пойдутъ на это?

Поэтому надо считаться съ тѣмъ, что государства будутъ и въ дальнѣйшемъ заключать займы для національзаціи того или иного предпріятія или группы предпріятій. Вернемся къ мыловаренному заводу. Государство заключаетъ заемъ на 10 милл., по нормальному уровню процентовъ, скажемъ изъ 5 %. Оно должно, такимъ образомъ, уплачивать ежегодно 500 000 р. процентовъ по долгу. Заводъ приноситъ, какъ мы видѣли, 1 милл. въ годъ, т. е. 10 %. Слѣдовательно государству остается всего 5%. Если принять сверхъ того во вниманіе, что съ заводомъ государство беретъ на себя весь промышленный рискъ; что иные годы не приносятъ никакого дохода, и проценты придется платить тогда изъ «своего кармана», т. е. изъ сбереженій отъ другихъ лѣтъ, — то прибыль государства дѣлается еще меньше. Она составляетъ, въ лучшемъ случаѣ, 2—3%. Государство становится въ положеніе того промышленнаго предпринимателя, который начинаетъ дѣло безъ собственнаго капитала и поэтому львиную долю дохода уплачиваетъ кредитору-банку. Государству достается только разница между промышленной прибылью и учетнымъ процентомъ.

Въ иныхъ случаяхъ и этого нѣтъ. Подчасъ государству придется покупать акціи промышленныхъ предпріятій по высокому курсу. Промышленные дивиденды нерѣдко капитализируются изъ очень низкаго процента, который не выше процента учетнаго. Въ такомъ случаѣ государство не можетъ разсчитывать ни на какую существенную прибыль. Доходы его могутъ возрасти лишь впослѣдствіи, въ связи съ улучшеніемъ техники производства, пониженіемъ себѣстоимости продукта и т. п. Но это возможно не всегда, и не часто въ крупныхъ размѣрахъ. Поэтому доходы отъ государственныхъ предпріятій будутъ расти лишь медленно, въ теченіе многихъ лѣтъ.

Такимъ образомъ, непосредственныя выгоды для массы населенія отъ дѣла соціализаціи сокращаются очень сильно. Тѣ излишки, которые все-же будутъ оставаться, будутъ затрачиваться, конечно такъ, какъ указано выше: либо на пониженіе налоговъ, либо на пониженіе товарныхъ цѣнъ. Но и

то, и другое возможно въ ограниченныхъ размѣрахъ. Поэтому никакихъ особенныхъ надеждъ въ этомъ смыслѣ — въ смыслѣ финансовой выгодности — возлагать на соціализацію нельзя. Плюсы ее въ другомъ: съ одной стороны въ созданіи организованнаго, планомѣрнаго общественнаго хозяйства, съ другой — въ подготовкѣ той конфискаціи доходовъ, которая возможно будетъ лишь въ позднѣйшій, благопріятный для этого моментъ.

Невозможность достигнуть быстраго эффекта при помощи соціализаціи и объясняетъ ея сравнительно малую популярность и въ особенности неспособность ея вызвать энтузіазмъ въ массѣ рабочихъ. Вѣдь одного хозяина, прежняго, смѣнитъ новый: государство или городъ. Станетъ-ли лучше отъ этого? Этимъ сомнѣніемъ и объясняется, почему совершенно другія «системы» соціализаціи дѣлаются неожиданно очень популярными.

Въ моментъ большой политической активности въ массахъ ходъ мыслей таковъ: частный капиталъ наживается на рабочихъ, соціализація должна положить этому конецъ. Поэтому она должна начаться съ того, чтобъ повысить заработныя платы въ соціализируемыхъ предпріятіяхъ. Отъ соціализаціи выиграютъ такимъ образомъ рабочіе соціализируемыхъ индустрій. Поэтому-то идея простого, непосредственнаго захвата фабрикъ тѣми рабочими, которые въ нихъ заняты (русскій и итальянскій «рабочій контроль») еще пользуется популярностью. Она способна была до сихъ поръ вызвать гораздо больше политической активности со стороны рабочихъ, нежели «тяжеловѣсная» соціализація, обѣщающая свои блага лишь въ будущемъ, быть можетъ въ очень не близкомъ будущемъ.

Соціализація не можетъ и не должна создавать привилегіи для тѣхъ рабочихъ, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ, нерѣдко по чистой случайности, работаютъ на соціализируемыхъ предпріятіяхъ. Это означало-бы, подобно анархіи «рабочаго контроля», анархію въ средѣ заработныхъ платъ. Въ то время, какъ средства, затрачиваемыя для развитія государственнаго хозяйства, поступаютъ со всѣхъ слоевъ населенія,

выгоды доставались-бы каждый разъ лишь небольшой части рабочаго класса. Поступить такъ значило-бы сдѣлать соціализацію совершенно непопулярной и неразумной.

VII.

„Передовые“ и „отсталые“.

Опытъ русскаго «соціализма» 1917 — 1920 г.г. интересенъ не только какъ чисто-русское явленіе. Въ немъ любопытны не только грубые, топорные, неуклюжіе методы его осуществленія. Онъ даетъ сверхъ того отвѣтъ всѣмъ другимъ странамъ на вопросъ о взаимоотношеніи между политической силой и экономическими возможностями, а также даетъ матеріалъ для выясненія вопроса о взаимоотношеніи «передовыхъ» и «отсталыхъ» странъ. Его крушеніе, вполнѣ обозначившееся къ веснѣ 1921 года, является побѣдой объективныхъ законовъ человѣческаго развитія надъ громадными усиліями человѣческой воли.

Какова доктрина русскаго коммунизма?

Для соціалистическаго хозяйства въ Россіи имѣются, по его мнѣнію, нужныя объективныя условія. Препятствія, которыя ему приходится преодолѣвать, коренятся въ томъ, что для соціализма въ Россіи не хватаетъ силъ. Все остальное имѣется, и соціалистическое хозяйство могло бы поднять русскую экономику на большую высоту. Только численная слабость рабочихъ и ихъ партіи въ общей массѣ населенія — препятствіе для немедленнаго соціализма.

«Россія — отсталая страна». Съ этимъ положеніемъ всѣ согласны. Но въ чемъ проявляется ея отсталость? Въ томъ, гласитъ эта теорія, что Россія не создала еще достаточнаго количества пролетаризованныхъ людей! Это подтверждается безъ труда длиннѣйшими статистическими таблицами и множествомъ цитатъ изъ великихъ и малыхъ авторитетовъ соціализма. И дѣйствительно, много ли въ Россіи людей, лишенныхъ всякой собственности и стоящихъ поэтому въ оппозиціи къ капитализму? Они составляютъ небольшой процентъ населенія, и

«поэтому» соціализмъ наталкивается на трудно преодолимыя препятствія. Приходится въ такомъ случаѣ лишить это большинство рѣшающаго голоса въ политической жизни, и предоставить руководство тому меньшинству, которое желаетъ соціализма.

Къ чему сводится сущность этихъ взглядовъ? Это легко уяснить себѣ. Соціализмъ будетъ установленъ тогда, когда люди захотятъ этого. Если этого желаетъ одинъ человѣкъ, онъ ничего не сдѣлаетъ. Если тысяча, они начинаютъ «агитировать». Если одна или двѣ сотни тысячъ, — имъ нужно захватить власть и приняться за «строительство». Они будутъ встрѣчать сопротивленіе со стороны той многомилліонной неразумной массы, которая съ ними несогласна. Ее надо поэтому держать въ ежовыхъ рукавицахъ. Да еще сопротивленіе неизбѣжно со стороны заинтересованныхъ, т. е. русской и международной буржуазіи.

Этотъ ходъ мыслей такъ хорошо знакомъ каждому человѣку, прожившему сознательно послѣдніе годы, что нѣтъ нужды ихъ подробно повторять. Но очень важно напомнить, что международная буржуазія казалась все время главнымъ врагомъ «соціалистическаго строительства» въ Россіи. «Либо мы убьемъ міровой капитализмъ, либо міровой капитализмъ убьетъ насъ!» Кто не помнитъ этой фразы? Кто не знаетъ очень простой аргументаціи: «міровая буржуазія не можетъ терпѣть рядомъ съ собой соціалистическаго государства, которое своими успѣхами будетъ агитировать среди пролетаріевъ всего міра!» Поэтому интервенція была естественнымъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ установленія соціализма въ Россіи. «Чтобъ сокрушить русскій соціализмъ, мобилизованы были силы мірового капитализма; побѣда соціализма возможна была лишь послѣ побѣды надъ міровымъ капитализмомъ». Т. е. торжество соціальной революціи въ «передовыхъ странахъ» сдѣлалось условіемъ побѣдоноснаго развитія соціализма въ Россіи.

О томъ, какъ далеко сейчасъ до побѣды міровой революція, я говорилъ уже въ предыдущихъ главахъ. Но допустимъ, что соціалистическая революція восторжествовала вездѣ.

Какъ отразилось бы это на Россіи? И перешла бы тогда Россія къ соціалистическому хозяйству? На этотъ счетъ такіе нелѣпые, чудовищные взгляды распространены въ средѣ и некоммунистической, что надъ этимъ стоитъ серьезно подумать.

Двѣ страны, даже лежащія рядомъ, не вліяютъ другъ на друга лишь въ томъ случаѣ, если онѣ ведутъ натуральное хозяйство. Лишь только начинается обмѣнъ, возникаетъ хозяйственное общеніе, и экономическія условія одной страны не могутъ остаться безъ вліянія на другую. Если обѣ страны стоятъ на одномъ уровнѣ экономическаго развитія, то въ результатѣ развивающагося обмѣна происходитъ между ними раздѣленіе труда, и производство тѣхъ или другихъ товаровъ сосредоточивается въ одной или въ другой. Но система общественно-экономическихъ отношеній и тутъ и тамъ одинаковая. И тутъ и тамъ — товарное производство, торговля, деньги, наемный трудъ и т. д. И вопросъ о вліяніи въ этомъ смыслѣ даже не встаетъ.

Но допустимъ, что въ экономическомъ общеніи между собой находятся двѣ страны, стоящія на различныхъ ступеняхъ экономическаго развитія. Капиталистическая, промышленная Англія сожительствовала съ феодальнымъ континентомъ въ теченіе всего 16 и 17 вѣка. Буржуазная Франція съ «феодальной» Европой — всю первую половину 19 вѣка. Индія и сейчасъ остается страной полу-натуральнаго хозяйства. Но взаимодѣйствіе имѣлось и имѣется между хозяйствами всѣхъ странъ, и разумѣется вліяніе болѣе крѣпкихъ, передовыхъ, сильнѣе вліянія слабыхъ. Прежде чѣмъ рѣшать вопросъ о вліяніи соціалистическаго хозяйства на сосѣднее капиталистическое, слѣдуетъ задуматься надъ вопросомъ: какъ вліяло капиталистическое хозяйство на классически-аграрныя, крестьянскія и феодальныя страны?

Въ теченіе столѣтій Англія оказываетъ экономическое вліяніе на Индію. Къ чему оно привело и какими путями шло оно? Послѣ перваго періода простого и откровеннаго грабежа Индіи, начинаетъ развиваться торговля, которая постепенно растетъ и къ началу 20-го вѣка пріобрѣтаетъ

значительные размѣры. Торговля есть первый и основной способъ воздѣйствія промышленной на аграрную страну. Къ чему привела торговля Англіи съ Индіей? Результаты общеизвѣстны. Натуральное хозяйство Индіи начало разлагаться, деньги проникли во всѣ поры народнаго хозяйства, появилась крупная внутренняя торговля, и въ концѣ концовъ стала развиваться и собственная индустрія. Понятны и всѣ обычныя послѣдствія такого развитія — появленіе «излишняго» населенія, ростъ городовъ, притокъ массы необученыхъ пролетаріевъ, ростъ банковъ и пр. Вліяніе Англіи ведетъ къ индустріализаціи и т. ск. «капитализаціи» Индіи. Можно-ли думать, что безъ вліянія Англіи развитіе пошло-бы въ иномъ направленіи? Конечно нѣтъ, ибо другого пути вообще не существуетъ. Весь вопросъ въ т е м п ѣ развитія. И въ этомъ смыслѣ Англія оказала рѣшающее вліяніе. Окруженная азіатскими странами, Индія развилась бы безъ вліянія Англіи еще много медленнѣе, чѣмъ это было въ послѣднія столѣтія.

При этомъ надо напомнить еще одну общеизвѣстную истину. Почему Англіи удалось такъ сильно развить свою остъ-индскую торговлю? Потому, что Англія продавала товары много дешевле, чѣмъ Индія производила собственными силами. Метръ ситцу за 2 пенса способенъ творить чудеса. Если бъ онъ стоилъ 5 пенсовъ, врата Индіи остались бы наглухо закрыты для англійскаго «воздѣйствія». Но почему Англія могла такъ дешево продавать? Потому, что она обладала в ы с ш е й т е х н и к о й. Это истина азбучная, и мнѣ немного совѣстно ее напоминать. Но ее надо хорошенько запомнить, чтобъ разобраться въ нѣкоторыхъ болѣе трудныхъ вещахъ.

Итакъ: при помощи дешеваго товара, продукта высокой промышленной техники, Англія ускорила хозяйственное развитіе Индіи по пути къ капитализму. Тѣмъ не менѣе и сейчасъ, послѣ столѣтій воздѣйствія, Индія отнюдь еще не сдѣлалась капиталистической страной. Это тоже общеизвѣстно, но и это не мѣшаетъ помнить. И поэтому не надо переоцѣнивать значенія этого, безусловно могущественнаго,

орудія капиталистическаго воздѣйствія. Внѣшняя торговля была въ теченіе долгаго времени торговлей предметами роскоши; естественно, что тогда ей и ея вліянію были поставлены довольно узкія рамки. Но и съ тѣхъ поръ, какъ она, примѣрно сто лѣтъ назадъ, сосредоточилась на предметахъ массоваго потребленія, — ея вліяніе сказывается лишь очень медленно и постепенно.

Второй способъ «воздѣйствія» передовой страны на отсталую — вложеніе капиталовъ. Здѣсь воздѣйствіе непосредственнее, проще, нагляднѣе и измѣримѣе. Если та-же Англія строитъ ткацкую фабрику въ Индіи, то переходъ Индіи къ новому экономическому строю происходитъ быстрѣе, чѣмъ если внѣшняя торговля разлагаетъ сперва устои натуральнаго производства промышленныхъ издѣлій и ведетъ впослѣдствіи лишь къ росту собственнаго промышленнаго производства. Соединенные Штаты, промышленность и транспортъ которыхъ въ огромной степени созданы англійскимъ капиталомъ, развились благодаря этому съ баснословной быстротой въ 19-омъ вѣкѣ. Они и безъ того стояли уже на капиталистическомъ пути. Но иностранный капиталъ въ огромной степени ускорилъ ихъ развитіе.

Этими двумя методами вліянія исчерпывается все. Другихъ способовъ преодолѣть извнѣ отсталость какой-либо страны не существуетъ — по крайней мѣрѣ для капиталистическаго хозяйства.

Ускоряя развитіе отсталыхъ странъ, болѣе развитыя хозяйственныя системы позволяютъ имъ перескочить черезъ тѣ или иныя ступени развитія. Такъ Россія, переходя къ капитализму въ 19-омъ вѣкѣ непосредственно отъ натурально-феодальнаго хозяйства, миновала эпоху ремесленнаго хозяйства, и вся культура средне-европейскихъ городовъ, тѣсно связанная съ ремесленными традиціями, осталась для Россіи совершенно чуждой. Точно такъ же и борьба крупной и мелкой промышленности, продѣланная Западной Европой въ 19-омъ вѣкѣ, мало знакома Россіи. Да и не одной Россіи. Всѣ отсталыя страны, разрывающія лишь теперь съ системой замкнутаго, аграрнаго, потребительскаго хозяйства, не

проходятъ всего того пути развитія, по которому долго шли ихъ передовые учители. Электричество, паровыя машины, желѣзныя дороги и заводы-гиганты являются хозяйственнымъ *типомъ* вездѣ, гдѣ идетъ впередъ экономическое развитіе, все-равно, въ передовыхъ-ли или въ отсталыхъ странахъ. Но съ системой производства (трехполье, мастерская, трактороъ, заводъ) связаны и производственныя отношенія (производитель-потребитель, ремесленникъ, рабочій и т. д.). Поэтому отсталыя страны и въ общественныхъ отношеніяхъ дѣлаютъ скачки, переходя, безъ нѣсколькихъ посредствующихъ звеньевъ, къ болѣе высокимъ системамъ соціальныхъ отношеній. До сихъ поръ эти «болѣе высокія» системы были системами законченнаго капитализма. Поэтому вліяніе передовыхъ странъ на отсталыя проявлялось, между прочимъ, и въ томъ, что послѣднія переходили быстрѣе, хоть и не всегда болѣе безболѣзненно, къ соціальнымъ отношеніямъ развитаго капитализма. Въ этой способности миновать посредствующія стадіи развитія, и перейти прямо отъ низшихъ формъ къ высшимъ, сказывается радикальное отличіе общественнаго организма отъ организма животнаго. Такіе скачки совершенно невозможны въ развитіи животнаго организма.

Вся классическая схема экономическаго развитія: натуральное хозяйство—непосредственный обмѣнъ—мелкая торговля—ремесло—мелкая индустрія—мануфактура—средняя и крупная промышленность — вся эта схема правильна для прошлаго, но совершенно неправильна для настоящаго и будущаго, и безъ сомнѣнія она больше никогда не будетъ имѣть приложенія на практикѣ. Пусть дѣло идетъ о самой отсталой, дикой странѣ: вступая въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, она быстро усваиваетъ себѣ денежную систему, оптовую торговлю и крупную промышленность. Но такъ какъ оптовая торговля и крупная промышленность существуютъ лишь въ капиталистическихъ формахъ, то она усваиваетъ себѣ высшія системы производства въ капиталистической оболочкѣ.

Капитализмъ заразителенъ. Онъ искореняетъ, убиваетъ все до-капиталистическое. Онъ не терпитъ рядомъ съ собой другихъ, болѣе низкихъ системъ хозяйства. Но достигаетъ-ли онъ этого методами политическими, т.-е. силой завоеванія, внѣшняго порабощенія? Убиваетъ-ли онъ болѣе низкія хозяйственныя системы простымъ запрещеніемъ, репрессивными мѣрами? Конечно, нѣтъ. Высшая техника, высшая производительность труда, большая дешевизна товаровъ — вотъ его главное оружіе. Пулеметъ и пушка нерѣдко расчищаютъ ему дорогу. Но въ дѣлѣ хозяйственнаго преобразованія отсталыхъ странъ, всѣ чудеса военной техники — ничто въ сравненіи съ чудесами техники промышленной.

Такъ обстоитъ дѣло съ соотношеніемъ капиталистическихъ и до-капиталистическихъ хозяйственныхъ формъ. Но какъ-же должны сложиться обстоятельства при соприкосновеніи соціалистическаго и капиталистическаго хозяйства? Если соціализмъ есть высшая система хозяйства по сравненію съ капитализмомъ, то нельзя-ли точно такъ же ожидать, что съ того момента, какъ соціалистическое хозяйство будетъ установлено въ одной или въ двухъ какихъ-либо странахъ, оно окажется настолько заразительнымъ, что капитализмъ изчезнетъ и во всѣхъ остальныхъ? На вѣрѣ въ это основана вѣдь вся модная нынѣ идеологія міровой революціи, и въ особенности перспективы русскаго соціализма.

Если-бъ въ какой-либо изъ передовыхъ странъ произошелъ нынѣ «переходъ къ соціализму», то это означало бы, что измѣнились радикально общественныя отношенія, классовая структура и пр. Это означало бы раньше всего ростъ коллективной, общественной собственности, поглощающей собственность частную. Методъ производства, т.-е. техника осталась бы въ общемъ и цѣломъ безъ измѣненія или почти безъ измѣненія. Міровая революція — какъ она представляется очень многимъ и какой она дѣйствительно была бы, если-бъ имѣла мѣсто въ современныхъ условіяхъ — была бы переворотомъ, состоящимъ изъ двухъ основныхъ элементовъ: во-первыхъ, перехода власти въ другія руки; во-вторыхъ, перехода собственности

къ коллективнымъ общественнымъ органамъ. Преобразованіе техники не является неизбѣжнымъ спутникомъ такого переворота. Наоборотъ, можно полагать, что революціонная борьба задержала бы на нѣкоторое время хозяйственный процессъ.

Въ 1789 году Франція была, по ходячему представленію, феодальной страной. Въ 1799 году она была страной буржуазной. Въ теченіе 10 лѣтъ, лежащихъ между этими моментами, она продѣлала буржуазную революцію, т.-е. переходъ власти въ руки иныхъ классовъ. Но измѣнилась-ли техника въ земледѣліи или промышленности? Нѣтъ, почти не измѣнилась; если и измѣнилась, то очень мало. Это означаетъ: общественныя отношенія измѣнились радикально, а техника производства осталась та-же, что и раньше. Это возможно и неизбѣжно было потому, что въ теченіе предшествующихъ столѣтій непрерывно измѣнялась основа хозяйства, безъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ политическихъ отношеніяхъ. Поэтому-то революція и сдѣлалась неизбѣжной: во время революціи быстро измѣнились соціальныя отношенія безъ соотвѣтствующаго измѣненія производственной основы.

Итакъ, базисъ производства одинъ и тотъ же наканунѣ революціи и на слѣдующій день послѣ ея завершенія. Да и можетъ-ли быть иначе? Можетъ-ли революція замѣнить одни орудія труда другими, лучшими, раньше неизвѣстными? Разумѣется, этого быть не можетъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Да и не въ этомъ сущность революціоннаго переворота. Самое большее, что революція въ этомъ смыслѣ способна сдѣлать, состоитъ въ созданіи простора быстрому прогрессу, въ творчествѣ предпосылокъ для хозяйственнаго подъема. Такъ, послѣ французской революціи сельское хозяйство, а въ особенности промышленность начали быстро и успѣшно развиваться. Такъ, послѣ соціалистическаго переворота могутъ создаться условія для быстраго техническаго прогресса и промышленнаго разцвѣта. Но это дѣло дальнѣйшей эпохи. Революція, сама по себѣ, еще не создаетъ этого.

Соціалистическая революція, столь-же мало, какъ и буржуазная, способна измѣнить производственную основу. Если-бъ въ 1920 году вспыхнула, допустимъ въ Германіи, соціалистическая революція и если-бъ она закончилась успѣшно въ 1930 году (допустимъ на моментъ, что это было возможно), то за эти 10 лѣтъ всѣ соціальныя отношенія подверглись бы въ Германіи радикальнымъ измѣненіямъ, но хребетъ общественнаго хозяйства — то, что экономическая наука называетъ «основнымъ капиталомъ» — почти не измѣнился бы. Это были бы тѣ же плуги, желѣзныя дороги, моторы и машины, какіе имѣла Германія въ 1920 году. Если-бъ измѣненія произошли, — это были бы тѣ-же измѣненія въ производственной техникѣ, какія имѣли бы мѣсто и въ другихъ, капиталистическихъ странахъ. Ни сокращеніе числа мелкихъ хозяйствъ, ни перегруппировка промышленныхъ предпріятій — т.-е. то, чего ждутъ непосредственно отъ соціалистическаго переворота — не представляютъ еще чего-либо принципіально-новаго. И самое главное: они не создаютъ болѣе дешевыхъ товаровъ.

Между тѣмъ это рѣшающій вопросъ. Свои экономическія завоеванія капитализмъ совершалъ вездѣ при помощи дешеваго товара. Это былъ сильнѣйшій агитаторъ въ пользу капиталистической индустріи. Но эту агитацію товарно-денежное хозяйство могло начать лишь тогда, когда оно продѣлало длинный путь развитія. Что сможетъ германскій или даже все-европейскій соціализмъ представить въ крестьянскую Россію въ качествѣ агитатора противъ капитализма, въ пользу соціалистическаго хозяйства? Какими путями пойдетъ «соціалистическое воздѣйствіе» на отсталыя страны?

Капиталистическое «воздѣйствіе» шло, какъ мы видѣли, двумя путями: торговля и вложеніе капиталовъ. Другихъ экономическихъ методовъ нѣтъ и у соціализма. Этими двумя методами исчерпываются и для соціалистическаго хозяйства способы вліянія на отсталыя страны.

Первый — внѣшняя торговля, товарообмѣнъ. Соціалистическая Европа торгуетъ съ мужицкой Россіей. Она посылаетъ ей тѣ-же товары, какіе посылала раньше Европа капи-

талистическая. Товары не сдѣлались дешевле отъ того, что на нихъ стоитъ клеймо соціалистическихъ республикъ. Товары эти могутъ быть изготовлены и въ Россіи, — и дѣйствительно изготовляются — въ частныхъ хозяйствахъ подчасъ не дороже, чѣмъ въ соціалистическихъ хозяйствахъ Европы.

Для большей ясности возьмемъ не Россію, а еще болѣе отсталую страну — Китай или Индію. Когда англійская или японская обувь начала продаваться въ Китаѣ и Индіи, прежніе мелкіе сапожники оказались поверженными въ прахъ. Чтобъ конкуррировать съ дешевымъ ввозомъ, оставалось одно: построить собственную обувную фабрику. Чтобъ пустить ее въ ходъ, надо было нанять рабочихъ. Такъ вмѣсто ремесла выросъ капитализмъ.

Но вотъ Англія и Японія совершили соціалистическое преобразованіе. Они попрежнему посылаютъ обувь въ Индію и Китай. Будетъ ли теперь эта обувь агитировать въ пользу соціализма такъ, какъ она за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ агитировала въ пользу капитала? Заставитъ ли она Индію и Китай превратить свою обувную индустрію въ общественную собственность? Это возможно было бы лишь въ томъ случаѣ, если-бъ *техника* англо-японскаго соціализма не допускала частной, капиталистической системы хозяйства; если-бъ, напримѣръ, въ дѣлѣ обувнаго производства новѣйшія изобрѣтенія создали въ передовыхъ странахъ такія всеобъемлющія предпріятія, которыя по тѣмъ или инымъ причинамъ нераціональны въ формахъ частно-хозяйственныхъ (вродѣ, напр., телеграфа, почты и т. под.). Пока этого не произошло, — а это не такъ скоро и не такъ легко произойдетъ, хотя развитіе и идетъ въ этомъ направленіи — до тѣхъ поръ техника соціалистическаго производства неспособна убить капитализмъ въ отсталыхъ странахъ. Соціализмъ на своихъ низшихъ ступеняхъ еще не можетъ быть «заразителенъ».

Если Англія и Японія станутъ уничтожать у себя мелкія, нераціональныя предпріятія, — отъ этого продуктъ труда не

станетъ дешевле. Это нужно имѣть въ виду постоянно. Въ современныхъ условіяхъ цѣны на міровомъ рынкѣ опредѣляются издержками производства не мелкихъ, отсталыхъ предпріятій, а лучшихъ передовыхъ. Если закрыть мелкія и отсталыя, можно освободившуюся рабочую силу, болѣе разумно использовать и тѣмъ увеличить массу общественнаго продукта. Но дешевле онъ не сдѣлается. Конкурренція съ капиталистическими соперниками отъ этого не дѣлается легче. Наконецъ, если Англія и Японія — при соціалистическомъ хозяйствѣ — вводятъ усовершенствованіе въ производство обуви, могутъ ли они убить капиталистическаго конкуррента въ Индіи и Китаѣ? Но кто помѣшаетъ ему примѣнить у себя то же изобрѣтеніе? Промышленныя тайны давно уже вышли въ тиражъ. Наивно разсчитывать на соціалистическое завоеваніе отсталаго міра при помощи промышленныхъ секретовъ.

А между тѣмъ сколько фантазій и ошибокъ связано съ этимъ вопросомъ! Сколько тысячъ людей представляютъ себѣ воздѣйствіе передовыхъ странъ, послѣ соціалистической революціи, въ формѣ усиленнаго товарообмѣна, который подъ оболочкой прозаическихъ товаровъ будетъ разносить по всему міру соціалистическія бациллы! Но до сихъ поръ *никто* — буквально никто!! — не далъ себѣ труда продумать и разъяснить, какъ этотъ процессъ экономическаго воздѣйствія будетъ идти. Парочка смутныхъ идеекъ о міровомъ хозяйствѣ, о вліяніи высшихъ экономическихъ формъ на низшія — и спасительная теорія готова. И этой идеологической трухой питаются сотни тысячъ людей! Поистинѣ эпоха, которую мы переживаемъ, самая трагическая и въ то же время самая легкомысленная въ міровой исторіи!

Но товарообмѣнъ есть лишь одинъ методъ воздѣйствія передовыхъ странъ на экономическую структуру отсталыхъ. Второй путь вліянія — вложеніе капиталовъ. Имъ можетъ пользоваться и соціалистическое хозяйство. Не является ли это дѣйствительнымъ рычагомъ для быстраго преобразованія отсталыхъ странъ и для «скачка» черезъ капитализмъ прямо къ соціализму? Нѣтъ, здѣсь возможности еще мень-

ше, чѣмъ на первомъ пути. Нужно разсуждать хладнокровно и безъ поэзіи.

Въ настоящее время вложеніе капиталовъ происходитъ слѣдующимъ образомъ. Группа предпріимчивыхъ людей, скажемъ въ Канадѣ, обращается въ финансовыя группы Лондона съ предложеніемъ ассигновать 1 милліонъ фунтовъ для постройки металлургическихъ заводовъ. Лондонскіе капиталисты, принявъ предложеніе канадцевъ, ассигнуютъ требуемую сумму, которая поступаетъ въ распоряженіе Канады, напр., подъ названіемъ Англо-Канадской Компаніи или т. под. Канада закупаетъ на эти средства въ Англіи (и др. странахъ) необходимые элементы производства и кое-что изъ предметовъ потребленія для рабочихъ; но по существу Канада не платитъ за нихъ Англіи. Англія вывозитъ эти товары не въ порядкѣ товарообмѣна, а въ качествѣ капитала. По существу происходитъ разсчетъ лишь внутри Англіи. Англійскіе финансисты уплачиваютъ англійскимъ промышленникамъ столько-то тысячъ фунтовъ за товары, вывозимые въ Канаду. Но Канада ничего въ обмѣнъ не даетъ. — Однако, проходитъ годъ-другой, и металлургическіе заводы Канады, продавши свои издѣлія, даютъ прибыль, которая поступаетъ въ распоряженіе лондонскихъ финансистовъ. Если она составляетъ, къ примѣру, 500.000 долларовъ, то наши лондонцы обогащаются на эту сумму; но они не удовлетворятся канадскими банкнотами или чекомъ. Они купятъ всевозможныхъ товаровъ на эту сумму, — товаровъ, которые Канада должна вывезти въ Англію. Теперь ужъ Канада вывозитъ товары въ Англію «безвозмездно»; т. е. не въ порядкѣ товарообмѣна, а въ порядкѣ уплаты дивидендовъ на акціи. И эту операцію Канада должна будетъ совершать безконечно, — до тѣхъ поръ, пока она не выкупитъ у Англіи собственность на металлургическіе заводы.

Итакъ, вотъ смыслъ всей операціи вложенія капиталовъ. Милліонъ фунтовъ стерлинговъ въ товарахъ представляетъ извѣстную массу человѣческаго труда, находящуюся въ распоряженіи группы частныхъ лицъ. Они готовы затратить ее

такъ, чтобъ получать ежегодно извѣстную сумму въ свое распоряженіе. Иначе не зачѣмъ-бы отдавать эту сумму.

Но вотъ передъ нами соціалистическое хозяйство. Въ немъ нѣтъ «финансистовъ», способныхъ ассигновать милліонъ фунтовъ на канадскіе заводы, какъ и нѣтъ въ немъ вообще капиталистовъ строящихъ собственные заводы. Эти функціи перешли къ общественнымъ организаціямъ. Единственно, кто можетъ вложить капиталъ [1]) въ другія страны — это общественная экономическая организація. Но станетъ ли она это дѣлать?

Она, именемъ всѣхъ гражданъ, будетъ разсуждать и калькулировать. Вложить 1 милліонъ фунтовъ въ канадскую металлургію, 3 милліона въ индусскую мануфактуру, 20 милліоновъ въ китайскія желѣзныя дороги и т. д. — представляетъ немалый расходъ. Если вся сумма такихъ вложеній составитъ, къ примѣру, 200 милліоновъ въ годъ, то на 200 милліоновъ надо сократить потребленіе Англіи. Ибо откуда ихъ взять еще? Вся цѣнность продукта народнаго хозяйства, поступающаго въ распоряженіе гражданъ, составляетъ, допустимъ 2 милліарда фунтовъ. Если нужно ассигновать 200 милл. на иностранныя предпріятія, то эту сумму въ 2 милліарда надо сократить на 10 %, т.-е. понизить уровень жизни народной массы въ такой именно степени. Разумѣется, на такой подарокъ самая архи-соціалистическая Англія не пойдетъ. Вѣдь рѣчь идетъ не объ одномъ мѣсяцѣ или годѣ, а о постоянномъ явленіи, повторяющемся изъ года въ годъ!

Но Англія можетъ разсуждать иначе. Англія нуждается въ канадскомъ лѣсѣ и ежегодно уплачиваетъ своими товарами немалыя суммы за ввозъ лѣса изъ Канады. Канада-же, нуждаясь въ англійскихъ машинахъ для своихъ металлургическихъ заводовъ, предлагаетъ Англіи слѣдующую сдѣлку: если Англія предоставитъ ей капиталъ въ 1 милліонъ фунтовъ, Канада готова вывозить ежегодно въ Англію свой

[1]) Строго говоря, въ этихъ условіяхъ нельзя говорить о „капиталѣ“. Но для простоты и краткости я употребляю и дальше это слово.

лѣсъ безвозмездно въ опредѣленномъ количествѣ, наприм., цѣнностью въ 500 000 долларовъ. Если Англія соглашается, она освобождается отъ ежегоднаго платежа за лѣсъ и получаетъ это сырье безплатно; но для этого она должна единовременно вывезти товаровъ безвозмездно на 1 милл. фунтовъ. Канада-же получаетъ возможность развить свою промышленность и увеличить свою производительную силу. Изъ этого излишка она охотно уплачиваетъ Англіи 500 000 долларовъ ежегодно.

Если оплодотвореніе отсталыхъ странъ будетъ продолжаться въ условіяхъ соціалистическаго производства — а оно, конечно, будетъ продолжаться,— оно сможетъ происходить въ такихъ только формахъ. Всякіе иные разсчеты представляютъ непростительную маниловщину. Но вѣдь это означаетъ, что отсталыя страны должны платить дань передовымъ за свое промышленное развитіе! Вѣдь это значитъ, что рабочіе Канады, Южной Африки, Америки должны будутъ создавать прибавочную цѣнность для рабочихъ Англіи послѣ соціальной революціи! Да, такъ оно и есть. Страна соціалистическаго хозяйства не знаетъ капитала у себя, внутри. Но отправляя свои производительныя силы въ другую страну, она разсматриваетъ ихъ какъ капиталъ. Многимъ фантазерамъ такой выводъ покажется умопомрачительнымъ. Но что подѣлаешь? Логику нельзя убить ни закоренѣлой иллюзіей, ни нравственнымъ возмущеніемъ.

Итакъ, вложеніе капиталовъ въ отсталыя страны,— этотъ второй методъ вліянія старшихъ на младшихъ, — не только не облегчаетъ дѣло соціалистическаго преобразованія отсталыхъ странъ, но подчасъ даже наоборотъ. Оно происходитъ въ капиталистическихъ формахъ даже тамъ, гдѣ капитализмъ является уже отжившимъ.

Этотъ вопросъ стоялъ передъ совѣтской Россіей во время пресловутой «дискуссіи о концессіяхъ». Сторонники концессій аргументировали такъ: «Покуда живъ міровой капитализмъ, намъ приходится платить ему дань. Но міровая революція не за горами. Поэтому всѣ эти желѣзныя дороги,

лѣсныя хозяйства, порты, фабрики и заводы, которые концессіонеры понастроютъ у насъ сейчасъ, достанутся намъ въ наслѣдство отъ мірового капитализма на слѣдующій день послѣ міровой революціи. Поэтому концессіи не только не опасны, но представятъ очень выгодный гешефтъ. И весь міръ всплеснетъ тогда руками, удивляясь хитрости русскаго мужичка».

Но подумалъ-ли кто-нибудь серьезно, достанутся-ли тогда Россіи въ наслѣдство концессіи? Покуда Германія, Швеція, Англія остаются странами буржуазными, доходы отъ русскихъ концессій поступаютъ въ руки частныхъ лицъ. Но въ тотъ моментъ, когда вся собственность этихъ лицъ переходитъ къ государству, въ числѣ ея переходятъ къ нему и иностранныя концессіи и доходы отъ этихъ концессій. Смѣшно думать, будто отъ этихъ доходовъ кто-нибудь откажется. Кто бы ни оказался у власти въ этотъ моментъ, онъ и не подумаетъ этого сдѣлать. И развѣ такъ трудно будетъ ему привести въ свою пользу десятокъ увѣсистыхъ аргументовъ?

— Эти паровозы, которые мчатся по русскимъ дорогамъ, эти вагонные рельсы, эти ткацкія машины и хлопокъ, эти чугуно-литейные заводы и лѣсопильни созданы нашимъ трудомъ, потомъ и кровью цѣлыхъ рабочихъ поколѣній. Они олицетворяютъ собой трудъ, экспропріированный у насъ нашей, нынѣ повергнутой въ прахъ, буржуазіей. Мы не доѣдали — и посылали машины въ Россію. Мы не досыпали — и грузили рельсы въ Одессу и Петроградъ. Мы убивались изъ послѣднихъ силъ — и обогатили пустынную Россію образцовыми промышленными хозяйствами. Неужели теперь вся эта масса труда должна пропасть для насъ даромъ? Мы совершили соціалистическій переворотъ. Мы не можемъ начать новую эру съ того, чтобъ сократить народный доходъ, т.-е. уменьшить ту массу продуктовъ, которая находится въ нашемъ распоряженіи для народнаго потребленія. Мы не можемъ дать свергнутой буржуазіи такое сильное агитаціонное орудіе въ руки, какъ обѣдненіе страны послѣ соціалистическаго переворота.

Что именно такъ будутъ разсуждать Гендерсонъ или Шейдеманъ, оказавшись у власти, — въ этомъ вѣроятно никто не сомнѣвается. Но будь на ихъ мѣстѣ самъ Кашэнъ или Цеткина, все равно. Имъ пришлось бы проводить такую же самую политику. Всѣ обѣщанія другого рода представляютъ одну демагогію.

Но вѣдь Россія-то, при коммунистахъ, исполнила эти обѣщанія отказаться отъ своихъ внѣшнихъ владѣній? О да, Россіи это было не трудно. Въ балансѣ ея дебета и кредита стоялъ огромный минусъ, и аннулированіе долговъ означало выигрышъ для Россіи. Нѣсколько грошей, потерянныхъ въ Персіи, съ большимъ избыткомъ покрывались милліардами по французскому и англійскому долгу. Прямолинейный интернаціонализмъ большевизма могъ сдѣлаться въ Россіи правительственной системой потому лишь, что онъ превосходно сочетался съ нѣкоторыми національными интересами: освобожденіемъ отъ долговъ. Если-бъ Россія была кредиторомъ, большевизму пришлось-бы довольно радикально пересмотрѣть свою политику въ вопросахъ международныхъ долговъ.

— Но какъ-же, — спроситъ иной читатель, — значитъ и во взаимоотношеніяхъ соціалистическихъ государствъ возможны и долги, вложеніе капиталовъ и пр.?

— Да, скажу я, это не только возможно, но и неизбѣжно. Но изъ всѣхъ проблемъ соціализма эта проблема заставляетъ меньше всего ломать себѣ голову. Да, еще долгое, очень долгое время сохранится различіе между странами болѣе развитыми и менѣе развитыми. И долгое время еще ушедшія впередъ страны будутъ трудомъ своимъ оживлять пустынныя равнины и оплодотворять отдаленныя заброшенныя страны. И они будутъ дѣлать это не въ интересахъ «міровой исторіи» и не для саморазвлеченія, а ради извѣстныхъ, конкретныхъ матеріальныхъ выгодъ. Поэтому и система международныхъ кредитовъ, платежей и пр. сохранится еще очень долгое время. Однѣ страны сумѣютъ шагнуть далеко впередъ и безъ большихъ усилій смогутъ освободиться отъ своихъ долговъ. Другія будутъ отставать и, нуждаясь въ чужой по-

мощи, будутъ жить за чужой счетъ, т. е. не избѣгнутъ долговъ. Третьи будутъ дѣлать первые шаги по пути промышленнаго развитія и съ большой охотой возьмутъ на себя обязательства по отношенію къ «передовымъ». И параллельно со всѣмъ этимъ будетъ идти впередъ процессъ постепеннаго сліянія мелкихъ странъ въ крупныя хозяйственно-государственныя единицы, — процессъ, начавшійся нѣсколько столѣтій назадъ, но имѣющій еще большую будущность. А сліяніе странъ постепенно уничтожаетъ ихъ взаимные разсчеты и консолидируетъ ихъ въ единый организмъ.

Умрутъ поколѣнія одно за другимъ. Пройдутъ столѣтія. Міровое хозяйство изъ книжной абстракціи воплотится въ дѣйствительность и поглотитъ въ себѣ отдѣльныя «народныя хозяйства» съ ихъ балансами, плюсами и минусами, долгами и доходами. Но и тогда отдѣльныя «провинціи» этого великаго цѣлаго сохранятъ самостоятельность, и не всѣ они будутъ занимать одинаковое мѣсто по своему богатству, своимъ нуждамъ, и возможностямъ покрытія своихъ потребностей.

В. ЦѢЛИ И ЗАДАЧИ.

I.

Реальныя программы и реальныя задачи.

1. Рабочая партія у власти.

Рабочія партіи стремятся къ власти, какъ и всѣ другія партіи въ мірѣ. Партія, которая не стремится къ власти, перестаетъ быть политической организаціей и превращается въ академическій кружокъ или дискуссіонный клубъ. Погоня за министерскими портфелями бываетъ болѣзнью партійныхъ чиновниковъ, но стремленіе къ власти не имѣетъ съ этой похотливостью ничего общаго. Каждая партія доказываетъ изо дня въ день, — и она убѣждена, что это вѣрно — что именно она имѣетъ лучшіе отвѣты на всѣ текущіе политическіе вопросы. Если она стремится осуществить эти свои обѣщанія, т. е. стремится къ власти, то это естественно, нормально и здорово. Если-же такого стремленія нѣтъ, то это симптомъ внутренней слабости, болѣзненнаго состоянія политической организаціи.

Но для соціалистическихъ партій есть при этомъ одно затрудненіе. «Соціалистическая партія есть партія, осуществляющая соціализмъ. Соціалистическая партія—противница капитализма. Власть соціалистической партіи есть ликвидація капитализма. Словомъ, сосуществованіе соціалистическаго правительства и капиталистической эксплуатаціи невозможно. Самое большее, о чемъ рѣчь можетъ идти, — это о томъ, будетъ ли капитализмъ ликвидированъ молніеносно или рядомъ послѣдовательныхъ реформъ.»

Таковъ очень распространенный взглядъ. До войны онъ былъ даже господствующимъ взглядомъ. И обычно шли еще дальше. Капитализмъ, гласила эта теорія, несовмѣстимъ не только съ соціалистической властью, которая включила въ свою программу его ликвидацію, но и съ властью иной рабочей партіи, напр. англійскаго типа, которая осознанной цѣлью своей не дѣлаетъ ликвидацію буржуазнаго общества. Пусть она не стремится къ его ликвидаціи, это не важно. Но ея политика, даже помимо ея воли, сдѣлаетъ капитализмъ невозможнымъ. Она дастъ рабочимъ такія преимущества въ экономической борьбѣ съ капиталомъ, она позволитъ имъ такъ повысить свой заработокъ, что функціонированіе капитала сдѣлается невыгоднымъ, и буржуазія сама будетъ предлагать государству свои предпріятія.

Такъ гласила до-военная теорія. Она имѣла преимущества цѣльности и ясности. Что она была неправильна, это не сознавалось въ тѣ времена, когда вопросъ о соціалистической власти не имѣлъ реальнаго значенія, когда все это было музыкой отдаленнаго будущаго.

Затѣмъ, въ военные годы, соціалисты неожиданно оказались у власти во многихъ странахъ. Однако, это произошло въ такихъ условіяхъ, когда объ осуществленіи соціализма не было и рѣчи. Ликвидаціей капитализма соціалистическіе министры не занимались ужъ по тому одному, что въ большинствѣ случаевъ ихъ коллегами по кабинету были представители капитализма. За протекшіе 7 лѣтъ накопилась большая практика соціалистическихъ и полусоціалистическихъ правительствъ; но практика эта, не подвинувъ впередъ дѣло соціалистическаго преобразованія, только обнаружила ошибочность доминирующей теоріи и оставила въ наслѣдство неразрѣшенный вопросъ о власти рабочихъ партій, какъ зіяющую рану въ ихъ сильномъ организмѣ. Между тѣмъ, это самый важный вопросъ. И пока нѣтъ ясности въ этомъ вопросѣ, практика осуждена на постоянныя шатанія, недоразумѣнія и грубыя ошибки.

Если въ Европѣ ликвидація капитализма еще невозможна; если даже максимальные успѣхи обобществленія хозяйства, не понижающіе хозяйственнаго уровня, ограничены сравнительно узкими рамками; если больше половины народнаго хозяйства должно развиваться еще въ капиталистическихъ условіяхъ — тогда одно изъ двухъ: либо соціалистическая партія не должна, находиться у власти, ибо ея пребываніе у власти автоматически ликвидируетъ капитализмъ; либо соціалистическая партія, достигши власти, должна быть совмѣстимой съ капиталистическимъ хозяйствомъ, и должна отказаться отъ его ликвидаціи. Впрочемъ, возможно еще и третье. Можно, будучи въ оппозиціи, обѣщать рай, а затѣмъ, достигши власти, продѣлать головокружительные прыжки и оказаться въ концѣ концовъ обѣими ногами на грѣшной капиталистической землѣ. Но эту «систему» оставимъ коммунистамъ.

Итакъ первое рѣшеніе вопроса гласитъ: рабочая партія не должна стремиться къ власти до тѣхъ поръ, пока не созрѣли условія для полнаго осуществленія соціализма. Возможно-ли такое рѣшеніе? Если-бъ политика рабочей партіи только тѣмъ и отличалась отъ политики всѣхъ прочихъ партій, что первая стремится къ соціалистическому хозяйству; если-бъ не было вопросовъ о политическихъ свободахъ, войнѣ и мирѣ, республикѣ и монархіи, церкви и арміи, — тогда это было-бы возможно. Пусть-молъ правятъ буржуазныя партіи, пока царитъ капитализмъ! Но тогда незачѣмъ существовать особой соціалистической партіи. Ей не въ чемъ было-бъ упрекнуть своихъ политическихъ противниковъ; ей оставалось-бы только распустить своихъ членовъ — до тѣхъ поръ, пока не созрѣютъ условія для соціализма. Не стремясь къ власти, она перестаетъ быть партіей.

Но всякій знаетъ, что дѣло обстоитъ совершенно иначе. Не только капитализмъ — соціализмъ раздѣляетъ различныя партіи, а цѣлый рядъ еще другихъ вопросовъ. Та

политика, внѣшняя или внутренняя, которую ведутъ правыя или либеральныя партіи, не удовлетворяетъ массу сторонниковъ рабочихъ партій. Поэтому не о самораспущеніи мечтаютъ они, а объ усиленіи своихъ организацій.

Поэтому рабочія партіи должны принять второе рѣшеніе: они должны готовиться управлять буржуазнымъ государствомъ и должны проводить программу, которая не означаетъ уничтоженіе капитала. Рабочія партіи должны поставить себѣ цѣлью управлять буржуазнымъ государствомъ.

Буржуазное хозяйство существуетъ и существовало въ самыхъ различныхъ политическихъ формахъ: подъ властью англійскихъ лендлордовъ и прусскихъ юнкеровъ; при господствѣ буржуазнаго либерализма во Франціи или Италіи; подъ властью радикальнаго крестьянства во Франціи или Швейцаріи, и реакціоннаго крестьянства — въ Бельгіи; наконецъ, подъ властью рабочей партіи въ Австраліи и Новой Зеландіи. Капитализмъ, какъ хозяйственная система, въ основномъ одинаковъ во всѣхъ этихъ странахъ: наемный трудъ, прибыли, биржа, дивиденды, банки и пр. Но только поверхностный и убійственный схематизмъ внушилъ многимъ ту мысль, будто эта всеобщая экономическая система капитализма знаетъ только одну «адэкватную» политическую форму — господство городской буржуазіи. Дѣйствительность въ тысячу разъ сложнѣй этой формулы. Въ схемѣ этой не только упущена такая мелочь, какъ крестьянство, но не принята во вниманіе возможность политическаго усиленія другихъ классовъ («новое среднее сословіе» и рабочіе), которое, не мѣняя хозяйственной системы, мѣняетъ систему политическую.

Возможно-ли это? Можетъ-ли рабочая партія, будучи у власти, содѣйствовать развитію народнаго хозяйства даже въ капиталистическихъ формахъ? Теоретически положительный отвѣтъ ясенъ. На практикѣ это вопросъ факта. Во многихъ странахъ, въ особенности въ культурно-отсталыхъ, такая рабочая партія будетъ слаба. Въ другихъ

— она будетъ сильнѣе. Но если-бъ ей это не удалось, т. е. если-бъ она своей политикой разрушала капитализмъ (кой-какія націонализаціи въ счетъ не идутъ), то она тѣмъ самымъ подточила-бы устои своей власти. Поэтому у власти можетъ длительно оставаться лишь та рабочая партія, которая сознательно встанетъ на этотъ путь.

Надо отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что это означаетъ. Современное государство создало громадный аппаратъ для защиты частной собственности, которая въ девяти случаяхъ изъ десяти является собственностью буржуазной. Для этого выработана и разработана система гражданскаго права, регулирующая всю систему собственности и перехода собственности изъ рукъ въ руки. Это евангеліе буржуазнаго хозяйства. И въ дополненіе къ гражданскому праву создана полиція, охраняющая собственность; суды, рѣшающіе споры о правѣ собственности, и наказующіе нарушеніе его; уголовное право и тюрьмы. Какъ быть рабочей партіи съ этой развѣтвленной и всеобъемлющей системой клапановъ буржуазнаго организма? Она должна сохранить въ принципѣ всю эту систему, измѣняя тѣ или иныя устарѣлыя частности. Коммунизмъ, который пробовалъ открыть всѣ клапаны, на этомъ больно ожогся. Пока хозяйство ведется по буржуазному, необходимы буржуазные законы. Вы можете смягчать наказанія, измѣнить личный составъ судей, ввести гуманность въ уголовное право, вы можете провести еще тысячу другихъ полезныхъ и необходимыхъ реформъ, но вы ничуть не затрагиваете всѣмъ этимъ корней буржуазной системы собственности. Наоборотъ, этой реформаторской дѣятельностью вы приближаете юридическую структуру къ новѣйшимъ, современнымъ запросамъ капиталистическаго хозяйства. Это надо сказать самимъ себѣ съ полной ясностью.

Больше того. Бываютъ случаи, когда буржуазныя функціи государства проявляются еще гораздо рѣзче. Толпа голодныхъ работницъ бросается на лавки и начинаетъ ихъ громить, или силой открываетъ склады и выноситъ изъ нихъ

товаръ. Когда рабочая партія въ оппозиціи, она винитъ буржуазное правительство, и по большей части съ большимъ основаніемъ: оно даетъ разыграться спекулятивной вакханаліи, не заботится о снабженіи голодной массы, недостаточно помогаетъ безработнымъ. Но никакое рабочее правительство не гарантировано отъ подобнаго рода «эксцессовъ». Хозяйственный кризисъ, неурожай могутъ вызвать ихъ, несмотря на политику, самую внимательную къ интересамъ рабочей массы. Что станетъ дѣлать рабочая партія въ качествѣ правящей партіи? Ей ничего не останется, какъ защищать собственность торговцевъ отъ безумной ярости пролетарской массы. Защищать это значитъ: по возможности словами убѣжденія, но при невозможности — и силой.

Въ моменты стачекъ столкновенія принимаютъ подчасъ массовый характеръ. Борьба между стачечниками и штрейкбрехерами рѣшаетъ подчасъ исходъ экономической борьбы. Государство имѣетъ возможность рѣшить вопросъ въ пользу бастующихъ рабочихъ, если оно прикажетъ полиціи ни въ какомъ случаѣ не вмѣшиваться въ ходъ этой борьбы; если къ мѣрамъ моральнаго воздѣйствія на штрейкбрехеровъ присоединится безнаказанное, а потому массовое, физическое воздѣйствіе. Не очень трудно «взорвать капитализмъ» этимъ путемъ. Въ иныхъ случаяхъ бастующіе рабочіе захватываютъ заводы, чтобъ вынудить уступки. Государство и тутъ можетъ рѣшить вопросъ въ ихъ пользу, отказавшись охранять право собственности промышленнаго капитала.

Но рабочая партія не можетъ вступить на этотъ путь, если она думаетъ и о завтрашнемъ днѣ. Ей придется, въ качествѣ правительства, сохранять по большей части нейтралитетъ въ экономической борьбѣ труда съ капиталомъ, ограничиваться ролью посредника, а подчасъ занимать позицію противъ тѣхъ элементовъ пролетаріата, дѣйствія которыхъ выходятъ за рамки дисциплинированной профессіональной борьбы.

Точно такъ-же рабочая партія, будучи у власти, не въ силахъ положить конецъ наибольшему ужасу современнаго

строя — безработицѣ. Можно смягчить бѣдствія безработныхъ, и она этого разумѣется добьется. Но у нея нѣтъ никакой возможности, сохраняя капиталистическое хозяйство, обезпечить «право на трудъ» для всѣхъ. Далѣе, она не сможетъ ликвидировать вездѣ систему таможенныхъ пошлинъ, т. е. косвенныхъ налоговъ, вытекающихъ изъ современной внѣшней торговли, такъ-же какъ она лишь въ немногихъ странахъ оказалась-бы въ силахъ покончить со всѣми внутренними косвенными налогами.

Наконецъ, приступая въ той или иной области къ обобществленію хозяйства, ей придется дѣлать это въ полномъ согласіи съ принципомъ буржуазной собственности. О конфискаціи не будетъ и рѣчи, и безъ выкупа дѣло не обойдется. Всѣ обязательства передъ кредиторами, банками и пр. должны будутъ строго выполняться. Словомъ, методы обобществленія будутъ въ общемъ тѣ-же, какіе примѣняются буржуазными партіями, когда онѣ приступаютъ къ націонализаціи желѣзныхъ дорогъ или заводовъ.

Зачѣмъ я такъ подробно останавливаюсь на всѣхъ этихъ вопросахъ? Чтобъ совершенно отчетливо сказать о томъ, что значитъ для рабочей партіи управленіе буржуазнымъ государствомъ. Это необходимо выяснить себѣ во всѣхъ деталяхъ для того, чтобъ не ожидать во всѣхъ этихъ отношеніяхъ большаго, чѣмъ рабочее правительство можетъ дать. Новыхъ лавровъ это въ вѣнокъ его не вплететъ. Но такъ какъ эта политика является въ настоящихъ условіяхъ предпосылкой экономическаго прогресса, то она необходима для того, чтобъ власть рабочей партіи могла быть длительной и успѣшной въ другихъ областяхъ. Ибо цѣлью ея является, конечно, не повтореніе того, что дѣлали и до нея другіе, а то новое, что она можетъ дать.

2. Политика.

Это новое лежитъ раньше всего въ области «чистой политики». Если она не можетъ достигнуть радикальнаго измѣненія экономическихъ отношеній, то она за то

имѣетъ полную возможность добиться полнаго и послѣдовательнаго демократизма. Это громадная, грандіозная задача, требующая массы усилій и достижимая только въ процессѣ упорной, многолѣтней борьбы. Все то, что писалось въ «минимальныхъ программахъ» соціалистическихъ партій, дѣлается теперь живыми требованіями момента, и только теперь видны всѣ трудности, связанныя съ процессомъ демократизаціи государства.

Онъ натыкается раньше всего на остатки феодальныхъ классовъ, и во всей центральной Европѣ (Германія, Австрія, Венгрія, Румынія и др.) они являются главной силой, противостоящей демократизму. Сломить эту силу; ликвидировать ее; окончательно уничтожить путемъ экспропріаціи и даже конфискаціи крупнѣйшихъ латифундій. Здѣсь не должно быть мѣста никакимъ компромиссамъ съ политической силой врага. Здѣсь нужно дѣйствовать радикально и рѣшительно.

Главной опорой отжившихъ соціальныхъ слоевъ является офицерство — самое реакціонное, что есть сейчасъ въ Европѣ. Этотъ малочисленный слой представляетъ гигантскую политическую силу. Естественно связанный происхожденіемъ своимъ со старымъ дворянствомъ, онъ черпаетъ въ своей профессіи реакціонное вдохновеніе, еще усиливающее эти дворянски-феодальныя черты. Его положеніе ставитъ его выше людской массы. Отъ него требуется способность командовать, распоряжаться, наказывать, осуществлять строжайшую и жесточайшую дисциплину. Оно должно спокойно посылать людей на смерть, разстрѣливать бѣгущихъ и отступающихъ, безжалостно подавлять сопротивляющагося врага. Война поэтому во многихъ отношеніяхъ является источникомъ политической реакціи. Но даже въ мирныхъ условіяхъ военное дѣло воспитываетъ эти радикальныя анти-демократическія настроенія. И роль офицерства проявилась съ достаточной отчетливостью во внутренней политикѣ послѣднихъ лѣтъ: смотри Россію съ ея Корниловымъ, Деникинымъ, Врангелемъ, Юденичемъ; смотри Германію съ ея Каппомъ, Лютвицомъ, Бауэромъ, Гофманомъ и Люден-

дорфомъ; смотри Венгрію съ ея Хорти; смотри, наконецъ, Францію, гдѣ Фошъ является выраженіемъ крайней реакціи офицерскихъ круговъ.

Примѣръ Франціи особенно важенъ. Во Франціи политическая роль крупнаго землевладѣнія ничтожна. Феодальный классъ ликвидированъ еще революціей 18-го вѣка. Но какъ ни слабы остатки стараго дворянства, оно и сейчасъ еще даетъ множество рекрутовъ въ офицерство. Идеологія «командующаго сословія», стоящаго превыше людской массы и призванной ею управлять, является въ Европѣ общей для феодальныхъ круговъ, т.-е. нѣкоторой экономической группы, и для офицерства, т.-е. нѣкоторой части служащихъ государства. И идея монархіи часто вѣнчаетъ законченную идеологію тѣхъ и другихъ. Поэтому совершенно недостаточно ликвидировать средневѣковье. На почвѣ капитализма, тамъ, гдѣ онъ открываетъ большой просторъ милитаризму, вырастаютъ тѣ же реакціонныя настроенія. Борьба съ ними превращается въ дѣло первостепенной важности.

Реорганизація арміи можетъ идти въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, количественное сокращеніе ея. Оно лучше всего достижимо путемъ международныхъ договоровъ, одновременно сокращающихъ численность армій во всѣхъ странахъ и дѣлающихъ невозможнымъ эксплуатацію демократизма одной страны для завоевательныхъ аппетитовъ другой. Покуда такихъ договоровъ нѣтъ, пока одни лишь побѣжденныя страны ограничены въ военныхъ правахъ, цѣлые народы борются, изъ чувства самосохраненія, за право содержать большую армію. Поэтому, въ подобныхъ условіяхъ развивается въ однѣхъ (побѣдившихъ) странахъ милитаризмъ, въ другихъ (побѣжденныхъ) — тяга къ милитаризму.

Во-вторыхъ, качественное преобразованіе арміи. Оно не зависитъ отъ упомянутыхъ условій и возможно во всякій моментъ, кромѣ развѣ военнаго періода. Чтобъ ликвидировать старую офицерскую касту и уничтожить ея тѣсную связь съ реакціонными классами, можно въ теченіе ряда лѣтъ подготовить новый офицерскій составъ, открывая двери въ офицерскія школы представителямъ демократиче-

скихъ слоевъ и фильтруя кандидатовъ по ихъ политическимъ симпатіямъ. Въ такомъ дѣлѣ, какъ организація главной опоры государственной власти, нѣтъ мѣста полной «объективности» и «безпартійности», если ставить себѣ цѣлью утвержденіе демократическаго государства. Наоборотъ, чтобъ избѣжать гражданскихъ войнъ, необходимо создать полный контактъ между фактической конституціей демократическаго государства и идеологіей его военной силы.

Австрія явила въ послѣдніе годы образецъ страны, строящей по-новому свою новую армію. Ея «Volkswehr» была создана въ 1919—20 гг., въ періодъ революціи, и задачей ея была поставлена въ первую очередь борьба противъ реакціи. «Такъ называемая внѣ-политическая армія была бы ничѣмъ инымъ, какъ сборищемъ людей изъ подонковъ буржуазнаго общества.... Новая армія превратила партійную привязанность своихъ солдатъ въ военную дисциплину. Въ этомъ было спасеніе демократической республики»[1]). Въ концѣ 1919 года коалиціонное правительство Австріи приступило къ созданію постоянной арміи въ согласіи съ Сэнъ-Жерменскимъ договоромъ. При этомъ опять-таки армія строилась на принципѣ демократической «политичности». Программа правительства, превратившаяся вскорѣ въ законъ, гласила: «Новая армія будетъ демократической, республиканской арміей. Армія присягнетъ демократической республикѣ»[2]). Командный составъ отчасти пополнялся изъ среды солдатской массы. «Пріобрѣтеніе истинныхъ республиканцевъ для арміи я считалъ самымъ важнымъ», пишетъ военный министръ[3]). Эта задача ему повидимому вполнѣ удалась.

Другой страной, подвергшей свою армію радикальному преобразованію, была Россія. Совѣтское правительство точно такъ же ставило себѣ цѣлью создать однородность политическаго режима и военной силы. Это удалось ему въ большой степени. Но въ условіяхъ жестокой диктатуры это

[1]) Julius Deutsch. Aus Österreichs Revolution, с. 32.
[2]) тамъ-же, с 127.
[3]) тамъ-же, с. 130.

привело къ тому, что офицерство отнюдь не прониклось демократическими убѣжденіями; наоборотъ, завоевательныя милитаристскія тенденціи въ немъ чрезвычайно сильны. И съ ликвидаціей коммунизма въ наслѣдство остается ужъ ничѣмъ не прикрытый милитаризмъ съ большой примѣсью реакціонной самоувѣренности и презрѣнія къ демократіи.

За то въ Германіи, какъ это ни странно, качественное преобразованіе арміи имѣло мѣсто лишь въ ничтожной степени. Правда, она реорганизована съ верху до низу; численность ея сокращена въ 10 разъ и вооруженіе у ней бѣдное. Но командный составъ взятъ изъ среды прежняго офицерства, и строгая дисциплина можетъ сдѣлать армію орудіемъ въ рукахъ правыхъ. Впрочемъ, ея роль въ общественной жизни сейчасъ безконечно меньше, чѣмъ до войны. Но это не заслуга республики, а плодъ военнаго пораженія и Версальскаго мира.

Въ Германіи болѣе ясно выступаетъ другая задача демократизаціи государства: смѣна всего высшаго бюрократическаго персонала. Финансы, юстиція, народное просвѣщеніе, мѣстная администрація и до сихъ поръ остаются въ рукахъ стараго чиновничества, и слабость республиканскаго строя ни въ чемъ не проявляется такъ отчетливо, какъ въ его неспособности радикально очистить государственный организмъ отъ монархической крови. Это требовало бы смѣны одной лишь верхушки, нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Но оказывается, что эта небольшая верхушка является для очень широкихъ слоевъ крестьянства и имущихъ классовъ гарантіей «порядка и спокойствія», и противъ устраненія ея возстаютъ тысячи формальныхъ, юридическихъ, конституціонныхъ и политическихъ возраженій. Въ свое время Ленинъ доказывалъ, что для очистки государственнаго аппарата отъ реакціонныхъ тенденцій необходимо «сломать» всю государственную машину. Онъ такъ и поступилъ въ Россіи. Современная Германія какъ будто подтверждаетъ его максимализмъ. Неужели республика неспособна побороть монархическую реакцію иначе, какъ превративши самое себя въ жестокую диктатуру революціон-

наго меньшинства? Конечно, это вздоръ. Она была бы способна, если-бъ захотѣла. Но международное положеніе ея, отвлекая вниманіе отъ внутренней политики, создаетъ въ то же время почву для націонализма, и отодвигаетъ въ сознаніи народныхъ массъ демократическія реформы на задній планъ.

Я не собираюсь дать здѣсь списокъ десятковъ и сотенъ большихъ и малыхъ реформъ, которыя составляютъ реалистическую программу рабочей партіи у власти, и которыя въ общемъ и цѣломъ создаютъ государственный строй, именуемый демократіей. Демократія означаетъ напряженную, полицейскими рогатками не стѣсняемую общественную жизнь, въ которой низшіе классы принимаютъ постоянное, самое энергичное участіе. Демократія означаетъ неустанный общественный контроль надъ органами власти, осуществляемый парламентами и свободной прессой. Демократія требуетъ поэтому полной, ничѣмъ, кромѣ судовъ, не ограниченной свободы печати; въ этомъ отношеніи лучше пересолить, чѣмъ недосолить. Демократія означаетъ освобожденіе и равноправіе женщинъ, прекращеніе національнаго угнетенія, разрыва съ государственной церковью, свободы совѣсти, отказа отъ завоевательныхъ плановъ и соотвѣтствующей системы внѣшней политки. Къ внѣшней политикѣ, впрочемъ, которая составляетъ въ настоящій моментъ одну изъ самыхъ главныхъ проблемъ, я вернусь особо въ слѣдующей главѣ.

Демократія означаетъ максимально-свободный политическій режимъ. Знамя свободы, какія бы шутки ни отпускались на этотъ счетъ справа и слѣва, остается и останется знаменемъ всякаго большого народнаго движенія, и только минутная слабость и усталость можетъ заставить измѣнить ему. И измѣна эта можетъ дать мимолетный успѣхъ, въ формѣ-ли коммунистической диктатуры или диктатуры реакціонной сабли. Но демократія мститъ за себя: въ первомъ случаѣ ужасающимъ экономическимъ разваломъ, во второмъ — страшнымъ политическимъ гнетомъ, который вновь пробуждаетъ къ жизни революціонныя силы.

И не нужно позволять себя запугивать «красной» и «черной» опасностью. Заговоры и планы возстаній естественно рождаются въ революціонныхъ странахъ, пережившихъ потрясенія послѣднихъ лѣтъ. И много еще воды утечетъ, пока создастся политическая устойчивость, гарантирующая новыя республики отъ подводныхъ камней. Въ извѣстные моменты нѣтъ ничего, казалось бы, проще, чѣмъ разгромить и раздавить, напримѣръ, коммунизмъ. Это вполнѣ было бы возможно сейчасъ въ Германіи и Австріи, Швеціи и Даніи; и ни одинъ коммунистъ не имѣлъ бы права протестовать противъ тѣхъ же способовъ подавленія его партіи, какими его партія подавляла своихъ политическихъ противниковъ въ Россіи. Но эта политика близорукая и опасная по совершенно другимъ причинамъ.

Коммунизмъ представляетъ силу, которая не должна быть властью. Въ Западной Европѣ, гдѣ вопросъ о буржуазной революціи не стоитъ на очереди, не было бы никакихъ объективныхъ оправданій для громадныхъ разрушеній, кровопролитной гражданской войны и экономической катастрофы, которая неизбѣжно, органически связана съ побѣдой коммунизма: То прогрессивное, что коммунистическая эпоха дала Россіи (ликвидація «ancien régime»), либо уже цѣликомъ достигнуто европейскими революціями, либо на ¾ вырвано долголѣтней борьбой, постепенными уступками. А то, что «недодѣлано», не стоитъ жертвъ большевистской революціи и вполнѣ достижимо безъ нея. Поэтому коммунистическая диктатура означала бы для передовыхъ странъ только регрессъ, почти безъ элементовъ прогресса.

Коммунистическая партія никуда не годится какъ правящая сила. Но совершенно иное нужно сказать о коммунизмѣ, какъ силѣ оппозиціонной. Элементы простой, наивной вѣры, подчасъ рождающей фанатизмъ, такъ сильны въ идеологіи современнаго коммунизма, что они превращаютъ коммунистическую людскую массу въ первоклассное орудіе борьбы противъ крайней реакціи, противъ монархистскихъ тенденцій, противъ милитаризма, реакціонной юсти-

ціи, и для подавленія реакціонныхъ заговоровъ и возстаній. Политическая борьба съ коммунизмомъ не должна мѣшать тому, чтобъ въ интересахъ демократизаціи Европы использовать его, какъ большую оппозиціонную силу. Коммунизмъ плохъ въ качествѣ власти, но нуженъ въ качествѣ оппозиціи. До тѣхъ поръ, пока будетъ существовать реакціонная опасность — а это продлится еще немало десятилѣтій, — полезно противъ «утопистовъ реакціи» имѣть противовѣсъ въ видѣ «революціонныхъ утопистовъ». Поэтому вредно и близоруко было бы разгромить и насильно ликвидировать коммунизмъ. Наоборотъ, надо умѣть использовать его, заставить его служить цѣлямъ демократіи.

3. Экономика.

Рабочая партія, говорилъ я, должна поставить себѣ задачей управлять буржуазнымъ государствомъ. Но управляя имъ, она стремится преобразовать его и изъ буржуазнаго постепенно превратить въ соціалистическое. Это сфера экономической политики.

Въ области экономической политики есть вопросы, которые никакихъ принципіальныхъ затрудненій не вызываютъ. Рабочее законодательство, квартирный вопросъ, санитарная гигіена, тарифные договоры — всѣ эти вопросы въ принципѣ давно рѣшены, и большій или меньшій прогрессъ на этомъ пути зависитъ лишь отъ экономическихъ возможностей и отъ сравнительной силы борющихся классовъ. Не здѣсь главныя затрудненія.

Не многимъ больше затрудненій и въ вопросѣ о заводскихъ комитетахъ, который на западѣ почему-то припутывается къ вопросу о «соціализаціи». Послѣ германской революціи, съ легкой руки очень ученыхъ ученыхъ, — все, что такъ или иначе реорганизуетъ промышленность и отвѣчаетъ запросамъ рабочихъ, подводится подъ расплывчатую категорію «соціализаціи». Если, напр., предполагается перестроить руководящую коллегію какого-нибудь государствен-

наго предпріятія и ввести въ нее, кромѣ чиновниковъ, еще и представителей потребительскихъ и рабочихъ организацій, — это называется «соціализаціей». Если создаютъ комитеты для одного лишь регулированія цѣнъ изъ представителей капитала, труда и др. элементовъ, то и этотъ, очень неловкій опытъ, любятъ именовать «соціализаціей». Наконецъ и законъ о созданіи заводскихъ комитетовъ тоже называютъ соціализаціей.

Конечно, дѣло не въ словахъ. Если кому угодно, можно и тарифные договоры, и право двухнедѣльныхъ отпусковъ именовать соціализмомъ. Но при этомъ стирается и устраняется, подчасъ совершенно сознательно, труднѣйшій вопросъ въ сферѣ экономической политики: вопросъ о превращеніи частной собственности въ общественную собственность. Это центральная проблема соціализаціи. Все остальное (формы организаціи государственной промышленности, права рабочихъ организацій и т. п.) играетъ второстепенную роль.

И совершенно ясно, разумѣется, что руководящей идеей экономики рабочихъ партій является расширеніе «коллективнаго» хозяйства за счетъ частнаго. Поэтому даже умѣренная англійская рабочая партія издавна (а до ея основанія — конгрессы профессіональныхъ союзовъ) требовала перехода собственности на землю, угольныя шахты и желѣзныя дороги въ руки государства. Даже американскіе профессіональные союзы, отвергающіе сотрудничество съ «революціонными» профессіональными организаціями Европы (амстердамскимъ интернаціоналомъ, «желтымъ», по мнѣнію большевиковъ), настроенные не только не соціалистически, но рѣшительно анти-соціалистически, — и тѣ постановили недавно требовать націонализаціи желѣзныхъ дорогъ. Въ Америкѣ это большой шагъ впередъ. Если на этотъ путь вступили и англичане, и американцы, то въ этомъ проявляется основная тенденція экономической политики всякой рабочей партіи. Собственность на лѣса, нѣдра земли, желѣзныя дороги, телеграфъ остается и сейчасъ еще въ большинствѣ странъ въ рукахъ частныхъ лицъ. Превраще-

ніе ихъ въ общественную собственность не представляетъ никакихъ затрудненій. Точно такъ же въ провинціальномъ масштабѣ: источники газовой и электрической энергіи, мѣстные пути сообщенія и т. п.

Но высшимъ принципомъ экономической политики является не только «обобществленіе производства», но и максимальное развитіе народнаго хозяйства, т.-е. его прогрессивное развитіе хотя бы въ капиталистическихъ формахъ. И оба эти принципа могутъ во многихъ случаяхъ оказаться въ противорѣчіи другъ съ другомъ. Если производить «обобществленіе» русскимъ темпомъ; или если включать въ сферу государственнаго хозяйства такія предпріятія, которыя для этого не пригодны; или если производить соціализацію, когда нѣтъ надежнаго, честнаго и дѣловитаго чиновничества — успѣхи соціализма будутъ достигнуты за счетъ производства. Успѣхи соціализма будутъ куплены цѣной экономическаго регресса. Масса населенія отвергнетъ тогда всякій намекъ на коллективныя формы хозяйства, и вмѣсто «кризиса капитализма» получится глубокій кризисъ соціализма.

Поэтому нѣтъ и не можетъ быть общей «схемы соціализаціи» для всѣхъ странъ. Экономическая политика будетъ въ Англіи одна, въ Германіи другая, въ Америкѣ одна, въ Россіи совершенно иная.

Угольная промышленность, напримѣръ, считается, и съ большимъ основаніемъ, одной изъ наиболѣе годныхъ отраслей для государственнаго хозяйства. Казалось бы, что можетъ быть проще, чѣмъ провозгласить общее требованіе для всѣхъ странъ: націонализація угольнаго дѣла! Но вотъ англійское угольное хозяйство находится въ исключительно тяжелыхъ обстоятельствахъ. Издержки производства, т.-е. себѣстоимость угля въ Англіи значительно выше, чѣмъ, напр., въ Америкѣ; это объясняется тѣмъ, что отчасти лучшіе рудники исчерпаны, а отчасти новѣйшія машины, примѣняемыя при добычѣ угля въ Америкѣ, въ Англіи по техническимъ причинамъ почти непримѣнимы. Поэтому американскій уголь нашелъ себѣ въ послѣдніе годы доступъ на

европейскіе рынки, несмотря на состояніе американской валюты. Очевидно, угольная промышленность Англіи вступила въ періодъ кризиса, вызваннаго не столько политическими событіями, сколько особыми внутренними условіями[1]). Не очень трудно было бы пожалуй, національзировать эту отрасль. Но государство оказалось бы владѣльцемъ больного хозяйства, которому трудно было бы выдерживать конкурренцію съ иностраннымъ углемъ, которое давало бы лишь небольшой доходъ, быть можетъ, недостаточный даже для оплаты процентовъ на (выкупной) капиталъ, и которое, наконецъ, постоянно сталкивало бы новаго хозяина — государство со своими рабочими, требующими лучшей оплаты труда. Если пессимистическая оцѣнка перспективъ англійской угольной индустріи правильна (объ этомъ трудно судить),— нельзя придумать большей ошибки, какъ начать обобществленіе хозяйства съ угольнаго дѣла. За то въ Англіи вопросъ о земельной собственности стоитъ иначе, чѣмъ на континентѣ: громадныя владѣнія, сдаваемыя въ аренду, представляютъ англійскій типъ земельныхъ отношеній и наилучшій объектъ для расширенія сферы общественной собственности. Въ Англіи — и въ этомъ ея особенность — переходъ земельной собственности въ новыя руки нисколько не отразился бы на ходѣ производства. Наряду съ земельной собственностью — нѣкоторыя части металлургіи, океанскаго судоходства и т. п.

Въ Германіи, наоборотъ, угольная промышленность является здоровой, концентрированной отраслью хозяйства, и опыты государственныхъ угольныхъ предпріятій отнюдь

---

[1]) „Американскій углекопъ добываетъ угля въ день почти столько-же сколько англійскій въ недѣлю. Будетъ необходимо (въ Англіи) сократить число углекоповъ на половину или еще больше. Главный вопросъ состоитъ въ томъ, какимъ образомъ сильно повысить добычу рабочаго, въ то же время сокращая вдвое численность рабочихъ. Только такимъ путемъ цѣна угля можетъ быть понижена до такого уровня, при которомъ Европа оказалась-бы въ силахъ конкурировать съ Соед.-Штатами“ (E. Barker въ англійскомъ „Economist“ отъ 16 апрѣля 1921 г.). По мнѣнію Баркера, часть копей вообще должна быть закрыта. Число углекопъ составляло въ 1913 году около 1 милл., въ 1921 — 1.200 тысячъ.

не обезкураживаютъ, несмотря на сугубо бюрократическую систему. Что-же касается земельной собственности, то она почти неотдѣлима здѣсь отъ сельско-хозяйственнаго предпріятія. Переходъ собственности на землю въ руки государства (или коммунъ) означалъ бы раньше всего экспропріацію крестьянства; конечно, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Но и по отношенію къ крупнымъ имѣніямъ націонализація мыслима лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ. Сельское хозяйство вообще еще не вполнѣ созрѣло для соціализаціи въ крупныхъ размѣрахъ.

Но Германія являетъ примѣръ страны, въ которой приходится сокращать размѣры государственнаго хозяйства. «Военный соціализмъ», доменой котораго была Германія, распространилъ власть государства на очень широкія сферы хозяйства; инымъ журналистамъ онъ казался началомъ подлинно-соціалистической экономической организаціи. Но особенностью его было то обстоятельство (на которое поверхностные наблюдатели обращали мало вниманія), что государство энергично вмѣшивалось въ сферу распредѣленія, сравнительно мало затрагивая сферу производства. Оно назначало твердыя цѣны; выдавало карточки; указывало назначеніе, т.-е. адресатовъ для промышленныхъ издѣлій; распредѣляло сырье и т. д. Оно ликвидировало на ¾ вольный рынокъ и замѣнило его государственной регламентаціей распредѣленія. Словомъ, оно вторглось очень энергично въ сферу торговли. Частные торговцы либо сдѣлались комиссіонерами и агентами государства, либо-же, поскольку они оставались самостоятельными, работали подъ его непосреднственнымъ контролемъ. Это была грандіозная система государственнаго регулированія распредѣленія.

Но распредѣленіе въ капиталистическомъ хозяйствѣ, т. е. торговля, меньше всего прочаго созрѣла для огосударствленія. Здѣсь еще жива классическая система конкурренціи, здѣсь цвѣтетъ «частная иниціатива», здѣсь очень живо еще мелкое хозяйство. Подчинить государству тысячи малень-

кихъ торговыхъ предпріятій возможно на очень короткій срокъ. Но въ дальнѣйшемъ государственная организація торговли, при современныхъ условіяхъ неизбѣжно вызываетъ къ жизни нелегальный рынокъ, который парализуетъ всѣ усилія государства и является источникомъ новыхъ многомилліонныхъ барышей. Этимъ и объясняется та антипатія, которая даже въ соціалистическихъ рабочихъ кругахъ господствуетъ по отношенію къ «Zwangswirtschaft». Твердыя цѣны точно такъ же возможны лишь на короткій періодъ. Всякому человѣку, мало-мальски знакомому съ азбукой политической экономіи, понятно, что с и с т е м а твердыхъ цѣнъ несовмѣстима съ капиталистическимъ производствомъ. И поэтому къ концу войны стало ясно: либо сохранить «Zwangswirtschaft» — тогда надо однимъ ударомъ націонализировать все производство; либо-же отмѣнить «Zwangswirtschaft» и вернуться къ до-военной системѣ капитализма. Такъ какъ первое было и невозможно и нераціонально, пришлось идти по второму пути. Такимъ образомъ, чтобъ сдѣлать возможнымъ хозяйственное развитіе, было необходимо отмѣнить систему государственнаго регулированія распредѣленія товаровъ. Такъ должно было поступить в с я к о е правительство, написавшее на своемъ знамени не коммунизмъ потребленія, а подъемъ производительныхъ силъ. Соціалистическія партіи этому почти не сопротивлялись: образецъ того, какъ рабочимъ партіямъ приходится подчасъ заботиться не о расширеніи государственнаго вліянія на хозяйство, а о сильномъ сокращеніи его, не о «соціализаціи», а о «десоціализаціи». Вопросъ лишь въ томъ, какъ далеко зайдетъ этотъ процессъ въ Германіи.

Еще болѣе разительный примѣръ даетъ Россія. Послѣ коммунистическаго опыта всякому ужъ ясно, что экономическіе обломки можно превратить въ народное хозяйство, только приложивъ къ нимъ электрическій токъ алчности и энергіи капитала. «Денаціонализація» и «декоммунизація» сдѣлались правиломъ даже для экономической политики русскаго коммунизма. Однако, онъ идетъ боязливо по этому пути, не рѣшается сдѣлать всѣ выводы изъ объективнаго по-

ложенія, и правой рукой разрушаетъ то, что совершаетъ лѣвой. Всякая партія, которая придетъ ему на смѣну, будь то рабочая или крестьянская, должна будетъ продолжать, только болѣе рѣшительно и послѣдовательно, ту же политику «капитализаціи» Россіи, укрѣпленія собственности и сокращенія государственнаго хозяйства до очень небольшихъ размѣровъ, продиктованныхъ отсталостью страны и отсутствіемъ честнаго и знающаго чиновничьяго матеріала.

Это парадоксально на первый взглядъ: соціалистическія партіи, которыя заботятся о прогрессѣ капитализма! Но это парадоксъ только для мертвыхъ доктринеровъ. Каждой странѣ, каждому уровню хозяйства, каждой степени народной культуры, каждой исторической обстановкѣ соотвѣтствуетъ нѣкоторая система экономическихъ отношеній, которая въ данныхъ условіяхъ лучше всякой другой содѣйствуетъ хозяйственному прогрессу. Съ измѣненіемъ объективныхъ условій мѣняется и эта система. Вся задача въ томъ, чтобъ въ каждый моментъ найти эту систему и осуществить ее. Бисмарку нужны были гигантскіе ботфорты, Карсавиной — милыя туфельки. Хорошій сапожникъ шьетъ по ногѣ; онъ не сталъ бы убѣждать Бисмарка, что ему къ лицу и къ фигурѣ изящныя дамскія туфли, а Карсавиной онъ не сталъ-бы доказывать, что ничего нѣтъ лучше просторныхъ аршинныхъ сапогъ. Коммунизмъ пытался, правда, стянуть расплывшуюся матушку-Россію въ узкій корсетъ. Но когда корсетъ лопнулъ по всѣмъ швамъ, съ нимъ лопнула и вся доктрина коммунизма.

Экономическую политику приходится дѣлать сообразно съ условіями мѣста и времени. Но и тамъ, гдѣ соціализація является шагомъ впередъ, ея положительный эффектъ, какъ мы видѣли, можетъ сказаться лишь послѣ большого періода. Поэтому главныя немедленныя достиженія рабочихъ партій въ качествѣ власти мо-

гутъ лежать и будутъ лежать не въ экономической сферѣ, а въ области внутренней и внѣшней политики.

II.

Новая Европа.

1. Версаль.

Творцы версальскаго мира и послѣдовавшихъ за нимъ договоровъ кажутся самимъ себѣ очень великими людьми. Они не перестаютъ превозносить свое твореніе, и противниковъ его готовы послать въ сумасшедшій домъ. Они сами себѣ открываютъ памятники, въ полной увѣренности, что потомство преклонится передъ мраморнымъ изваяніемъ еще болѣе, чѣмъ они сами преклоняются передъ нимъ. Они воплощенная мудрость. Они спасители Европы. Ихъ твореніе единственная гарантія мира, счастья и благоденствія.

Впрочемъ, такъ ли они виноваты въ своемъ самовлюбленномъ ослѣпленіи? Цѣлыя толпы журналистовъ, парламентаріевъ, дипломатовъ и коммерсантовъ твердятъ имъ не переставая объ ихъ величіи. Каждое распоряженіе ихъ, почти не встрѣчая препятствій, претворяется въ дѣло. Нѣтъ силы на свѣтѣ, которая способна поколебать версальскій гранитъ! Какъ тутъ головѣ не закружиться? Кто повѣритъ тому, кто станетъ объяснять, что они самые близорукіе изъ всѣхъ дипломатовъ послѣднихъ столѣтій; что гордое зданіе нарисованной въ Версалѣ Европы держится на глиняныхъ ногахъ; и что оно рухнетъ неизбѣжно еще тогда, когда очень многіе изъ его творцовъ не успѣютъ уйти отъ политики въ домашній покой?

Если-бъ мы стали доказывать, что версальскій миръ — несправедливый миръ; что онъ угнетаетъ цѣлые огромные народы; что онъ вызываетъ въ нихъ приливъ націонализма и преклоненіе предъ милитаризмомъ; что контрибуція Германіи — чудовищный грабежъ; — надъ такими сантиментальностями посмѣялись-бы новѣйшіе идеологи военныхъ

побѣдъ. «Развѣ только тотъ миръ проченъ, который основанъ на уваженіи къ побѣжденнымъ? Но Меттернихъ, Наполеонъ, Бисмаркъ?» Однако, какъ ни реакціонны были Меттернихъ или Бисмаркъ, они были дальновидны. Они умѣли заложить устои прочнаго, т.-е. болѣе или менѣе длительнаго мира. Они умѣли создать прочное равновѣсіе въ политической системѣ Европы, — нѣкоторое устойчивое равновѣсіе, которое въ теченіе цѣлыхъ историческихъ эпохъ почти не нарушалось. На чемъ держится версальская система? Вотъ предпосылки ея устойчивости:

Во-первыхъ, незыблемость союза побѣдителей, раньше всего Франціи и Англіи. Разрывъ союза, т. е. обособленіе политики Франціи и Англіи по отношенію къ побѣжденнымъ, неизбѣжно влечетъ за собой соглашеніе одной изъ нихъ съ Германіей, направленное противъ другой. Съ такимъ соглашеніемъ наступаетъ прекращеніе «версальскаго» состоянія Европы. Оно означаетъ смерть Версаля. Но можетъ-ли союзъ побѣдителей оказаться прочнымъ, длительнымъ? Кто знаетъ традиціонную, т.-е. вызываемую ея положеніемъ, политику Англіи, для того нѣтъ сомнѣній на этотъ счетъ. Англія всегда была противникомъ самой сильной державы на европейскомъ континентѣ. Она была врагомъ Франціи въ 18-омъ вѣкѣ и при Наполеонѣ — и добилась ея пораженія. Она была врагомъ Россіи при Николаѣ I — и добилась побѣды надъ ней. Она сдѣлалась врагомъ Германіи при Вильгельмѣ — и торжествуетъ пораженіе Германіи. Но повергнувъ врага своего въ прахъ съ помощью континентальныхъ союзниковъ, она вслѣдъ затѣмъ обращаетъ остріе своего дипломатическаго оружія очень скоро противъ самаго сильнаго изъ нихъ, и создаетъ противъ него новую коалицію. Измѣнитъ-ли Англія свою политику ради благородной Франціи? Только дурачки могутъ на это надѣяться. И если-бъ всѣ англичане совершенно искренно поклялись 28 іюня 1919 г. въ вѣчной вѣрности своему доблестному союзнику, — кто повѣрилъ-бы имъ? Всякій вдумчивый человѣкъ сказалъ-бы себѣ: «въ Европѣ дѣлается хозяиномъ не Англія, а Франція. Она

сумѣетъ использовать это господство въ своихъ экономическихъ интересахъ. Она не сможетъ не вызвать тѣмъ самымъ недовольство, соревнованіе и борьбу Англіи. Англія вынуждена будетъ искать союзниковъ противъ Франціи.» И развѣ не ясно, что дѣло уже развивается въ этомъ направленіи? Развѣ висбаденскіе договоры Лушера-Ратенау не представляютъ такое использованіе побѣды, съ которымъ Англія à la longue не сможетъ примириться? А тайный договоръ Франціи съ Ангорой, явно направленный противъ Англіи и нарушающій договоры? А отношеніе къ германскимъ платежамъ? За три года, что прошли послѣ окончанія войны, политическія линіи Англіи и Франціи все больше расходились. Не безъ колебаній и зигзаговъ, но этотъ процессъ расхожденія не можетъ не продолжаться въ дальнѣйшемъ.

Во-вторыхъ, условіемъ устойчивости «новой Европы» является отсутствіе Россіи на европейской аренѣ. Версальскій миръ былъ заключенъ въ моментъ такой слабости Россіи, какой она не знала ни до, ни послѣ этого. Равновѣсіе Европы было создано, но это было равновѣсіе въ одной лишь западной Европѣ. Вожди союзниковъ считали и продолжаютъ и сейчасъ считать особенно счастливымъ то обстоятельство, что въ Версалѣ не было Россіи. Предполагалось, что съ Россіей дѣло будетъ устроено особо, и что ее удастся включить въ версальскую систему, т. е.: заставивъ ее признать «новую Европу», связать ее новыми договорами и сдѣлать ее однимъ изъ новыхъ устоевъ европейскаго равновѣсія. На короткое время это можетъ удаться. Но надолго-ли?

Если двѣ чашки вѣсовъ находятся въ равновѣсіи,—можно-ли бросить на одну изъ нихъ такую мелочь какъ Россія, безъ того чтобъ нарушить равновѣсіе? Россія сейчасъ еще очень слаба; но что можетъ быть болѣе наивнымъ, чѣмъ спекуляція на вѣчную слабость Россіи? Какъ-бы дѣла ни обернулись въ Россіи, — но экономическое возрожденіе ея въ ближайшіе годы вѣдь ни въ комъ не вызываетъ сомнѣній. Съ экономиче-

скимъ возрожденіемъ—это знаетъ всякій человѣкъ—растетъ и внѣшне-политическій вѣсъ и боеспособность арміи. И если даже Россія подпишетъ цѣлую массу угодныхъ Франціи обязательствъ и договоровъ, — останется-ли она надолго вѣрнымъ союзникомъ своихъ былыхъ союзниковъ? Союзникомъ противъ кого? Противъ нынѣшней Германіи и Австріи! Но вѣдь не найдется ни одного здравомыслящаго человѣка среди полутораста милліоновъ россійскихъ гражданъ, который могъ-бы понять, одобрить и проводить такую политику!

Въ третьихъ, устоемъ Версаля является предположеніе, что Германія на цѣлыя десятилѣтія останется во всѣхъ отношеніяхъ слабымъ государствомъ. Во всѣхъ отношеніяхъ: не только политически, но и экономически. Между тѣмъ первое при извѣстныхъ условіяхъ было-бы возможно. Второе-же невозможно.

Обезсилить Германію политически не представляло большого труда послѣ ея пораженія. Она лишена права содержать сколько-нибудь значительную армію, и строгимъ надзоромъ можно помѣшать ей такую армію создать. Ея военная промышленность уничтожена, и бдительное око союзниковъ не дастъ ей ее возродить. Посреди ея территоріи пробитъ корридоръ, какъ-бы со спеціальной цѣлью не дать ей никогда возможности примириться со своей судьбой, и два союзника, сопровождающіе ее какъ конвойные, могутъ препятствовать всякой ея попыткѣ проложить сухопутный путь въ свою единственную колонію — Восточную Пруссію. Словомъ, если есть достаточно силъ, можно зажать ее въ тиски и не выпускать.

Но помѣшать ея экономическому возрожденію, оказывается, невозможно. Отчасти это противорѣчитъ интересамъ всемогущей Америки, а также Англіи. И наконецъ, тѣ данныя, которыя имѣются у Германіи для сильнаго экономическаго могущества и которыя вызвали ея бурное развитіе передъ войной, отчасти за ней сохранились. Она сравнительно легко оправилась отъ войны и пораженія, и въ періодъ тяжелаго мірового кризиса въ ея жилахъ кровь пульсируетъ силь-

нѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Это одинъ изъ версальскихъ парадоксовъ, всего значенія которыхъ не хотятъ понять его авторы.

Но если Германія окажется въ силахъ возстановить свою экономическую репутацію, это не можетъ не сказаться очень скоро на ея политическомъ положеніи. Въ международной политикѣ господствуетъ принципъ do ut des. Островъ Япъ, который никому ничего не можетъ предложить, остается простымъ объектомъ міровой политики. Но страна, хозяйство которой живо функціонируетъ, можетъ многое предложить, чтобъ взамѣнъ получить уступки, выгодный договоръ и новыхъ союзниковъ. Пусть моментъ для этого еще не наступилъ. Но онъ приближается, и только слѣпые этого не видятъ. Но этотъ моментъ означаетъ вѣдь ничто иное, какъ начало конца версальской системы!

Таковы три главныхъ устоя послѣ-военной Европы: прочность союза Франціи съ Англіей, отсутствіе Россіи въ Европѣ, и экономическая слабость Германіи. И такъ какъ эти три условія, имѣющіяся налицо въ данный моментъ, могутъ сохраниться лишь на мимолетное историческое мгновеніе, — судьбы версальскаго зданія рѣшены. Поэтому вопросъ, который стоитъ сейчасъ передъ Европой, состоитъ уже не въ томъ, сохранится ли устойчивость нынѣшней системы, а въ томъ, какъ и въ какомъ направленіи пойдетъ ея измѣненіе.

2. Роль Польши.

Для тѣхъ, кто ожидаетъ со дня на день «соціальной революціи», вопросы эти рѣшаются безъ большого утрудженія мыслительныхъ способностей. Соціальная революція принесетъ соціализмъ, соціализмъ — всеобщее умиротвореніе, окончаніе національной вражды и такое разрѣшеніе внѣшнеполитическихъ вопросовъ, которымъ всѣ будутъ довольны. Но я для того и началъ съ вопроса о соціальной революціи, чтобъ доказать во-первыхъ, что до соціализма еще далеко и нашему поколѣнію надо устраиваться въ

условіяхъ буржуазной системы хозяйства; и что во-вторыхъ, даже передъ «диктатурой пролетаріата» встаютъ тѣ же трудные вопросы о національномъ самоопредѣленіи, о государственныхъ границахъ, объ экономическихъ организмахъ, объ оборонѣ отъ возможныхъ нападеній; примѣръ совѣтской Россіи обнаружилъ это съ поразительной ясностью. Надо поэтому не отдѣлываться бранью по адресу имперіалистовъ, а давать конкретные отвѣты на конкретные вопросы.

Я перечислилъ выше три основныхъ условія прочности современной европейской системы. Къ нимъ надо прибавить еще одно: Польшу. Безъ сильной Польши нѣтъ Версаля. Польша — суррогатъ прежней Россійской Имперіи, союзницы Франціи. Сложная постройка, удовлетворяющая союзниковъ-побѣдителей, опирается на западѣ на плечи Франціи, на востокѣ — на плечи Польши. Она рухнетъ поэтому, лишь только Польша ослабнетъ подъ тяжелой ношей.

Именно поэтому въ вопросѣ о Польшѣ пришлось отступить отъ національнаго принципа, выставленнаго побѣдителями для центральной Европы. Важно было имѣть не чисто-національное польское государство, а могущественную военную державу, — хотя бы путемъ нарушенія «національнаго принципа» въ отношеніи къ сосѣдямъ Польши. Если бы ограничить Польшу предѣлами чисто-польской національности, то новое государство имѣло бы населенія 15 - 16 милліоновъ человѣкъ, т. е. не больше, чѣмъ второстепенныя государства вродѣ Юго-Славіи, Чехо-Словакіи или Румыніи. Между тѣмъ, та роль, которую предназначено было играть Польшѣ, требовала наличности б о л ь ш о й а р м і и, а для этого — гораздо большаго населенія. Поэтому создано было государство съ населеніемъ в д в о е б о л ь ш и м ъ. До присоединенія частей Верхней Силезіи Польша имѣла уже свыше 30 милліоновъ населенія, а въ настоящее время она составляетъ по численности населенія $^4/_5$ Франціи или Италіи; по территоріи она значительно превосходитъ Италію. Она сдѣлалась, съ исчезновеніемъ Австро-Венгріи и Россіи, какъ активныхъ силъ, крупной державой въ континентальномъ тріо, управляющемъ судьбами Европы: Франція, Италія и Польша.

И соотвѣтственно этому ея армія является в т о р о й въ Западной Европѣ по своимъ размѣрамъ.

Однако, это новое, въ нѣсколько лѣтъ возникшее громадное государство страдаетъ такой в н у т р е н н е й с л а б о с т ь ю, какой не знаетъ ни одно другое. Если взять его національный составъ, то по нѣсколько неполнымъ и устарѣлымъ, но въ общемъ и цѣломъ правильнымъ даннымъ, онъ рисуется въ слѣдующемъ видѣ [1]):

Поляковъ	14 621 652
Украинцевъ	4 880 312
Евреевъ	3 155 077
Нѣмцевъ	1 924 985
Великороссовъ . . .	408 400
Друг. національностей .	275 236

Поляки составляютъ, такимъ образомъ, 59% всего населенія. Если принять еще во вниманіе «Виленщину», занятую польскими войсками, — то поляки составляютъ *не многимъ больше половины* населенія своего государства. Изъ пяти большихъ національныхъ меньшинствъ Польши (украинцы, нѣмцы, евреи, великороссы, литовцы) четыре націи (т.-е. всѣ кромѣ евреевъ) тянутъ въ сторону сосѣднихъ государствъ. Онѣ представляютъ громадную центробѣжную силу и превращаютъ Польшу въ н о в у ю А в с т р і ю, только при безконечно менѣе благопріятной внѣшней обстановкѣ. Чисто-національное польское правительство, представляющее блокъ нѣкоторыхъ польскихъ партій, осуждено будетъ въ будущемъ постоянно оставаться въ меньшинствѣ въ парламентѣ, если оно не будетъ, по-австрійски, искать союзниковъ среди національныхъ меньшинствъ. Это еще болѣе ослабитъ его авторитетъ.

Въ полномъ контрастѣ съ военнымъ могуществомъ Польши стоитъ ея хозяйственное состояніе. Она медленнѣе всѣхъ другихъ странъ оправляется послѣ войны, и показателемъ этого является громадный попрежнему ввозъ и ничтожный вывозъ. Ея металлургія все еще въ очень подавленномъ состояніи. Текстильная промышленность, потерявъ громадный

[1]) „Berliner TageBlatt“ 15 окт. 1921. Данныя относятся лишь къ основной части Польши.

русскій рынокъ, должна будетъ теперь преодолѣвать таможенныя загражденія и бороться съ англійской и германской конкурренціей. Въ 1920 году только ⅓ до-военнаго числа рабочихъ была занята въ промышленности! Наконецъ, состояніе польской валюты, которая не знаетъ невзгодъ «репарацій» — наиболѣе точный барометръ дѣйствительнаго хозяйственнаго положенія Польши. Такимъ образомъ, къ фактамъ обостренной внутренней національной борьбы присоединяется и такая громадная сила, какъ экономическій застой, вызывающій обостренную классовую борьбу.

Между тѣмъ, своей великодержавной и воинственной политикой Польша окружила себя врагами со всѣхъ сторонъ. Войну съ Россіей она закончила аннексіей большой территоріи съ 3,7 милл. населенія, и вся дальнѣйшая политика ея, какъ союзника Франціи, превратила ее въ самаго опаснаго сосѣда для Россіи. Далѣе, на сѣверъ она граничитъ съ Литвой. Половину Литвы она заняла войсками Желиговскаго и отнюдь не собирается отдать ее обратно. Даже формальнаго мира нѣтъ между Литвой и Польшей. Ея отношенія съ Германіей извѣстны. Если Франція ограничилась Эльзасъ-Лотарингіей, то Польша прорѣзала Германію своимъ корридоромъ и получила области съ 2 милліонами нѣмцевъ. «Худой миръ», который существуетъ между Польшей и Германіей, пожалуй и лучше «доброй ссоры»; но онъ является повидимому прологомъ къ ссорѣ очень недоброй. Наконецъ, даже отношенія Польши съ Чехо-Словакіей отнюдь нельзя назвать вполнѣ дружественными, хотя оба государства являются дѣтьми однихъ и тѣхъ же родителей.

Польша окружена врагами. Тѣ же враги и внутри ея. Ея политическая жизнь грозитъ вызвать большія внутреннія вспышки. Здѣсь, повидимому, та точка, куда исторія приложитъ свой рычагъ, когда созрѣютъ условія для ликвидаціи Версаля. Ибо здѣсь линія наименьшаго сопротивленія.

3. Новыя войны?

Очень возможно, а при нынѣшнемъ увлеченіи и упоеніи военными побѣдами — и очень вѣроятно, что гордіевы узлы будутъ разрублены военными методами.

Русско-польская война 1920 года показала уже, какъ велика сила даже большевистской Россіи въ войнѣ съ Польшей. Несмотря на крайнее истощеніе, плохое снаряженіе и обмундированіе, и несмотря на то, что Россія вела одновременно войну на югѣ, противъ Врангеля, красная армія одно время подходила близко къ Варшавѣ. И если въ конечномъ счетѣ перевѣсъ силъ оказался на сторонѣ Польши, то это объясняется, конечно, только крайнимъ истощеніемъ Россіи.

Экономическое возстановленіе Россіи отразится и на ея арміи. Улучшится продовольствіе, заполнятся опустѣвшіе военные склады, появится значительная артиллерія. Въ процессѣ возрожденія Россіи будетъ дѣлаться все болѣе яснымъ, что перевѣсъ силъ на ея сторонѣ. 30-милліонная Польша, даже при сильной французской поддержкѣ, будетъ явно слабѣе 150-милліонной Россіи. Поэтому политика Англіи и Франціи — въ особенности Франціи — будетъ состоять въ томъ, чтобъ создать блокъ Россіи и Польши противъ Германіи; ея лозунгомъ будетъ примиреніе Россіи и Польши.

Будетъ ли прочное соглашеніе достигнуто? Это очень маловѣроятно. У Россіи нѣтъ никакихъ основаній примкнуть къ союзу, направленному остріемъ противъ Германіи; наоборотъ, именно съ Германіей связываетъ ее общность интересовъ во множествѣ международныхъ вопросовъ. Съ другой стороны, великодержавная, милитаристская, гордая своимъ величіемъ Польша едва ли пойдетъ на сколько-нибудь серьезные жертвы. Поэтому, нынѣшнія польско-русскія отношенія могутъ на нѣкоторое время улучшиться, но о полномъ союзѣ не можетъ быть рѣчи, пока не исчезнетъ агрессивный, великодержавный характеръ Великой Польши. Если онъ въ ближайшіе годы не исчезнетъ, — а на это надежды мало, — и если, что очень возможно, въ Россіи у власти будетъ стоять воинствующее правительство (все равно

какое: большевистское ли охвостье Красинъ - Трухачевскій, или демократически - милитаристское типа Бріанъ - Фошъ, или чисто-военная крестьянская диктатура), дѣло скоро дойдетъ до военнаго столкновенія.

Толчкомъ можетъ послужить во-первыхъ революціонная вспышка въ Польшѣ, сильно ослабляющая силу ея сопротивленія; во-вторыхъ, обостреніе національной борьбы среди подданныхъ польской республики; въ третьихъ, то и другое вмѣстѣ; въ четвертыхъ, разладъ между Польшей и Англіей или Франціей и Англіей. Словомъ, показателемъ перевѣса Россіи надъ Польшей можетъ оказаться одно изъ тѣхъ историческихъ явленій, которыя неизбѣжно наступятъ въ ближайшіе годы. Что же касается повода для войны, то его искать не придется.

Если дѣло дойдетъ дѣйствительно до военнаго столкновенія, то это развяжетъ всѣ національныя страсти, и въ западной Польшѣ возстаніе нѣмцевъ можетъ сдѣлаться фактомъ даже въ томъ случаѣ, если-бъ со стороны офиціальной Германіи ему не оказывалось никакой поддержки. Но Германія не останется, конечно, безмолвной. Такой моментъ, когда исчезаетъ одинъ изъ главныхъ ея враговъ, можетъ быть использованъ усиливающимся монархизмомъ для государственнаго переворота. Обѣщая быстрое облегченіе тяжелаго бремени, лежащаго на Германіи, такой переворотъ можетъ въ этотъ моментъ оказаться удачнымъ. Безмолвный или тайный союзъ съ Россіей дѣлается явнымъ, и Франція имѣетъ предъ собой союзъ обѣихъ побѣжденныхъ странъ.

Какъ дѣло будетъ развиваться дальше? Можно строить много всевозможныхъ комбинацій, которыя всѣ приводятъ, однако, къ одному и тому же результату. Франція можетъ признать пораженіе Польши свершившимся фактомъ и, предавъ своего друга, предложить Германіи союзъ противъ надвигающейся Россіи. Новая монархическая Германія освобождается отъ репараціи, получаетъ обратно восточныя провинціи и право содержать армію и флотъ, но обязана напра-

вить свое оружіе противъ Россіи. Въ войнѣ съ Германіей и Франціей, Россія будетъ, конечно, разбита, и реакція, торжествующая въ Европѣ, можетъ приложить всѣ силы, чтобъ вернуть на пустующій русскій тронъ «законнаго царя», друга «великихъ монарховъ» Европы, гарантію спокойствія и примиренія.

Франція можетъ поступить иначе. При пораженіи Польши Франція можетъ попытаться воевать съ союзомъ Россіи и Германіи. Но пока Германія не измѣнитъ своему союзнику, Франціи едва ли удастся побѣдить весь материкъ. Человѣческая лавина, катящаяся съ востока, въ соединеніи съ германской техникой, съ запасомъ польскаго вооруженія, можетъ сдѣлаться хозяиномъ Европы на короткій мигъ — до тѣхъ поръ, пока возстаніе противъ «русской оккупаціи» не соединитъ «вѣчныхъ враговъ», Германію и Францію, и не завершится интервенціей въ Россіи, на этотъ разъ удачной, т.-е. опять таки политической реставраціей.

Большія войны и экономическій хаосъ, которые вновь овладѣютъ Европой, и новыя страшныя разрушенія будутъ данью, которое человѣчество уплатитъ своему увлеченію мечомъ и пушкой, своему преклоненію передъ физической силой, своему Фошу и Тирпицу, своему Версальскому договору. Но итогомъ громадныхъ потрясеній будетъ:

Освобожденіе Германіи отъ невыполнимаго бремени и возстановленіе ея границъ на востокѣ;

Полное или почти полное уничтоженіе независимой Польши;

Превращеніе Россіи и Германіи въ абсолютистскія, крайнереакціонныя государства и ликвидація демократіи въ центральной и восточной Европѣ.

Это исходъ безконечныхъ войнъ, возстанавливающій въ основномъ до-военную Европу, съ нѣкоторымъ лишь ослабленіемъ Германіи и съ сильнымъ ослабленіемъ Россіи. Онъ создаетъ равновѣсіе. Но равновѣсіе и продолжительный миръ покупаются въ этомъ случаѣ цѣной кровавыхъ сраженій, подавленія демократіи и возрожденія реакціонныхъ монархій.

Если современное равновѣсіе въ Европѣ неустойчиво, то преобразованіе ея *военными методами неизбѣжно ведетъ* къ этимъ послѣдствіямъ. Министры и дипломаты союзниковъ сдѣлали все, что въ ихъ силахъ, чтобъ направить Европу по этому пути.

4. Цѣли внѣшней политики.

Но если-бъ они сами, по крайней мѣрѣ, понимали объективный смыслъ своей политики! Имъ не до этого. Они знаютъ вчерашній и сегодняшній день, а завтрашняго не видятъ. Они заняты очень сложной шахматной игрой, но, какъ плохіе игроки, они разсчитываютъ только на два шага впередъ. И когда передъ ними, по ихъ же собственной винѣ, открывается совершенно неожиданная и очень непривлекательная ситуація, они раскрываютъ ротъ отъ изумленія — и хватаются за всеспасающую саблю!

Политика рабочихъ партій должна быть столько же чужда нудной трескотнѣ о готовой вотъ-вотъ разразиться міровой революціи, какъ и этой хромой, глухой и слѣпой политикѣ, политикѣ безъ горизонтовъ и перспективъ, но за то съ явнореакціоннымъ содержаніемъ. Соціализмъ долженъ ясно очертить свои цѣли въ международной политикѣ.

То положительное, что создано въ итогѣ войны, то, чего не только не слѣдуетъ уничтожать, но нужно всецѣло утверждать, представляетъ принципъ національныхъ государствъ. Новыя государства построены на развалинахъ имперій, живши хъ національнымъ угнетеніемъ, порабощеніемъ милліоновъ, погромами и натравливаніемъ однѣхъ націй на другія. Вмѣсто нихъ — нынѣ независимыя націи — государства Чехо-Словакія, Юго-Славія, Венгрія, Финляндія, Эстонія, Латвія, Литва и (по идеѣ) Польша; сюда же относится и исправленіе датской границы волею населенія. Осуществленіе этого принципа самоопредѣленія народовъ представляетъ громадный шагъ впередъ.

Образованіе національныхъ государствъ идетъ совершенно различно для большихъ и малыхъ націй. Для большихъ націй, напримѣръ для Италіи или Германіи процессъ созданія

своего государства былъ процессомъ объединенія, политической консолидаціи мелкихъ княжествъ въ одно государство. На пути ему стояли внутреннія препятствія въ видѣ династическихъ интересовъ, и препятствія внѣшнія въ лицѣ великихъ державъ. Поэтому Германія и Италія, чтобъ начать жить, должны были преодолѣть свою крайнюю реакцію и одержать побѣду надъ сосѣдней имперіей.

Совершенно иначе идетъ этотъ процессъ у мелкихъ націй. Для нихъ созданіе національнаго государства является процессомъ обособленія, а не соединенія; результатомъ разложенія болѣе крупной государственной единицы, а не государственной консолидаціи; побочнымъ результатомъ войнъ, а не ихъ цѣлью. И точно также трудности положенія мелкихъ національ-государствъ, когда они ужъ выросли, совершенно не тѣ, что у большихъ народовъ.

Большія націи, создавая свое государство, слушались голоса исторіи. Они шли въ ногу съ экономическими потребностями своего времени. Они разорвали съ «государственнымъ суверенитетомъ» своихъ медвѣжьихъ уголковъ тогда, когда развитіе современной промышленности и торговли поставило на очередь образованіе крупныхъ экономическихъ единицъ. Экономическому развитію мѣшали десятки границъ, разнообразіе законодательства, монетной системы, почтовыхъ правилъ, таможенныя рогатки и т. д. Чѣмъ дальше прогрессируетъ капитализмъ, тѣмъ реакціоннѣе дѣлается сохраненіе «своихъ собственныхъ» порядковъ на маленькихъ клочкахъ земли и тѣмъ болѣе созданіе большихъ хозяйственныхъ комплексовъ дѣлается условіемъ хозяйственнаго прогресса.

Для большихъ націй дѣло обстоитъ, такимъ образомъ, довольно просто. Созданіе національныхъ государствъ является у нихъ безусловно-прогрессивнымъ: не только политически, но и экономически-прогрессивнымъ. Иное дѣло у малыхъ націй. Право на національное самоопредѣленіе и освобожденіе отъ національнаго гнета является политически-прогрессивнымъ; но въ то же вре-

мя выдѣленіе изъ большого хозяйственнаго организма и превращеніе въ малое «суверенное» государство являются шагомъ экономически-регрессивнымъ. И чѣмъ мельче государство, тѣмъ эта регрессивность больше, тѣмъ неустойчивѣе ново-образованное государство.

Въ немъ развивается кромѣ того тотъ мелко-государственный національнизмъ, который богатъ больше всего комическими элементами и служитъ неисчерпаемымъ матеріаломъ для фарсовъ и опереттъ. Вся общественная жизнь мельчаетъ и пріобрѣтаетъ характеръ той «Kleinstaaterei», которая является для большихъ націй уже превзойденной ступенью развитія. Ограниченные горизонты, поглощеніе мелкими заботами и вопросами отравляетъ политическую атмосферу этихъ мелкихъ государствъ.

Среди новыхъ государственныхъ образованій есть нѣкоторыя среднихъ размѣровъ, именно Чехо-Словакія и Юго-Славія съ населеніемъ по 14 милл. Но остальныя принадлежатъ ужъ къ числу малыхъ государствъ:

Венгрія	7 840 тыс.
Австрія	6 067 »
Литва съ Виленщиной	4 800 »
» безъ Виленщины	2 575 »
Финляндія	3 329 »
Эстонія	1 750 »
Латвія	1 503 »

И каждое изъ этихъ государствъ создаетъ собственную армію со своимъ маленькимъ милитаризмомъ; своихъ дипломатовъ со своей маленькой «высокой политикой»; свою денежную систему, свои почтовыя марки, свои таможни, и своихъ «государственныхъ людей», которые вызываютъ тѣмъ больше смѣха, чѣмъ больше они стараются походить на «настоящихъ министровъ».

Право на національную независимость есть большое достиженіе. Но національная независимость требуетъ очевидно нѣкотораго дополненія, чтобъ преодолѣть экономически-регрессивный и культурно-принижающій провинціализмъ мел-

кихъ странъ. Очевидно, рѣшеніемъ вопроса является либо федерація мелкихъ государствъ между собой; либо же экономическая федерація съ какимъ либо сосѣднимъ большимъ экономическимъ комплексомъ. Сохраненіе національной независимости, полная самостоятельность внутренней политики отнюдь не противорѣчатъ такому объединенію, которое въ хозяйственныхъ вопросахъ открываетъ пути къ развитію производительныхъ силъ.

Во всѣхъ малыхъ странахъ аграрные классы сильнѣе всего держатся за полную государственную независимость. Крестьянство, живущее отчасти своими собственными продуктами, меньше другихъ классовъ чувствуетъ оторванность отъ міровой жизни. Даже тогда, когда оно переходитъ къ вывозу своихъ товаровъ, оно не сознаетъ въ достаточной мѣрѣ всей убыточности и отсталости своихъ государственно-хозяйственныхъ формъ. Но городскіе классы — пролетаріатъ, интеллигенція и буржуазія — страдаютъ сильно отъ Kleinstaaterei. И если интеллигенція, воплощающая въ себѣ «національную культуру» и потому часто очень близорукая, все же сильно сопротивляется велѣніямъ жизни, то оба другихъ класса не могутъ не стремиться выйти изъ рамокъ своей карликовой національной ограниченности. Въ особенности это важно для рабочихъ партій. Чѣмъ меньше государство, тѣмъ сильнѣе отражаются на условіяхъ жизни рабочихъ безработица, уровень оплаты труда, продолжительность рабочаго дня въ сосѣднихъ странахъ. Система рабочаго законодательства въ одной малой странѣ зависитъ отъ развитія ея въ сосѣднихъ. Профессіональное и политическое рабочее движеніе одной страны переплетается съ движеніемъ въ другой.

Поэтому, принципъ національнаго государства, торжествующій нынѣ въ Европѣ, требуетъ дополненія въ видѣ экономическихъ федерацій, т. е. тѣсныхъ хозяйственныхъ союзовъ.

Но принципъ національнаго самоопредѣленія нарушенъ волею Версаля въ двухъ случаяхъ особенно сильно: въ отношеніи Австріи и Польши.

По отношенію къ Австріи положеніе настолько ясно, что оно не требуетъ никакихъ разъясненій. Австрія — одно изъ тѣхъ малыхъ государствъ, которыя почти не могутъ существовать безъ союза съ кѣмъ либо. Австрія готова отказаться не только отъ экономическаго суверенитета, но и отъ политической независимости. Австрія хочетъ войти въ составъ Германіи. Но желаніе сохранить слабую Германію диктуетъ Франціи насильственное раздѣленіе Австріи и Германіи. Какъ будто присоединеніе 6 милл. австрійцевъ, требующихъ къ тому же въ ближайшіе годы поддержки со стороны Германіи, т. е. обременяющихъ ее экономически, можетъ дать Германіи съ ея 60 милліонами достаточную силу, чтобъ угрожать Франціи! Нѣтъ, если Германія можетъ вновь сдѣлаться опасной для своего западнаго сосѣда, то это произойдетъ и безъ Австріи, и требованіе сліянія съ Австріей можетъ лишь подлить тогда масла въ національное пламя.

Соединеніе Австріи съ Германіей должно сдѣлаться такимъ образомъ вторымъ пунктомъ внѣшней политики.

Что же касается Польши, то здѣсь положеніе сложнѣе. Мы видѣли выше, что нынѣшняя Польша представляетъ собой неустойчивое политическое зданіе. Нынѣшняя Польша, т.-е. та, которая создана Франціей, не можетъ не быть агрессивной, милитаристической и не можетъ не подавлять національныя меньшинства. Но осуществленіе такой политики не можетъ не вызвать реакціи съ востока и запада, а военный конфликтъ грозитъ погубить не только польскую великодержавность, но и независимость польской націи.

Чтобъ избѣжать войны и всѣхъ связанныхъ съ ней реакціонныхъ послѣдствій для Германіи, Польши и Россіи, надо поставить Польшу на свое мѣсто. Польша должна быть превращена, подобно всѣмъ остальнымъ, въ національное государство. Ея населеніе составитъ тогда 15—17 милліоновъ и она даже тогда останется довольно крупной величиной. Ея территорія, населенная въ большинствѣ не-польскими элементами, должна отойти къ ея тремъ сосѣдямъ — къ Россіи,

Литвѣ и Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ она перестанетъ служить вѣчной угрозой миру въ центральной Европѣ[1]).

Какими путями достичь этой цѣли? Это самый важный и самый трудный вопросъ. Разумѣется, самымъ безболѣзненнымъ ходомъ развитія было бы добровольное превращеніе Польши въ національное государство. Но нѣтъ основаній на это разсчитывать. Я не знаю, былъ ли случай въ исторіи, когда какое-либо государство продѣлало бы надъ самимъ собой такую хирургическую операцію, — операцію облегчающую, необходимую, но отнюдь не льстящую духу самовлюбленнаго націонализма.

Другой путь, тоже безболѣзненный, состоялъ-бы въ томъ, чтобъ соединенное давленіе рабочихъ, демократическихъ и пацифистскихъ элементовъ всего міра оказалось въ силахъ принудить Польшу вступить на указанный путь. Это была-бы уже операція не совсѣмъ добровольная, но все-же довольно безболѣзненная. Однако, и на это разсчитывать нельзя. Соединенная сила всѣхъ этихъ теченій все еще мала. Вѣдь нѣтъ еще ясности даже въ тѣхъ основныхъ цѣляхъ внѣшней политики, за которыя должно совмѣстно бороться!

Если указанные методы недостаточны и нереальны, то остается лишь третій путь — путь дипломатическаго воздѣйствія и давленія. Это означаетъ: сближеніе и сотрудничество Германіи и Россіи.

Такое сближеніе диктуется объективнымъ положеніемъ вещей. Германія и Россія являются побѣжденными въ войнѣ. Обѣ превращены въ объекты международной политики. По отношенію къ обѣимъ Польша является комиссаромъ союзнаго совѣта. Поэтому зародыши сближенія имѣются и сейчасъ уже. Но одни только зародыши.

Со стороны Германіи отношеніе къ Россіи боязливое. Здѣсь вліяніемъ пользуются еще идеи генерала Гофмана; здѣсь живы еще участники бермонтовскаго похода; здѣсь

[1]). Поэтому совершенно правильной была политика обѣихъ соціалистическихъ партій Германіи въ вопросѣ о Верхней Силезіи, когда онѣ ставили себѣ цѣлью не дать нынѣшней Польшѣ усилиться.

боятся мести союзниковъ; наконецъ, здѣсь опасаются — и это единственный серьезный пунктъ — опасаются союза съ болѣе сильной военной машиной, способной обрушиться и на самое Германію. Со стороны большевистской Россіи тоже сомнѣнія: Германія — буржуазное государство; она не лучше другихъ буржуазныхъ странъ, почему сближеніе съ нею, а не съ кѣмъ-либо инымъ? Съ другой стороны, Германія въ данный моментъ не можетъ многаго дать Россіи, ибо сила не на ея сторонѣ!

Но если откинуть отмирающее уже большевистское доктринерство о черной массѣ капиталистическихъ странъ и связанную съ этимъ близорукость во внѣшней политикѣ; если отвергнуть надежды монархической Германіи на новый Брестъ-Литовскъ; если поставить себѣ конкретныя, пусть нѣсколько отдаленныя, но все-таки ясныя цѣли, — для обѣихъ странъ политическое сотрудничество дѣлается необходимымъ. Сейчасъ ужъ имѣется нѣкоторое экономическое сближеніе. Но этого, разумѣется, недостаточно: экономическія отношенія диктуются состояніемъ рынковъ, цѣнами и т. д. Россія не сможетъ предоставить Германіи большихъ правъ въ сферѣ ввоза, торговли и др., чѣмъ ея конкуррентамъ. Товарообмѣнъ не рѣшаетъ политическихъ вопросовъ. Вѣдь и въ 1914 году Германія была главнымъ поставщикомъ на русскій рынокъ. Это не помѣшало тому, чтобъ въ августѣ того-же года русская и германская арміи разстрѣливали другъ друга. Бо́льшее значеніе имѣетъ начинающееся въ 1922 г. вложеніе германскихъ капиталовъ въ Россію. Но и тутъ нынѣшней Германіи едва-ли удастся обезпечить себѣ преобладающее мѣсто по сравненію съ Франціей и Англіей.

Политическое сотрудничество обѣихъ странъ должно состоять въ томъ, чтобъ отвергая военные методы разрѣшенія конфликтовъ съ Франціей и По́льшей, защищать общія цѣли соединенными усиліями. Ясное сознаніе того, что военные методы убійственны для демократическаго режима и что несутъ они съ собой политическую реакцію, должно предохранить отъ чисто-военнаго союза, какимъ былъ, напримѣръ, союзъ Германіи съ

Австріей. Но по мѣрѣ того, какъ Россія будетъ оправляться отъ хозяйственнаго паралича, и по мѣрѣ того, какъ Германія будетъ оживать послѣ катастрофы 1918 года, найдется много случаевъ для паралельнаго дипломатическаго дѣйствія, для выставленія общихъ требованій и защиты общихъ цѣлей.

И рѣшеніе вопроса о Польшѣ возможно въ такомъ случаѣ общими усиліями всей Европы, которая, подъ впечатлѣніемъ растущей силы Россіи и Германіи, вынуждена будетъ согласиться вступить на путь «мягкаго давленія» по отношенію къ Польшѣ. Лучшее рѣшеніе польскаго вопроса достигается не изолированнымъ дѣйствіемъ Россіи и Германіи, а такимъ воздѣйствіемъ, въ которомъ участниками являются и Англія, Франція и Италія.

Предпосылкой этого является полное и безоговорочное «признаніе» Россіи — той Россіи, какая сейчасъ имѣется, т.-е. Совѣтской Россіи. Это признаніе обуславливаютъ иностраннымъ контролемъ, «гарантіями», т.-е. экономической интервенціей. Но эта политика является продолженіемъ военныхъ методовъ внѣшней политики; и она можетъ привести лишь къ тому, что по мѣрѣ оздоровленія русскаго хозяйства, внѣшняя политика Россіи должна будетъ поставить себѣ цѣлью борьбу всѣми средствами противъ вмѣшательства, превращающаго Россію въ колонію. Только безусловное признаніе Россіи и ея равноправія является разумной программой внѣшней политики.

При этомъ условіи осуществимъ и слѣдующій пунктъ внѣшне-политической программы: сближеніе и примиреніе Германіи съ Франціей. Но сближаться съ Франціей необходимо не потому, чтобъ надо было исключать изъ сферы нормальныхъ мирныхъ отношеній кого-либо другого. Дѣло обстоитъ наоборотъ. Взаимоотношенія Германіи съ Италіей, Англіей и даже Бельгіей уже находятся въ удовлетворительномъ состояніи, если принять во вниманіе, что всего три года назадъ они вели кровавую войну. Скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, исчезла бѣшеная ненависть по отно-

шенію къ Англіи, и, несмотря на потерю колоній — готовность къ мирному сожительству налицо. Съ Франціей дѣло обстоитъ иначе. Главная военная сила союзниковъ, Франція, по своему положенію, больше всего боится германскаго наступленія и больше кого-либо пострадала бы, если бы такое наступленіе имѣло мѣсто. Но побѣдоносная Франція ищетъ спасенія въ полномъ подавленіи своего противника военными мѣрами, и она содержитъ сейчасъ для этого самую сильную въ мірѣ армію. Франція идетъ дальше всѣхъ въ дѣлѣ вмѣшательства въ германскія дѣла, урѣзыванія ея территоріи и выжиманія платежей. Подобно тому, какъ до войны Германія была столпомъ милитаризма и оплотомъ реакціи, такъ сейчасъ Франція играетъ эту же роль, несмотря на республиканскій образъ правленія. И если побѣдители всегда бываютъ близоруки, то вина за ошибки и преступленія курса союзниковъ лежитъ на три четверти на Франціи. Поэтому примиреніе съ Франціей включаетъ и примиреніе со всѣми союзниками.

Для этого необходимо, во-первыхъ, освобожденіе германской территоріи отъ иностранной оккупаціи и во-вторыхъ, освобожденіе Германіи отъ многомилліарднаго бремени, которое даже ближайшимъ союзникамъ Франціи начинаетъ казаться невыносимымъ. Изъ суммы въ 132 милліарда, возложенныхъ на германскія плечи, надо было бы исключить все, что не идетъ непосредственно на возстановленіе разрушенныхъ войной областей. Остатокъ, который покажется довольно скромнымъ по сравненію съ требованіями лондонскаго ультиматума, можетъ постепенно и безъ большого напряженія вноситься воевавшими странами, которымъ это обошлось бы гораздо дешевле, чѣмъ сносить многомилліардные убытки отъ экономическаго кризиса, благодаря неустойчивости валюты и германской конкурренціи.

Для умерщвленія воинствующаго націонализма и предотвращенія новыхъ войнъ въ Европѣ, необходимо освобожденіе Германіи отъ оккупаціи и непосильнаго бремени, и рас-

ширенія ея территоріи на востокѣ. Но идея германскаго реванша заслуживаетъ столь же безпощадной борьбы, какъ и боевая политика Пуанкарэ. Для замиренія Европы отнюдь не слѣдуетъ подымать вновь вопроса объ Эльзасъ-Лотарингіи; въ этомъ отношеніи можно вполнѣ сохранить status quo. Еще болѣе нелѣпымъ было бы требованіе возвратить германскія колоніи. Конечно, у Англіи или Японіи нѣтъ никакихъ особыхъ правъ на колоніи, принадлежавшія Германіи; но для экономическаго подъема они отнюдь Германіи не необходимы, и конфликтъ съ союзниками изъ-за колоній можетъ быть провоцированъ только ограниченными поклонниками «морского могущества» и стратегическихъ талантовъ Тирпица. Наконецъ, къ числу самыхъ безсмысленныхъ «реваншистскихъ» требованій принадлежитъ идея возвращенія германской контрибуціи. Спору нѣтъ, очень велика и та часть ея, которая уплачена уже сейчасъ. Однако, обмѣниваться старыми счетами надо предоставить выжившимъ изъ ума торговцамъ и отставленнымъ отъ политики министрамъ.

Но если созданіе нормальныхъ условій въ Европѣ требуетъ довольно радикальной перестройки ея, то это отнюдь не означаетъ, что уже наступилъ моментъ, когда всѣ перечисленныя требованія надо сдѣлать боевыми. Если-бъ поступить такъ въ данный моментъ, то это означало бы только, что германское правительство заняло бы боевую, но безнадежную позицію по отношенію къ Франціи и Польшѣ. Своими собственными силами Германія не вытащитъ себя сейчасъ за волосы изъ болота, въ которое она попала въ 1918 году. У нея нѣтъ сейчасъ силъ сопротивляться натиску съ востока и запада, и поэтому-то воинствующія ноты звучатъ въ устахъ ея монархистовъ, какъ боевой кличъ Донъ-Кихота, наступающаго на вѣтряныя мельницы. Нѣтъ поэтому для Германіи никакой другой политики по отношенію къ союзникамъ, чѣмъ та, которую она ведетъ послѣ майскаго кризиса 1921 года.

Для того, чтобъ выйти вновь на широкую дорогу свободнаго развитія, мало одного желанія Германіи. Необходимъ

рядъ условій, которыя постепенно созрѣваютъ; на этомъ я остановился выше. И лишь по мѣрѣ того, какъ они будутъ созрѣвать, будутъ открываться и новые пути для внѣшней политики, — пути, которые должны вести къ заранѣе поставленной задачѣ превращенія версальской Европы въ совокупность свободныхъ, независимыхъ государствъ и подавленія милитаризма по всѣмъ фронтамъ.

Эта послѣдняя задача требуетъ того, чтобъ къ основнымъ цѣлямъ европейской политики прибавить еще одну, отнюдь не самую маловажную: разоруженіе ея военныхъ силъ. Но разоруженіе отнюдь не того типа, какъ предписано было побѣжденнымъ послѣ окончанія войны. Не разоруженіе однихъ, компенсируемое усиленнымъ вооруженіемъ другихъ: такое разоруженіе, воспламеняя національнализмъ побѣжденныхъ, хуже, чѣмъ состояніе безо всякаго разоруженія. Оно является прологомъ къ новой войнѣ. «Не вина Франціи, — восклицалъ Ноблемэръ въ Совѣтѣ Лиги Націй, — что ей приходится одной служить жандармомъ мира!» Но благородный Ноблемэръ не замѣтилъ, что каждый жандармъ всегда считалъ и считаетъ себя жандармомъ мира. Не замѣтилъ онъ и того, какъ легко жандармъ мира превращается въ жандарма войны. Ужъ лучше совсѣмъ безъ жандармовъ!

Лучшей порукой противъ войны, поскольку это вообще возможно, является всеобщее соглашеніе о разоруженіи, и только о такомъ разоруженіи и идетъ рѣчь. Оно означаетъ во-первыхъ, значительное пониженіе численности постоянныхъ армій, и во-вторыхъ ограниченіе количества аммуниціи извѣстнымъ максимумомъ. О разоруженіи такого рода говорилось постоянно и до войны; разоруженіе такого рода было обѣщано вождями союзниковъ своимъ народамъ во время войны. И о такомъ именно соглашеніи мечтали наивные когда создавали Лигу Націй. Но если побѣда 1918 года, затуманивъ голову побѣдителямъ, воспитала новый милита-

ризмъ, то тѣмъ болѣе основаній для всѣхъ противниковъ войны вернуться къ своему исконному требованію коллективнаго разоруженія.

Оно требуетъ, однако, нѣкоторыхъ предпосылокъ, которыхъ въ данный моментъ нѣтъ налицо. Половина Европы занята государствомъ, правительство котораго еще даже не признано, и для него — самаго слабаго изъ всѣхъ въ настоящее время — разоруженіе арміи означало бы сдачу на милость побѣдителей. Ибо разоруженіе отнюдь не г а р а н т і я противъ войны; въ моментъ международныхъ конфликтовъ военная сила каждаго государства продолжаетъ зависѣть отъ быстроты мобилизаціи, количества аммуниціи и культурнаго уровня армій. Пока аггрессивный духъ Польши живъ, пока ее поддерживаетъ Румынія, пока Франція беретъ только воинственныя ноты по отношенію къ Россіи, — нельзя требовать отъ Россіи п о л н а г о разоруженія. Возможны только компромиссы на этомъ пути.

Прогрессивное развитіе міра требуетъ всеобщей, матеріальной и духовной, демобилизаціи. Разоруженіе а р м і й стоитъ при этомъ на первомъ мѣстѣ. Но предпосылкой его является замиреніе европейскаго востока. И условіемъ его прочности является новая система европейскаго равновѣсія, покоящаяся на возстановленныхъ въ правахъ побѣжденныхъ народахъ, равноправіи побѣжденныхъ и побѣдителей, признанія національной независимости новыхъ государствъ и полной ликвидаціи аггрессивныхъ тенденцій и новаго милитаризма, свившихъ себѣ новыя гнѣзда въ многострадальномъ организмѣ европейскаго континента.

BIBLIOTHEQUE ... TOURGUENEV

Типографія
Berliner Druckerei G. m. b. H.
Berlin C 2, Breite Strasse 8–9.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 10 23 11 023 2